Иоанна Хмелевская

Опасный возраст

PHANTOM PRESS

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Copyright:
© Joanna Chmielewska «Autobiografia», 1993-1995
© Фантом Пресс Интер В.М., оформление, 1996
© Издательство «Фантом Пресс Интер В.М.».
издание на русском языке 1996
© Селиванова В.С., перевод с польского (глава 2 — *продолжение*)
© Колташева И.Н., перевод с польского (глава 3)
© House Publishing House «SC», оцифровка, 2005
e-mail: *hphsc@yandex.ru*
http://www.hphsc.narod.ru

- Опасный возраст
  - Часть вторая
    -
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
  - Часть третья
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *
    - * * *

- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *
- * * *

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39

Опасный возраст
Иоанна Хмелевская

Часть вторая
ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ [1]
(продолжение)

Итак, по окончании учебы в Академии архитектуры я пошла работать. В те годы в вузах существовала система распределений. Меня распределили в Энергопроект, чем я была смертельно напугана, потому что настроилась работать в области жилищного строительства или, на худой конец, социального. С ужасом принялась расспрашивать своих более опытных коллег, что мне с этим фактом делать, с чего начать подготовку, а те, как сговорившись, советовали уже теперь, не откладывая, купить «кошки» и начать тренировку. Умение взбираться на столбы — главное в работе инженера-электрика.

В должности ассистента я приступила к работе в одном из отделов Энергопроекта, а моим начальником был один жуткий тип, фамилию которого я все же не назову, потому как дети его еще живы. Полуграмотный, невежественный, он еще до войны приобрел практику, работая с землемерами. Считалось, что к архитектуре имел отношение, а поскольку происхождение у него пролетарское, без труда поступил в Архитектурную академию и получил диплом инженера. Или сдал экстерном? Не имеет значения, факт, что стал моим начальником. Глупый, необразованный, с непомерным апломбом, он командовал своими сотрудниками, шпыняя их по любому поводу и самодовольно ругая на чем свет стоит нынешнюю молодежь, которая и в подметки ему не годится. В общем, куча дерьма на дорожке, которую лучше обойти, иначе долго будет вонять.

Я бы и рада была обойти, да ведь начальник, куда денешься? Приходилось терпеть, стиснув зубы, хотя я с самого начала вспомнила первую лекцию профессора Гриневецкого и его заповеди.

Из нашего начальника архитектор получился такой же, как валторна из козлиного хвоста. Не то что о тридцати вещах, он и об одной-то был не в состоянии думать. Проекты разрабатывал, жизнь заставляла, но учесть все составляющие элементы было свыше его сил. Каждый элемент он проектировал по отдельности, и в результате в его проектах стены влезали в середину окон, санузлы оказывались разбросанными по разным вертикалям, фасады были перекошены и не согласовывались никоим образом с крышами и стенами. В мои обязанности входило красиво и

грамотно изобразить в чертежах его восхитительные проекты, и я на стенку лезла, тем более что он не разрешал ничего исправлять. Когда я, схватившись за голову, чуть не плача рассматривала очередное задание, начальник удовлетворенно гундосил у меня за спиной:

— Ну и молодежь пошла. Чему их только учат? Ни хрена не умеют. То ли дело я, с моим опытом.

Просыпаясь, я с ужасом думала о том, какой день мне предстоит. Восемь часов в одной комнате с этой холерой и чумой! Так не повезло с первой работой! Мне как-то сразу разонравилась моя профессия. А тут еще началась разработка грандиозных проектов двух электростанций, Люблинской и Конинской. Электростанции мы в академии не проходили, я действительно не имела понятия об особенностях их строительства. Наверняка должны быть какие-то особые фундаменты, ведь там будут установлены машины, наверняка следует руководствоваться специальными нормативами. И откуда мне знать, сколько места надо оставить для прохода между этими машинами? Может, они током ударяют?

Спасли меня две вещи. Вместо проекта мне поручили изготовить макет Люблинской электростанции из стекла и бристоля. Стекло я резала с помощью своего кольца (вспоминаете *«Что сказал покойник»*?), в котором два алмазика немного торчали и очень хорошо подходили для этой цели. А второй вещью были два административных здания при Конинской электростанции, разработку которых поручили мне. Слава Богу, не электростанцию, а нормальные здания для людей.

Через несколько лет, уже переключившись на журналистику, я поехала на Конинскую электростанцию, чтобы написать о ней репортаж. В своих поездках я собирала материал для большой статьи о значении колористических решений на рабочих местах. И вот я стою, смотрю на электростанцию и думаю: «Очень неплохо получилась у нас эта громадина. И общий ансамбль неплохо смотрится. Только вот интересно, какой кретин запроектировал над двумя административными зданиями эти высокие черепичные крыши? На кой черт они здесь, могли бы сделать более подходящие».

И вдруг вспомнила — ведь я сама же их здесь присобачила! Пришлось отказаться от прекрасного материала для статьи, прямо просился в нее этот отрицательный пример. Но другие крыши исключались, в соответствии с существующими тогда нормативами крыши на всех вспомогательных зданиях при электростанциях должны были быть высокими и черепичными.

Начальник меня допек, и я сделала все от меня зависящее,

чтобы перейти в другой отдел. Теперь у меня стал другой начальник, а именно пан Северин. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что в *"Бесконечной шайке"* написала о нем достаточно много, но пан Северин Буковский был такой потрясающей личностью, и я так его люблю, что позволю себе еще кое-что рассказать о нем. Он вполне заслуживает этого. И не думайте, пожалуйста, что я его придумала. Нет, он существовал на самом деле и был именно таким, каким я его описала. Правда, его настоящее имя было Теодор, Северином я его назвала в *"Шайке",* но так привыкла к Северину, что теперь иначе его и не называю. Очень хочется верить в то, что милый пан Северин не будет на меня в претензии.

Его рассеянность превосходила всякое понятие. Наши столы стояли рядом, телефон был на моем, и сколько бы раз пан Северин ни звонил, разговор всегда начинался одинаково. Вот он поднимает трубку, набирает номер и приступает:

— Добрый день! Это говорит… э-э-э… говорит… того, значит… говорит…

— Буковский! — из сострадания подсказываю я.

— А! В самом деле. Говорит Буковский!

Тут я позволю себе небольшое отступление, но уж очень к слову приходится. По этому же телефону как-то говорил другой сотрудник, мой коллега. Позвонил, попал на коммутатор, назвал номер, с которым попросил соединить, и поинтересовался:

— Могу я попросить пани Капусту?

Занятая своими делами, я поначалу не обращала внимания на коллегу, но вскоре до меня дошло, что у него какие-то осложнения.

— Как это не работает? — орал он в ярости. — Ведь номер я назвал правильно! Должна работать и ждет моего звонка! Да, да, сто сорок шесть! Попросите пани Капусту! Капусту!!! Ну что вы мне говорите, она у вас работает. Нет, я не ошибся!

И вдруг, к моему изумлению прервав ругань на полуслове, швырнул трубку и испуганно посмотрел на меня.

— Езус-Мария! — произнес он. — Я перепутал, ее фамилия Зайцева.

Второй раз он позвонить не решился и попросил меня вызвать пани Зайцеву. Она и в самом деле там оказалась и уже ждала телефонного звонка. Коллега очень боялся, что у нее могут возникнуть нехорошие ассоциации.

Но вернемся к пану Северину. В *"Шайке "* о нем написана чистая правда. И угольщикам он заранее заплатил за краденый уголь, который они ему так и не привезли, и рисовал портреты по фотографиям для американских поляков по двести долларов за

штуку. С «Цыганкой» у него нет ничего общего, на самом деле это вовсе была и не цыганка, а араб, к тому же в одном экземпляре, а не в двух. А жена пана Северина и в самом деле вынуждена была сама всегда обо всем помнить, не доверяя рассеянному супругу.

При всей своей рассеянности пан Северин умудрялся совершать весьма прибыльные поездки в Советский Союз. Ну кто бы еще догадался привезти, например, стиральную машину, доверху наполненную столь дефицитным и дорогим тогда у нас перцем-горошком? А территория ВДНХ была для пана Северина просто Эльдорадо. Как-то он привез туда и в мгновение ока распродал двести комплектов дамского белья и уехал, нагруженный электротоварами и оргтехникой.

Однажды он вез к себе в Польшу среди прочих вещей арифмометр и счетчик для такси. Как всегда, честно заполнил таможенную декларацию, перечислил в ней все свои товары, ничего не скрывая, а когда доехал до арифмометра, призадумался. Уж не знаю почему, слово «арифмометр» показалось ему слишком серьезным на фоне его прочих скромных товаров, и он обозвал его «счетами». Так и написал в декларации. Кто скажет, что на этом не считают? Когда дошел до счетчика, вдохновленный прежним успехом, не стал снова ломать голову и второй раз написал «счеты». Ведь счетчик считает километры, значит, можно так его обозвать.

В таможне разыгралась странная сцена. Очень с виду порядочный и симпатичный пан, похожий на представителя богемы, но упорно называющий себя инженером, пытался уверить таможенника, что вот этот предмет называется счетами, хотя за арифмометр не пришлось бы платить пошлину, так как он для инженера является орудием труда. Этот факт таможенник постарался довести до сознания странного инженера. Когда же тот принялся уверять, что счетчик для такси является тоже его орудием труда, таможенник разгневался и попросил уточнить профессию. Пан инженер, так ведь? Конечно, инженер, с ангельским выражением лица подтвердил странный пассажир, но разве теперь на инженерскую зарплату проживешь? Вот и приходится подрабатывать таксистом на своей машине. Так что счетчик — тоже орудие труда. Бесхитростный вид и честные глаза пана инженера исключали всякое подозрение в незаконных махинациях. Таможенник только рукой махнул. Пан Северин беспрепятственно пересек границу со своими счетами.

И тут я не утерплю опять немного отступить от плавного повествования. Пусть пан Северин еще немного подождет, а я расскажу о том, что мне вспомнилось в связи с таможней. Рассказал мне об этом один пожилой таможенник.

Было ему уже за пятьдесят, за плечами два десятка лет работы в таможне, огромный опыт и интуиция. Все знают, что в таможню поступает информация из разных источников, таможенный контроль принимает ее во внимание, но главное в работе таможенников — так называемый нюх. У этого таможенника нюх был развит поразительно. И вот этот таможенник как-то наткнулся на одну пассажирку.

Пассажирка выглядела чрезвычайно благопристойно: милая, культурная женщина, очень спокойная и вежливая, но пресловутый нюх подсказывал таможеннику, что надо быть начеку, дело тут нечисто. Она наверняка везет контрабанду. И он принялся просматривать ее вещи. Все чемоданы просмотрел самым внимательнейшим образом — ничего подозрительного, все в норме, все указано в декларации. Тогда он попросил показать сумочку. Пощупал, вытряхнул все содержимое — ничего! Посмотрел на пассажирку и колебался не больше секунды: нюх кричал страшным голосом.

— Пройдите, пожалуйста, на личный досмотр, — попросил таможенник.

— Что ж, извольте, — ответила спокойно женщина, но было видно, что подозрение для нее оскорбительно. — Раз вы требуете, я вынуждена подчиниться, хотя и считаю это необоснованными придирками, так что буду вынуждена жаловаться.

— Ваше право, жалуйтесь сколько угодно, но на личный досмотр пройдите вон в ту комнату.

Личный досмотр не дал ничего, пани оказалась чиста как слеза ребенка. И тут мой таможенник растерялся. Что же это происходит? Интуиция подсказывает — тут дело нечисто, а досмотр не дал никаких результатов. Ох, видно, он стареет, с нюхом что-то не в порядке, придется менять профессию на старости лет…

Чрезвычайно огорченный, нет, просто убитый случившимся, таможенник вежливо извинился перед пассажиркой и предложил ей помощь в упаковке чемоданов. Гора вещей на прилавке высилась немым укором. И тут эта спокойная и выдержанная женщина совершила свою единственную ошибку. Проигнорировав ткани, свитера, обувь, первым она схватила купленный в «Деликатесах» рулет с маком, чтобы положить его на дно чемодана.

— Позвольте, — произнес таможенник, вынул у пассажирки из рук сладкий деликатес и переломил его пополам. В середине рулета оказались спрятаны пять тысяч долларов.

Таможенник признался мне в горячем желании отпустить пассажирку с ее недозволенными вложениями на все четыре

стороны и сделал бы это, да на беду слишком много вокруг толпилось свидетелей, в том числе и коллег-таможенников. А отпустить контрабандистку он хотел от радости, что она оказалась контрабандисткой, что нюх его не подвел, что рано ему менять профессию. Постарался оформить контрабанду с наименьшими для пострадавшей убытками и отпустил с миром.

О пане Северине и его перипетиях на таможне можно рассказывать бесконечно, ограничусь одним случаем. Во время очередной поездки в СССР на обратном пути то ли родня в Бресте, то ли знакомые подбросили ему уже на вокзале сувениры для их польских друзей. Сувениры заняли несколько огромных чемоданов, которые с трудом поместились в купе. Пан Северин не протестовал, он всегда брал все, чем бы его ни нагружали, и только пытался запомнить количество мест. Естественно, на границе таможенники сразу обратили внимание на мощные чемоданы.

— Это чьи вещи? — сурово поинтересовался таможенник.

— Мои! — поспешил заверить пан Северин.

— Что же вы везете? Вот в этом чемодане что?

И таможенник ткнул в бокастый неподъемный чемодан.

Пан Северин не имел понятия о том, что может быть в этих чужих чемоданах, при отъезде в спешке ему не сказали ничего на сей счет. И он назвал первое, что пришло в голову:

— Продукты.

— Посмотрим, — недоверчиво отозвался таможенник.

Позвал коллегу, вдвоем они сняли с полки чемодан и открыли. Он оказался битком набит аккуратно уложенными мужскими сорочками из русской ткани «панора», чрезвычайно модной у нас в те годы. Молодой таможенник только головой покачал.

— Ничего себе продукты.

И, опять обратясь к верхней полке с толстыми чемоданами, ткнул пальцем в следующий:

— А что в этом?

Удрученный пан Северин решил быть хотя бы последовательным и опять ответил:

— Продукты.

Опять сняли с верхней полки жуткую тяжесть. Откинули крышку чемодана, и глазам присутствующих предстали уложенные аккуратными рядами, переложенные мягкой бумагой литровые бутылки то ли «Столичной», то ли другой такой же замечательной водки.

— О, в самом деле продукты! — обрадовался пан Северин.

Немедля он достал одну из бутылок, и все трое тут же ее

осушили, уединившись в туалете. Остальной багаж пана Северина уже не вызвал интереса у таможенников, а пан Северин так никогда и не узнал, что же он такое привез.

Однажды пан Северин приобрел мотоцикл ИЖ-750 с коляской. Кто-то помог ему доставить мотоцикл на вокзал в Бресте, и метров за двести до цели кончился бензин. Поезд отправлялся через две минуты. Тут рядом остановились двое русских, тоже на мотоцикле. У сидящего сзади была канистра в руках.

— Это бензин? — крикнул пан Северин, подбегая к нему.

— Нет, это нефть, — ответил озадаченный русский, но его ответ запоздал. Выхватив канистру из рук мотоциклиста, пан Северин спешно отлил немного ее содержимого в бак своего мотоцикла.

Каким образом мотоцикл доехал до вокзала и как удалось его погрузить в поезд, вопреки правилам, с пятью литрами горючего в баке, понятия не имею. Возможно, виной всему спешка. Волнение пассажиров часто передается обслуживающему поезд персоналу, а в случаях с паном Северином это было обычным явлением. Во всяком случае мотоцикл отбыл из Бреста, прибыл в Варшаву, и наступил момент, когда следовало его получить в багажном отделении Главного вокзала.

Хорошо зная своего мужа, жена пана Северина заявила, что на мотоцикле он поедет только через ее труп. Пусть ведет мотоцикл кто-нибудь другой. Нашелся умелец, бывший мастер мотоциклетного спорта. На вокзал пан Северин отправился вместе с ним.

Покончив с формальностями, пан Северин вывел из багажного отделения мотоцикл за руль, и мотогонщик пнул стартер. Двигатель оглушительно выстрелил и замолчал, из выхлопной трубы вылетела туча черного дыма. Гонщик пнул вторично, мотор заработал, только как-то странно. Немедля оба сели и выехали на Товарную улицу под аккомпанемент оглушительных выстрелов. На Товарной улице мотоцикл дал завершающий залп и отключился. Ничего не понимающий мотоциклист с трудом вновь завел двигатель, домчался до площади Завиши, залихватски вскочил на тротуар, с трудом направил свою непослушную машину на мостовую, промчался по ее середине, потом мотоцикл упрямо ворвался опять на тротуар, оглушительно стреляя и распугивая прохожих. Над улицей и тротуаром повисли клубы черного дыма, а проклятый мотор опять заглох. На почтительном расстоянии столпились привлеченные канонадой прохожие, а мотогонщик, вытирая пот с лица, признался пану Северину, что последний раз сидел на

мотоцикле еще до войны, а с мотоциклами с коляской вообще не имел дела никогда. И закончил проклятиями в адрес хваленого русского бензина.

В создавшейся ситуации пану Северину некогда было отстаивать честь русского бензина и выводить гонщика из заблуждения. Не время и не место.

— Ничего! — мужественно заявил он. — Только бы добраться до бензоколонки.

По-прежнему в облаках черного дыма и под непрерывным обстрелом добрались они совершенно невероятным слаломом до Иерусалимских Аллей, и тут мотор злорадно заглох как раз на трамвайных путях. Разогнавшийся трамвай, оглушительно трезвоня, был уже близко. Проявив удивительное самообладание, пан Северин соскочил с сиденья и оттащил с рельсов мотоцикл вместе с уцепившимся за руль гонщиком. Наблюдавший все это милиционер сначала остолбенел, потом подскочил с претензиями. Ему в красках описали случившееся, нещадно понося Советский Союз с его бензином и русских вообще. Кое-как добрались наконец до бензоколонки и, не слив оставшуюся в баке нефть, влили туда десять литров бензина.

— Пустяки! — беззаботно заметил пан Северин. — Само по себе смешается.

Гонщик не имел сил возражать. Все еще стреляя и испуская черный дым, добрались они до гаража мотогонщика, где пан Северин оставил свое приобретение, а потом забыл, где располагался гараж, и долго не мог его отыскать.

* * *

Это были очень трудные годы в моей жизни. Восемь часов ежедневно я проводила на работе, потом ехала к матери за сыном, делала покупки в магазинах, пыталась вести домашнее хозяйство и постоянно брала на дом дополнительную работу, потому что денег катастрофически не хватало. Для самой себя у меня уже не оставалось ни времени, ни сил.

Очень выгодная халтура со статистическими расчетами, о которой я уже упоминала, скоро закончилась, электрификация Польши шла к концу. А тут еще при последнем расчете со мной меня надули самым мерзким образом. Я подписала договор не глядя (привычка, оставшаяся у меня до сих пор), получила толстую пачку бумаг для обработки — этакое Эльдорадо! — сделала все в срок и уже предвкушала крупный заработок. Дудки! Заплатили мне только четверть следуемой суммы, объясняя, что это была только четверть упомянутого в договоре объема, дескать, там не было проставлено количество страниц. Меня чуть кондрашка не хватил, это был наглый обман, за выполненную мною работу полагалось именно столько денег, сколько я ожидала, но что поделаешь?

Проработав два года, я решила родить второго ребенка. Положение одного ребенка в семье я на собственном горьком опыте считала величайшим несчастьем, а мне очень не хотелось, чтобы мой сын был несчастным. Женщина всегда сумеет настоять на своем, и во время летнего отпуска в Ромбке я уже, слава Богу, была беременной.

Ромбка — это деревня в трех с половиной километрах к западу от Лебы, расположенная между морем и озером. Тогда в этой деревушке было всего три избы, и вела к ней абсолютно непроезжая дорога, вся в ухабах и выбоинах, но меня это тогда не волновало, поскольку машины у нас еще не было. Как мы туда добрались — не помню. Озеро было у нас под носом, к морю же надо было идти с полчаса через восхитительный лес, кишащий кровопийцами-комарами. Как только из лесу человек выходил к морскому берегу, комары тут же кончались, так что требовалось выдержать лишь полчаса.

Отдыхали мы двумя семействами, было нас шесть человек: мы втроем и Янка с мужем и ребенком. В свое время она вышла за Доната, в свое время родила Кшиштофа, которому тогда было два с половиной годика. Моему сыну было уже пять с половиной. В одном из рыбачьих домиков мы сняли по комнатке наверху, и обошлись они нам задешево, ибо в те годы Ромбку мало кто знал.

С питанием были трудности. Кроме рыбы, на месте ничего нельзя было достать, приходилось совершать пешие рейсы в Лебу, в магазин. Хозяйка жарила нам рыбу, пойманную в озере, и мы головы ломали над тем, что же такое едим. Огромные ломти изумительно вкусного мяса и ни одной косточки! Оказалось, это судак.

Видимо вдохновленный вкусными судаками, муж тоже решил попробовать счастья в рыбной ловле. Я не возражала, пусть попытается, поймает, не поймает — неважно, а поплавать по озеру в прекрасный летний вечер одно удовольствие. Муж накопал червей, мы сели в лодку и отправились на рыбную ловлю. Выбрав в тростниках подходящее, на его взгляд, «окно», муж насадил червя на крючок и забросил его в воду. Снисходительно и благодушно смотрела я на начинающего рыболова, поневоле сравнивая его с отцом, и даже не дрогнула, когда поплавок нырнул. Муж подсек, и я увидела на крючке весьма солидную рыбу.

Не веря своим глазам, пялилась я на нее, а весь сияющий муж уже насаживал второго червя. И вытащил вторую рыбу! После шестой я высказала предположение, что он специально напустил в это место рыбу, чтобы похвастаться передо мной.

Муж был в восторге как от своего рыбацкого успеха, так и от моего неподдельного восхищения. Того, что он наловил, нам хватило на два дня, а рыба клевала к перемене погоды.

Перемена погоды нас доконала. Несколько дней бушевал сильный ветер и лил дождь, ловить рыбу в таких условиях было невозможно, нам грозила голодная смерть, и нашим мужьям ничего не оставалось, как отправляться за продуктами в Лебу. Правда, отправились они не пешком, а на лодке, байдарке, одолжив ее у рыбаков. К счастью, и Станислав, и Донат плавать умели, а плыть обещали вдоль берега, на середину озера не выбираться.

Они вернулись уже вечером, промокшие до нитки и донельзя измученные, но довольные. Еще бы, мужественно преодолели все трудности, избежали множества опасностей и привезли семьям еду: размокший хлеб, превратившийся в кашу шоколад, разбитые яйца и что-то еще. Все было с удовольствием съедено, невзирая на нетоварный вид.

А еще мы питались ягодами. Их много было в лесу, мы с Янкой обе любили их собирать, и не говорите мне, что это трудно. Сколько раз в жизни приходилось мне питаться дарами леса! Я вообще очень люблю собирать разные дары природы: грибы, ягоды, янтарь, красивые ракушки и камешки, цветы и сухие ветки для цветочных композиций. Ягоды мы ели с молоком

и сахаром, так питательнее. Выходит, у кого-то в Ромбке все-таки была корова, поскольку трудностей с молоком мы не испытывали.

Ну и там же, в Ромбке, начались у нас с мужем ссоры. Порядок в комнатах мы с Янкой наводили по очереди, и вот муж принялся ворчать, что Янка не выметает сор из-под кроватей. Не знаю, может, и не выметала, а кто его заставлял под кровати заглядывать? Янка с Донатом были в отпуску, хотели расслабиться, позволить себе отдохнуть от домашних трудов, но этого муж мой понять никак не мог. Я уже писала о том, какой образцовый порядок поддерживала в семье его мать, и детей своих приучила к нему. Неважно, город или деревня, неважно, отпуск или работа, в доме должна царить идеальная чистота. В этом отношении я ей в подметки не годилась, а муж просто уже не мог по-другому относиться к вопросам чистоты и порядка.

Потом он привязался ко мне, чего это они (Янка с Донатом) не налили воды в грязные кастрюли, чтобы остатки еды не засохли. Я пыталась объяснить мужу — не его дело, сами не налили, сами же будут потом мучиться, отскребывая. «Да это же ни в какие ворота не лезет!» — орал возмущенно муж, а мне опять приходилось служить буфером, смягчая напряжение.

Когда же он наконец докатился до того, что устроил мне скандал из-за кресла — дескать, я эгоистично всегда занимаю лучшее, я не выдержала и в свою очередь наорала на него. Вернее, не так. Разразилась слезами и, всхлипывая, допытывалась ответа на вопрос:

— Кто из вас тут беременный, вы или я?

Не знаю, с чего это я прибегла ко множественному числу, ни Янка, ни Донат на кресло не претендовали и скандалов мне по его поводу не закатывали. Муж вроде бы опомнился и, пересилив присущую ему скрытность, выявил мне причину своих придирок. И что же оказалось? Поскольку Донат относился к Янке с преувеличенной, по мнению моего мужа, нежностью и предупредительностью, Станислав решил поступить прямо противоположно. Его что-то подталкивало, он просто не мог себя пересилить.

Такая откровенность обезоружила меня и рассмешила, и я простила ему все глупые придирки.

Ромбка же запомнилась нам очень хорошо, и позже она спасла если не нашу жизнь, то во всяком случае психическое здоровье.

* * *

Вторые роды я провернула безжалостно, и родным пришлось помучиться. Декретный отпуск взяла в положенное время, чтобы иметь возможность подрабатывать халтурой, в своем положении и с тем и с другим я бы не справилась. И, зная необходимость прогулок, изо дня в день ходила напрямки из Мокотова на Охоту через садовые участки. Стоял ноябрь, но погода была прекрасная, и я целенаправленно гуляла каждый вечер. Пришел наконец день, возбудивший во мне надежду. Почувствовала боли, правда, опять не очень сильные.

Место мне было заказано в роддоме на Каспшака, был там и свой врач; разумеется, уже не чудесная пани Войно, которая давно удалилась на заслуженный отдых. Когда меня привезли в роддом, у моего врача как раз оказался выходной. Так случилось, что в роддоме было всего две пациентки, я и еще одна женщина. Роды должны были вот-вот начаться, меня положили на стол, и я в перерывах между схватками читала Эмилию Бронте. Все чаще приходилось прерывать чтение, чтобы произнести несколько непечатных слов, но я держалась.

Пришла дежурная врачиха, до сих пор спокойно дремавшая внизу, растрепанная и заспанная, пощупала меня, пренебрежительно махнула рукой: «Э, еще слабые» — и отправилась в туалет.

И тут роды начались, ведь дело было мне знакомое, я сразу поняла.

— Эй, проше пани! — крикнула я санитарке. — Быстренько приведите сюда ту пани из сортира! Скорей, скорей, ждать не могу!

Перепуганная санитарка со всех ног кинулась за докторшей, та осмотрела меня и в изумлении воскликнула:

— Надо же, ведь пани рожает!

Версаль разводить было некогда, и я невежливо отозвалась:

— А вы думали, я приехала сюда картошку копать? А ну-ка за дело! Быстро, быстро!

Врач с сестрой еле успели подготовить все нужное, как я уже родила своего второго сына. Узнала, что сына, и очень встревожилась. Я как-то настроилась на девочку. Моя мать и мой муж требовали девочку, девочка, и никаких гвоздей, только одна бабушка ходила за мной неотступно и шипела, не раскрывая рта: «Мальчика, мальчика!» Мне было все равно, но большинство желало девочку, даже сын требовал сестричку. Я настолько была уверена, что родится девочка, что даже позволила себе пообещать

свекру, что, если будет сын, назову его Лотаром. У ребенка будет два имени: Станислав Лотар. Станислав — имя фамильное, а Лотара я приплела просто из хулиганства, зная, как он нравится свекру. И теперь неизвестно, что с этим Лотаром делать.

И сразу после этого меня доконал Мрожек. Лежала я в палате на пять человек, соседки мои подобрались все как одна девушки образованные, начитанные. Я отдыхала после перенесенных мук и читала книги. Кто-то принес в палату рассказы Мрожека, и вот они-то чуть меня не погубили.

Чего я потом только не делала, чтобы вспомнить, что же такое из сочинений Мрожека тогда прочла! Ясное дело, названия произведения я не запомнила. «Свадьба в Атомицах»? Нет. Не пьесы, так что же я тогда читала? До сих пор не нашла, но сейчас мне придется пересказать содержание, иначе непонятно, в чем же соль.

Это был рассказ о причетнике, который ходил в шапокляке и у которого было двенадцать штук детей. Если кто найдет этот рассказ, прочтите и представьте, что делается с женщиной, только что родившей и которой только что наложили швы. Врагу своему не пожелаю! Читала я, завывая и плача от смеха, и до сих пор не понимаю, как швы не разошлись. Потом подумала — чего это я одна мучаюсь? И вслух прочла своим соседкам по палате. Христом-Богом просили они меня сжалиться и перестать, но я была неумолима. Неудивительно, что в нашу палату сбежался весь встревоженный наличный персонал.

А вскоре и произошли те самые драматические события, на которые я намекала. На шестой день с утра ко мне подошла пани педиатр и сообщила, что в роддоме свирепствует эпидемия инфекционной потницы. Мой сын еще не заразился, но это может произойти каждую минуту.

— Забирайте ребенка и бегите отсюда! — посоветовала пани педиатр.

А вслед за ней пришла осмотреть меня пани гинеколог, смерила мне температуру и твердо заявила:

— О, повышенная. Придется вам еще несколько дней у нас полежать.

Мне многого не требовалось, и, когда часа через два пришел мой врач, я была в таком вздрюченном состоянии, что он сказал:

— Лучше выписаться, чем лежать тут и себя доводить до умопомрачения.

У меня хватило ума оставить старшего сына у матери, чтобы избавить ребенка от стрессов. Заниматься обоими детьми я была не в состоянии. Впрочем, я была не в состоянии вообще ничем заняться. Не давал новорожденный.

Днем он спал, как и положено всякому нормальному новорожденному. После вечернего купания в девять часов снова засыпал, а в десять просыпался и до утра кричал. Я чуть не спятила. Сердце у меня разрывалось, ребенок плакал добросовестно, слезы лились у младенца ручьем, а я не могла понять, в чем дело. Накормленный, напоенный, сухой, постелька удобная. Так чего же он надрывается?!

Следует признать, медицина опять скомпрометировала себя. С кем только я не советовалась! И в поликлинике была, и частного врача приглашала — все без толку. *Я* до того дошла, что ночами ходила по комнате, качая на руках младенца, ибо тогда он вроде немного успокаивался. Это я-то, убежденная противница качания и сосок! У меня поясница разламывалась, днем я ничем не могла заняться, множество бессонных ночей давали себя знать. Что я пережила, трудно описать.

Теперь-то я знаю, в чем дело, а врачи должны были сразу догадаться. Сильнейшее нервное расстройство, овладевшее мною в считанные минуты в роддоме, передавалось ребенку, которого я кормила. Следовало или лечить мое расстройство, или запретить мне кормить ребенка грудью, а такое почему-то ни одному врачу не пришло в голову.

Три недели мучений привели к тому, что я стала терять молоко. Одновременно с этим к нам приехала Тереса. Увидев, что происходит, она сжалилась надо мной и сказала:

— Так и быть, останусь у вас на ночь, займусь ребенком. Даже если он и будет плакать, по крайней мере тебе не придется вставать. Не беспокойся, я сделаю все, что надо. — И утром с удивлением поинтересовалась: — Послушай, чего ты от ребенка хочешь? Спал себе до четырех утра, я напоила его, он немного покапризничал и опять заснул. Ведь это же новорожденный младенец, нельзя требовать от него слишком многого!

Я и сама удивлялась, что ночь прошла так спокойно. На следующую ночь дитя опять принялось за свои штучки, а дня через три Тереса снова приехала к нам и решила опять остаться у нас на ночь, коль скоро ее присутствие оказывает на ребенка столь благотворное воздействие.

После вечернего купания сын заснул и спал крепким сном до шести утра. Тереса пришла к выводу, что это просто золотой ребенок, не иначе как я спятила и сама нарочно его бужу.

К этому времени я совсем перестала кормить ребенка грудью, и все проблемы исчезли. Дитя не нуждалось в том, чтобы его носили на руках, качали, баюкали, ему было на это начхать, оно спало всю ночь и не доставляло нам никаких неприятностей.

Проблема же с именем решилась следующим образом. Узнав,

что родился мальчик, свекор не помнил себя от радости и каждому встречному-поперечному сообщал, что у него родился внук Лотар. Родные и знакомые, посещая меня в роддоме, сообщали мне об этом, и у меня в глазах темнело от ярости. Регистрацией ребенка занялся мой муж, и я ему твердо заявила: у нас родился Роберт, за Лотара я его задушу собственными руками. Вторым именем пусть будет фамильный Станислав. Я хотела, чтобы первым именем было Роберт, а муж записал в метрике имена новорожденного в другом порядке, и получилось Станислав Роберт. И в результате в семье мальчика звали Робертом, а для наружного пользования оставался Станислав. Но я так не люблю это имя, что всю жизнь просто игнорировала его. А теперь этот негодник стал называть себя Стэнли, потому что у него канадское гражданство.

После всех этих переживаний я заполучила серьезное нервное расстройство. И сама я от него очень страдала, и близким доставалось. А проявлялось оно в том, что начиная с трех часов дня — почему именно в это время, кто знает — у меня начинали трястись руки, из глаз слезы лились градом без всякого рационального повода, и свет белый становился не мил. Муж этого не выдержал.

Как я это неоднократно подчеркивала, муж был человеком порядочным, и вот он мне говорит:

— Послушай, это становится невыносимым. Тебе просто необходимо уехать куда-нибудь, чтобы отдохнуть от дома и ребенка. Я возьму отпуск и займусь детьми, а ты поезжай в какой-нибудь дом отдыха или еще куда.

Мысль разумная, со мной действительно надо было что-то делать. Путевку достала Люцина. Она работала в ЦК Профсоюзов, не на Бог весть какой должности, но весьма приближенной к верхам. Путевку она раздобыла горящую, в Мельно. В день получения путевки уже начинался заезд.

В поезде я немного опомнилась. Куда я еду, зачем? В дом отдыха, где будет полно людей?! Стадность я не выносила с детства, завтраки, обеды, ужины в определенные часы, на завтрак — молочный супчик, от которого с души воротит, а на обед надо спешить к двум, то есть в самое хорошее для загорания время. В конце концов, мы не в тропиках живем, на пляже в час-два самое желанное солнце, а тут изволь мчаться на идиотский обед. Но самое ужасное — жить в одной комнате с чужим человеком. Езус-Мария!

При одной мысли об этом волосы у меня встали дыбом. Нет, такие вещи не для меня. Я смертельно устала, мне нужны тишина и покой, мне необходимо избегать волнений и раздражителей, а

тут они будут на каждом шагу. А мне еще придется проявлять выдержку, быть терпимой и вежливой. Где брать силы?

В Мельно я приехала к вечеру. Город знала, с ним были связаны самые приятные воспоминания юности. Дежурная в приемном отделении отметила мою путевку и велела подождать директора. Сейчас он придет и проводит меня в отведенную мне комнату.

Директор и в самом деле появился через две минуты. Увидев его, первой мыслью было: «Боже! Какой красавец!» А второй: «Представляю, как все эти бабы рвут его на части!» И наконец, третьей: «Какое счастье, что я такая усталая и ни на что не пригодная! Не придется с ними соперничать».

Третья мысль весьма успокоительно подействовала на мою подорванную психику. Потрясающе красивый директор дома отдыха был Збышек Пухальский, все равно скрыть этот факт не удастся. Тот самый знаменитый Збигнев Пухальский, впоследствии капитан дальнего плавания. А тогда он взял мой чемоданчик, проводил к одному из домиков и распахнул передо мной двери комнаты на одного человека!

Я не верила своим глазам: это или какая-то ошибка, или мне просто чудится такое счастье. По правде сказать, счастье то еще: комнатушка задрипанная, мебель колченогая, из окна прекрасный вид на деревянный туалет типа сортир. Тут же выяснилось, что с глазами у меня все в порядке и никакая это не ошибка, просто я приехала последней из моего заезда, а поскольку было неизвестно, какого пола будет этот последний, для него на всякий случай оставили одну из немногих персональных комнат.

А вечером я вторично испытала потрясение: красавец директор пригласил меня на прогулку. И хотя я оценила оказанную мне честь и была тронута до глубины души, от этой чести отказалась, ибо была измотана до последней степени и мечтала лишь о том, чтобы завалиться в постель. Тут не до романтичных прогулок при луне. Хорошенько отоспавшись и отдохнув, утром я уже кляла себя на чем свет стоит: «Кретинка, идиотка последняя! Такой потрясающий парень сам тебе навязывается, а ты еще выкаблучиваешься!»

На прогулку с директором я отправилась на третий или четвертый день пребывания в доме отдыха и сначала испытала удивление, потом возмущение, а потом просто рассмеялась и все обратила в шутку.

Нет, мужу я не изменила, хотя вроде бы все к этому вело, но ведь я в глубине души считала себя довоенным поколением, и мне несколько претило начинать знакомство с постели. Нет, меня следовало долго и упорно обхаживать. Да и то еще неизвестно,

чем бы это закончилось.

Долго и упорно Збышек никак не мог себе позволить, времени не было, ведь ему надо было обслужить весь новый заезд. Мною он заинтересовался с первой же встречи. Как он потом признался, его удивило выражение моего лица. Чтобы такой неземной восторг отразился при виде такой мерзости… Видимо, нетипичное явление его заинтересовало, и он решил познакомиться с нетипичной особой поближе.

Потом мы даже немного подружились, но меня удивляло, что он как-то слишком скоро совершенно перестал ухлестывать за мной. Потом выяснилось, что меня он счел уже обслуженной. Просто запутался во всех этих бабах, ведь счет с приездом каждой новой партии шел на десятки, ну парень и ошибся. Под конец своего пребывания в доме отдыха я обратила его внимание на такое упущение, и он был крайне удивлен. И тем не менее благодаря Збышеку с первого же дня отдыха я поневоле настроилась романтично, что поразительным образом благотворно сказалось на состоянии моего здоровья. От нервного расстройства и следов не осталось, домой я вернулась отдохнувшая, посвежевшая, улыбающаяся.

* * *

Тем временем наши жилищные условия оставляли желать лучшего. С двумя детьми мы уже решительно не помещались в квартире. Вечером детей укладывали спать, а нам с мужем для житья оставалась кухня. Ничего, жить можно, но вот разложить там чертежную доску было абсолютно негде. И в материальном отношении жилось трудно. Муж заставлял меня записывать все расходы, это называлось «жить с карандашом в руке». Так испокон веков было принято у них в семье. Свекровь всю жизнь вела отчетность, документация сохранилась, и можно было, например, из нее узнать, сколько стоила сметана или пучок редиски в 1934 году, сколько до войны давали чаевых официанту, сколько дворник получал на Рождество и прочие интересные вещи.

Мне, естественно, было далеко до пунктуальной свекрови, но я старалась. А поскольку бухгалтерскую отчетность я генетически унаследовала — и отец, и тетя Ядя были профессиональными финансистами, — мои записи в достаточной мере отражали истинное положение вещей, и из них совершенно отчетливо явствовало, что до конца месяца мне никогда не удавалось дотянуть. Например, седьмого апреля 1955 года я записала: «Куда-то запропастилось множество денег. Совсем потеряла голову». В мае удалось дотянуть зарплату аж до четырнадцатого, выходит, ее хватило на целых две недели! В октябре — опять отчаянная запись: «Куда-то подевались сорок злотых и шестьдесят грошей, не помню, на что пошли».

Очень интересно читать эти свои старые записи. Вот с волнением прочла, что в сентябре я заработала больше мужа. Муж внес в семейный бюджет тысячу триста злотых, а я тысячу триста пятьдесят. В следующем же месяце мужу удалось заработать больше, тысячу пятьсот восемьдесят злотых, я же удовольствовалась голой зарплатой, никаких дополнительных приработков. А вот на что шли деньги: плата за квартиру, стирка, проезд на городском транспорте. И питание, разумеется. Питались без особых деликатесов: молоко, сахар, мука, масло, смалец, хлеб, чай. Иногда мясо и колбасы. Ни гроша на спиртное. Ага, вот сосиски, яйца, укропчик.

Помню, ехала я раз на трамвае и раздумывала над тем, что купить — свинину или говядину? Тогда мясо еще можно было купить свободно. Или лучше вообще фарш?

Ехала я по своей обычной трассе — из Охоты в центр — и так задумалась над обеденным меню, что и не заметила, как мы

попали в обычную пробку. Трамвай стоит, я бессмысленно пялюсь в окно, и тут вдруг сидящий напротив меня молодой и интересный мужчина наклоняется ко мне и нежно спрашивает:

— Откуда столько грусти в этих красивых глазках?

Красивые глазки в сочетании с говядиной и фаршем так меня оглушили, что я выскочила из трамвая, давясь от смеха, и дальше пошла пешком. Оказалось, мы стоим на Маршалковской, надо же, и не заметила, как доехала!

* * *

Закончился мой декретный отпуск, и я вышла на работу. Как раз в то время все проектные бюро перешли на новый идиотский график работы, согласно которому рабочий день начинался в шесть часов утра. Не знаю уж, кому именно пришла в голову эта великолепная идея. Наверняка автором нового графика был или человек ненормальный, или один из тех, кто все сорок лет Народной Польши последовательно и целенаправленно старался скомпрометировать власть. Подчиняясь трудовой дисциплине, люди на работу являлись вовремя, но работать в столь несуразное время не могли и, пристроив голову на чертежной доске, отсыпали недоспанные часы. Я была на грани нового нервного расстройства на почве недосыпания, ибо уже с пяти вечера начинала мечтать о том, что-бы завалиться и успеть выспаться до пяти утра. Пришлось перейти на полставки, иначе бы спятила.

Из Энергопроекта меня в конце концов вышвырнули. Вернее, посоветовали уволиться по собственному желанию. Думаю, инициатором моего увольнения был руководитель нашей мастерской. Молодой интересный блондин, он мне очень нравился, у меня уже тогда наметилась к блондинам явная слабость, хотя супружеская неверность исключалась, как и в случае со Збышеком Пухальским. Обнаглев от собственного целомудрия, я бесцеремонно заявляла ему в присутствии других сотрудников, что не могу воспринимать его как начальство, ибо слишком он мне нравится как мужчина. Руководитель жутко краснел и сбегал из нашей комнаты, так и не нагрузив меня очередным заданием, но, как видно, не мог больше такое терпеть.

Думаю, не один он был рад моему уходу из Энергопроекта. Послушание и мягкость характера никогда не входили в число моих добродетелей, а на работе мне многое не нравилось, о чем я прямо и нелицеприятно заявляла. На первом месте у нас стояла технология, потом шли конструкторы, потом многое другое, и лишь в самом хвосте плелись архитекторы. Считалось, что с этими вольными художниками не стоит считаться, им лишь бы сделать покрасивее, ха-ха-ха! А кому она нужна, эта красота? Было бы прочно и солидно — и ладно.

* * *

Неожиданно мужу на работе дали квартиру. Он по-прежнему работал на Польском радио, и один из сотрудников освобождал служебную квартиру. На нее, разумеется, были претенденты. За одного стоял горой председатель жилищной комиссии, за другого — партсекретарь. Ни одному из них не удалось отстоять своей кандидатуры, вот они, чтобы сделать друг другу назло, решили присудить ее третьему лицу, и этим третьим случайно оказался мой муж.

Мы с ним пошли полюбоваться на квартиру, и она оказалась настолько загаженной и сплошь покрытой клопами (эти милые создания не помещались в укромных местах и средь бела дня ползали по стенам), что волосы поднимались дыбом. Клопы настолько сбили меня с панталыку, что я лишилась речи. Муж обратил внимание на плюсы: квартира была намного больше нашей прежней, хотя столь же неудачной формы, опять длинные прямоугольники, а кухню загромождала огромная печь, топящаяся углем.

Печь меня не испугала, печи я всегда любила, но, конечно, жаль, что не было центрального отопления.

Прежние обитатели этой загаженной квартиры уехали в Австралию, мы получили ключи и принялись приводить ее в порядок. Не только предприняли широкомасштабную акцию против насекомых, но и занялись перестройкой, сломав стены и перепланировав помещения за счет кухни — зачем нам такая большая? Увеличили комнату, а в ванной установили газовую колонку, ибо с двумя малыми детьми постоянно требовалась горячая вода. Мы были еще в процессе перестройки, когда муж в панике прибежал домой и крикнул, что, если мы завтра же не переедем, квартиру отдадут другим. Возможно, партсекретарь и председатель пришли к соглашению. Крикнул, значит, и скрылся, а весь кошмар с переездом свалился на меня. Ладно, немногочисленную мебель грузчики смогут вынести, а что делать с посудой, книгами и прочей мелочью, ее во что складывать? Не буду описывать, чего мне это стоило и какими словами я поносила мужа, который не счел нужным подключиться к хлопотам по переезду, считая это плевым делом. Потом я ему доходчиво объяснила заблуждения на сей счет, и он пошел на жертву. Мощный антиклопиный заряд в форме всевозможных «Азотоксов» делал совершенно невозможным пребывание людей в квартире еще хотя бы с неделю, поэтому я с детьми оставалась на старой, муж же ночевал под дверью новой на раскладушке, прямо

на лестничной клетке. Вещи в квартире, муж под дверью, — считалось, мы уже в квартире живем.

Старой мебели не хватало, новую купить было не на что. Даже деньги на переезд нам одолжила свекровь, четырнадцать тысяч злотых. Это спасло положение. Деньги свекрови мы так и не отдали; когда развелись с мужем, этот долг свекровь благородно аннулировала. А тогда она помогла нам еще и тем, что посетила нас в новой квартире, привезя с собой подарки: столик, лампу и креслице. Если честно, только эти предметы в нашей новой квартире и производили хорошее впечатление, все остальное было или старьем, или выполненными мною самой кустарными поделками (например, этажерка в кухне).

Но зато у нас теперь был телефон. Из бесценных моих хозяйственных записей той поры следует, что за телефон я заплатила четыреста злотых. Телефон мы получили сразу же по вселении в новую квартиру, по блату. Я уже упоминала, что мой свекор занимал в Министерстве связи чрезвычайно высокую должность. Нет, не он приказал установить телефон в квартире сына, он бы ни за что такого себе не позволил, семейственность всячески искоренял в своем ведомстве и сам бы не пошел на нарушение существующих норм и правил. Просто один из его подчиненных пошел на нарушение и на свой страх и риск пробил нам телефон. Единственная вещь в новой квартире, которая мне не стоила никаких хлопот и нервов.

* * *

А Тереса приблизительно в это же время уезжала в Канаду.

Ее взаимоотношения с далеким мужем развивались бурно. Начиная с сорок пятого года они с Тадеушем пытались воссоединиться. Сходились, расходились, он уезжал и возвращался, она ехала к нему и уезжала, в общем, приключений и треволнений хватало. Первый раз Тереса в сорок шестом, если не ошибаюсь, собиралась сбежать из Польши с группой Миколайчика. В последний момент она раздумала. Тадеуш прислал полное упреков письмо. Оказывается, он уже потратил бешеные деньги, две тысячи долларов, Тересу по всему пути следования ждали заказанные номера в гостиницах, а в номерах халаты и утренние туфли, теперь же все денежки пропали. Потом оказалось, группу перехватили, Тереса радовалась, что отказалась от участия в мероприятии, и Тадеуш прислал извинительное письмо, в котором писал, что готов пожертвовать еще двумя тысячами долларов за чудесное спасение Тересы.

Не помню, когда Тадеуш из Англии переехал в Канаду; там у него уже был дом в Гамильтоне, и Тереса принялась официально оформлять свой отъезд к мужу. Он состоялся в пятьдесят седьмом, а до этого ей пришлось здорово напереживаться, и нам с ней тоже. Тереса все сомневалась, все пребывала в нерешительности, стоит ли ехать, своего мужа она не видела уже семнадцать лет, кто знает, как сложится с ним жизнь, а тут надо расставаться с родиной, с родными, языка она не знает. Я всячески агитировала Тересу за переселение в Канаду.

— Ну и что, если окажется не так, возьмешь и вернешься, только-то делов. Зато сколько интересного повидаешь!

— Интересно, на какие шиши я вернусь? — нервничала Тереса. — У меня билет только в одну сторону.

— Пойдешь в наше посольство и заявишь, что в глубине души считаешь себя коммунисткой, — легкомысленно советовала я, потому что тогда еще не была знакома с нашими посольствами.

Я лично купила ей на улице Хмельной теплые рейтузы розового цвета, чтобы этот Тадеуш не слишком воображал. Стоили они у частника целое состояние, четыреста пятьдесят злотых.

Тереса наконец выехала, а я унаследовала ее кожаную куртку, которую Тадеуш прислал ей через Красный Крест еще, кажется, во время войны.

Кстати, о кожаной одежке. Моя бабушка так зауважала в конце концов моего мужа, что подарила ему бесценную

дедушкину кожаную безрукавку. Это было важным доказательством бабушкиных теплых чувств к Станиславу, ибо безрукавка была на редкость удобной домашней одеждой, и муж ее носил не снимая до развода со мной, после чего бестактно возвратил бабушке. Я высказала ему все, что думаю насчет его свинского поведения: в конце концов, он разводился со мной, а не с бабушкой, зачем же ее обижать?

Итак, Тереса уехала. Моему младшему сыну Роберту был годик, старшему — Ежи — семь лет, и он поступил в школу на Гроттгера, в первый класс. Я ходила за ним после уроков, и бедный ребенок очень страдал из-за этого.

Никогда в жизни не любила я детей, никаких сентиментальных чувств чужие дети никогда у меня не вызывали. Не было у меня ни педагогических, ни воспитательных талантов. Маленькие животные — другое дело. Руки сами тянулись приласкать щенка или котенка, но не ребенка. А дети, как назло, всегда тянулись ко мне.

Приходила я, значит, за сыном в школу после уроков и, стиснув зубы, пережидала, пока он переодевался в раздевалке. Одеваться он умел самостоятельно, я с малолетства научила его, нужда заставила. Торопясь по дороге на работу передать ребенка матери, я в спешке собиралась сама и швыряла в сына по очереди отдельные предметы его гардероба, требуя одеться самостоятельно и побыстрее. Не сразу у него получалось, но с каждым днем все лучше, вскоре даже научился правильно застегиваться на соответствующие петли. В школьной раздевалке я ждала сына не долее пяти минут, но в раздевалке одновременно одевались два первых класса, и то, что там творилось, явно было не для моих нервов. По дороге домой накопившееся за это время раздражение требовало выхода, и доставалось ни в чем не повинному ребенку.

Вспоминаю, как однажды мы вместе с Янкой ехали по делам в Жешов, оставив дома мужей и детей. Ехали одни, поезд не был переполнен, в нашем купе, кроме нас, была лишь мама с пятилетним сынишкой. Мы с Янкой даже не разговаривали, отдыхая душевно и физически от своих детей и домашних забот и с интересом наблюдая за чужим ребенком. Блаженство переполняло нас и наверняка просто-таки излучалось в окружающее пространство. Релакс, полный отдых!

Одно удовольствие было наблюдать за несчастной матерью мальчика — взъерошенной, взопревшей, с безумными глазами пытавшейся призвать к порядку сыночка. Непоседа сыночек ни секунды не сидел спокойно. Он вытер пыль под всеми нижними полками, очистил пальчиками все имеющиеся в купе пепельницы,

размазал сопли по себе и по вагонной полке и довольно успешно придавил дверью пальцы. Мы испытывали неземное счастье — ведь это был не наш ребенок! Наши остались с папочками! Нам можно было сидеть и ничего не делать! Незабываемые мгновения…

После неудачных попыток нанять няню к детям или домработницу я вынуждена была опять обратиться за помощью к матери. Правда, мы попытались и Роберта отдать в детский садик Польского радио, но это тоже окончилось печально. Как и его брат, Роберт чуть ли не на следующий день заразился инфекционной желтухой. Муж был против того, чтобы мальчика воспитывала бабушка, которая, по его словам, окажет на парня дурное влияние, но что было делать? Лучше уж пусть ребенок будет дурно воспитан, чем совсем его лишиться.

Не выдержала я роли матери, жены и домашней хозяйки и принялась искать работу. Даже чтение детям книжек в известной степени было мне не по силам. Читала я им только три произведения: «Винни-Пуха», «Доктора Дулиттла» и «Золотой ключик, или Приключения Буратино», предпочитая его русскую версию итальянской, с Пиноккио.

В ту пору дошли до меня слухи, что можно приобрести участок для строительства индивидуального жилого дома на улице Рощинского. Для этого требовалось двадцать тысяч злотых в качестве первого взноса. Значительную сумму нам могла одолжить Люцина, остальное мы бы собрали среди родственников. Мне обещали помочь в получении участка знакомые из Урбанистического бюро Варшавы, куда я собиралась поступить на работу. Надо было только похлопотать, обратиться к директору Панчакевичу.

Намереваясь сразу же поговорить с директором о двух своих проблемах, участке и устройстве на работу, я вошла в приемную и вежливо поинтересовалась у секретарши:

— Проше пани, директор Чакевич может меня принять?

— Пан Чакевич! — поправила меня секретарша.

— Да, да, конечно! — поспешила я исправиться. Похоже, у них здесь царит титуломания. — Пан директор Чакевич может меня принять?

— Директора нет, — сухо ответствовала секретарша, глядя на меня как-то странно. — Он принимает завтра.

Пришла я завтра и опять домогалась свидания с паном директором Чакевичем, склоняя во всех падежах этого «пана», раз им так нравится. Напрасно, его опять не оказалось. Потом я говорила с директором по телефону, упорно называя его паном директором Чакевичем, и только положив трубку, сообразила, что

фамилия директора не Чакевич, а Панчакевич. Меня в жар бросило и одновременно стало так смешно, что я долго хохотала, но больше общаться с директором не решилась. Вот таким образом моя семья не обзавелась собственным домиком на улице Гощинского. Ну прямо как в русском анекдоте: «Панкрат? Да какой он пан, просто Крат».

В то время начинали строить Дом крестьянина, и я пошла к ним работать. Меня зачислили в разряд технического персонала, и лучше я сразу честно и недвусмысленно скажу, чем я там занималась, а то на этот счет ходят всевозможные вздорные слухи, вплоть до того, что я его проектировала и была начальником строительства. Все это глупости, проектировал комплекс Пневский, я у него училась, но никогда не работала, это во-первых. А во-вторых, руководство стройкой и технический персонал — две большие разницы, я относилась к последним. Начала я с роли безеровщицы [2] — инженера, подсчитывающего выполненный различными группами строителей объем работ, по которым им начислялась зарплата. Потом мне поручили эту зарплату выплачивать. На этих двух должностях я вплотную столкнулась с рабочим классом — вот откуда у меня широчайшие познания в этой области, — а также с множеством идиотских постановлений и законов в строительстве, чрезвычайно его затрудняющих, да что там — отравляющих жизнь и строителям, и руководству. Тогда же научилась обходить законы. Общение с землекопами, бетонщиками, каменщиками, плотниками и многими другими тружениками строительных специальностей чрезвычайно расширило мой кругозор и стало хорошей школой жизни, начиная с языковых проблем (множество жаргонных словечек в области строительства было мне тогда неизвестно) и кончая тонкостями в области психологии. Работа на первых двух должностях и затем в секции обмеров, если ее подробно описать, даст мне готовый материал не для одного толстого романа. Роман не роман, но кое-чем я сейчас постараюсь поделиться с читателями, тем более что во всех моих произведениях впоследствии я черпала богатейший материал из этого неиссякаемого источника. Тут и характеры людей, и совершенно уникальные прототипы моих будущих героев, и множество невероятных, но как нельзя более правдивых жизненных ситуаций и приключений, и, конечно же, словечки и выражения…

Ну вот хотя бы такой случай. Работала я тогда в секции обмеров. В ней, кроме меня, работали еще Иреней, великолепный техник и очень красивый парень, вылитый Мефистофель, и инженер-конструктор Кристина. Фамилия у нее была знаменитая, историческая; разумеется, я ее помню, но называть не собираюсь,

не то вся фамилия обидится, во всяком случае у нее наверняка был в гербе геральдический козел с задней ногой. Она пыталась воспитывать Иренея, который с большим удовольствием играл роль хулигана, бабника и пьянчуги, желательно опасного для окружающих.

Кристина же научила меня, как следует разговаривать с главком, где сидело самое главное руководство в области измерений и финансов по фамилии Карабин.

— Звонишь, значит, — меланхолически разъясняла мне Кристина, — и говоришь: мне бы хотелось с Карабином. Там так принято говорить. И знаешь, сколько раз я ни звонила, у меня всегда складывалось впечатление, что Карабину со мной не хотелось…

С Иренеем у меня в самом начале нашей совместной работы произошел конфликт. Работали мы на строительстве этого самого Дома крестьянина в спартанских условиях, жили в бараке без особых удобств, ни поесть, ни попить. У коллег напротив нашей секции была электроплитка, я лично приобрела чайник, чтобы можно было хоть чай вскипятить, сухой бутерброд не лез в горло. И вот этот нахал Иреней без спросу сварил в моем чайнике себе грибной супчик с перловой крупой! В тот день у меня был завал с работой, смертельно голодная я выбрала минутку и помчалась к коллегам напротив, чтобы вскипятить в своем чайнике чай. И увидела страшную картину: мой чайник стоит на плите и в нем весело булькает густая жидкость, в которой время от времени всплывают белые куски грибов. В ярости схватив чайник, я вылила его содержимое в туалет. Вызванный криками свидетелей, примчался Иреней и застал меня за тем, как я вытряхивала из посудины остатки грибочков с крупой. Отреагировал он в весьма изысканной форме.

— Пани соизволила вылить мою собственность в нужник! — орал он, стоя надо мной.

Пришлось подделываться под его стиль.

— А пан был любезен не обратить внимания на то, что это чайник! — разъяренно орала я в ответ. — Чайник, в нем чай кипятят!

Привлеченный нашими криками, вокруг собрался весь персонал ближайших отделов и с интересом ждал дальнейшего развития скандала. Боюсь, мы их здорово разочаровали, я не стала бить Иренея чайником по голове, ограничившись лишь светской руганью. Но на кретина, не знающего, для чего служит чайник, я обиделась и не разговаривала с ним недели две.

Помирил нас пожар. Загорелось на складе под нами, и так случилось, что не было на месте ни нашего заведующего, ни

Здислава из технической секции, а дым пробивался уже из щелей пола. Позабыв обиды, я бросилась за помощью к Иренею, ведь пожар на стройке — страшное дело. И тут Иреней проявил себя с самой лучшей стороны, продемонстрировав хладнокровие, смекалку и даже мужество. Выломав двери запертого склада, он загасил уже горящие тряпки. Заведующий потом при всех выразил ему благодарность, а Здислав чуть не расхворался от зависти.

Завидовать у него были все основания. Дело в том, что в одной из секций в нашем коридоре работала некая Ада, немного чокнутая блондинка, разведенная, с ребенком. Была она очень важным человеком на стройке. Во-первых, исполняла обязанности секретарши всех заведующих на нашем этаже, во-вторых, оформляла всевозможные выплаты, не только наши зарплаты, но и бюллетени по болезни, всякие социальные надбавки, а также прочие чрезвычайно важные денежные документы. Здислав уже принялся ее обхаживать, что, впрочем, вскоре закончилось их свадьбой. Но тогда он только приступил к делу и очень хотел как-то отличиться перед любимой женщиной, вот почему и жалел, что пожар прошел без него. И вот вскоре подвернулся отличный случай проявить себя. Об этом я тогда написала репортаж (как и о многих других вещах; именно в ту пору я стала активно сотрудничать в периодической печати), поэтому могу сейчас рассказать о случившемся со всеми подробностями, с диалогами включительно.

Возможность отличиться предоставил наш туалет. Уходя с работы, каждый норовил его посетить, а туалет был заперт изнутри. Занят, значит. Сначала это никого особенно не встревожило, но время шло, и заинтересованные лица начали вежливо стучать в дверь, поторапливая засевшего внутри. Не помогало. Тогда принялись стучать уже невежливо и позволять себе всякие высказывания по адресу засевшего. Поскольку неизвестно было, кто там, высказывания звучали в неопределенной форме.

На стуки и крики никто не реагировал. Под дверью собралась уже приличная кучка сотрудников, мы получили возможность выяснить, кого же из нас не хватает. Оказалось, никого, все мы тут! Возможно, пришел посторонний, занял помещение, а теперь боится выйти? Кто-то высказал предположение, что просто в туалете кто-то повесился. И тут началось!

Чрезвычайно взволнованный Здислав решил: вот прекрасный случай отличиться, ведь в толпе у туалета стояла и Ада. Он быстренько принес стул и длинную, загнутую на конце проволоку. Влез на стул, просунул проволоку в дырку над дверью

и принялся вслепую шуровать ею, пытаясь приподнять крючок.

Дело в том, что в нашем временном нужнике запор был примитивный — обыкновенный крючок, цеплявшийся за петлю. Если бы там стоял захлопывающийся нормальный замок, можно было бы предположить, что он как-то сам собой захлопнулся и внутри никого нет. Если бы замок запирался на ключ, можно было бы предположить, что кто-то ушел, запер, а ключ куда-то подевался. Крючок не давал оснований для подобных предположений, запереться на него можно было только изнутри. Значит, внутри кто-то был. Среди нас все крепло убеждение — тот, кто внутри, мертв, и очень хотелось знать, кто же это. Среди ожидающих были кладовщики и обслуживающий персонал, и никому не пришло в голову принести топор и вышибить дверь, а может, и приходило, но останавливала мысль о необходимости потом платить за восстановление двери. Нет, думаю, идея вышибить дверь никому не пришла в голову потому, что Здислав с самого начала принялся орудовать проволокой.

Действовать ею было очень неудобно. Здислав вслепую тыкал и тыкал, пока у Кристины не кончилось терпение.

— Пан неправильно тыкает! — крикнула она. — Дайте я попробую!

Здислав проигнорировал бестактный выпад и продолжал елозить проволокой, никому не уступая своего поста на стуле. Кристина нетерпеливо кричала:

— Да не туда, не туда суете! Ближе надо и ниже! Пустите меня, я вмиг открою! Надо же, какой безрукий!

И она принялась спихивать Здислава со стула.

— Пустите ее, пусть попробует! — сказал кто-то из рабочих. — У женщин пальцы половчее.

Обиженный Здислав слез со стула и вручил орудие Кристине.

— Пожалуйста, пробуйте, посмотрим, какая вы рукастая.

На стул влезла Кристина и принялась шуровать проволокой. Никто из собравшихся не сдвинулся с места, хотя рабочий день давно кончился. Кристина, покраснев от натуги, шуровала и шуровала проволокой, тщетно пытаясь сбросить крючок. Кое-кто прикладывал глаз к щели в дверце, пытаясь разглядеть, что там, внутри.

Иренею надо было закончить срочные подсчеты, он не стоял под дверью, а только прибегал на минутку, давая ценные советы и нагнетая панику.

— Ей-ей, окочурился на унитазе, — зловеще изрекал он и, убегая к себе, кричал: — Поторопитесь, у меня свидание назначено на пять. И вообще вы не так пихаете, энергичнее надо, энергичнее!

Позицию на стуле вновь занял Здислав, желавший во что бы то ни стало проявить себя мужчиной. Взопревший и растрепанный, он бестолково тыкался проволокой, но поднять крючок не удавалось.

И тут вернулся Эдмунд, которому надо было отлучиться на стройку.

— Все еще стоите? — удивился он. — А тот все еще висит?

— Сейчас открою, — отозвался Здислав со своей табуретки. — Дело сложное.

Раздвинув нас, Эдмунд пробился к двери туалета, отступил, опершись спиной о противоположную стену коридора, и с силой ударил по дверце ногой в рабочем сапоге. Доска поддалась, крючок нет. Просунув в образовавшуюся щель карандаш, Эдмунд поддел крючок, и дверца распахнулась. Мы кинулись вперед, торопясь заглянуть внутрь.

Нужник был пуст.

Все разочарованно молчали, и тут примчался Иреней, удивленный наступившей вдруг тишиной. Заглянув в помещение, он тоже на момент онемел, но быстро пришел в себя и возмущенно воскликнул:

— Это как же? А где самоубийца?

Собравшиеся принялись оживленно обсуждать происшедшее и пришли к выводу, что, по всей видимости, уходящий из туалета нечаянно оставил крючок в вертикальном положении, а когда хлопнул дверью, тот, падая, угодил в металлическую петлю, и дверь крепко заперлась.

* * *

Массу развлечений доставило мне, как учетчице, бетонирование перекрытий. Перекрытие состояло из двух плит, верхней и нижней, между ними находились многочисленные балки и густая сеть арматуры, и все это составляло не меньше метра толщины. Операция требовала четкой организации труда, плотники и бетонщики должны были идти друг за другом, прокладывая стропила, бревна, доски, арматуру и заливая их бетоном, и все без простоев, чтобы бетон хорошо схватился. Все леса вокруг были облеплены рабочими, подающими беспрерывно размешиваемый раствор и железные прутья, которые пихали под него. Все время бетонирования я пробыла наверху, надо же было знать, что именно делают вверенные мне бригады, чтобы потом правильно подсчитать объем работ и зарплату. Хорошо еще, осень стояла прекрасная.

Подсчитывать работу арматурщиков было сущим кошмаром. Арматура состоит из тысячи металлических элементов, закладка которых, в зависимости от формы, материала и размера, оплачивается по-разному. К тому же элементы арматуры поступали иногда покореженные или нетипичного размера, приходилось их приводить в норму, а за это полагалась особая плата. Помогал мне пан Юзеф, молодой симпатичный парень и прекрасный специалист, это он считал часами всевозможные «сороковки», «двадцатки» и «восьмерки», круглые, прямые и гребенчатые, получались какие-то дикие количества километров, он умножал их на тонны и называл цифры, которые я записывала, а потом говорила:

— А теперь, дорогой Юзек, давай решать, что будем приписывать.

Без приписок нельзя было обойтись. В идиотском ценнике строительных работ оплата арматурщиков была самой идиотской. Получалось так, что при самой высшей производительности труда за две недели арматурщики никак не могли заработать более пятисот злотых на нос. Арматурщики — это рабочие высокой квалификации, а зарплату они, если следовать букве закона, получали меньше разнорабочих. Как минимум еще столько же следовало им еще откуда-то наскрести, вот мы с паном Юзефом и ломали головы.

— Стремена к столбам поступили бракованные, пришлось их переделывать, — предлагал пан Юзеф.

— К каким еще столбам?!

— Ну, к тем, бетонным подпоркам. Записывайте, не

сомневайтесь.

— Ко всем?

— Ко всем.

Я послушно записывала, зная, что выпрямление стремян — работа нетипичная, а она оплачивается по высшему разряду. На нетипичной многого можно добиться.

— Мало, придумайте еще что-нибудь.

Пан Юзеф интенсивно думал и выдавал следующую идею:

— На лестничной клетке пришлось добавить для укрепления площадок по две балки. Из старого железа.

Очень хорошо! Старое железо было тем ценно, что его полагалось очищать от ржавчины и выпрямлять.

— На скольких этажах? — спрашивала я.

— На двух.

Я писала — на шести.

— Ну, теперь осталось придумать еще какую-нибудь мелочь на сто пятьдесят злотых, и хватит.

— По сто пятьдесят мы получим на переносках.

Эти переноски спасали нас во многих случаях. Известно, что железо само не ходит, а ни один крановщик или экскаваторщик ни разу не поднимал ни малейшего прутика, во всяком случае, не признался бы в этом.

Вот благодаря таким махинациям мы наскребали прекрасным специалистам достойную их труда оплату. Бригада арматурщиков с большим опытом, перешедшая к нам после окончания возведения Дворца культуры, не бросила наш Дом крестьянина и осталась до окончания работ.

Другого рода проблемы возникали у нас с паном Владей, бригадиром бетонщиков. Тоже хорошая бригада, а пан Владислав — специалист самой высокой квалификации, но очень уж немногословный. Кончали они работу, я приходила ее принимать, и начинались проблемы.

Пан Владя вел меня к нужному месту, тыкал в него и говорил:

— Вот. Дерево.

— Ну и что?

— Дерево, говорю.

— Вижу, что дерево.

Сделав над собой усилие, пан Владя пояснял:

— Это мы.

Я пялилась на кучу всевозможных досок, обрезков, опилок и прочего, не понимая, при чем тут бетонщики.

— Пан Владя, — в отчаянии взывала я, — будь человеком, скажи польским языком, что вы с этим деревом делали?

— Из подвала выгружали. Осталось после плотников.

— Так ведь оно только на растопку и годится?

— А я не про то говорю, что не на растопку?

Я записывала дерево. Терпеливо подождав, пока кончу, пан Владя вел меня на другой конец стройки.

— Вот, эта куча! — с торжеством заявлял он, широким жестом руки обводя внушительную гору битого кирпича.

— Что куча? — выходила я из себя.

— Дак я и говорю — куча!

— Да скажите же толком, что вы с этой кучей делали? Перевозили с места на место тачками? В ведрах переносили? В кучку собирали?

— Били мы его, битый был нужен…

При подсчете их прямой работы, бетонирования, никаких сложностей у меня не возникало.

Строительство Дома крестьянина шло полным ходом, требовались все новые массы рабочих и новые сотрудники при подсчете их труда. Нам в секцию прислали Боженку. Оказалось, я ее знала еще в детстве, она жила в том же доме, что и Янка, мы все вместе играли в песочнице.

— Наверное, меня кто-то проклял, — с горечью заявил наш заведующий при виде Боженки. — Опять прислали бабу, и опять она ничего не умеет.

Так он деликатно дал понять, что помнит мой приход к ним на работу.

Войдя в нашу комнату, Боженка взволнованно вскричала:

— Но я же ничего не умею!

— Ничего, — утешила я ее. — Я тоже ничего не умела делать. Пока садись и смотри, что делаем мы. Главное, не мешай.

Боженку черт принес в самый неподходящий момент. У нас был аврал, наутро надо было отдавать безеты, а у нас, как всегда, концы не сходятся с концами.

На Боженку жалко было смотреть, такая она была растерянная. И преисполненная желания как можно скорее все понять и помогать нам. Пока же она села рядом со мной, и я по ходу дела принялась объяснять ей, что могла.

— Сначала тебе придется сосчитать людей.

— По штукам?

— Нет, кучками, — буркнул пан Здислав.

Не успела я сделать ему замечание за грубость, как вошел пан Владя. Я повернулась к нему.

— Пан Владя, придется вам зайти завтра. У меня еще тысячи злотых для вас не хватает.

Пан Владя шаркнул ногой.

— Завтра так завтра. Было бы за чем приходить.

Повернувшись к Боженке, я продолжила прерванные объяснения:

— Главное в нашем деле — люди. Приходится голову поломать, чтобы человек был в порядке. Если этого не получится, сразу на стройке начинается содом и гоморра. Вот тот человек, что только что заходил сюда, бетонщик. Бригадир бетонщиков. Если они плохо у меня выйдут — беда. Работа у них тяжелая, должны выйти хорошо.

— А если выйдут, то больше не вернутся? — спросила глупая Боженка.

— Что? Да нет, наоборот, вернутся. То есть того… если выйдут. Тогда не уйдут. А сейчас, летом, очень трудно найти других.

— А куда они выходят? В коридор?

Нет, все-таки Боженка исключительно тупая, ведь я же так доходчиво все ей объясняю!

Здислав не выдержал и поднялся.

— Пойду, пожалуй, прикончу Левандовского. Желтые у вас где?

Взял желтые и вышел. Схватившись за голову, Боженка с ужасом пролепетала:

— С ума спятить! Кого он хочет прикончить? Значит, чтобы люди у вас хорошо вышли, их надо прикончить? И что у вас желтое? У меня тоже должно быть?

Пришлось отложить подсчеты и целиком переключиться на Боженку.

— Он пошел сделать окончательный обмер работы, произведенной бригадой Левандовского. Это нужно для того, чтобы заполнить бланки зарплаты, видишь же, сегодня спешно их кончаем. А книга, куда вписываются объемы работ, — желтого цвета, мы ее так и называем, чтобы отличить от других документов. Те другого цвета. Ну, чего испугалась? Поняла?

Боженка опустила руки и печально произнесла:

— Пока я поняла лишь то, что ты сказала, больше ничегошеньки не знаю и не умею.

— Точно такой же пришла я сюда на работу и, видишь, научилась. И ты научишься, не паникуй. Без курьезов поначалу не обойдешься. Я, например, при подсчете расхода извести на штукатурку насчитала пятьдесят тысяч квадратных метров этой извести, тогда как на самом деле пошло ее всего пятьдесят тысяч килограмм, что в квадратных метрах составляет всего сто пятнадцать. Чувствуешь разницу? Как-то всем отделом потеряли вагон гипса, а под конец строительства у контролеров зародилось

подозрение, что мы трое — Эдмунд, бригадир Юзеф и я — сперли со стройки на собственные нужды одиннадцать километров лестничных и балконных перил. Лишь абсурдность такой кражи спасла наше доброе имя и свободу.

А из Боженки получился неплохой сотрудник. Как-то, когда мы вчетвером — мы с Боженкой, Иреней и Юзеф — обмывали какое-то событие и Боженка поднесла к устам стакан со сливовицей, неожиданно раскрылась дверь и в комнату вошел наш заведующий. Боженка так и замерла со стаканом у рта.

— Ах, вы завтракаете, — вежливо обратился к ней шеф. — Не буду вам мешать, у меня только маленький вопросик: вы уже закончили подсчет стен-перекрытий?

Боженка опомнилась и взяла себя в руки. Сливовица в стакане действительно цветом напоминала некрепкий чай. Взяв стакан в другую руку, она отняла у меня кусок сухой булки и, откусив кусочек, не поморщившись, запила водкой. Прожевав и проглотив, спокойно ответила:

— Разумеется, пан заведующий. Я все сделала.

Мы смотрели на Боженку с набожным восторгом. А она, откусывая по кусочку булки и запивая ее «чайком» из стакана, неторопливо отвечала на вопросы шефа, которых накопилось предостаточно. Последний глоток сделала с последним ответом.

— Ну, Боженка, ты даешь! А я думала — пропали.

Не все мои репортажи той поры сохранились. К счастью — иначе из автобиографии получился бы производственный роман о большой стройке. И все-таки я убеждена, о ней никто не написал всю правду и со знанием дела, «изнутри», как это написано мною.

Впоследствии, Боженка сделала карьеру и перешла от нас на работу в главк. Когда она пришла с визитом к нам, мы поинтересовались, как ей на новой работе.

— Как псу в колодце, — с горечью ответила Боженка — Говорю вам — скука смертная! Работы кот наплакал, могла бы всю ее сделать за три дня, а растягиваю на месяц, чтобы не помереть со скуки. Мы здесь все вкалываем по-страшному, а они там лишь перекладывают бумажки и строят из себя Бог весть что.

Мы с удовольствием выслушали излияния Боженки. Они полностью совпадали с моими собственными соображениями, ибо уже тогда в голове зарождались мысли по поводу тех или иных общественных явлений, но полностью осознала их значительно позже.

Я собралась в отпуск, и тут Эдмунд заметил страшную вещь: «Строительный журнал» не заполнялся три месяца! А надо сказать, что «Строительный журнал», как и корабельный, должен был заполняться каждый день. Я почувствовала угрызения

совести, села и принялась заполнять.

Занятие было скучное, трудовые процессы на строительстве, как правило, не грешат разнообразием, изо дня в день повторялось одно и то же. В специальных рубриках следовало вписывать, кто, что и сколько сделал. Иногда, чтобы не повторяться, в скобках писалось: «То же, что и накануне». Особенной безнадежностью отличались записи, относящиеся к работе ночных сторожей, они всю дорогу «охраняли имущество стройки».

Я внесла в журнал некоторое разнообразие. В скобках я писала: «Опять Владя» или «Кругом Мачек». Или: «Всеобщая пьянка». Для сторожей я выдумала ковыряние в носу, а в тяжелые для стройки дни «Общий плач» или «Скрежет зубовный».

Эдмунд подписал не глядя, а я отправилась в отпуск. Из главка прибыл контролер, принялся просматривать записи в журнале и стал придираться:

— Как это понимать — «Опять Владя»?

— А так и понимайте, что опять Владя с бригадой своих бетонщиков, — рассеянно отвечал Эдмунд, занятый делом.

— А «Кругом Мачек»? — не отставал контролер.

— А вы чего хотели? Значит, делали то же самое. Неужели непонятно? Зачем сто раз писать одно и то же?

— Ну а «Всеобщая пьянка»? Это как понимать?

Тут только Эдмунд сообразил — что-то не то, и

попытался вырвать журнал у контролера, но тот дошел до еще чего-то интересного и журнала из рук не выпускал.

— Это случайно не пани Иоанна заполняла? — сладким голосом поинтересовался контролер.

Эдмунд проявил лояльность, заявив, что журнал заполняли разные сотрудники, но потом до позднего вечера просидел над ним, замазывая мои выражения и заполняя их общепринятыми. И напрасно, ведь в кои-то веки «Строительный журнал» оказался развлекательным чтением и был с интересом прочтен.

* * *

Моя личная жизнь в этот период протекала по-разному. Не надейтесь, что я уже не буду больше возвращаться к стройке, ибо она неразрывно связана с личной жизнью

Мой муж, несомненно, был сильной и сложной личностью. И достоинства его, и недостатки — все было самого высшего качества. Но самое главное, человек он был порядочный, о чем я уже неоднократно упоминала.

Из Политехнического его исключили, три года он проработал на Польском радио в качестве переводчика и диктора, а потом решил продолжить образование и поступил на вечернее отделение Высшей инженерной школы. Оказалось, в этом его призвание, гены проявились. Он перевелся в лабораторию Польского радио и быстро сделал карьеру — стал руководителем лаборатории. И представьте, чтоб ему пусто было, в письменной форме отказался от прибавки к зарплате, пока не прибавят всем сотрудникам его лаборатории. Стиснув зубы, я хвалила мужа за его благородный поступок и подрабатывала по вечерам, выполняя срочную работу для Государственного технического издательства.

Своим умением выполнять самую сложную работу я по праву могла гордиться. В *«Бесконечной шайке» я* не приврала ни словечка: и в самом деле могла подметить мельчайшие расхождения в чертежах и входила в десятку лучших чертежников Польши. Правда, эта лафа недолго длилась, стройка меня придавила, не оставалось на приработки ни времени, ни сил, но пока работала, частым явлением стали следующие супружеские сцены.

— На буфете крошки! — выходил из себя муж. — Неужели нельзя навести чистоту?

— Можно! — отвечала я, не поднимая головы от чертежной доски. — Кто тебе не дает?

— Я убираться не намерен!

— Ну и не надо! Не мешай, дай поработать. Нужно же зарабатывать деньги!

— Плевать я хотел на твои деньги!

Ясное дело, руки начинали дрожать, что губительным образом сказывалось на точности чертежа в 0,1 мм, приходилось с четверть часа пережидать, чтобы успокоиться и не испортить чертеж. Кончала я чертеж, отдавала работу, появлялось немного свободного времени, чтобы навести в доме чистоту. И тогда муж нежным голосом произносил:

— Нет, ты посиди, отдохни, я все сделаю сам.

Клянусь, я сидела на диване с «Пшекроем» в руках и мне не давали пальцем пошевелить, а муж, распевая веселые песенки, наводил в доме чистоту и даже окна мыл!

Я в отчаянии спрашивала:

— Послушай, ну как мне тебя понять? Я сижу за срочной работой, видишь же, не бездельничаю, а ты пристаешь ко мне из-за каких-то несчастных крошек и портишь настроение. А сейчас, когда у меня есть время, и я могла бы привести квартиру в порядок, вдруг сам берешься за уборку и не даешь мне ни к чему притронуться. В чем дело?

— А в том. что мне захотелось! — беззаботно отвечал этот человек. — Меня никто не заставлял, я сам захотел!

Это мне было понятно, я и сама не любила ничего делать под нажимом. Но супружеское ярмо не позволяло дожидаться таких светлых мгновений, работа по дому не переводилась, и, по правде говоря, присесть я могла лишь после того, как укладывала детей спать. В один распрекрасный вечер мне надо было выгладить тридцать шесть мужских рубашек разного размера, я специально их пересчитала. Тридцать шесть! А вот брюки я не гладила, возможно, потому, что где-то в самом начале своей супружеской жизни тщательно выгладила муженьку пижамные брюки, загладив складки по бокам. Так мне казалось красивее, а мужу почему-то не понравилось, и с той поры все свои брюки он гладил сам, а я не возражала. И заразил этим сыновей.

После мотоцикла марки ВФМ, который нам каким-то чудом удалось приобрести, муж получил талон на приобретение «пананнии». Так получилось, что деньги понадобились раньше, чем мы рассчитывали, и вот я решилась.

У нас на стройке как раз наступил день зарплаты. Я начала с коллег, а также со знакомых рабочих и бригадиров, которым каждый месяц выписывала и выплачивала зарплату.

— Пан Владя, — говорила я, — мне нужны деньги. Одолжите до зарплаты две сотни.

Естественно, пан Владя с готовностью выражал согласие, да и кто отказал бы учетчице? Такого же мнения был и пан Якуб, и братья Стоцкие, и другие…

Нет, никак не могу обойти молчанием братьев Стоцких, хотя опять придется немного уклониться в сторону. Это были каменщики, зачастую они не выходили вовремя на работу, но уж если выходили…

Не помню, чем я тогда занималась, но целый день не поднимала головы от работы. К вечеру взглянула в окно — а оно как раз выходило на гостиницу Дома крестьянина — и глазам своим не поверила. Зажмурилась, опять посмотрела, потом глаза

протерла — нет, так оно и есть. С утра передо мной третий этаж был в виде голых железобетонных конструкций, ничего более, теперь же этаж предстал в готовом виде: и наружные стены возведены, и внутренние выложены. Я знала, что там работает бригада каменщиков Стоцких, три брата, они делают все на совесть, не халтурят — значит, сделать за день этаж просто не могли! Наверняка на сей раз что-нибудь схимичили. И я помчалась на возведенный ими этаж, чтобы лично все проверить. Проверила вертикальность кладки, качество швов и прочее — все в порядке. Пришлось поверить собственным глазам, каким бы невероятным ни казался темп работ. Наверняка таких гениальных каменщиков больше не было на свете!

И все-таки они были, и хотя на работу выходили когда им заблагорассудится, зарабатывали прекрасно, и ими руководство стройкой очень дорожило. И подумать только, эти гениальные каменщики пытались мне дать взятку!

Из взятки ничего не получилось, я объяснила рабочим, что не хватает денег на «пананнию», я прошу в долг и расплачусь в следующую зарплату, они пожали плечами и ограничились дачей небольшой суммы в долг. Вскоре я набрала необходимые двенадцать тысяч и прекратила клянчить. Меж тем слух о том, что я собираю дань с рабочих, разошелся по стройке, и другие с обидой спрашивали:

— А у меня почему пани инженерова не берет в долг? Я чем хуже других?

Пришлось объяснять, что больше мне не надо, а дня через два наступил второй акт представления. Нам с мужем удалось раздобыть необходимую сумму от родственников, и, не дожидаясь следующей зарплаты, я со списком моих кредиторов в руках отправилась возвращать долги. Вот когда я намучилась! Все, буквально все (кроме ближайших сотрудников) отказывались принимать назад свои деньги, будучи убеждены, что выплатили учетчице посильную дань. Ничего, у меня характер что надо, я настояла на своем.

Хотя нет. Сейчас, работая над «Автобиографией», я разыскала тот самый список кредиторов и с ужасом обнаружила, что некоему Коморовскому я не вернула одолженных у него двухсот злотых. Езус-Мария, кто такой этот Коморовский? Он так и остался невычеркнутым из моего списка. Совсем не помню, почему не возвратила ему деньги, наверняка не нашла человека, но вот почему? Может, уволился с нашей стройки? Господи, как же так? Ни в чем не повинный человек вынужден был внести взнос за нашу «пананнию»… Возможно, его потомки, прочтя эти строки, обратятся ко мне, и я верну им двести злотых.

Мотоцикл был для нас величайшим счастьем, по поводу этого средства передвижения между мной и мужем никогда не было ни малейших разногласий. Пользу от него я ощущала ежедневно, поскольку муж отвозил меня на работу на мотоцикле. Мне надо было на стройку к семи, ему на радио к восьми, он отвозил меня на Варецкую и ехал к себе на Валбжихскую. В своей лаборатории муж появлялся всегда первым, и начальство постоянно отмечало его дисциплинированность и усердие.

Интересно, а где мы держали свой драгоценный мотоцикл? Во дворе, наверное, где же еще. Муж спускался к нему чуть свет, возился с ним и включал мотор, подгоняя меня. Дети начинали кричать:

— Мать, отец уже рычит! Отец рычит!

Мотоцикл меня вдохновил, и я решила научиться водить машину. Не помню, где нам преподавали теорию, а на практические занятия я ездила на улицу Окульника. Стояла зима, погода преимущественно была препаскудной, в три я заканчивала работу на стройке и мчалась на практические занятия по вождению. Туда ехала, стуча зубами от холода, обратно возвращалась вся взопревшая, в расстегнутом пальто, и мне еще долго было жарко. Зато машину водить я научилась. В нашем распоряжении были «Варшавы» старого образца, а для развлечения — одна из учениц, вечная студентка.

Эта женщина, уже немолодая, являла собой классический пример автомобильного антиталанта. О ней на курсах ходили легенды. На приказ «Тормози!» она энергично нажимала на газ, благодаря чему ей удалось сплющить в лепешку задний бампер на учебной «Варшаве», другой раз — врезаться в трамвай, а наивысшим достижением явилась погоня по тротуару за каким-то несчастным пешеходом. Бедняга пытался спасти свою жизнь, петляя и бросаясь из стороны в сторону. Зигзаги не помогли, пани на своей «Варшаве», как приклеенная, держалась за ним на расстоянии метра, а сидящий рядом с ученицей инструктор был не в состоянии отреагировать, ибо скорчился в припадке смеха.

Экзамен по вождению был единственным в моей жизни, которого я с первого раза не сдала. Дело в том, что мне досталась не та «Варшава», на которой меня учили ездить, а другая, тоже поношенная, и никто не предупредил, что в нейтральное положение она не переключается. Начался экзамен, я все делала, как надо, инструктор пришел к выводу, что достаточно, и велел мне остановить машину. Пожалуйста, я выбросила указатель поворота, подъехала к бровке тротуара, толкнула ручку переключения скоростей в нейтральное положение и отпустила сцепление. В ответ на что эта стерва рванула, рявкнула и

заглохла.

Меня чуть кондрашка не хватил. Ну ладно, пришлось пересдавать. На переэкзаменовке, недели через две, я заранее на всякий случай стала манипулировать ручкой переключения скоростей, качая ее во все стороны, это показалось инструктору подозрительным, решил — свидетельствует о моей неуверенности. Но экзамен я все-таки сдала.

Языковые таланты моего мужа вдохновили и меня, и я решила изучать английский— Языковые курсы работали по вечерам в одной из школ на улице Ружаной, добираться до нее в темноте по еще недостроенным и плохо освещенным варшавским улицам было непросто. Особенную трудность представляло форсирование территории базара, где приходилось спускаться и подниматься по длинным и неудобным лестницам. Там меня как-то схватила судорога в щиколотке. До школы я так и не добралась, все два часа просидела на покрытой грязью ступеньке лестницы, будучи не в состоянии ступить на ногу. Поскольку я и раньше охладела к науке английского — очень много времени отнимала, да и уставала я безмерно, к вечеру плохо соображала, — эту судорогу в ноге я сочла рукой судьбы, знамением свыше и перестала заниматься английским.

* * *

Мотоцикл значительно скрасил нашу жизнь. Оказалось, отдыхать намного интереснее, если есть средство передвижения. Половину наступившего отпуска мы провели с детьми, на вторую половину подбросили их матери с Люциной, а сами отправились в путешествие по родному краю. Естественно, меня тянуло к морю, мужа тоже. На своей «пананнии» мы проехали вдоль всего балтийского побережья от Бранева до Свиноустья.

И впредь отпуска проводили на колесах, причем преимущественно вместе с Янкой и ее мужем Донатом. Сейчас у меня опять начнет путаться хронология, ладно, буду придерживаться не дат, а тем. Янкин муж Донат, тоже инженер-строитель, какое-то время был начальником строительства туннеля для коммуникаций под Вислой, и только чудо спасло его от тюрьмы.

При строительстве, ясное дело, велись кессонные работы, а стройматериалы поступали партиями, в том числе и советский цемент На каждом мешке цемента была проставлена марка, обозначающая его качество. Для кессонных работ требовался цемент самого высокого качества, марки 450. Однажды, получив очередную партию, Донат вдруг ни с того ни с сего решил проверить, соответствует ли проставленная на мешке цифра качеству цемента, и велел провести анализ.

Анализ сделали, и выяснилось, что в мешке с маркой 450 оказался цемент марки 150, который годится лишь для штукатурных работ. Почти неделю с лица Доната не сходила зеленоватая бледность. Не иначе как милосердное Провидение уберегло его от тюрьмы, несколько лет ему было бы обеспечено, а если бы добавились еще жертвы при кессонных работах, то и вовсе. Вся партия, на мешках которой была проставлена марка 450, оказалась самого низкого качества. Неизвестно, почему так произошло, то ли по ошибке, то ли умышленно. Донат на радостях напился и потом делал лабораторный анализ при поступлении каждой партии цемента.

У них с Янкой тоже был мотоцикл, уже не помню, с чего они начинали. Вроде бы, как и мы, с ВФМ, потом у них была «виктория», потом, как и у нас, «пананния». Во время нашего отдыха в Полчине их «виктория» доставила нам множество неприятных моментов, но об этом чуть позже.

* * *

Чтобы подступиться к Полчину, опять придется сделать отступление от хронологии, иначе ничего не получится. Я уже говорила, что по причине моей занятости на работе детьми занималась моя мать и Люцина. В школу Ежи ходил самостоятельно, потому что улицу переходить не требовалось, Роберта я или муж утром подбрасывали на Аллею Неподлеглости к старикам, а после работы я забирала их обоих из родительского дома. Возвращение к себе сопровождалось интересными событиями, уж оба братца старались вовсю. Да и вообще дети доставляли массу развлечений. Раз Ежи ехал на велосипеде по улице Домбровского и наехал на мотоциклиста. До дому дотащился весь зареванный и с разбитым в лепешку коленом. Пришлось извести на него целую четвертинку спирта. А Роберт как-то съезжал по Боришевской на своем трехколесном велосипеде. Мы с Ежи уже спускались по ступеням лестницы рынка, когда увидели, что этот, молодец отпустил педали и безудержно мчится вниз. Мы оба с Ежи бегом кинулись за ним. Улица тогда была вымощена булыжником. Разумеется, Роберт со своим велосипедом свалился внизу, у магазинчика с семенами, прямо в грязь, перемешанную с лошадиным навозом. Тогда здесь еще ездили повозки, запряженные лошадьми. Ежи вел велосипед, а я — орущее, окровавленное и неимоверно замурзанное страшило. Разумеется, по дороге нам попались все имеющиеся знакомые, а на лестнице нашего дома — все соседи. И каждый с ужасом и осуждением пялился на меня.

Моя мать и Люцина были одержимы манией лечения и упорно выискивали всевозможные болезни в моих мальчишках. И лечили их, лечили не переставая, скармливая несчастным огромные количества всевозможных лекарств. К чему это привело, сейчас расскажу, но сначала еще два слова о Люцине. Пусть ей земля будет пухом, думаю, на том свете она искренне сожалеет о содеянном, поэтому я имею право поведать об этой ужасной истории.

Когда моему старшему сыну было лет шесть, Люцина постоянно рассказывала ему страшные истории и делала это талантливо, вкладывая в свои красочные описания мощь и экспрессию. Вот одна из таких историй.

Однажды некий наш предок (дело было еще в XIX веке) зимней порой возвращался к себе в поместье на санях. Околица безлюдная, уже темнеет, начинается метель. Возница сбился с дороги, и тут сани окружила огромная стая оголодавших волков.

Не знаю, как обстояло дело с огнестрельным оружием, был ли у предка какой пистолет или нет, то есть я хотела сказать — двустволка. Во всяком случае заключительная сцена являла собой один сплошной кошмар: волки набросились на людей и лошадей, ошалевший от страха возница и обезумевшие лошади каким-то чудом пробились сквозь стаю и спасли свои жизни, а также жизнь нашего предка.

Повторяю, рассказывала Люцина так впечатляюще, что куда мне! Позабыв обо всем на свете, она так наглядно представляла этих бестий — разинутые пасти с острыми зубами, сулящие смерть всему живому, зловонное дыхание кровожадных чудовищ, подробные описания многочисленных случаев, когда волки пожирали других, менее счастливых путешественников, со всеми кошмарными деталями. Ребенок слушал, боясь от ужаса шелохнуться, и вскоре я заметила, что Ежи страшно исхудал, совсем лишившись аппетита, стал по ночам с криком просыпаться от страшных снов. Его и в самом деле пришлось лепить. Обрадованные мать и Люцина с удвоенной силой принялись пичкать несчастного медикаментами, скармливая мальчишке и те, что Тереса присылала им из Канады, возможно, даже средства против женских болезней. Пихали в парня все подряд. Вот именно в этот период я и нашла Полчин.

Понравилась мне стоящая отдельно изба на краю поселка, вернее, печи в ней. Увидела я их в окно и решила снять комнату именно здесь. Вернее, даже не комнату, хозяйка сдала нам с Янкой весь дом, кроме нас там жила лишь она с мужем. Мебели в наших комнатах было мало, зато много свободного пространства. Ну и понравившиеся мне печи. Чтобы протопить их, приходилось таскать сучья из леса, причем хозяйка беззастенчиво пользовалась притащенными нами, чтобы самой не ходить в лес. Применяла и другие санкции против нас, например, экономя электроэнергию, выкручивала пробки в погребе. Дрожа от страха, я вкручивала их обратно, надев резиновые перчатки и резиновые сапоги, ибо всю жизнь панически боялась электричества.

Кстати об электричестве. Надо было в нужном месте упомянуть о нем, но вспомнилось только сейчас, так что простите за очередное лирическое воспоминание. Сами поймете — важное, так как след остался на всю жизнь.

Когда мне было годика два, я сунула пальцы в розетку и меня ударило током. Не больно и не смертельно, но я очень испугалась, отдернула руку и сказала:

— Мамуля, муха бззз…

— Это не муха, а ток, — поправила меня мать.

Ага, не муха, а ток, значит, меня укусил какой-то другой

нехороший зверек. Наверное, другое насекомое, что-то вроде овода, саранчи или комара. Вот и осталось у меня на всю жизнь убеждение, что электрический ток — это нечто вроде зловредного насекомого.

Вернусь, однако, в Полчин. Туда собирались к нам попозже приехать наши мужья. Мой приехал нормально, поотдыхал дня три и вернулся на работу, а Янкиного Доната все не было. Мы уже стали беспокоиться, когда появился и он. Я сидела за столом со всеми нашими тремя мальчишками, кормила их, как вдруг постучали в дверь. Я открыла и не узнала Доната в первую минуту: исхудавший, небритый, замурзанный до невозможности.

— Езус-Мария, ты откуда такой взялся?

— Долго рассказывать, — пробурчал Донат, входя. — Четвертый день до вас добираюсь.

Выяснилось, что он решил ехать все-таки на своем мотоцикле марки «виктория», который приобрел уже старым и битым и собственноручно приводил в порядок. Привел вроде бы и отправился в путь. Барахлить зараза начала уже после первых пятидесяти километров. Донат терпеливо ремонтировал ее и потихоньку ехал дальше. Когда же от старости разлетелась покрышка, пришлось вручную дотащить мотоцикл до какого-то кузнеца и дальше добираться на чем попало: на поезде, автобусах, случайных попутках. Последний участок пути Донат преодолел на своих двоих, а результат такого путешествия я узрела собственными глазами.

Отдохнув и восстановив силы, он вернулся в Варшаву на автобусе, а потом они вместе с моим мужем поехали к кузнецу за его «викторией», прихватив новую покрышку. На обратном пути Донат то и дело терял по дороге разные запчасти от своей машины, останавливался, возвращался, подбирал запчасти. Окончательно вышел из себя, когда отвалился кожух двигателя. Он опять слез, поднял железку и спокойно пригрозил:

— Вот как возьму большой камень…

Остальное он произнес со все возрастающим гневом и экспрессией, и я, пожалуй, не стану здесь приводить все его выражения. Подействовало. До самой Варшавы больше ничего не отвалилось.

В Полчине мы все удивлялись Кшиштофу, сыну Янки. Парень замечательный — спокойный, постоянно улыбающийся, доброжелательно настроенный по отношению ко всему свету. Только слишком медлительный. Особенно это проявлялось в еде. Нет, он не капризничал, ел без уговоров все, что дают, только уж очень медленно. Янка из себя выходила, а ему хоть бы что. Забыв о еде и о чем-то раздумывая, Кшиштоф еле-еле двигал

челюстями, делая по глотку в час. Мои дети уже давно расправились с едой, уже играют во дворе, вот уже собираются в лес за грибами, а Кшисек, улыбаясь, смотрит на них в окно и камнем сидит над тарелкой.

— Послушай, — в отчаянии спрашивает сына Янка, — неужели тебе не хочется в лес?

— Хо-о-о-очется…

— А ты не боишься, что они уйдут без тебя?

— Не-е-е-е-ет…

И что тут сделаешь? Во всем остальном, кроме еды, он вел себя нормально, ни о каком отставании в развитии и речи не могло быть. Вот только это проклятие с едой отравляло нам жизнь. Оказавшись в обществе моих сыновей, все остальные дети моментально заражались их аппетитом, только Кшисек упорно противостоял похвальному примеру. Оба моих сына были настоящими володухами. Мне никогда не приходилось уговаривать их поесть, напротив, скорее я их отговаривала: «Ну куда столько лопаешь, ведь заболеть можно!» А если кто из моих сыновей вдруг лишался аппетита, я уже знала — заболел.

Закончился наш отпуск, к детям приехала вторая смена. Первым делом Люцина схватила Ежи и помчалась с ним к врачу. Вот когда нашла коса на камень! Приняв Люцину за мать ребенка, интеллигентный, хорошо воспитанный доктор не выдержал и устроил ей такой скандал, что эхо шло по всей округе. Ребенок просто отравлен лекарствами, кричал доктор, ребенок на грани выживания, еще немного — и конец. Как можно пичкать ребенка таким количеством медикаментов? Что себе мать думает и думает ли вообще? Учтите, больше ни миллиграмма лекарств, даже если он будет умирать от воспаления легких! Дошло?!

Люцина поджала хвост и молча выслушала все, что доктор ей высказал. А тот велел поить ребенка натощак свежим отваром трав, пока организм не очистится от отравления медикаментами. И прописал рецепт травок.

Вернувшись в Варшаву, Люцина передала мне все слова, высказанные ей врачом, пытаясь переадресовать их мне, представляете? Естественно, я энергично воспротивилась, Люцина не упорствовала, и это дело мы спустили на тормозах, а вот травку парень пил, как врач и прописал, целых три квартала, и никогда в жизни мне больше не приходилось наблюдать таких поразительных результатов лечения. Ребенок расцветал прямо на глазах, уже через три месяца выглядел как пончик в масле, исчезли худоба и изжёлта-зелёная бледность, стал спокойно спать, прекрасно ел и рос как бешеный.

А чудесный рецепт затерялся.

Огорчились все родичи, а поскольку я по натуре человек активный, не ограничилась огорчениями и решила что-то предпринять. И, когда мы летом отправились в очередной отпуск, я решила опять побывать в Полчине.

Отправились мы опять двумя семьями, обе на «пано́нниях», потому что Донат отказался наконец от «виктории» и тоже приобрел мотоцикл марки «пано́нния». Двинулись мы на север — Мазурские озера, тухольские боры и тому подобное. Что мне стоило завернуть и в Полчин?

Стоял прекрасный май. Из Варшавы мы выехали еще весной, а через три дня вдруг наступила совсем летняя жара. В Мостке, например, промерзнув до костей под проливным весенним дождем и оставив мужей с мотоциклами в гостинице, мы умоляли в местной забегаловке продать нам немного водки. Идиотские законы запрещали по выходным подавать водку в таких заведениях, хотя мы уверяли, что на месте пить не будем, а выльем в термос с чаем. Сжалившись над нами, буфетчица согласилась продать нам заветные сто грамм, но лично проследила, как мы с Янкой выливали их в термос с горячим чаем, который потом отнесли в гостиницу страждущим мужьям. Те, лежа под одеялами, стучали зубами и никак не могли прийти в себя после целого дня езды под проливным дождем. Чай помог, никто из нас не простудился.

А вот в соседней Чаплинке мы, наоборот, уже помирали от жары. Договорившись с мужьями, где мы с ними встретимся, мы с Янкой отправились пешком по городку в поисках киоска с сигаретами. Купили сигареты и вышли за город, чтобы встретиться с мужьями в условленном месте. Солнце палило нещадно, мы плелись по дороге, где не было ни малейшей тени, чтобы укрыться. А мы — в полном мотоциклетном убранстве: куртки, свитера, толстые юбки, и под ними немало поддето. Тащимся мы с Янкой по дороге, и одна другой говорит, с трудом шевеля языком:

— Ну и почему ты не снимешь с себя хоть немного?

А другая так же расплавленно отвечает:

— И что, буду потом в руках тащить?

В Полчине стало еще теплее. Люцина сообщила мне фамилию врача: доктор Качор. Ну Качор так Качор, всякие бывают фамилии («качор» по-польски означает «селезень»). Судя по тому скандалу, что он закатил Люцине, я ожидала увидеть крепкого мужика почтенного возраста, бородатого и импульсивного, закаленного многолетним общением с глупыми пациентами. В конце концов, скандал он закатил особе уже далеко не первой молодости, не постеснялся.

Доехали мы до территории санаториев, и я отправилась на поиски доктора Селезня. Наткнувшись во дворе на женщину в белом халате, я поинтересовалась, где можно увидеть доктора Качора.

Укоризненно глядя на меня, женщина произнесла:

— Наверное, вам нужен доктор Казер?

— Да, да, разумеется, доктор Казер! — поспешила исправиться я, недобрым словом вспоминая тетку с ее вечными розыгрышами.

— Пройдите вон в ту дверь.

Постучала я в указанную дверь, и мне открыл молодой худощавый блондин в плавках и очках.

В первую очередь меня поразил даже не вид врача, а контраст между нашей одеждой. Он в плавках, и правильно, я же, начиная снизу — в шерстяных носках, шерстяных рейтузах… Положим, рейтузов не видно, но они же были! Дальше шли: шерстяная юбка, шерстяной свитер, кожаная куртка, шерстяной шарф на шее, шерстяной платок на голове. И ко всему еще мотоциклетные очки. Ага, еще и кожаные, на меху, перчатки.

— Простите, я имею честь говорить с доктором Казером?

— Да, это я. Слушаю пани.

И тут у меня как у последней дурочки вырвалось:

— Не может быть! Вы слишком молоды!

— Слишком молод? — изумился доктор. — Молод для чего?

Не очень удачное начало знакомства, ничего не скажешь. Взяв себя в руки, я сняла очки и платок, доктор накинул халат, и я изложила суть дела. Доктор разыскал прошлогодний рецепт и переписал его для меня, я получила в аптеке лекарство, но пользоваться им больше не было необходимости. Рецепт остался для меня в качестве реликвии.

А спустя двадцать один год тот же самый доктор Казер вытащил моего младшего сына из тяжелейшего нервного расстройства.

Разумеется, вы уже догадались, что теперь мне придется забежать далеко вперед.

Когда Роберту пошел двадцать третий год, с ним стали происходить очень неприятные вещи. Ни с того ни с сего на него вдруг накатывали приступы сильнейшей боли. Разумеется, можно было подозревать парня в симуляции, мог шутки ради прикидываться, чтобы напугать родных, но некоторых симптомов никто не может изображать. Сидим, например, мы все в комнате, Роберт тут же, и вдруг на глазах его лицо приобретает желто-сине-зеленый оттенок, под глазами появляются черные круги, и весь он покрывается обильным потом. Без вспомогательных

технических средств такого никак не изобразить. Схватившись за живот, парень покидает нас и возвращается через некоторое время уже нормальным человеком.

За Роберта принялись две его тетки, сестры мужа, одна терапевт, другая рентгенолог. Для начала предположили язву двенадцатиперстной кишки. Проверили — нет язвы. Тогда, может, желудок? Желудок тоже быстро отпал. Печень? Тоже нет. Когда один за другим исключили желчный пузырь, воспаление брюшины, поджелудочную и прочие железы, я оправилась от шока и поставила собственный диагноз: нервное расстройство, невроз, и ничего больше! Написала я письмо доктору Казеру, напомнив о нашей встрече более чем двадцатилетней давности, и получила ответ. Доктор к этому времени стал ординатором в Колобжеге и согласился посмотреть Роберта. Я захватила ребенка и поехала на прием.

Первой зайдя в кабинет, нашла, что за прошедшие годы доктор мало изменился. Рассказав о болезни сына и поделившись своими соображениями насчет их причины — скромно поделившись, ведь я профан, доктор лучше знает, — я оставила ему все анализы и сына и удалилась из кабинета.

Роберт сидел у врача целую вечность. Вышел довольный собой и с гордостью заявил:

— А доктор меня поджег!

Действительно, на коже в области желудка виднелся прямоугольник из малюсеньких густых точечек. Доктор прижег парню нервные окончания, подтвердив мой диагноз относительно невроза, и прописал пить настойку из трав при появлении болей. И опять не пришлось пить травку, ибо боли как рукой сняло после прижигания.

Уже несколько лет прошло, как доктор Казер скончался Мало о ком вспоминаю я со столь же безграничной благодарностью.

* * *

Остался в памяти и наш совместный с Янкой и Донатом отдых в Ромбке, той самой, где мы отдыхали в далекой молодости и питались потрясающе вкусной рыбой. Не помню уж, где мы сделали привал по дороге, наверное, ночевали в одной из гостиниц на побережье. Утром я вымыла волосы, накрутила их на бигуди, и мы двинулись в путь на наших мотоциклах. Жара стояла страшная, бигуди кусались, и с самого утра все мечтали только о том, чтобы выкупаться в море. Было это где-то в районе Белой Гуры, статистически самом теплом пункте Польши, чему я склонна поверить.

Кроме жары, Белая Гура отличалась еще и прибрежными дюнами. От дороги до пляжа надо было преодолеть километра два золотистых холмиков из чистого песочка и одно военное шоссе, закрытое для прочих смертных. Жара удручающе сказалась на наших умственных способностях, в атмосфере нарастало напряжение. Оба наших мужа — мой в бешенстве, Донат в мрачной отрешенности — полезли напрямки. Обе «пананнии» зарылись колесами в песок почти целиком, ясно было, что до моря не пробиться. У Янки хватило ума промолчать, я же, тоже донельзя раздраженная, высказала робкое предположение: а не попробовать ли в другом месте?

Пытаясь выдрать мотоцикл из песка, муж двумя короткими словами (нет необходимости их цитировать, все и без того знают, какими именно) попросил меня оставить его в покое, причем эти нецензурные слова проревел с такой яростью и силой, что их наверняка слышали моряки проплывавшего на горизонте судна.

Я обиделась смертельно. Слезла с мотоцикла и молча направилась пешком в другую сторону. В Варшаву. С трудом вытаскивая ноги из песка, сообразила, пройдя с полкилометра, что машинально взятая с собой сумка с документами, деньгами, термосами и продуктами слишком тяжела для меня. Поставив ее на песочек, я продолжала путь налегке. А тут еще проклятые бигуди кусаются!

Меня догнала перепуганная Янка.

— Перестань валять дурака, ведь в сумке деньги!

Я только плечами пожала: что значат деньги, если разбито вдребезги мое супружеское счастье?

Шла я и шла, и постепенно до меня доходило, что предстоит пройти семнадцать километров по абсолютно безлюдной территории, под палящим солнцем. Вышла на дорогу и двинулась по ней, чувствуя себя такой несчастной, как никогда в жизни.

Меня догнал муж на мотоцикле и злобно прорычал:

— Садись!

Я даже плечами не пожала. Тупо глядя в пространство перед собой, шагала как автомат, а проклятые бигуди уже насквозь прогрызли голову. Обогнав меня, муж проехал немного вперед и остановился, поджидая, пока я с ним поравняюсь. Уже ничего не сказал, а я обошла его как неодушевленный предмет и продолжила путь.

Сесть на мотоцикл соизволила только после четвертого приглашения, решив, что к мужу отнесусь тоже как к предмету неодушевленному, использую его с мотоциклом в качестве средства передвижения, доберусь до какого-нибудь автобуса, а там мы расстанемся навсегда. На веки веков, аминь.

Не могу точно сказать, в каком именно географическом пункте я изменила свою точку зрения. Возможно, в Лебе, где мы решили пойти пообедать, что заставило меня наконец хоть бигуди снять. Сразу стало легче. Тем не менее я по-прежнему была обижена, да и вообще за столом никто не разговаривал, все сидели отупевшие от жары и вконец обессиленные. Нам все никак не удавалось добраться до воды. После обеда решили ехать в знакомую уже Ромбку. Вот вдали показалась желанная морская гладь. Не останавливаясь нигде, промчались мы сквозь сосновую рощицу и затормозили перед самыми дюнами. Все так же молча, побросав мотоциклы где попало, срывая с себя по дороге одежду и тоже швыряя ее где попало, устремились мы к манящей голубизне (купальники на нас были надеты с самого утра), пробежали по песку, пробежали по мелководью и все четверо плюхнулись на первую попавшуюся отмель под водой. Погрузились в воду целиком, торчали только головы. Никто не плескался, не плавал, сидели молча, отупело и обессиленно.

Только через полчаса мы опять почувствовали себя людьми. Понятия не имею, извинился ли муж за грубость, для меня это уже было непринципиальным. Весело смеясь, пособирали мы разбросанную одежду и опять влезли в море, теперь уже купаясь и наслаждаясь прохладой. Мир стал другим. И мы тоже все вдруг стали симпатичными и очень любили друг друга.

Через два часа мы были в состоянии двинуться в дальнейший путь, и тут у Доната на выбоине полетели тормозные колодки заднего колеса. Случись такое до морского купания, я просто не представляю, чем бы все закончилось. Милостивая судьба подождала с аварией, пока мы не пришли в себя, иначе, боюсь, просто поубивали бы друг друга. Теперь же восприняли случившееся как просто неприятную задержку на пути к цели и даже развлечение и спокойно принялись обсуждать происшедшее,

ища оптимальный выход из него.

* * *

Собственно, весь тот период моей жизни был разделен на кусочки летними отпусками. Я всегда старалась вывозить детей к морю. Поскольку Ежи в малолетстве вечно хворал всевозможными ангинами, гриппами и прочими простудами, а также помня собственное гнилое детство, младшего сына я решила закалять и лучшим средством сочла море.

Роберту не исполнилось и двух лет, когда мы поехали во Владиславов, где я сняла недорогую комнату, с завистью поглядывая на пансионат «Сольмаре», недоступный для меня по причине дороговизны. Сутки проживания в нем обходились в сто десять злотых с носа, откуда мне было взять такие деньги? В «Сольмаре» мы ходили только обедать, причем я съедала детский обед, а мои дети — полные обеды. На сладкое в тамошнем ресторане обычно подавали торт «Мокка». Это был абсолютный шедевр, и я попросила у хозяйки пансионата пани Анджеевской рецепт торта. Та не делала секретов из своих кулинарных достижений и охотно поделилась со мной ими, да что толку, я все равно не могла воспользоваться ее секретами. Начинался рецепт так: «Взять шесть сильных кухонных девок…»

Закаливание младшего сына началось с ангины. В первый же день нашего приезда во Владиславов, в холодный дождливый день Роберт заболел. Педиатр «Сольмаре», приглашенный мною, счел ангину Роберта легкой и велел просто несколько дней выждать, не прописывая никаких серьезных лекарств. Через несколько дней погода исправилась, наладилась, и ребенок сам влез в море, а я не мешала ему делать что захочет, следя лишь за тем, чтобы он не промерз. Очень быстро выяснилось, что такое вообще невозможно. В море мы купались ежедневно, и, если палящее солнце сменялось вдруг диким холодным ветром, я, озябнув сама, вытаскивала ребенка на берег, досуха вытирала и переодевала в сухую одежду. Как известно, погодка у нас на Балтике бывает самая разная и редко напоминает тропическую жару, однако Роберт всегда реагировал одинаково на морские купания, какой бы погода ни была. Другие дети вылезали из холодной воды стуча зубами, посиневшие и покрывшиеся гусиной кожей от холода, мой же — толстый, довольный, румяный, ну просто тюлененок. Не веря своим глазам, я ощупывала дитя, а оно было теплее меня, сидевшей одетой на берегу. Я махнула рукой и перестала силой извлекать его из воды, предоставив купаться, сколько сам пожелает. Такое повторялось почти каждое лето, и Роберт не знал, что такое гриппы и ангины.

А я в то лето принялась писать свою первую настоящую повесть. Главным ее героем был доктор Голембевский. А прототипом героини стала старшая дочь тех наших знакомых из Груйца, которые во время оккупации открыли частную фабрику по производству порошка для печенья «Альма». Теперь они не занимались глупостями, стали владельцами фермы пушных зверей. Их старшая дочь, к тому времени восемнадцатилетняя, выросла настоящей красавицей: стройная, зеленоглазая и рыжеволосая. Она решила сделать ставку на собственную внешность и училась в школе спустя рукава, заранее наплевав на аттестат зрелости.

С повестью получилась ужасная вещь. У меня сохранилась рукопись, я написала больше половины, а потом бросила и больше к ней не возвращалась. Героиня повести по имени Магда заставила родителей дать согласие на ее брак еще до окончания ею школы, родители вынуждены были согласиться, объявили о помолвке дочери и устроили прием по случаю помолвки. В кухне топилась огромная плита, на которой готовили яства для вечернего приема. Магда приоткрыла дверцу топки, чтобы подбросить угля, махнула лопаткой и сыпанула уголь. А в нем оказался динамит. Редко такое случается, но случается. Взрывом покалечило бедную девушку, она потеряла один глаз, лицо было обезображено. Правда, жених, как честный человек, все-таки женился на ней, но потом там разыгрывались такие трагедии, что я не выдержала и не стала доканчивать повесть. Да что там повесть! Этот случай так меня потряс, что я вообще на несколько лет перестала писать. Ну, не совсем. Статьи в газеты и журналы писала, но беллетристику перестала.

* * *

После Владиславом мы отдыхали в Полчине. Не буду снова возвращаться к нему, а вот о следующем лете в Нехоже просто нельзя не упомянуть. Именно там я наблюдала явление, которое впоследствии весьма пригодилось мне при создании детективов. В отдаленную приморскую деревушку из банка в соседнем местечке везли в пикапчике деньги для очередной зарплаты. Деньги лежали в закрытом кузове, конвоир сидел в кабине рядом с шофером. Отчего-то задняя дверца машины открылась, и на дорогу вывалился мешок с деньгами. А вслед за машиной ехал крестьянин на велосипеде. Мешок упал перед ним на дорогу, машина ехала дальше. Крестьянин слез с велосипеда и поднял мешок. Видит — какой-то странный, на замок заперт и даже запломбирован. Ну, он подхватил мешок и нажал на педали, пытаясь догнать машину. Догнал ее только в Нехоже, и оказалось, вылетел самый ценный мешок с деньгами. Нашедший только головой покачал и отдал мешок, не потребовав даже положенного за находку процента.

А такие пикапчики, задняя дверца которых завязывалась на веревочку, я сама сколько раз видела Когда впоследствии писала сценарий фильма *"Лекарство от любви",* очень хотела использовать этот эпизод для замены по ходу действия фальшивых банкнотов на настоящие, но местная комендатура милиции попросила не делать этого, ибо гениальной идеей могли бы воспользоваться настоящие преступники. Из уважения к милиции я согласилась.

В каждой нашей поездке летом на отдых был какой-нибудь недостаток, и мы продолжали искать что-нибудь получше. На поиски по родному краю отправлялись ранней весной, и вот как-то раз за Малкиней, на реке Буг наткнулась я на деревушку, куда потом моя мать и Люцина стали ездить с детьми из года в год. Мы очень подружились с хозяевами дома, где снимали на лето комнаты.

Хозяйство у них было, можно сказать, образцовое. Жили и работали там два поколения. Старая хозяйка занималась домом и домашней птицей, старый хозяин вместе со старшим сыном работал в поле, молодая же хозяйка, их невестка, обхаживала свиней и телят. Работали все не покладая рук и шаг за шагом благоустраивались. Начали с глубоководной скважины, потом постепенно приобретали необходимый в хозяйстве инвентарь вплоть до комбайна, а потом уже приступили к постройке нового дома, комфортабельной виллы с ванной. Спустя много лет

молодой хозяин сам признался мне:

— Знаете, вот теперь, когда, вернувшись с поля, я могу выкупаться в горячей ванне, понимаю, что такое настоящая жизнь.

От их дома до леса было не больше километра, а в лесу — грибы и ягоды. Там мы собирали бруснику. А Буг протекал у самого дома, который стоял на высоком откосе. Моим ничего больше для счастья не требовалось, тем более что можно было сколько угодно пить молока от хозяйских коров. И моя мать, и Люцина без молока не могли жить, а я на пару с Ежи как-то раз прикончила целиком удой от одной коровы. Туда же приезжала Янка с Кшиштофом.

Однажды у нас там пропал Роберт. Несколько часов его не было, мы с ума сходили. Река — вот она, под носом, мало ли что. Я обегала все окрестности, нигде мальчишки не нашла. Мать призналась, что он отправился половить рыбку, прихватив удочку. Парню четыре с половиной, Езус-Мария! Я уже собиралась организовать прочесывание речного дна, когда Роберт появился — самостоятельно и добровольно.

Оказалось, он и в самом деле отправился на рыбную ловлю. Забросил удочку и поймал сам себя: крючок зацепился сзади за брюки. Долго пытался парень отцепить его самостоятельно, не получилось, и он отправился за помощью в ближайшую избу. Хозяйка сжалилась над дитём, увидев, что крючок впился ему в заднее место, и принялась отцеплять. Снять штанишки не было возможности, ибо проклятый крючок проколол их насквозь вместе с заправленной в них рубашкой, а женщина боялась порвать рубашку или штаны, ведь за продранную одежду мальца наверняка выпорют, вот и старалась вызволить его осторожненько. Это продолжалось несколько часов, бабе не пришло в голову, что мы сходим с ума в поисках паршивца. Ладно, главное — портки уцелели, а паршивцу строго-настрого запретили одному ходить на рыбную ловлю.

Впрочем, мои дети откалывали номера и похлеще. Тот же Роберт в совсем младенческом возрасте как-то на морском пляже потребовал у меня ложку. Я удивилась.

— Зачем тебе здесь ложка?

— Песочек копать.

— А где твоя лопатка?

— Исполтилась.

И предъявил лопатку. Я смотрела на нее и не понимала, что вижу. Металлическая часть лопатки была свернута в аккуратную трубочку. Попыталась я было ее развернуть — дохлый номер, даже с помощью плоскогубцев не смогла бы этого сделать.

Интересно, чем же орудовал этот паршивец? Под рукой абсолютно никаких орудий труда, ни камушка, ни даже деревяшки, только чистый песочек. Следов зубов на бывшей лопатке тоже не было видно.

— Как ты это сделал? — в ужасе вскричала я.

— Не знаю.

И я не знаю. Никто не мог понять, как удалось младенцу свернуть трубкой твердый металл.

Его старший братец в четырехлетнем возрасте тоже отличился. После длительной болезни требовалось продержать ребенка какое-то время в постели, а это всегда было самым трудным делом. Приходилось изобретать всевозможные развлечения. Перепробовав все имеющиеся игрушки, я в отчаянии принесла ему старый дедушкин будильник, давно испорченный. Присев рядом, показала, какая это замечательная игрушка, открутив от будильника пару винтиков. Разумеется, с помощью отвертки, без нее не смогла бы. Ребенок заинтересовался. Теперь я могла на какое-то время оставить его одного, заняться своими делами. Я и оставила Ежи наедине с будильником, забрав, разумеется, отвертку как опасный для малыша предмет. Вернувшись к сыночку через полчаса, я застала прекрасную картину: устройство оказалось разобранным на составные элементы, и сделал ребенок это голыми руками, пальчиками! И тоже до сих пор не могу понять, как ему это удалось.

Вот видите, теперь я забираюсь в прошлое, но ведь я честно предупреждала!..

Мой старший сын приводил нас в отчаяние своей «линкой». Что это такое — никто не мог понять. Можно сказать, таинственная «линка» появилась с тех пор, как Ежи стал говорить. И появлялась она в самых неожиданных случаях.

— Хоцу линку! — требовал сын. — Дай линку!

— Какую линку? — добивалась я.

— Пан дукал сёл и нес линку! — пояснял сын.

Ну ладно, «пан дукал» — это кондуктор, понятно, но вот что он нес? Что мог нести этот подлец?!

На вопрос, что бы сын хотел на ужин, он отвечал: «Линку». Какой подарок ему хочется на день рождения? «Линку». Что он видел на прогулке? «Линку». Проклятая линка сидела у нас в печенках, с помощью наводящих вопросов мы пытались вычислить, что же это может быть, пытались уловить момент, когда ребенок видел эту чертову линку, — все напрасно. Наконец наступил момент, когда малыш сам вдруг отцепился от сводящей нас с ума линки, а мы так и не узнали, что же это было.

А еще он доводил нас своими бесконечными «чем».

— А сейчас ты будешь завтракать, — говорила я сыну.

— Цем? — с интересом спрашивал ребенок.

И обязательно нужно было ответить, дитя не приступало к завтраку в ожидании ответа на свой вопрос. Господи, чем можно завтракать? «Вилкой», — отвечала я в полном отчаянии. Или «ложечкой», смотря по обстоятельствам. Ладно, завтрак еще полбеды, хуже обстояло дело, например, с атмосферными явлениями. «О, глядите, пошел дождь!» — говорил кто-то, а ребенок немедленно задавал свой неизменный вопрос: «Цем?» Ну и объясните, пожалуйста, чем может пойти дождь? Водой, наверное? «Ежи, поторопись, пойдем на прогулку». — «Цем?» Интересно, чем можно поторопиться? Собой, наверное.

Из двух зол уж я предпочитала «как» его младшего брата. Тоже не отличался разнообразием в своих вопросах, монотонно интересуясь во всех жизненных ситуациях: «Как?» На такой вопрос я могла давать уже более развернутые ответы, черпая из неиссякаемых запасов наречий. Дождь мог литься сильно, на прогулку мы могли пойти медленно, а завтрак съесть с аппетитом. Но если честно, своими вечными расспросами детки могли прикончить кого угодно.

И как будто считая, что этого мало, им помогала приканчивать меня, и весьма успешно, моя мать. Каждый раз, когда я приходила после работы к ней, чтобы забрать сыновей домой, открывая мне дверь, она встречала меня какой-нибудь ужасной информацией. Зная такую привычку матери, я еще перед дверью сжималась в комок, собирая все силы, чтобы вынести очередной удар.

Звоню. Мать открывает и говорит:

— Ты должна мне двести сорок два злотых и пятьдесят грошей. Купила детям обувку.

Или:

— Жуткое несчастье! Нет, входи и сама посмотри! Видишь, кран протекает!

Или:

— Больше я с твоими сорванцами не выдержу! Роберт опять порвал штаны!

Или:

— У обоих высокая температура, еле тебя дождалась, беги за доктором.

Всего не перечислишь. У моих сыновей было: искривление позвоночника, плоскостопие, расстройство пищеварения, умственная неполноценность, туберкулез и нарушение обмена веществ. Однажды мать побила все свои прежние рекорды. Распахнув передо мной дверь, она трагическим голосом заявила:

— У Ежи остеомиелит.

У меня сумка вывалилась из рук, я чуть не померла на месте.

— Почему? Откуда?.. С чего ты взяла? Кто определил?

Оказалось — никто, мать сама пришла к такому заключению на основании собственных наблюдений. Остеомиелит меня доконал, после него я уже перестала реагировать на катастрофические инсинуации матери.

* * *

В материальном отношении нам по-прежнему жилось тяжело, приходилось выискивать дополнительный приработок. Помогла Люцина. Она работала в профсоюзном издательстве и поручила мне написать серию статей о значении колористики на производстве. С темой я справиться могла, поскольку имела представление и о колористике, и об архитектуре наших учреждений, а писать к тому времени уже научилась довольно сносно. Повсюду велось строительство, вот я и разъезжала по всей стране, выискивая наиболее интересные случаи для своих статей. Продолжалось это не один год, и сейчас я просто не могу понять, как удавалось мне сочетать такую творческую деятельность с основной работой, домом и уходом за детьми.

Не бойтесь, я не намерена цитировать здесь свои статьи, хотя некоторые из них были весьма удачными, похвастаюсь лишь одним достижением.

Как-то во время одной из творческих командировок на предприятии я застала лишь секретаршу директора. Ознакомившись с моим командировочным предписанием, девушка провела меня сначала по производственным помещениям, потом запустила в директорский кабинет. Мне хватило одной минуты. Выходя, я спросила у нее:

— Они, должно быть, жутко ссорятся в этом кабинете?

— Откуда вы узнали? — удивилась секретарша. — И в самом деле. Такой крик стоит — на всех этажах слышно! Знаете, это трудно вынести.

С пониманием выслушав девушку, я пояснила, откуда мне известно о нервной обстановке в кабинете ее директора. Комната была большая, просторная, хорошо и даже со вкусом обставленная. Но цвет… Красная обивка на стульях и креслах, огромный, во всю комнату ковер в фиолетовых тонах, а шторы на окнах оранжевые в алые разводы. От всего этого в глазах рябило и начинала болеть голова. Сразу вспомнилось, как я циклевала пол в новой квартире бритвой мужа в обществе новехонького дивана свекольного цвета, так что я легко могла себе представить чувства, бушевавшие в груди людей, сидевших в таком кабинете.

В это же время я пыталась писать и детективы и должна признаться, что на мое будущее творчество муж оказал весьма заметное влияние. Как-то я прочитала очень завлекательный детектив, не помню уже ни автора, ни названия. Была в нем такая сцена. Чёрной-пречёрной ночью плывет по черному безбрежному океану преступник на маленькой лодочке. Разумеется, весь в

черном. Наконец доплывает до острова еще более черного, чем океан. Высаживается преступник на берег и идет делать свое черное дело. Идет осторожно, ведь ничего не видать. Вот он наткнулся на провод, перелезть нельзя, поднимется тревога. Преступник осторожненько обматывает этот провод изоляционной лентой и перерезает кусачками. Потом натыкается на второй и тоже, обмотав изолентой, перекусывает. Вроде все идет как надо, но третьего провода преступник не заметил, разорвал его ботинком, и из-за этого поднялась тревога и вообще возникли все последующие осложнения.

Прочитав это произведение, муж так хохотал, что с трудом успокоился. Я удивилась:

— Ты чего? Тут такие страхи, а ты ржешь. Что смешного?

— Ну как ты не понимаешь? — ответил муж, отирая слезы с глаз. — Какая разница, разрезал ли он провод кусачками, обернув изоляционной лентой, или разорвал копытом? Ведь идиотизм же!

Я была потрясена. Для меня и в самом деле изоляционная лента представлялась гарантией безопасности. Убедившись, что муж прав, я запомнила этот случай на всю жизнь и поняла, как важно разбираться в существе дела. Поэтому впоследствии я всегда проверяла все малейшие детали в моем будущем произведении, в которых не была уверена. Твердо решила: я таких идиотизмов не допущу.

И чтобы не слишком отвлекаться, сразу же добавлю: сама лично убедилась в правильности такого решения. Читала я недавно историческую книжку для молодежи, действие которой происходит в XIV веке. Опять же не помню фамилии автора (женщины). Начинается книга с такой сцены: по пустынному пляжу, еще до восхода солнца, бежит мальчик и находит кусок янтаря. Еще темно. В кромешной тьме мальчик порылся в прибрежном песочке и нащупал кусочек янтаря, выброшенный морем.

Поскольку у меня ко времени знакомства с этой книгой был за плечами многолетний опыт собирания янтаря, я сразу поняла весь идиотизм приведенной выше сцены. Море выбрасывает на берег все подряд. Ну допустим, в XIV веке оно не выбрасывало пластмассовых изделий, а все остальное ведь выбрасывало? И водоросли, и камни, и рыбьи внутренности со скелетами, и дохлую морскую живность, и куски дерева, и тысячи еще других гадостей. И в куче такого мусора на ощупь определить кусок янтаря нельзя хотя бы потому, что на морском берегу он валялся бы не очищенный, а вместе с породой, из которой его вырвали морские волны, так что по тяжести ничем не отличался бы ни от куска дерева, ни от камешка. В кромешной тьме попробуйте на

ощупь отличить такой янтарь от прочих разных разностей. Я пробовала, и у меня ничего не получалось. Пусть бы авторша сама попробовала, ха-ха! А так книга очень милая, интересная, написана профессионально; наверное, и исторические детали автором проверены, но вот эта вступительная сцена сразу дискредитирует всю книгу. Прекрасно понимаю, не все читатели книги разбираются в янтаре, но все равно автору непозволительно совершать такие ошибки, тем более что очень легко можно было бы проверить достоверность написанного. Могла бы, например, и мне позвонить… К тому времени мною было уже написано немало, и я еще раз убедилась: проверять, проверять, проверять!!

А что из этой проверки получилось, я напишу как-нибудь потом, когда время придет.

* * *

Муж оказал влияние не только на мое творчество, и сейчас самое время посвятить ему больше внимания. Он не любил никаких развлечений. Кафе, рестораны для него не существовали, о ночных заведениях и речи быть не могло. В кино я каждый раз выволакивала его силой и теперь только удивляюсь: зачем мне это было нужно? Каждый раз я несла личную ответственность за качество фильма, а в зрительном зале муж преимущественно засыпал и своим храпом компрометировал меня. Когда же по ходу действия на экране фильма звук усиливался, муж просыпался и, чрезвычайно недовольный, громко протестовал против такого шума. Когда мне довелось смотреть фильм «Самая красивая» с Анной Маньяни, — очень крикливый, помните? — я радовалась, что не захватила с собой мужа. Представляю, как бы он отравил мне все удовольствие, если бы сидел рядом!

Надолго запомнился скандал, устроенный им по случаю похода всем нашим семейством на «Трёхгрошовую оперу». У нас в родне было заведено по праздникам совместное посещение театра. Кто-нибудь покупал билеты, и мы отправлялись гурьбой. Тут тоже получилось довольно неожиданно, мы к этому привыкли и радостно собирались, муж же отбивался зубами и когтями. *Я* осталась тверда и заставила-таки его пойти с нами. Потом он признался, что пьеса ему очень понравилась и как хорошо я поступила, силой заставив его пойти.

Был он не просто непьющим, но убежденным трезвенником, из-за чего в гостях я каждый раз переживала муки мученические. Сам в рот не брал ни капли спиртного и еще оказывал негативное воздействие на остальных. Садились мы за стол — у нас или в гостях, — муж позволял наполнить свою рюмку, потом поднимал ее и подозрительно нюхал. Понюхав, с таким отвращением отставлял на место, что окружающие с рюмками просто терялись, не зная, как поступить. Глядя на него, многие тоже начинали принюхиваться, а потом растерянно оглядывались. Тоже поставить на место? Выпить? За столом веяло холодом, праздничное настроение — псу под хвост.

Танцевать он умел, но не любил. Очень хорошо играл в бридж, но никогда на деньги, даже если ставки были грошовые. Просто не терпел азарт ни под каким видом. Сколько нервов мне стоили рождественские и новогодние праздники — лучше не говорить, но они у меня все записаны, и, возможно, я еще этот реестр использую.

А вот по уходу за детьми он был просто незаменим После

купаний в Буге на Роберта напала какая-то аллергия, ребенок весь покрылся струпьями. Несчастный их расчесывал, отчего они гноились, в общем, сплошной кошмар. Ребенка надо было купать в крахмальном растворе и на ночь закутывать в пропитанную риванолем простыню. Ни минуты не сомневаясь, зная, что делаю, я отправила ребенка во Владиславов с папочкой, и, когда через две недели приехала к ним, все болячки с Роберта сошли, остался лишь маленький прыщик на пятке. Золотой муж!

Наш последний с ним общий отдых мы провели в Ротулове под Закопане. Отдыхали своей компанией, мы с мужем и двое его коллег по работе, один с женой, а второй со своей девушкой Не стану заострять ваше внимание на том обстоятельстве, что эта самая девушка вскоре стала второй женой моего мужа. Тогда, в Ротулове, этого еще никто и представить не мог. Мы, женщины, поделили между собой хозяйственные обязанности. Меня освободили от приготовления пищи, зная мою к этому неспособность. Я взяла на себя заготовку топлива и разжигание огня. Жили мы в хижине местного горца, и он сделал мне грандиозный комплимент. Глядя, как я рублю топором дрова на пенечке, он сказал:

— О, пани рубит как мужик, а не как баба.

И я вся раздулась от гордости.

А муж добился успехов в другой области. Хозяин научил его ловить форель руками в горном ручье, муж проявил большие способности, и мы часто ели восхитительно вкусную рыбу. Муж не отдавал себе отчета в том, что этот метод рыбной ловли — браконьерский, а я ему не говорила, иначе он, по натуре чрезмерно добропорядочный и законопослушный, перестал бы доставлять нам пищу.

Однажды вечером туземцы решили продемонстрировать нам настоящий горский разбойничий танец. Мы почему-то понравились местным парням, вот они в тот вечер и решили потешить нас. Кооптировали парочку своих приятелей, в том числе и местного секретаря партии, организовали оркестр, и началось! Отплясывали разбойнички в лыжных ботинках и так колошматили подошвами о деревянный пол, что только искры летели! Мы были в восторге, а они, закончив выступление, сказали:

— Ну а теперь вы нам покажите, как пляшут в Варшаве.

Выбор был небольшой. Обе наши пани не годились в танцовщицы, а из мужчин танцевать умел только мой муж. Оркестр принялся наяривать польку, и мы с мужем пустились спасать честь столицы.

Мою жизнь спас каблук, оторвавшийся через двадцать минут

безумного танца. А ведь я решила плясать до упаду, хоть и отдавала отчет в том, что молодые горцы-музыканты будут повыносливей меня. Каблук отлетел, мы остановились, музыка смолкла, а муж снял с себя рубаху и выжал в окно. Поскольку нам аплодировали бешено, считаю, чести столицы мы не уронили, а каблук мне прибил сапожник в Закопане.

* * *

Где-то в конце пятидесятых годов Люцина получила садово-огородный участок недалеко от Окенче. Жила она на улице Жвирки и Вигуры, а полученный участок находился напротив ее дома, по другую сторону улицы. Была это настоящая целина, и мы всем семейством ее поднимали. Муж не выносил огородные работы, не любил копаться в земле. Мы его и не особенно заставляли, но иногда просто необходима была мужская физическая сила.

Навсегда остались в памяти страшные минуты, когда муж тащил доски для беседки. Приобрели мы их на лесопилке и довезли, видимо, на автобусе, трамвай там тогда еще не ходил. Огромную связку досок муж, согнувшись, тащил на спине, а я насмерть забыла, где находится калитка в заборе, окружавшем участок. Рысцой бежала впереди мужа вдоль забора, боясь, что каждую секунду он бросит доски наземь и разразится проклятиями. Куда же подевалась эта холерная калитка?

— Вот она! — нервно вскрикивала я. — Нет, не тут, наверное, немного дальше. Вон там… Нет, снова ошиблась. Еще секундочку, сейчас будет…

И коровьи лепёшки муж собирать не хотел. На лугах вокруг паслись коровы, а их навоз, как известно, лучшее удобрение для нашей тощей почвы. Видели бы вы, с какой завистью взирали владельцы участков на счастливчика, несшего тазик этого деликатеса! Думаю, тазик с золотом вызвал бы куда меньше эмоций. Моя мать и Люцина с упоением занимались сбором, да и я охотно помогала им, если выдавалось свободное время.

А времени у меня всегда было в обрез. С самого утра на работе, после работы — а кончали мы часа в четыре — я закупала продукты в магазинах, ехала к матери и забирала от нее сыновей. Дома готовила еду, убирала квартиру, стирала и гладила белье, в чем мне часто помогал муж, и до поздней ночи сидела за столом над дополнительной работой. Хорошо, что Ежи перед сном мылся сам, а Роберта надо было еще выкупать. Раздражала меня бесконечная штопка мужниных брюк. Сыновья брали пример с папочки и тоже вечно раздирали брюки. И в самом деле, на сбор коровьего навоза времени уже не оставалось.

Обеды я готовила два раза в неделю, потом их подогревала и подавала на ужин. А завтрак для детей приготовила лишь раз в жизни. И случилось это следующим образом.

Как-то я купила на обед неудачное мясо, сколько ни тушила его, осталось сухим и невкусным. И еще приготовила на ужин

картофельный салат. Состоял он в основном из картофеля и тоже, по единодушному мнению моих мужчин, был несъедобным. Спать я легла расстроенная. На следующий день, в воскресенье, встала пораньше — редкий случай — и приготовила на завтрак бутерброды: мясо нарезала тонюсенькими ломтиками, разложила на кусочки булки, поверх положила по ложечке картофельного салата и каждый бутерброд украсила ломтиком помидора. Занялась чем-то в ванной и слышу — один из моих сыновей проснулся и протопал в кухню. Потом бегом бросился к еще спящему брату:

— Ты, вставай скорей! Мать завтрак приготовила! Пользуйся случаем!

Второй немедленно вскочил, парни помчались в кухню и слопали целое блюдо заготовленных мною вкуснючих бутербродов.

* * *

И вот, после одиннадцати лет счастливой супружеской жизни… Нет, я не валяю дурака, мой брак и в самом деле был идеально счастливым, хотя и нелегким. Скандалы лишь разряжали атмосферу, мы с мужем любили друг друга, понимали друг друга, шли на компромиссы и уступки, а полнейшая искренность с обеих сторон была качеством бесценным. Все же остальное можно считать мелочами. На взрывы его ярости я реагировала по-разному, точно так же и он на проявления моего темперамента.

Первые восемь лет совместной жизни нашими деньгами распоряжалась я. На этом настаивал муж, у них в семье так было принято, все деньги отдаются жене, а уж она ими экономно распоряжается. Поскольку я уже немало рассуждала на эту тему, не стану повторяться, скажу лишь, что чаша моего терпения переполнилась.

— Хватит! — решительно заявила я. — Теперь финансами будешь ведать ты. Получай свои деньги, мои деньги, деньги за дополнительную работу и распоряжайся ими. Я слишком глупа для этого, не умею экономить, попробуй ты.

Через три месяца после знаменательного решения мой муж, доселе не желавший, как он заявлял, унижаться и заискивать в поисках дополнительной работы, взялся за эту работу. Насчет унижения и заискивания это он кокетничал, напротив, его умоляли сделать какой-то научный перевод с английского, а он выкобенивался и отказывался, я считаю — просто ленился. Его умоляли, а он кочевряжился. То же самое происходило и с Новой Зеландией. Ему предлагали там работу по контракту на пять лет, выгодные условия проживания с семьей и даже мне работу в тамошнем проектном бюро. Услышав о таком заманчивом предложении, я себя не помнила от счастья, а он отказался! Пять лет — слишком много, сказал, на два года, возможно, и поехал бы. Вот так Новая Зеландия сделала нам ручкой, а меня чуть кондрашка не хватил. Именно тогда и передала я ему финансовые бразды правления. Надо было сделать это намного раньше.

К этому времени подошел срок сдачи мною экзамена на получение диплома инженера-строителя. Из-за этого я три года мучилась на стройке, теперь же мне был необходим этот диплом для поступления на работу в проектное бюро «Блок» на улице Кредитовой. Там как раз освобождалась ставка. Моя подруга Баська со своим мужем Анджеем уезжали за границу, освобождалось даже два места. Они меня и рекомендовали

руководству бюро. Меня пригласили, со мной поговорили, и все было в шляпе, оставалось лишь формально получить необходимый для новой должности диплом.

И вот именно в этот момент мой муж решил развестись со мной.

Причины такого решения мне неизвестны. Возможно, повлияло то обстоятельство, что я распевала в ванной вальс собственного сочинения:

Последний лист уж с дерева слетел.
Увяли розы яркие цветы.
Ты столько лет меня любил, хотел,
А вот теперь меня не хочешь ты!

Мое пение жутко раздражало мужа, и ничего удивительного. И тем не менее уже после развода назло ему я сочинила продолжение вальса, находя в творческом процессе горькую сладость и утешение. Считаю, у меня получилось неплохо. Пожалуйста, могу процитировать свой вальс целиком, а кому не нравится, пусть не читает. И сразу же хочу успокоить вас — больше с поэзией у меня вы не встретитесь.

Умчалось лето в голубую даль,
Дожди и слякоть осень принесла.
И в сердце у меня парит печаль.
Я слезы лью. Такие вот дела!

Покрылась снежным саваном земля,
Завыли вихри холодно и зло.
Ты стал другим. О, где любовь твоя?
Неумолимым временем смело.

Меня ты бросил в ритме раз-два-три…
Последний бал закончился для нас.
Лишь прежним счастьем кружится внутри
Оптимистический и светлый вальс.

Пропали лето, осень и зима,

Обидно очень — псу пошли под хвост.
Справляться с горем буду я сама,
Ну ладно, вытру слезы, выше нос!

Ведь всем известно — мир устроен так,
Что солнце застилает пелена,
Что ясный день сменяет ночи мрак,
Но каждый год приходит вновь весна!

И с нею снова засияет день,
И с нею снова зацветет сирень,
И кто-то будет вновь меня любить,
Еще похлеще… очень может быть!

Если бы этот шедевр я создала до того и упорно распевала его во весь голос, у мужа были бы все основания бросить меня, ибо слух у него был абсолютный. Собственный слух я уже неоднократно приравнивала к слуху любого встречного пня, но пень в отличие от меня был молчаливым… А если бы вдруг запел, думаю, сделал бы это музыкальнее, чем я.

Чтобы все-таки избежать ненужных инсинуаций и не заставлять читателей понапрасну ломать головы, поясню, что явилось истинной причиной развода. Причиной стал бескомпромиссный характер моего мужа, его неумение и нежелание прибегать к обману и скрытности. Он влюбился в ту самую девушку из Ротулова и был неспособен держать свою связь в тайне, ему непременно нужно было жениться, а для этого требовалось развестись со мной. Действовать втихую он не мог, непременно надо было действовать открыто, с шумом и треском.

Гром с ясного неба был ничем по сравнению с обрушившимся на мою голову заявлением мужа. Он потребовал развода, и я сразу же согласилась, ошарашенная свалившимся на меня несчастьем. И только спустя секунду подумала, что у меня всегда останется в запасе выход — самоубийство.

Естественно, на меня сразу же навалился невроз, нервное расстройство, а тут еще надо мной висел проклятый экзамен на получение диплома инженера-строителя. Врач, к которому я обратилась, в недоумении развел руками:

— Ну и задачку вы мне задали! Если бы не экзамен, я моментально успокоил бы пани, но перед экзаменом нужна ясная голова и умение быстро соображать. Что бы такое придумать?

И он придумал лекарство, которое я в подробностях описала в *«Крокодиле из страны Шарлотты»*. Оно действительно было отвратительным, горьким до невозможности, и мне становилось плохо уже при одной мысли, что вот сейчас надо его выпить, но действовало потрясающе. Принимала я эту гадость три раза в день и экзамен сдала.

А потом все-таки попыталась совершить задуманное самоубийство. Тщательно все продумала, устроила так, чтобы никого не было в квартире в тот роковой день, и приступила к делу. Заклеила газетой все щели и вентиляционные отверстия в ванной и открутила газ.

Примерно через четверть часа до меня дошло, что газ горит, а вода льется, так что я вполне могу выкупаться, а вот помереть — вряд ли. Погасив пламя, я опять открутила газ и принялась ожидать свой смертный час. Поскольку я ничем не была занята, принялась думать. В конце концов, перед смертью человек, как правило, вспоминает всю свою жизнь, ну и я стала вспоминать.

И вспомнила, холера, что после меня останется множество бумаг, которые просто не должны меня пережить. Опять перекрыла газ, отложив ненадолго самоубийство, и вышла из ванной, чтобы сжечь все свои бумаги.

Печь в кухне всегда дымила, сейчас же мне было не до того, чтобы подумать о направлении ветра, и через полчаса квартиру заволокло дымом. Пришлось пораскрывать окна, а был конец ноября, и комнаты быстро промерзли. Сражаясь с превратностями судьбы, злая как черт, я сообразила, что время ушло, скоро вернутся дети, и что? Мало того, что они увидят в ванной мой хладный труп, еще, Боже сохрани, тоже отравятся газом, а тут еще стылая квартира. Нет, не имею права собственных детей подвергать такой опасности. Значит, не судьба, придется остаться в живых.

Муж какое-то время жил с нами, ему некуда было деваться, мы сохранили грустную, благородную дружбу и вели бесконечные, изнуряющие, откровенные беседы по ночам. Психика моя больше не выдерживала напряжения, ведь атмосфера в доме парила прямо-таки кладбищенская. Мы договорились ради детей сохранять видимость нормальных отношений, но муж вскоре стал питаться отдельно, а потом, в одной из упомянутых выше ночных бесед, измученным голосом попросил:

— Знаешь что, не надо больше гладить мне рубашки.

Я энергично воспротивилась, что свидетельствует о моей бездонной глупости. А аргументы были такие: договорились сохранять видимость, одиннадцать лет я гладила рубашки,

значит, должна и теперь гладить. А муж знай твердит — не гладь!

— Ну хорошо, — со злостью сказала я. — А как насчет остального? Подштанников тоже не гладить?

— Да! — совсем уж гробовым голосом ответил муж. — Подштанников тоже не гладь.

И тут до меня дошел весь комизм ситуации. Из уважения к бывшему мужу я не расхохоталась во весь голос, но внутри полегчало и психическое напряжение как рукой сняло. Видимо, я достигла дна отчаяния, оттолкнулась от него и понемногу стала выплывать на поверхность.

Сначала поинтересовалась, можно ли на его лимонах поставить особый знак, потом разрешила детям съесть его колбасу, а потом и вовсе перестала с ним цацкаться и прямо велела убираться из квартиры.

По случаю развода я устроила прощальный чай. На нем присутствовали Янка и Анджей, муж Ядвиги. Конечно, не обошлось без скандала, ведь характер мужа не изменился, а я уже не намерена была терпеливо сносить его выходки. Янка пролила на стол свой чай, а Анджей потребовал для меня большие алименты. Муж, как всегда принципиальный, чая в рот не взял, ведь он находился в доме врага.

И все же на этом прощальном чае мы пришли к соглашению. Муж отказался от намерения отобрать у меня детей и проявил благородство, пообещав большие алименты. Я тоже проявила благородство и даже не упомянула о том, что создала ему условия для выполнения очень выгодного в денежном отношении заказа на перевод книги, деньги за который он получил только сейчас и эти деньги предназначил на покрытие судебных расходов по разводу. Я увидела в этом факте перст судьбы и решила с судьбой не тягаться. Одолжила у Люцины шестьсот злотых, чтобы внести свою долю, и не уверена, что эти деньги Люцине возвратила.

Зато я стала курить. До последнего времени мы с мужем каждую неделю бывали у его родителей на обедах, там за десертом все закуривали. Я же, некурящая, продолжала есть, что было еще делать? И начала толстеть, вот и пришлось прибегнуть к курению.

В общем, многое изменилось. Я обещала мужу дать согласие на развод и от своего слова не отказалась. На суде дело должно было обойтись без обвинения кого-либо из супругов, но мужнин адвокат составил такой идиотский иск, что я просто не могла с ним согласиться. Ладно, главная причина развода — несходство характеров супругов — пусть остается, правда, заметили это несходство немного поздновато, одиннадцать лет понадобилось,

но чего не бывает… А все остальное было сплошным идиотизмом, и сейчас я очень жалею, что не располагаю копией документа. Оказывается, я соглашалась выполнять свои супружеские обязанности только тогда, когда муж выполнял свои хозяйственные по дому, предъявляла мужу неимоверные финансовые требования, а сама полностью подчинялась влиянию журнала «Пшиячулка» и ей подобным феминистским изданиям. И такое муж принес мне показать!

— С ума сошел! — в ярости вскричала я. — Ни в жизнь не подпишу такой кретинизм. У меня столько недостатков и без этих вымыслов, а ты так толком ни одного и не использовал! А ну садись и давай вместе составим иск!

И под мою диктовку муж написал, вернее, я сама составила иск против самой себя. Я по натуре неаккуратная, а он педант, я люблю французских классиков литературы, а он «Жиче Варшавы», я любила развлекаться и хотела танцевать, ходить в театры и кино, а он домосед и предпочитал оставаться дома. А что касается супружеских обязанностей, в пику ему я придумала, что предъявляла к мужу повышенные требования, с которыми он не справлялся. Да что там, даже в еде у нас были разные вкусы, он любил картошку с молоком, а я селедку в уксусе.

— И еще добавь физическое отвращение, — посоветовала я. — На физическом отвращении можно очень далеко заехать.

— А это еще зачем? — удивился муж.

— У нас двое детей. Так просто тебе развода суд не даст, надо придумать что-то такое… радикальное. В последние годы ты испытывал по отношению ко мне чисто физическое отвращение и, преодолевая его, полностью истощил свою нервную систему.

Физическое отвращение очень понравилось мужу и рассмешило его, а идея оказалась гениальной.

На судебное разбирательство я явилась с новой прической, выкрасив волосы в пепельный цвет, и в элегантном костюме. Единственном, правда, какой у меня был, но ведь суду не обязательно знать об этом. И перед судом первый раз в жизни купила себе малюсенький флакончик духов Диора. До сих пор на духи я денег не тратила, даже одеколон не покупала. Села на скамейке в коридоре здания суда, рядом сидела Янка и волновалась, бедняга, больше меня. Вынув флакончик из сумки, я открыла его, чтобы понюхать духи, и в этот момент выкрикнули мою фамилию. Нервная Янка подпрыгнула и толкнула мою руку, так что содержимое флакончика вылилось мне на костюм.

В зал суда я вошла, распространяя вокруг себя такое благоухание, что сразу произвела хорошее впечатление. Адвоката у меня не было, я не видела в нем необходимости, потому как не

собиралась затягивать решение нашего дела, напротив, была полна решимости как можно скорее покончить с ним окончательно и бесповоротно. Отрезать прошлое и начать какую-то другую жизнь!

Адвокат мужа нес полнейшую околесицу. По лицу судьихи было видно, как не нравится ей наше дело. Муж не владел собой, он не терпел публичного разбирательства своих личных проблем и на вопросы давал глупые ответы, не соображая, что говорит. Я видела, к чему идет дело. Того и гляди, иск суд отклонит и мне придется потом являться в этот суд Бог знает сколько раз. Нет уж! И когда мне предоставили слово, я произнесла его столь вдохновенно, что до сих пор горжусь собой.

— Я выросла в хорошей семье, — с достоинством вещала я. — И привыкла, вставая из-за стола, удаляться на отдых, а посуду должна была мыть прислуга. А мой муж такой педант по натуре, что все кастрюли в кухне на кухонной полке всегда ставил ручками в одну сторону, представляете?!

Кастрюлями я сразу изменила атмосферу в судебном зале, а ведь сказала чистую правду! Мебели в нашей кухне было маловато, кастрюли я и в самом деле держала на открытой полке, а муж и в самом деле машинально выравнивал их и ставил ручками наружу. И много чего еще делал этот невыносимый педант, о чем я и поведала суду — проникновенно, дрожащим от сдерживаемого возмущения голосом. Затем принялась описывать взаимные уступки и компромиссы, которые в конце концов убили нашу великую любовь. Небрежно, походя признавалась в собственном легкомысленном характере и неспособности справиться с домашним хозяйством. Всего, что плела, уже не помню, но закончила цитатой из «Пшекроя»:

— Я глубоко убеждена, что лучший для женщины способ сохранить красоту рук — это делать всю домашнюю работу руками мужа!

С каждым моим словом лицо судьихи менялось, это я видела ясно. А при последних словах она взирала на меня уже просто с ужасом. Мой легкомысленный характер и склонность к увеселениям подтверждала мощная струя Диора, которую я сама с трудом выносила. Итак, все понятно. Этот несчастный, честный и порядочный человек просто не в состоянии больше жить с куртизанкой, хотя изо всех сил благородно старается скрыть истинную причину развода.

Я уже собралась было закончить речь, как вдруг вспомнила самое главное.

— А кроме того, — решительным тоном заявила я, — мой муж в последние годы испытывает ко мне непреодолимое

физическое отвращение.

— Но почему же? — вырвалось у судьи.

Однако меня уже покинуло вдохновение, и внутри я ощущала абсолютную пустоту.

— А это уж пусть он сам вам объяснит, — с трудом произнесла я и взглянула на мужа.

Судья тоже взглянула на него. А он сидел с таким выражением на лице, что никаких пояснений не было нужно. Физическое отвращение читалось на нем яснее ясного.

Второго судебного разбирательства не потребовалось, суд дал нам развод сразу.

А мне и в голову не пришло, что настоящая моя жизнь только начинается…

Часть третья
ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ [3]

Все пережитое — наше!

* * *

Первой, на кого я наткнулась в новой архитектурно-проектной мастерской, была Алиция.

Миновав закуток, где работала кадровичка, я оказалась в коридорчике, откуда вела дверь дальше; перед дверью подпрыгивала какая-то черноволосая особа. Подпрыгивала на месте, то на одной ноге, то на другой, и мстительно-самозабвенно приговаривала:

— Так тебе и надо! Так тебе и надо!

Особа в столь колоритной манере явно выражала радость по поводу промаха, совершенного врагом. И само собой, подобное темпераментное выражение чувств с ходу пришлось мне по душе.

Мастерскую описывать не стану, это уже сделано. В книге *«Подозреваются все!»* изображена правда, и одна только правда, за исключением совершеннейших пустяков, которые охотно уточню здесь. Не было дыры в стене между дамской уборной и комнатой главбуха, не разбивался гипсовый вазон с балкона, и Столярека никто не убивал. Про вазон сразу сообщаю: когда содержимое в нем основательно перебродило, Весек намочил этой экспериментальной жижей тряпку на палке и всем сослуживцам совал под нос понюхать, каждый машинально хватался за благоухающую тряпку рукой, дабы оттолкнуть это черт те что, и очередь в умывалку выстроилась огромная. Воняло вполне классно. К Столяреку я вернусь в свое время, а пока что намереваюсь придерживаться хронологии, из чего, само собой, у меня возникнет тематическая неразбериха и полнейший кавардак.

Во всяком случае, от всей души советую читателям сперва перечитать *«Подозреваются все!»* и только после этого браться за мое теперешнее творение.

В мастерской мне поручили объект под названием «Гурце» — битумный завод на Лазуровой. Проект всучили однофазовый, и, будь я хоть малость поопытней, не согласилась бы ни за какие сокровища.

Хотите понять, в чем дело? Пожалуйста, объясню. Как правило, проекты проходят три фазы. Предварительная стадия, то есть общая концепция; техническая, называемая основным проектом, то есть подробные чертежи в масштабе 1:100; и последняя — рабочие чертежи. Каждая стадия по очереди согласуется с заказчиком и утверждается на многих уровнях, причем разные проектные отрасли включаются в проектирование последовательно и сперва тоже предварительно. На

предварительной стадии есть возможность подумать, кое-что изменить, исправить — никакой катастрофы, расходы еще только начинаются. Одно-фазовый проект делается сразу весь, вплоть до рабочих чертежей, вместе с отраслями, и посему вкалывают вместе и сразу архитектор, конструктор, технолог, электрик, сантехник, дорожник да еще и сметчик. И не приведи Господи, какая ошибка или недоделка, к чертовой бабушке летят большие суммы, неизвестно, кто должен их платить, ну и само собой разумеется, в преисподнюю проваливаются все сроки. А за сроки отвечает лично главный проектировщик.

Главным проектировщиком оказалась я, в Гурцах к чертовой бабушке летело все. Технология была испортачена, в первый момент с перепугу я просто решила, что плохо вижу или не умею читать чертежи. Да вообще ничего не умею читать. Навесы и цеха — понятно, но раздевалка, административный корпус и санузлы без отопления?! На худой конец, хоть бы печи!.. Так нет, ничегошеньки. Господи Христе. А сделать отопление самой — хоть помри, не умещусь ни в смете, ни в запланированных площадях. В довершение бед в самом центре территории красовалось озерко, а в пояснительных записках словом не упоминалось, что с этим финтом делать.

Ну и уж сверх всего прочего проект запаздывал, пришлось гнать на всех парах.

Полным пустяком, учитывая все вышеупомянутое, представлялось отсутствие обмеров одной стороны оной неправильной фигуры, о которой геодезия просто позабыла. Сама рассчитала эту сторону с помощью тригонометрических функций: с синусами и косинусами расправилась легко, тангенсы малость заклинило, но расчет совпал с чертежом идеально, и с плеч долой. Все остальное оказалось сплошным расстройством. Прохвост, испаскудивший технологию, исчез, не помог никакой розыск Заказчик в лице технического директора завода в ногах валялся — умолял дать документацию, иначе их выбросят из плана. Завод находился на Праге, оттуда их выселяли, получили эти Гурце, ежели успеют захватить стройплощадку, то отобьются!.. Люди разумные советовали мне не соглашаться на однофазовый проект, потребовать по меньшей мере две фазы и накинуть срок, но заказчик ни в какую, а я протестовать не могла: на работу меня приняли под этот проект, пришлось уступить. За проект я принялась с одной только гарантией — получила от технического директора листочек в клеточку из тетради, на коем он собственноручно начертал: выполнение однофазового проекта за счет и под ответственность заказчика. Только благодаря этой писуле меня потом не посадили.

Таким вот манером на меня с ходу навалились три тяжких бремени: идиотская работа, семейка и хахаль.

Самая активная часть нашего семейства состояла из моей матери и Люцины, остальные придирались ко мне умеренно. Они же обе, словно гарпии, висели надо мной и шипели на разные лады: ни с чем-то я не справляюсь, а мамуля даже выход нашла — в темпе по новой лететь замуж. Люцина, правда, с замужеством не подъезжала, и, честно говоря, до сих пор не понимаю, что, по ее мнению, мне следовало делать. Повеситься на чердаке или как?..

Замуж в момент первоначального ступора, может, и выскочила бы, да, к счастью, никто не захотел на мне жениться. Кандидаты обнаружились позже, когда успела прийти в себя и одумалась, а похоже, одумалась быстро.

И вот я снова дома за доской. Правда, перед тем как приняться чертить, две недели просидела в кресле, курила и пила чай, не способная и пальцем пошевелить, мрачная и пришибленная. Но подобное состояние духа у меня не из любимых. У стены на козлах чертежная доска, на ней приколота калька с плохим чертежом — вот моя студия, и я прекрасно знала, что необходимо сделать. В конце концов собралась с духом и сделала: встала, подошла к доске и отколола четыре кнопки.

Дальше все пошло само собой, но, по чести, отколоть эти четыре кнопки — самая тяжкая работа, какую мне довелось сделать в жизни. До сих пор удивляюсь, как на это подвиглась.

Сидела я за доской чаще всего поздно вечером, а то и ночью, и тут-то, почти с первой минуты, уразумела все преимущества моего нового положения. Муж не стоял у меня над душой. Будь я замужем, разве я смогла бы так вкалывать? Недовольство и воркотня постоянные: и перед глазами-то я без конца торчу, и спать не иду как все порядочные люди; и уж конечно, муж валялся бы все время на тахте, а мне и чертежи разложить негде, и руки трясутся от нервотрепки, нет уж, пусть все идет к черту! Никаких больше мужей, не гожусь я в жены, и нечего талдычить на эту тему.

Семейство мое демонстрировало специфическую логику. Ладно, я не справляюсь, но чтобы справиться, надо работать. Дети тоже требуют времени. С ними и в кукольный театр надо сходить, гулять, играть, таскать по врачам… Боже милостивый! Да и дом пора наладить, потому как дети живут в настоящем хлеву, мебели даже толком нет. Но ведь мебель покупается и дом налаживается за деньги, деньги надо заработать. И вообще, имей я хоть искру порядочности, помогла бы на участке…

Многие годы я все пытаюсь понять, что они, собственно, имели в виду и с какой целью пилили. Невзирая на качество и

количество воркотни, размножиться на три трудоспособных экземпляра я никак не могла, даже вообще перестань спать. Естественно, опротивели мне встречи с семейкой, мамуля и Люцина долбили и терзали меня нещадно, и все это при детях, добивая остатки моего авторитета. Наверное, они переживали и беспокоились и просто потакали своим настроениям, не задумываясь, к чему это приведет, лишь бы не препятствовать взрывам семейного характера.

Последствия не заставили себя ждать. Я уже говорила: бабы в нашем семействе сущие мегеры. А я что, хуже их, выродок какой?.. Сперва контакты с семейством меня раздражали, потом давили, наконец я рассвирепела и взвилась на дыбы. Буйных скандалов не устраивала, просто-напросто сама решила, как мне быть и что делать, и принялась реализовывать решение. Если уж совсем честно, пожалуй, с некоторыми украшениями.

В это самое время Люцина доставала мне работу для дополнительного заработка. Ой, я прекрасно понимаю, все ждут хахаля, но еще минуту терпения. Сперва базис, потом надстройка (как написанные мной в ту пору статейки — они имели свой привкус, можно сказать, исторический).

Колористика промышленных предприятий была закончена, и на повестку дня вылезли дома культуры. Для ознакомления мне дали прекрасный альбом с огромным количеством советских домов культуры, изданный для подражания. Я просмотрела его и не поняла. Технические чертежи выполнены старательно и добротно — проекции, фасады; старательно изучила все чертежи несколько раз, и что же? Ни в одном, буквально ни в одном здании нет и намека на общественный санузел. Ни уборной, ни туалета, вообще ничего.

Тогда мне еще не довелось побывать в Советском Союзе. Пришло в голову: наверное, где-нибудь рядом, в парке например, есть дополнительные строения, а в них не только уборные, но и ванные комнаты. Ну ладно, в парке, а как быть в городах? Куда втиснуть санузел между тесно примыкающими друг к другу зданиями? И что вообще происходит: неточные чертежи?.. Какое там неточные — тщательнейшие, в любом здании использовано все до метра, описано каждое помещение, больше ничего не впихнешь. Значит, уборных нет, и вся недолга.

Я слегка потряслась и не поверила себе. А первая возникшая было мысль оказалась правильной. В самом деле, например, в ялтинском театре уборные оказались на улице, в зелени, две деревянные будки, мужская и женская, внутри осмотреть их не удалось, двери крест-накрест были забиты досками. Временно не действовали. Не знаю, сколь долго продолжалось это «временно».

Альбом с русскими дворцами культуры использовала в своих писаниях, по-моему, очень дипломатично. Насчет уборных выразилась деликатно, все равно Люцина при наведении порядка мои соображения выбросила. Зато во весь голос я могла писать про наши уборные, и эффектный спектр раскинулся весьма колоритно.

Хахаль повлиял на меня очень позитивно, в прямо противоположном направлении, нежели семья, и укрепил мой дух. Кто он, не скажу ни за что на свете, оказалось, влюбился, когда мне было пятнадцать лет. И не наврал, по-видимому, совсем тогда задурил себе голову, потому как в деталях помнил платье, в котором я бегала на танцульки, гораздо лучше, чем я. Встретились мы случайно, он восхищался мной как женщиной, а не как трудочеловеческим фактором, создал атмосферу безграничной влюбленности, на столе благоухали ландыши (и где в такую пору года раздобыл?). Играла приглушенная музыка, и вместе с ландышами благоухало «Азотоксом» — в доме недавно морили клопов. Что ж, дело житейское, клопы любят навещать старые дома.

Самочувствие мое решительно улучшилось, с хахалем осталась в дружбе, иных последствий эта трогательная минута не имела, на смену пришла другая минута, еще краше. Окончательно в вертикально-стоячую позицию вернул меня Петр, дай Бог ему здоровья.

Мы сидели в «Блоке» за столиком с кофе…

Нет, сперва я все-таки закончу с мастерской, по времени все совпадает. Мастерская именовалась «Блок», полностью: Архитектурно-проектная мастерская, Государственное предприятие «Блок». Мы, естественно, этого боа-констриктора сокращали, в сокращении звучало: Архпромасгоспредблок. Директор Гарлинский, прекрасный организатор, основал многоотраслевую и многопрофильную мастерскую со всеми нужными специальностями: архитекторы, конструкторы, электрики, сантехники, администрация, кадры и бухгалтерия. Технологи, дорожники и озеленители работали по договорам. Таких мастерских в Польше было три: наша, Пневского, а третья где-то в Катовицах.

Коллектив «Блока» описан в *"Подозреваются все!",* но по мере необходимости кое-что дополню. Петр у нас не работал, они вместе с Юреком Петшаком занимались интерьером, и Гарлинский энергично привлекал их к работе даже в Швейцарии. Оба частенько забегали к нам. В тот раз мы сидели за кофе вдвоем с Петром, я в полной хандре и предвкушении дряхлой старости. Петр разозлился.

— Дура ты, — выдал он доброжелательно. — Ничего не смыслишь! Молодая красивая женщина, про какую старость речь, идиотка, вся жизнь впереди! Бога благодари — от этого своего муженька избавилась, да оглянись ты вокруг — весь мир к твоим услугам!

Петр выдал свою тираду энергично, убежденно, я растрогалась и… поверила. Насчет красоты — дело вкуса, в манию величия я не впала, зато и вправду вдруг увидела перед собой мир. Не один раз мы поддерживали друг друга в жизни, да на его долю выпало со мной больше хлопот. А результатов он добился весьма весомых.

Гурце у меня то и дело буксовали. Проект делала из чувства долга, сроки поджимали, а тут, как назло, одно здание чуть не добило меня. Цех сравнительно небольшой кубатуры, зато с гигантской программой. В этой кубатуре разместить надлежало кран, оставить часть свободной площади, выделить место под лабораторию, под раздевалки для рабочих и санузлы, причем по нормативам раздевалки полагались двойные — грязная и чистая, плюс к тому душевые, умывалки, кабины — короче говоря, люкс, и все это на неразрешимо ограниченном метраже. В пояснительных записках к идиотской концепции ничего подобного не предусматривалось. Санитарная часть изводила меня две недели, пока вдруг в троллейбусе не осенила неожиданная идея, когда я ехала к матери за детьми. Нашла прекрасное решение: раздевалки, душевые, уборные — все как надо; проехала свою остановку, бегом вернулась, помчалась домой и рухнула у чертёжной доски. Успела-таки зафиксировать увиденное в троллейбусе решение до того, как чертова фантазия сменила пластинку.

Тринадцатого сентября 1962 года я подвела итоги хандре за этот период. Как расправиться с хандрой, изложила в *«Крокодиле из страны Шарлотты»,* но могу и повторить.

Так вот: берете листок бумаги, лучше всего в клетку, расчерчиваете на четыре рубрики и вписываете: *плохо; хорошо; сальдо; выводы.* Под «плохо» занести по пунктам все, что изводит. Под «хорошо» поместить, тоже по пунктам, все позитивное и утешительное. Под «сальдо» вписать, как справиться с очередными делами. Ну а «выводы» — это выводы, понятно и так, должны оказаться с плюсом.

В моих итогах от тринадцатого сентября в рубрике «хорошо» содержится лишь одна информация: перпендикулярно крупными печатными буквами написано: ДЕРЬМО. Остальное выглядит так:

ПЛОХО	САЛЬДО
1. Сперли велосипед	1. Ничего не поделаешь
2. Не оплатила уголь	2. Заплачу в октябре
3. Вообще нету денег	3. Перманентно
4. На службе содом и гоморра:	
а) конструкторы — полный швах	а) стану свиньей
б) сантехники считают меня идиоткой	б) пусть считают кем угодно, лишь бы сделали проект
в) технология опаздывает	в) ну и что?
г) один лишь черт знает что-нибудь о сборных строительных элементах	г) подожду до понедельника
5. Бачок сломался	5. Холера!
6. Не обменяла паспорт	6. Так обменяю
7. С квартирой не улажено	7. Улажу
8. Забыла сходить к портному	8. Схожу в понедельник, а может, и нет
9. На каблуке сносилась набойка	9. Завтра поставлю новую
10. Не работает телефон	10. Завтра заработает
11. Болеет ребенок	11. О Господи!
12. Второй ребенок курит	12. Пожалуй, выпорю
13. Почтальон — идиот	13. Схожу завтра за этим чёртовым письмом
14. Забыла ручку и технологию	14. С концами!

ВЫВОДЫ: безусловно повеситься!

Выводы и в самом деле утешительные, один большой плюс. Что касается свиньи с конструкторами, объясняю: хоть ответственность за проект всецело висела на мне, никаких прав требовать от других отделов у меня не было. Конструктор мог валять дурака сколько ему вздумается, а я никак не могла стребовать с него работу, оставалось одно — донести в дирекцию. Каспер (настоящее его имя Влодек, да больно уж много в мастерской развелось Влодеков, а посему в *"Подозреваются"* я назвала его Каспером) как раз срывал мне все сроки, и я вознамерилась лететь с руганью к Гарлинскому. Удержалась, не полетела; Каспер в конце концов сделал все расчеты. Сантехники же потеряли всякий интерес к моему проекту из-за упомянутого озерка посередь территории. Возможно, они чуток и поизмывались надо мной, но это пустяки, в основном оказались правы, и позже начались всякие кошмары, гораздо похуже обычного идиотизма.

Технологию делали заново, первоначальная вообще никуда

не годилась, новую проектировал по договору некий Геня, мой знакомый по курсу английского. Геня английский выучил, а я нет. Технологию он мне подбрасывал исключительно по ходу дела, почти параллельно с архитектурным проектом, и от этого я чуть не спятила.

Озерко и сантехники совсем меня заели, участие в заседании принял и дорожник. Звали его Курдель, не знаю, где он сейчас, на всякий случай прошу у него прощения. Фамилией его Бог наградил, мягко говоря, нетипичной, в принципе никогда не цепляюсь к фамилиям людей, но тогда черт меня, видимо, попутал, а может, просто бессознательная ассоциация, во всяком случае ввалилась я как-то в нашу среднюю комнату, во всю глотку распевая «Курдель, Курдель над Курделями!» на мотив курдеша — старинной плясовой с застольем. Ясное дело, Курдель оказался именно в этой комнате. Меня словно метлой вымело из помещения, а песнь заглохла на полуслове.

К объекту, над которым я билась, следовало подвести железнодорожную ветку — по воде ее не проведешь, — а всю территорию укрепить. Я пошла на то, чтобы пол-озерка засыпать, другую половину оставить в качестве противопожарного водохранилища, а все вместе поднять привозной землей и щебнем. Одни только земляные работы намного превысили заложенную смету, и Збышек Гибула, проектировщик сантехники, позже наш главный инженер, вовсе не щадил моих чувств.

— Канаву вдоль шоссе можем сделать, пожалуйста, — констатировал он холодно. — Но представьте себе, вдруг пойдет дождик, к примеру. С этих четырех гектаров укрепленной и поднятой территории хлынет вода и сметет все с поверхности земли. Вы что, собираетесь поставить на шоссе знак «въезд воспрещен»?

Ставить ничего не собиралась — спохватилась раньше, и Геня со своей технологией тоже; без мелиорации всего района шиш построишь. Збышек тоже так думал. А заказчик настаивал на своем, ну и черт с ним, пускай будет. Впрочем, мелиорации я в конце концов добилась после трех скандальных заседаний, но уже значительно позже…

Ну и о чем же я рассказываю… ведь собиралась в рамках хронологии.

Спала я в ту славную пору два-три часа в сутки, мое лошадиное здоровье выдержало. И хахаль был, почему бы нет. В общем, постоянный. И опять не скажу кто. Приобретенная благодаря Петру вертикально-стоячая позиция оказалась устойчивой, и вопреки всем жизненным трудностям я сохраняла некоторую безмятежность духа и веселое настроение.

Неожиданно расцвели во мне все одиннадцать лет, подмятые замужеством, теперь начинала жить сама, а не в качестве приложения к мужу. Такой процесс мне импонировал, окружающих я, как можно судить из последующего, в высшей степени развлекала. Витек Пясецкий, сперва зам Гарлинского, а после руководитель мастерской, однажды высказался весьма разумно:

— Кабы ты спала со всеми, кого тебе приписывают, не имела бы возможности даже забежать на работу. А посему разреши не поверить ни в одного вообще.

Да, Витек единственный мыслил логически. Я просто с удовольствием валяла дурака — наконец-то могла это себе позволить.

Мебель у меня дома была самая необыкновенная. Столик, за которым я просидела в качестве жертвы судьбы две недели, состоял из четырех ног и древесноволокнистой плиты, соорудила его собственными силами, правда, не собственным рукомеслом. Кресло рядом того же происхождения, только сработано малость набекрень. На стройке водопроводчики снабдили меня трубой, трубу свернули кольцом, а к ней дружественный спец приварил соответственно выгнутые арматурные стержни. Увы, в самый ответственный момент спец напился пьян и приварил их наоборот, вверх ногами. Пришлось ноги поотрывать и снова варить, и вышло нечто замысловатое — кресло превратилось в ловушку. Садишься в него, уютно расслабляешься, а после никак не можешь встать — кресло оказалось в самый раз субъектам выше двух с половиной метров ростом. Я элегантно оплела его выкрашенным оранжевой краской шнуром и добилась колористического эффекта. У столика ножки были в порядке, а вот столешница лежала на них свободно, и всякий, кто опирался на нее рукой или локтем, провоцировал катастрофу.

На стройке обзавелась я и гладильной доской, описанной в *"Тайне";* обструганная цельная двухдюймовая доска пришлась весьма кстати моим сыновьям. Когда я запретила дырявить входную дверь, они оттачивали на ней свое мастерство по метанию ножа. Снизу вся доска истыкана и исколота, но служит мне и сейчас.

Возвращаясь к балансу хандры от тринадцатого сентября, я вовсе не так уж бездумно сваливаю все в одну кучу, ибо перипетии бурлили то все разом, то без передыху догоняли одна другую, а я планировала всякие будущие ужасы, с одной стороны, дабы подготовиться психически, а с другой, — в надежде, что удастся их заурочить: ведь жизнь распоряжается всегда по-своему, не так, как человек придумает. Разработала я таким манером

целую серию всевозможных катаклизмов, фантазии моей не хватило лишь на поджог квартиры моим сыном.

В смысле здоровья мальчики поменялись местами: Ежи лежал дома с простудой, а Роберт поджег кухню у моей матери. Он долго щелчками отправлял в окно зажженные спички, пока семейство не спохватилось: что-то давненько в доме наступила тишина и спокойствие. В общем, истлели занавески и половина верхней части буфета. Вторая половина уцелела, стоит и посейчас. Уже у себя дома я услышала разговорчик моих деток.

— Ты свинья! — возмущался Ежи. — Тоже мне, не мог подождать, поджег сейчас, когда я тут валяюсь, так ничего и не увидел!..

— Да ты не беспокойся, — утешал братец. — Вот поправишься, я снова подожгу!

— Ну тогда ладно…

В домашней жизни мамуля дополнительно доставала меня с помощью угля. Уголь получали по наряду, кроме того, покупали краденый, потому как по наряду хватало до января, и ни на день дольше. В подвале оставалось немного крошки, и я пребывала в спокойствии: и по наряду и воровские трофеи одним махом закуплю в октябре. Мамуля начинала пилёж с августа. Изо дня в день донимала меня на разные лады и, откровенно говоря, оказала громадную услугу: из-за этого проклятущего угля вдруг выскочило дело Столярека.

В сентябре у меня уже не хватило терпежу все это слушать, и я почти перестала бывать на Аллее Неподлеглости. Почти — значит заходила каждый второй или третий день. Ежи возвращался домой сам, а Роберт там оставался. Дабы возместить упущенные возможности, мамуля регулярно присылала ко мне отца осведомиться насчет угля. У отца преобладали человеческие чувства, и он лишь вскользь намекал про уголь. Вполне учитывая такой оборот, мамуля пришпиливала ему на лацкан пиджака бумажку с соответствующим текстом. В конце концов я просто взбесилась: не по злому умыслу не покупала угля — денег не было, к тому же краденый уголь стоил дороже; короче, я ждала премии. Да и с доставкой угля эмоций хватало: приходилось торчать на стреме, пока весь не перенесут в подвал, и все равно умудрялись надуть. К тому же угольщики, обманывая, еще и норовили похлопать меня по заду. Не знаю уж почему, но я пользовалась у них бешеным успехом. Материнского давления не выдержала — психическую сопротивляемость приходилось беречь для работы, не растрачивать же ее в домашних баталиях. И я решилась занять денег на топливо, денег ни у кого не случилось, спас меня Столярек, если это можно назвать спасением.

Он постоянно проворачивал какие-то таинственные гешефты, отчасти выявленные в *"Подозреваются все!"* (выше напоминала — прочитайте сперва эту книгу, ничего не поделаешь — таки надо!). Гешефт обделывался следующим образом: некто покупал что-нибудь за наличные, в нашем случае покупатель решился приобрести телевизор «Изумруд». Столярек, отведя меня в сторонку, таинственным шепотом оповестил: «Вы купили изумруд…» Я опешила — рехнулся, делать мне больше нечего, только обзаводиться драгоценностями… Конечно, тут же спохватилась, что речь о телевизоре. Некто заплатил наличными, а официально покупка была оформлена в кредит; наличные мы забрали, поделившись с кем надо. Из этих денег Столярек собирался взять взаймы полторы тысячи, а взял три с половиной, вернул из них пятьсот злотых, остальные мне так и не удалось с него содрать. Весь долг за кредит, ясное дело, выплатила я. Вот по этой-то причине в книге я его и убила.

Уголь все же закупила, на некоторое время в семействе воцарился мир.

Приблизительно в ту же пору мне удалось найти приходящую домработницу, Геню, женщину не первой молодости, опытную хозяйку, уж конечно, по-опытнее меня. Она приходила два раза в неделю, топила печи, прибиралась, иногда стирала.

Стирка явно не моя стихия. С прачечными тогда происходили какие-то катаклизмы, Марыся, моя золовка, просто брезговала сдавать белье и убедила меня. Я решила стирать сама облегченным советским способом — кипячением: в бачок закладывается сухое белье, естественно, с мылом и порошком, кипятится два часа, полощется. По желанию крахмалится, но я заранее отказалась от крахмала и от катания. Поглажу, и хватит.

Рецепт применила на практике, убрала выстиранное на место, вскоре пришла Геня. Присела у шкафчика и принялась разбирать.

— А почему вы грязные вещи сложили вместе с чистыми? — удивилась она.

Я возмутилась:

— Какие грязные? Пани Геня, все выстирано!

Геня достала наволочку, разложила и осмотрела:

— И это выстирано?..

— Конечно… По русскому способу.

Геня ничего не сказала. Покачала головой, странно посмотрела на меня, рассортировала белье и все мои трудовые достижения забрала с собой к дочери, которая как раз затеяла большую стирку. Принесенное потом Геней белье и в самом деле явно побелело…

Уголь из подвала носил Ежи. Правильно ли я решила, чтоб двенадцатилетний мальчишка носил тяжести на четвертый этаж, не знаю, другого выхода не было. Кстати, много позже оказалось, что у него прекрасно развилась мускулатура спины и рук, благодаря чему у нас не возникало никаких неприятностей с позвоночником. И до сих пор нет. Разумеется, Ежи вовсе не пылал энтузиазмом — уголь вменялся ему в постоянную обязанность, равно как и бутылка под молоко, которую каждый вечер надлежало не забыть выставить за дверь. Про бутылку он не забывал после того, как однажды в два часа ночи я извлекла его из постели, чтобы выполнил свой долг. А уголь давал поводы для обучения мальчика искусству логического мышления.

— Послушай, дорогое дитятко, — начала я однажды вечером. — Ты можешь мне сказать, чем занимается уборщица?

— Натирает пол, — не задумываясь ответствовало дитятко. — Иногда моет. Вытирает пыль. Моет окна…

— Да уж, особенно теперь, зимой. А зимой чем занимается?

Дитятко задумалось:

— Долго одевается… Лед обдирает с подоконника и со стекол… А… надо угля принести?

Ну вот, пожалуйста, понял! И сам пошел за углем!

Роберт рвался мыть посуду, но это ему запрещалось: в доме не водилось неограниченного количества стеклянных и фарфоровых сосудов. «Будешь мыть посуду, когда подрастешь» — эти слова оказали волшебное действие: на долгое время мытье посуды сделалось желанным и обожаемым занятием. Увы, позже это обожание прошло, а жаль.

Стирка трусиков и носков входила в обязанности Ежи. При удобном случае замечу: дети всегда реагируют на честность. Если мамаша летает по кафе или, сидя дома, ковыряет в носу, дети не захотят работать. Когда же, укладываясь спать, видят мать за работой и утром, вставая, застают ее на том же самом месте за тем же самым занятием, вкалывают по дому любо-дорого. Хочешь не хочешь мои дети научились готовить, шить, убирать, гладить, стирать и делать всевозможный мелкий ремонт. Разумеется, я уставала, часто не хватало терпения. Когда однажды Ежи в третий раз за вечер явился сообщить, что натворил Роберт (братец принялся разбирать газовую горелку в ванной), я остервенела. Фурией помчалась в ванную, Роберт уже отвинтил обе ручки, я схватила ручки — по-видимому, хотела привинтить их обратно, но руки тряслись, не попадала в нарезку. Завопив словно бешеная, я швырнула детали, к счастью не угодив в детей, и с ревом убежала к себе. Через несколько минут старший сын на цыпочках вошел в комнату и испуганно прошептал:

— Не беспокойся… Я поправил…

Кажется, я была плохой матерью.

Время от времени Ежи бунтовал.

— С чего это я должен стирать сопляку подштанники и носки?! Он сам не может? Что он для меня делает?!!!

— Ничего, — уговаривала я. — Скоро и он для тебя кое-что начнет делать, например готовить. Пока что его, пожалуй, стоит научить.

Ежи приступил к обучению братца основам домашнего хозяйства. Роберт согласился охотно, пожалуйста, он с удовольствием выстирает носки.

— Мать, — старший ребенок оторвал меня от чертежной доски, — он сидит в ванной почти час… и все стирает. Как думаешь, сколько у него этих носков? По-моему, он взял одну пару.

Мы с интересом заглянули в ванную.

Роберт засунул в носок мыло и, сидя на краю ванны, держал его под краном. Ждал, пока выстирается.

Единственное, чем неукоснительно приходилось заниматься мне, — покупка продуктов. Еда в доме должна быть, а магазины закрывались в семь. Ожесточенно караулила я этот седьмой час, чтобы не опоздать, выбегала из мастерской, покупала кое-что, а после волокла домой полную авоську, случалось, и поздно ночью.

Как-то возвращалась часа в два ночи. Нижний Мокотов не слыл спокойным районом, полно хулиганья, одним словом, женщину подстерегали всяческие опасности. Я про них и думать забыла; спускаясь по лестнице у базара, волокла огромную тяжеленную сетку, в ней под всякой снедью в коробке покоился десяток яиц. Снизу навстречу мне поднималось пятеро субъектов подозрительного вида. Наверняка хулиганы — пожалуй, нападут…

Я не остановилась. Продолжая спускаться, сообразила — у меня никакого оружия, разве что эти яйца. Забросать их сырыми яйцами… явно должно помочь… Хорошо бы, да яйца в самом низу.

И тут моя фантазия подсунула колоритную жанровую сценку: «Панове, одну минутку, я извлеку оружие из авоськи…» Они вежливо ждут, я вытаскиваю коробку и пускаю в ход снаряды…

Пришлось уткнуться подбородком в воротник, когда субъекты проходили мимо, чтобы случаем не сочли моего хихиканья за поощрение. Парни расступились, я прошествовала беспрепятственно, они только чуть удивленно оглянулись мне вслед. Яйца, во всяком случае, уцелели.

Откровенно говоря, домой приходилось возвращаться в

любое время суток, почти всегда через базар. Ни одна собака не пристала ко мне, ничего плохого со мной не приключилось. С тех пор не верю в нападения.

Хотя бывало по-разному, несколько раньше приятель моего мужа набрался впечатлений совсем иного рода… Жил на Жолибоже около площади Вильсона, спортсмен в хорошей кондиции. Все произошло зимой или поздней осенью — темнело рано. К ним неожиданно пришли гости, и жена попросила:

— Послушай, у нас нету сахара. Сбегай в кооптorг, до половины восьмого открыт, успеешь. Купи кило.

Сбегал, купил, шел домой с пакетом в руках. Неожиданно его окружили — четверо, может, пятеро. Не обратил внимания, в спешке хотел пройти между ними, задел одного, извинился, да тип отреагировал недоброжелательно. Приятеля моего мужа зажали в кольцо, и какой-то верзила врезал ему кулаком.

Приятель, как я сказала, был спортсмен. Уклонился и врезал сам, не успев сообразить, что делает. Отскочил к стене, обеспечив себе тыл, битва закипела, услышал топот: со всех сторон площади Вильсона на подмогу фраерам мчалась окрестная шпана.

Приятель использовал свои данные и кондицию, съездил по уху одному, второму, двинул в живот третьему, очистил себе путь и рванул домой, за ним погоня, но он успел влететь в дверь. Гости и жена оторопели: хозяин дома ввалился весь в крови, с разорванным пакетом сахара, молча схватил топор и ринулся обратно. Гости и жена перехватили его уже на лестнице, с трудом привели в человеческое состояние.

На ночь согласился оставить хулиганов в покое, а с утра отправился в отделение милиции, изложил суть дела и потребовал разрешение на ношение оружия. Разумеется, не получил. На отказ разразился громовой тирадой:

— Ставлю в известность! — драл глотку так, что на улице было слыхать. — С сегодняшнего дня ношу с собой обрезок трубы, залитой свинцом, нападут — за последствия не отвечаю!!!

И точно, раздобыл обрезок трубы, разгуливал с ним по своему району специально поздним вечером и ночью. Никто к нему не цеплялся — хулиганов больше не видывал даже издали.

С того времени прошло лет пять, возможно, нравы изменились, во всяком случае я ходила без трубы — никто не напал. Не знаю почему. Характерец мой, видно, издали давал себя знать или еще что?..

Одновременно в моей жизни происходили всяческие жуткие дела и все норовили свиться в один клубок.

Приблизительно через год я рассталась со своим дорогим хахалем. Нет, он не бросил меня — необходимость приперла:

подписал контракт на работу в дальних краях. По размышлении я пришла к выводу, что событие оное весьма романтично, прямо крестовые походы, не иначе. «На крестовые походы он коня нещадно гнал, ночью, в лунные восходы, он все Ванду вспоминал» — такую песнь до войны распевали в поварнях, и очень она подходила к случаю. Вот я и переживала свою версию этой песни, стоя в аэропорту Окенче…

Не столько с горя, сколько из-за беспокойного и буйного характера начала через «Польсервис» добывать контракт в Сирию. Подала необходимые документы, отправилась на дополнительный курс французского — Господи Боже, и когда я только все успевала?.. Сдала экзамен, и привет, на сем заклинило, сунуть взятку не пришло в голову, да и денег на взятку не было. В Ирак собрались двое моих приятелей, Петр и Юрек, Петру тоже пришлось сдавать экзамен по английскому, язык он знал, но в польсервисовской комиссии сидел старый хрен, на дух его не переносивший.

— Слушай, помоги, — взмолился Петр. — Надо этого прохвоста как-нибудь изъять, не могу ему сдавать, завалит, как пить дать. Там еще сидит нормальная баба, если его унесет, сдам ей. Изыми ты гада, Христом-Богом прошу.

Фамилию назвал, я поехала, снизу позвонила, хрен спустился. Петр, понятно, стреканул наверх. Повела беседу насчет преподавания иностранных языков — мне, дескать, необходимо именно у него поучиться; лингвистика исчерпалась быстро, пришлось черт знает что молоть, неожиданно поймала себя на том, что мы говорим про кулинарные рецепты. Какие деликатесы лучше в жару, а какие зимой. В итоге уж придумать не могла, как из этой процедуры выпутаться. Сияющий Петр давно сошел вниз, а я все еще вела изысканную салонную беседу, и сдавалось, буду вести ее до Судного дня.

Как видите, не веду, удалось вывернуться. Петр с Юреком уехали, всякое у них там случалось, а мне осталась регистрация в «Польсервисе», на том мои успехи кончились.

Избавившись от роли жены, я возобновила некоторые знакомства институтских лет. Ирэна Любовицкая, уже давно вышедшая замуж и носившая другую фамилию, предложила устроить общие именины у меня. Мебели в моем доме маловато, зато места хватало, детей на сутки удалось сплавить. Я с радостью согласилась на предложение — еще бы, выдались единственные именины, где обошлось без теток и без бабок. И вообще, похоже, это мероприятие я от семейства скрыла.

Собралось двадцать семь человек. И здесь-то наконец появился *"Клин клином"* — моя первая книга.

Я познакомилась с паном из комнаты триста тридцать шесть. Приятелем Ирэны с детства. Фигура эта в моем творчестве сугубо принципиальная. Обаятельный, в ту пору только что разведенный и, возможно, чуть-чуть недовольный жизнью, подвыпил в меру, почти незаметно. Твердо решил остаться, когда гости разойдутся. Ну и оставайся, мне-то что. Я была омерзительно трезвая, все еще рюмки водки в рот не брала, а спать и вовсе не хотелось — к бессонным ночам привыкла. Гости ушли, Януш остался, я водворила на место мой уникальный стол с древесноволокнистой столешницей, вздохнула и предложила чай. По-английски, ранний — одну заварку с небольшим количеством молока. Он согласился. Попробовал, похвалил и с легкой досадой упрекнул:

— Знаешь, ты создала такую атмосферу, что и поцеловать тебя боюсь.

Я сразу воспрянула духом: после всего именинного гвалта только эротических эксцессов недоставало. Да и вообще начинать знакомство с постели по-прежнему не любила, тем более знакомству нашему всего-то менее суток, нечего и дурака валять. Всю свою жизнь, учебу и работу я проводила в основном среди мужнин, товарищеские отношения были просто необходимы, иначе спятишь; никаких различий полов, все добрые приятели, и точка. Будь еще страшна как смертный грех, так вовсе нет, понятно, не Бог весть какое чудо красоты, но могла нравиться, и что же, с каждым спать?!.. Озвереть можно! Или отказом каждого восстанавливать против себя?.. Еще того хуже! Следовательно, все отношения приходилось строить на общечеловеческом уровне, и я быстро этому научилась.

Януша мне удалось не обидеть, попили чайку, он вышел за газетой, проболтали, пока не вернулись дети, все оставалось в норме; кажется, я даже прибралась и приготовила поесть. Потом он ушел — видимо, хотел побриться, а ведь у меня все бритвенные принадлежности от мужа остались. А потом он позвонил…

Рекомендую *«Клин клином»*. Из книги явствует, влюбилась я по уши. Не скроешь — весь город знал, что бегала за ним, совсем ошалела; да, бегала, факт, а он сумел наши отношения поддерживать так, что я не въехала по новой во всевозможные неврозы. Был хорошо воспитан и очень умен.

Жил он не в Варшаве, а в Лодзи, это благодаря ему я возлюбила милицию.

Ума не приложу, как связно описать разные перипетии, ведь все происходило почти единовременно, как раз тогда в голове у меня прокручивались еще и дома культуры. Читатели постоянно допекают меня, где беру замыслы и прочее. А откуда мне их брать

и зачем — жизнь доставляет все в количествах, превышающих человеческие возможности.

Пожалуй, попробую по порядку, начну с милиции.

Моя мать с детьми поехала в Подгуже. Нет, минутку, это было летом. А перед тем был Новый год…

Ну вот, опять-таки ничего не поделаешь — без отступлений не обойтись. И на очереди мощное, разветвленное во все стороны новогоднее отступление.

С Новыми годами меня преследовала сплошная невезуха. Еще и сейчас питаю надежду: кто-нибудь когда-нибудь пригласит меня на нормальную встречу Нового года, с танцами, с мазуркой, с шампанским, без всяких недоброжелателей, с партнером, который умеет танцевать и не станет грызться во время бала. Надежда, как известно, мать дураков, и сдается, лишь подтверждаю сию истину, воздвигаю ей монумент в железобетоне, граните и даже в иридоплатине. Окажись в моей голове хоть крупица ума, прогнала бы эту надежду метлой и скалкой для теста.

Последний Новый год, который с некоторой натяжкой можно оценить удовлетворительно, случился, когда мне минуло семнадцать лет и мы с Янкой упились в целях экспериментальных. Но у меня огромный реестр треклятых новогодних мероприятий, из него явствует: несколько существенных деталей прошляпила. Я тогда и в самом деле отправилась чистить зубы, но Янка не осталась лежать в постели, а увязалась за мной — спасать от незапланированного падения.

— Куда ты прешься, дура, ведь свалишься, — стонала она яростно.

— Что ты? — Я просто источала презрение. — Вон сколько стен кругом…

Когда я вылезла из ванной, Янка сидела в прихожей на полу, привалившись к стене и вытянув ноги, и удовлетворенно качала головой.

— Вставай! — требовала я.

— Не хочу.

— Встань, не будь идиоткой.

— Не хочу. Не встану.

— Всю жизнь здесь не просидишь!

— Просижу. Не встану.

При мысли, как утром мамуля выйдет в прихожую и увидит эту картину, меня охватило отчаяние. Хитростью удалось Янку убедить: у меня, мол, живот болит, надо принести с кухни капли Иноземцева. Движимая самаритянскими чувствами, Янка поднялась, долго возилась в кухне, принесла валерьянку, йод, лак

для ногтей и пустой флакон из-под камфарного масла: не включала свет и искала на ощупь. Я вылакала валерьянку, дабы ее успокоить, только тогда, с сознанием выполненного долга, мы отправились спать.

Очередной Новый год пролетел мимо, мне вот-вот предстояло родить. Следующий тоже миновал невыразительно: годовалый ребенок, теснотища, развлечения отпадали; я лишь надеялась дождаться двенадцати часов, выпить с мужем по бокалу вина, но муж, во-первых, всячески лелеял абстиненцию, а во-вторых, улегся спать и проспал двенадцать мертвым сном. Я страх как переживала — молодая была и глупая.

Далее три Новых года подряд выпали из памяти и в реестре пропущены, видимо, за полной безнадежностью. В следующий раз состоялось семейное увеселение с обильной жратвой, по возможности безалкогольной, с играми и развлечениями. Игры организовала Люцина, большая специалистка по этой части. Сейчас вспоминаю тот вечер с удовольствием, между прочими забавами Донату и моему мужу пришлось съесть без помощи рук два яблока, привязанных шнурком к дверной притолоке, и торжественно заверяю — это была потеха столетия. В гомерических взрывах хохота совершенно потонули горькие рыдания страждущих душ, Янки и моей, ведь мы все еще были молоды и предпочитали танцы.

В следующий Новый год нас пригласили на бридж к другу моего мужа. Более серьезные мероприятия отпадали: у мужа не было приличного вечернего костюма, в камерном же кругу друзей мог себе позволить появиться. Жизненное пространство у хозяев оказалось почти довоенное, у меня затеплилась тихая надежда на танцы. Надежда померкла с ходу: хозяин дома принял нас в тапочках и без галстука, а танцевальную музыку ненавидел до кровомщения. Музыке предпочитал вино, для разнообразия муж питал отвращение к вину. Скрыть разочарование стоило мне неимоверных усилий.

Еще через год все наше семейство выбралось на новогодний сеанс в кинотеатр «Москва». На эстраде перед экраном в полночь должны были поднять тост — а мы что, хуже?! — и запаслись мы бутылкой и восемью рюмками, напиток украдкой разливали под стульями. И снова мой муж испортил настроение, отказавшись допустить хоть каплю алкоголя в свой организм.

На кой черт я вышла за него?.. Ах да, мне же его Галина передала с рук на руки!

К очередному Новому году у нас уже появилась квартира на Охоте, маленькая и противная, новогодний вечер, самый обыденный, провели в семействе, и муж, не имея возможности

завалиться спать на постель, заснул на стуле.

Затем мы переехали в квартиру на Мокотове, там состоялась мощная, на двадцать четыре человека, новогодняя складчина. Места хватало, магнитофон и пленки из студии Польского радио были, но именно этот вечер мой муж-абстинент выбрал для опыта в научных целях и упился.

Затем мы снова отправились на новогодний бридж к другому приятелю мужа. У меня забрезжила надежда, вдруг да сойдет неплохо. Я знала этих людей и не ошиблась: хозяин дома был безупречно элегантен, хозяйка, весьма талантливая в такого рода делах, придумала очаровательное освещение, в котором божественной показалась бы и самая богомерзкая физиономия, торжественно настроенная тетушка создавала атмосферу, все очень мило, только, к несчастью, я тогда начала понемногу курить. Муж всячески искоренял мой порок и ради этого бросил курево как раз накануне. Злой и вздрюченный, он промаялся весь вечер, а вместе с ним маялась и вся компания.

Я уперлась всеми четырьмя — надо же хоть раз провести новогоднюю ночь прилично — и взяла в оборот Янку, у нее проблема весьма напоминала мою. В обществе мы показаться не могли — то мой, то ее муж не имели вечернего костюма, — и мы решили еще раз отправиться в кинотеатр «Москва», а на остаток волшебной ночи закатиться к нам и провести время в танцах под музыку на коротких волнах. Удавалось поймать Люксембург. До сих пор удивляюсь, как не укоренилось во мне вечное отвращение к кинотеатру «Москва».

В кино мой муж заснул всего лишь дважды, а по возвращении домой немедленно заснули оба — один в кресле, другой на тахте. А мы с Янкой, вспомнив наш юношеский эксперимент, вылакали со злости целую бутылку шерри-кордиал. Нет, не целую, остатки вылили на головы мужьям.

Первая новогодняя встреча после развода прошла в обществе Янки в печальных откровениях и черных пророчествах, а в очередную новогоднюю ночь предстояло шумное завлекательное веселье. Целой компанией мы собрались в дом лесничего в Гужно, и снова надежда расцвела во мне пышным цветом, хотя в то время я уже бегала за Янушем и его отсутствие ныло занозой в моем сердце.

Сложностей обрушилось на меня великое множество, и с ними необходимо разобраться, ибо последствия этих сложностей были весьма разносторонние.

А поэтому теперь следует читать *"Бесконечную шайку"*. Откровенно говоря, сомневаюсь, не слишком ли я развернулась — взять в оборот сразу четыре книги — *«Клин», «Подозреваются»,*

«Шайку» и «Автобиографию», — но, уважаемые читатели, решайте сами, ведь не обязательно же выполнять все мои рекомендации. Правда, читатели тысячу раз спрашивали меня, насколько правдивы мои книги и кто из героев на самом деле существует. Пожалуйста, начинаю наконец отвечать на вопросы.

Из друзей по архитектурно-проектной мастерской я встречалась с Ирэной Любовицкой. Ханя-спортсменка вышла замуж за Тадеуша и вела семейную жизнь, Баська с Анджеем уехали работать в Германию, а другая Ханя подвиглась на мощную взятку и получила контракт в Сирию. Не знаю, сколько отвалила «Польсервису», потому как при малейшем упоминании об этом Ханя просто зеленела и твердила, что сумму до конца жизни выговорить не сможет. Я не настаивала — когда она уехала, мне в наследство осталось проектирование больницы в Люблине, к этому проекту она делала технологию и сорвала все сроки. А свой «вартбург» Ханя оставила Михалу.

Михал, в свою очередь, дружил с Ханей и с Ирэной, кажется, с детства, Ирэну обожал рабски и был ее верным рыцарем, а с Ханей все так и обстояло, как я описала в *"Шайке"*. Дружил Михал и с мужем Ирэны, Анджеем, и вообще это была очень теплая компания

Так вот, на упомянутый Новый год мы собирались ехать с Михалом тем самым «вартбургом», оставленным Ханей, с нами на заднем сиденье еще одна дружественная пара, которая в последнюю минуту отказалась, и мы поехали вдвоем. За нами три машины: «симка» Ирэны, «Варшава» Леопольда, тоже Михалова приятеля, и «фиат» не помню чей.

Несколько раньше произошли две крупные аварии. Одна железнодорожная — под Валбжихом. Путь шел несколько в гору, пассажирский поезд не сумел одолеть подъем; чтобы взять разгон, попятился. Мчавшийся за ним экспресс из-за этой же горки набрал скорость и налетел как раз в тот момент, когда пассажирский уже остановился и собрался разогнаться. Экспресс стремительно врезался в него на полной скорости, протаранил четыре вагона, и оба состава сошли с рельсов Голова второго поезда и хвост первого превратились в сплошное месиво.

Вторая авария произошла на шоссе при участии персонала «Блока». Стефан, проектировщик-сантехник, и Казик, архитектор, возвращались из Зеленой Гуры машиной Стефана в пять утра. Стефан, по-видимому, заснул за рулем: правым бортом своей «сирены» долбанулся в кузов стоящего на обочине грузовика. Казик спал на пассажирском месте, проснулся много времени спустя в больнице, врачи сомневались, удастся ли его спасти. Стефан в шоке сидел на корточках в больничном коридоре под

дверью, где лежал Казик, и стонал: «Ох, что я наделал, что я наделал!» Оба выкарабкались, но первое время к лицу Казика привыкнуть было тяжело. Позже, сверх всяких ожиданий, его физиономия пришла почти в норму.

Ну так вот, ехали мы себе с Михалом в Гужно встречать Новый год первой машиной в кавалькаде

— Постой-ка, погляжу, не скользко ли, — притормозил Михал.

Тронулись, нас занесло сразу же, откуда-то взялась гололедица, но Михал выровнял машину.

— Давай где-нибудь пропустим их вперед, поедем за ними, пользуясь светом «симки». У этого «вартбурга» плохие фары. Поймать бы какую-нибудь станцию с легкой музыкой. А пока что смотри вперед и говори, что видишь, в четыре глаза всегда надежней.

Проехав более восьмидесяти тысяч километров на мотоцикле, смотреть вперед я привыкла. И была основательно выдрессирована: за машину отвечает водитель, а пассажир, как болельщик, должен сидеть тихо и не пудрить ему мозги. Не учить, не придираться, не морочить голову, самое большее изречь: «Поворот направо», и вся недолга. Дрессировка въелась в меня накрепко.

Вообще-то, сознаюсь, люблю поболтать, но в дороге всегда молчу. Тоже привычка — на мотоцикле не поговоришь. Некоторое время мы оба молчали, пока я не заметила далеко впереди две красные искры.

— Михал, впереди что-то стоит, — сообщила я согласно договоренности.

Михал кивнул — значит, принял к сведению. Мы продолжали двигаться с той же скоростью — пятьдесят пять километров в час. Искры превратились в задние огни стоящего на обочине грузовика, и тут впереди нам навстречу замаячило еще что-то, конечно, надо это что-то, по-моему, пропустить, но дрессировка въелась в меня основательно — я промолчала. Уже отчетливо виднелся темный кузов грузовика, правыми колесами стоявший на обочине, левыми — на шоссе, а нечто навстречу приближалось, и вдруг я поняла: мы не разминемся. Тормозить следовало начинать раньше, скользко, а теперь — хоть тресни — ничего не поделаешь…

В восьми метрах от грузовика Михал заорал: «Боже милостивый!» — только тут я поняла, что он грузовика все-таки не видел, успела сказать: «Господи прости!..» — а перед глазами мелькнуло лицо Казика.

Божьим промыслом Михал специально обучался вождению в

гололед. Не затормозил, повернул руль и нажал на газ. Нас боком несло на препятствие, но Михал сумел чуть-чуть свернуть к середине шоссе, и первый удар пришелся на кузов прямо за моей головой. Следующих ударов не считала — воцарился хаос. Грузовик получил от нас такой дубль, что проехал метра полтора вперед, мы начали вращаться, сколько раз — не знаю, казалось, мечемся и ударяемся обо что-то бесконечно долго — не то месяц, не то неделю. Какая-то деталь сверху долбанула меня по башке. Наконец мы остановились, уткнувшись носом в грузовик, задом к кювету на противоположной стороне шоссе, с работающим двигателем. Михал выжимал сцепление. Мне вдруг сделалось как-то сладко и страшно. Услыхала Михала:

— Господи, ты жива?!!

В этот миг я вспомнила железнодорожную катастрофу. Навстречу кто-то едет, пляску мы исполнили без подготовки, этот кто-то, вовсе не ожидая такого, мчится, вот-вот врежется, как тот экспресс. Слабость улетучилась в мгновение ока, эмоция вызволила поток слов, которые не стану цитировать, хоть они и представляют собой весьма популярное приглашение покинуть помещение в драматических обстоятельствах. Эти слова я еще дополнила разъяснением, что с нами сделает этот встречный.

Все вместе подействовало столь впечатляюще, что Михал, видевший встречного, видевший, как тот успел затормозить и остановился, тем не менее поверил мне, а не собственным глазам, и мы вихрем вылетели из машины.

Хоть процедура и оказалась сложноватой: левую дверцу заклинило намертво, правую сорвало, через эту правую мы и вывалились, предварительно преодолев препятствие в виде лежавших в машине наискосок лыж. Вокруг неподвижно застыли люди, человек пять из грузовика, лиц не помню, зато никогда не забуду выражения бесконечного ужаса и ошеломления. Всех сковал столбняк, ни один не пошевелился, не протянул руки, чтобы помочь. Боялись взглянуть на нас, боялись, что из кучи раскромсанного железа появятся искромсанные трупы — ладно хоть не сбежали в панике. Мы вылезли самостоятельно, живые и невредимые; случай абсолютно необъяснимый.

Начали подъезжать наши, мы остановились в свете фар, чтобы их удар не хватил. Машина — бесформенная куча металлолома, крыша распорота по всей длине, какие-то стержни пробили спинку заднего сиденья, если бы та пара поехала с нами, были бы мертвы — отказались, судьба их хранила. Мой чемодан вылетел из багажника и лопнул, содержимое собирали сообща на двадцати метрах дороги, отчасти в канаве. Сзади в машине стояли два или три ящика с банками огурцов, с водкой и яйцами,

разбилась одна бутылка и два яйца, хотя Михал сознательно пожертвовал задней частью машины, дабы спасти переднюю.

— А у меня и страховки нет, — сообщил он уныло. — Позавчера кончилась, собирался возобновить после Нового года…

— Это она тебя заморочила, — вопила перепуганная Ирэна. — Все из-за ее болтовни…

— Ничего похожего, — честно опроверг Михал. — Словом не обмолвилась!

— Сказала же я тебе — стоит что-то, — упрекнула я. — Ты что, не заметил? Ведь кивнул мне!

— Не заметил, честное слово! Я видел метров на сто, мне казалось, дальше и ты не увидишь, просто ошиблась. Передняя машина слепила!

— Я же дальнозоркая, вижу на километр…

Наша компания начала строить догадки: похоже, я вела машину, потому и авария. Михал снова скорректировал:

— Веди она машину, не влипли бы. Она же видела грузовик…

Я пересела в «симку», не обижаясь за попытки свалить вину на меня. И все-таки слегка загрустила: виновата я — промолчала, а надо было снова сказать про грузовик и спросить Михала, какого дьявола собирается делать на таком гололеде. Да, дрессировку следовало переломить и отшвырнуть.

«Вартбург», несмотря на внешний вид, оказался вполне дееспособен. Вместе с Михалом сел кто-то из мужиков и поддерживал бороздившую по земле дверцу; отправились в Плонск, в авторемонтную мастерскую. В мастерской глянули на машину и сочувственно спросили:

— А пассажиры где? В морге или в больнице?

Не поверили, что Михал — тот самый пострадавший субъект — стоит перед ними.

«Вартбург» оставили чинить, расселись кое-как по машинам и добрались до Гужно на треклятый Новый год. На следующий день у меня разболелась голова, чувствовала себя скверно и не приняла участия в приготовлениях, но вечером мой темперамент снова дал себя знать, потому как рассердилась на Леопольда. Уж так я ему понравилась, тут же решил на мне жениться и охмурение начал, давая волю рукам. Взбесилась я с пол-оборота. Леопольд был недурен собой, правда едва среднего роста, настырный, а во мне всегда преобладали моногамные склонности, и в это время моя голова как раз была занята Янушем. Благосклонность упрямого Леопольда имела продолжение. Ладно уж, расскажу сразу, если отложу, то забуду.

Вот так и нанизывается отступление на отступление, того и гляди, начну писать «Рукопись, найденную в Сарагосе» [4].

Ну что ж, продолжим. Несколько позже состоялся бал прессы, за мной заехал Михал и в такси изрек:

— Послушай, я очень извиняюсь, да он вцепился словно клещ, спрашивает, какова ты в постели. Богом поклялся — не знаю, так он не поверил. Ты, мол, конечно, джентльмен, но сугубо между нами, будь человеком, скажи, а? В общем, совсем он меня заморочил, я и ляпнул: очень, мол, хороша, только один недостаток. Он пристал, какой да какой, я и выдал: в такие, мол, кульминационные мгновения кусается. Ох, прости, пожалуйста, достал он меня просто.

— Эх ты, фраер, — ответила я. — Надо же было сказать, что еще и лаю.

— Как это?

— А так, обыкновенно. Как собака. Гав, гав, гав!

— Вот здорово, — обрадовался Михал. — Смотрика ты, а мне и в голову не пришло…

Бал гремел, я чудесно развлекалась, Леопольд потрафил мне в народных танцах, в обереке встал на колено — любо-дорого, оркестр не успевал за нами. После танцев пошли отдохнуть. Наша компания из двенадцати человек сидела за общим столом, бестактность Леопольда и нескромность Михала уже обсуждали, говорили все разом, и вдруг Михал объявил дружку:

— Слушай, я тебе не все сказал. Она не только кусается…

— Да, да, — заинтересовался Леопольд. — А что еще?..

— Она лает…

— Что?..

— Лает.

— Как это — лает?

— Да так, обыкновенно. Как собака. Гав, гав, гав…

— Гав, гав, гав, — невольно повторил остолбеневший Леопольд.

И надо же, как раз в этот момент разговоры утихли и «гав, гав, гав» прозвучало на весь стол. Все прекрасно ориентировались, о чем речь, я думала, все просто лопнут, подавятся, изойдут слезами, расчихаются и вообще помрут. Один Леопольд не имел понятия, почему разразился такой хохот, однако на всякий случай все-таки от меня отрекся.

А теперь вернемся снова к новогоднему вечеру в Гужне. Вечер, понятно, не удался. В три ночи мужчины отправились разогревать моторы: ударил мороз. Попытались проскользить по снегу в лакировках, из попыток ничего не вышло, а настроение пошло к черту. Злые как фурии дамы пошли спать.

— Мы, Ирэна, ее муж Анджей и я, ночевали в одной комнате. Я проснулась рано и услышала нежное воркование Анджея:

— Малышка, тебе не холодно? Иди сюда, под одеялко, я тебя укутаю, золотая моя, не замерзнешь…

— Ирэна, как он тебя любит! — растрогалась я при виде такой заботы, говорила с пиететом и даже чуть-чуть с завистью.

— Меня!!! — заорала она в ярости. — Совсем спятила! Как бы не так, мне он скажет!.. Посмотри, что у него в руках!!!

Анджей заботливо обнимал и укутывал одеялом аккумулятор, снятый с машины…

И честно говоря, он ворковал, пожалуй, по делу: на следующее утро его «фиат» взял с места как ни в чем не бывало, «симку» пришлось тащить на тросе, а за «Варшавой» уговорили свернуть «Волгу» с шоссе.

На следующий год…

Нет, следующий год оставим пока в покое. Много разных разностей за это время приключилось, да и пора вспомнить про хронологию. От Новых годов пока что отвяжусь, вернусь к ним когда понадобится, потому что невезениям вовсе не пришел еще конец. Добавлю только одно: много лет спустя Михал смертельно обидел меня, из мести я вывела его в *"Бесконечной шайке"*.

* * *

Так вот, если придерживаться хронологии, то еще раньше я познакомилась с очередным Юреком. Познакомилась при самых обыденных обстоятельствах: ранним утром мчалась Дольной по направлению к Пулавской, за руку волокла Роберта и отчаянно махала рукой всем средствам передвижения. Обычно что-нибудь да попадалось — такси, левак, «скорая помощь», грузовик — разнообразия хватало, не ездила лишь угольным фургоном. И на сей раз остановилась машина, я села, объявила: ребенка надо срочно на Аллею Неподлеглости, после на Кредитовую на работу, водитель согласился, поехали. Позже он сам признался, оценил меня позитивно и сразу начал прикидывать, на что клюну. На ужин в «Гранде» — ясно, нет. Очень быстро вышел на явь — клюю на моторизацию.

Соблазнил меня «ситроеном» с автоматической коробкой передач. Я согласилась — хотя вовсе не рвалась — на экскурсию этим «ситроеном» в Желязову Волю — сама буду за рулем. От Юрека в восторг не пришла — на мой вкус, в нем было многовато лишнего веса, все прочее, правда, в порядке, и я рискнула, предупредив, что возьму детей.

И сегодня не понимаю, почему он не порвал со мной сразу же и навсегда, ибо мои дети для этого сделали все.

Начал Ежи:

— Мать, а кто такой Шопен?

— То есть как кто? — возмутился было Юрек. — Твой сын не знает Шопена?

— Дитятко, расскажи пану, кто такой Шопен, — попросила я, ни на что уже не надеясь.

Дитятко не подвело, изрекло не задумываясь:

— А это испытатель реактивных самолетов, здесь в пруду ноги мыл.

Меня на такой финт не поймаешь, но Юрек отреагировал с подозрением. Подключился Роберт, который, несмотря на свой юный возраст, номера отмачивал дьявольские, сообща мои детки высказали множество всяческих соображений, а изобретательностью обладали неисчерпаемой. Чтобы более или менее представить устроенное ими шоу, придется опять сделать малюсенькое отступленьице.

Шестилетний Роберт часто ходил за покупками в магазин, где работала родственница. Как-то она спросила:

— А почему твоя бабушка не пришла?

— Собиралась, — грустно сообщил ребенок, — да не могла,

вдребезги пьяная под столом лежит.

— Слушай, не знай я тебя, поверила бы, клянусь, — рассказывала потом родственница моей матери. — Он так сказал, что все покупатели поверили, честное слово, я аж вся покраснела…

Подобные заявления Роберт делал постоянно, да еще комментировал разные происшествия. Я перепугалась насмерть, пока не услышала про Йолю. Йоли я не знала, но не в том дело.

Йоля ходила в детский сад, мать дежурила в больнице, отец ушел на какое-то совещание, и за ребенком делегировали бабушку.

— Йоля, за тобой бабушка пришла, — сообщила воспитательница.

— Бабушка?.. — переспросила Йоля с таким сомнением, что воспитательница забеспокоилась.

— Ну что же ты, ведь это твоя бабушка…

Йоля отступила и прижалась к обескураженной воспитательнице:

— Какая бабушка? Я эту пани не знаю…

— Йоля, что ты говоришь? Как ты меня не знаешь? — обалдела бабушка.

— Не знаю я эту пани…

Воспитательница всполошилась и увела девочку в другую комнату.

— Йоля, а это мама твоей мамы или твоего папы?.. — коварно поинтересовалась она.

Но Йолю на мякине провести не удалось.

— Какая мама, что вы, я эту пани совсем не знаю…

Мать с дежурства из больницы уйти не могла, выволокли с совещания отца: возникли опасения, что ребенка собираются похитить. Перепуганный отец примчался, дело выяснилось.

— Йоля, почему ты сказала, что не знаешь бабушку? — упрекнул девочку отец.

— Да так просто…

Другую девочку — имени не помню — бабушка взяла с собой на службу в Страстную Пятницу в костел Святою Креста, где страсти Господни отличались большим реализмом: Христос лежал, а из-под тернового венца сочились капли крови. Бабушка опустилась на колени, начала молиться, расчувствовалась и всплакнула. Девочка подозрительно поглядывала то на бабушку, то на Христа.

— Что ты плачешь, — решительно потребовала она. — «Скорую помощь» вызывать надо!

А один мальчик из знакомой семьи оказался достойным

соперником моего Роберта. Ехал с родителями в переполненном трамвае, родителей оттеснили вперед, а мальчик остался где-то в середине вагона, над ним сжалилась дама.

— Иди сюда, мальчик, встань тут, а то тебя совсем затолкают. Ты едешь один?

— Да, один, — вздохнул ребенок.

— А где же твои родители? Мама и папа?

Застрявшие на передней площадке родители вдруг услышали несчастный голос своего ребенка:

— Вы знаете, мой папа страшно пьет и бьет мамусю…

— И тебя тоже бьет? О Боже!

— И меня бьет, вон тут синяк и тут… А мамуся меня защищает. А папа все продает, все выносит из дому на водку…

— Но ты же хорошо одет?..

— Так одна тетя приходит и приносит мне разные вещи, а то ничего бы у меня не было…

Весь трамвай, затаив дыхание, слушал мартирологию бедного ребенка. Отгороженные толпой родители ничего не могли поделать. Выскочили на остановку раньше и сбежали, опасаясь, как бы толпа не линчевала их, а чертов мальчишка тоже успел выскочить и как ни в чем не бывало догнал своих родичей.

Узнав про эти приключения, я успокоилась: Роберт вовсе не выламывался из хорошей нормы. Ну а в Желязовой Воле мои дети показали экстра-класс: по пути домой у Юрека испортилось пневматическое регулирование подвески, началась вибрация — обычное невезение. Детки буквально висели у него над головой, изощренно комментируя манеру езды и качество машины. Юрек выдержал, стиснув зубы, ничего не скажешь, тоже проявил экстра-класс самообладания.

Когда моя мать с детьми, проведя лето в Подгуже, собралась возвращаться, я договорилась с Юреком поехать и забрать всю компанию. Уступчивостью он не страдал, и за два часа до отъезда мы успели поссориться. Внезапно я оказалась в пиковой ситуации, знакомый таксист куда-то уехал, мамуля, не появись я в условленное время, с ума бы сошла — короче, выход нужно найти, и немедленно. Мотосбыт в те годы сдавал в прокат машины, даже не слишком дорого, находился он на Аллее Войска Польского, там потребовали сделать пробную поездку. Ничего не попишешь, пусть будет пробная поездка.

Машина стояла в самом дальнем углу двора, и чего только не было между ней и воротами: припаркованные машины, машины на смотровых ямах, разложенные на брезентах инструменты и запчасти… Мне пришлось выбираться по принципу сантиметр назад, сантиметр вперед, чуть-чуть влево, чуть-чуть вправо. Когда

я добралась до ворот, пот струился с меня ручьями.

Инспектор милостиво пробурчал:

— Ладно, пани, не надо пробной езды…

Таким образом я впервые в жизни оказалась за рулем без присмотра.

Откровенно признаюсь, почти до Вышкова машина вела меня. От Вышкова уже я повела машину, однако сразу за городом что-то сломалось и заглох двигатель. Дорога как раз поднималась вверх на небольшую горку. Самостоятельно заниматься механикой я не рискнула, даже капот не подняла, метрах в двадцати увидела милицейскую радиофицированную машину с полным экипажем, бросилась к ним:

— Уважаемые паны, я вас умоляю…

Уважаемые паны, хоть и при исполнении служебных обязанностей, остались мужчинами, я ведь была молода. Заглянули, проверили, оказалось — надломлена какая-то маловажная деталь, повернули ее как-то, и она начала функционировать. Я пламенно поблагодарила моих спасителей, они даже постояли, глядя, как я одолеваю горку. Мысленно возносила хвалы моему инспектору за науку, когда получала права: он изо дня в день требовал, чтобы останавливалась и начинала подъем по Тамке и по Ксенженцей.

Обнаружив, что «Варшава» свободно тянет сто десять, я нажала на газ — хорошо бы освоиться с быстрой ездой, возвращаться, скорей всего, буду медленней, не дай Бог, опять пертурбации с деталью. Дорогу знала хорошо, доехала благополучно, забрала детей, мать, великое множество резаных уток, кур, яйца, сыр и молоко. Машина глупых фортелей больше не выкинула, уже в городе случилось что-то непонятное — на Аллее Неподлеглости и Мокотовском Поле на меня оглядывались все обгонявшие водители. Как только шеи себе не посворачивали. Ехала я в правом ряду, с нормальной скоростью шестьдесят километров — ни много, ни чересчур мало, ничего экстравагантного не делала, женщины за рулем встречались уже часто. В чем же дело?

Я не выдержала и остановилась: вдруг раскрылся багажник и оттуда во все стороны торчат куриные и утиные лапы?

Осмотрела машину, ничего подобного, все в порядке. Только сегодня приходит в голову — наверняка детки устраивали представление через заднее стекло… Иначе чего бы ради все водители пялились на меня?..

Наконец-то теперь могу вернуться к Янушу, а читателям рекомендую немедленно хватать *"Клин клином"*.

Не стану повторять подробности, уже однажды сообщенные.

Светопреставление с телефонами — святая правда, а тип, въехавший в разговор, действительно представлял некое таинственное лицо. Вскорости из-за этого началась ужасная свистопляска, перипетии коей я на всякий случай записала.

Где-то в самый разгар этих перипетий я отправилась в отпуск. Зачем мне вздумалось ехать в горы зимой, понятия не имею. Возможно, получила только такую путевку, ничего другого не подвернулось. Ехать дикарем — нет денег, что-нибудь доставать — нет сил, вот и соблазнилась дешевизной и простотой и сразу же была наказана.

Оказалась в Шклярской Порембе в условиях, мягко говоря, кошмарных — в четырехместной комнате, населенной пятью бабами: тремя подружками с одной мамусей ну и мной. По правилам проживать имели право две девицы и мамуся, третью приняли спать валетом. Я растерялась и даже не протестовала, а стоило бы.

Выяснилось, что мой жизненный опыт весьма ограничен, таких панночек я еще не встречала и только дивилась на них. Целыми днями пришлось мне шляться где придется, в комнату приходила лишь спать, но и этого с меня хватило. Молодые, двадцати не было, а младшей вообще лет семнадцать, девицы главной целью своей полагали заполучение поклонников, коих и надували как могли. Хвалились друг перед дружкой, кого из них угостили шоколадкой, а кого сластями из кунжута, кто дольше просидел в кафе, а уж закуска в ресторане, поставленная временным обожателем, становилась предметом гордости и зависти. Они рылись в моих вещах, читали мои письма, все это выбивало меня из всякой колеи настолько, что кретинизмом отличилась я, а не они — отреагировать адекватно я просто не сумела.

Причин, увеличивших мою тупость, набралось немало. Во-первых, я все еще вздыхала по Янушу, хотя прекрасно понимала всю безнадежность моих воздыханий. Во-вторых, в Шклярской Порембе объявился кузен Генек, предмет моих нежных чувств чуть ли не в детстве, известный лыжник. А в-третьих, заинтересовалась я одним субъектом.

О нем чуть погодя. Сперва про Генека. Генек достал мне лыжи на полметра длиннее, чем нужно, без окантовки, предупредил — с лыжами будут некоторые трудности. Как в воду глядел: из моей лыжной эпопеи получилось одно горе.

Ботинки привезла с собой, взяла у Ирэны, мы носили один размер. Брюки купила еще в Варшаве, наспех, без выбора, качества оказались поразительного: я прокатилась в них на заднице самое меньшее полкилометра, брюки не порвались…

Ослиный лужок сбегал вниз, внизу почти ровное поле, но в самом центре поля стояла хата, а слева в глубокой выемке проходила дорога. Эти два препятствия совершенно отравили мне жизнь. Съезжать вниз научилась быстро: тело взаимодействовало с ногами, и все вместе шпарило вперед… А, да!..

Один раз раньше я все же стояла на лыжах. В Повсине, Янка мне их дала. Показала, как закрепить, и проинструктировала:

— Наклонись вперед и катись!

Я наклонилась и покатилось. В Повсине, как известно, если длинный овраг, склоны по обеим сторонам удобные, направление можно выбрать любое. Я поехала наискосок, с противоположной стороны неслась вниз какая-то женщина. Мы обе согласным хором вопили:

— Пани, сверните в сторону, я не умею поворачивать!!!

Сдается, есть такой закон — разные тела взаимно притягиваются, потому что внизу мы безошибочно столкнулись и в нас еще врезался мальчишка. Все охнуло, в основном, по-моему, земля.

Как видите, у меня был солидный опыт. Генек, правда, попытался расширить мое образование по скоростному спуску с горы, уговаривая сделать поворот: этой ногой сильнее прижать, а ту свободно, я вроде бы даже поняла, о чем он говорит, но голова, по-видимому, была весьма далека от ног, сигнал не дошел. А может, лыжи достались не самые удачные для новичка. Я изо всех сил надавливала то одной, то другой ногой, никакого толку. Лыжи не желали поворачивать, скользили независимо от меня, одна нога почему-то выезжала вперед, я подтягивала к ней другую, в свою очередь эта другая выезжала вперед, подтягивала первую и так далее, останавливалась же я, лишь упершись палками в снег со всего размаху. Генек быстро пришел в отчаяние.

— Ты уж лучше сиди, — выговаривал он мне раздраженно. — Когда сидишь, вид у тебя такой, будто умеешь ходить на лыжах, как только встанешь — позорище для всей семьи.

Как-то явилась я на Ослиный лужок пораньше утром. Генек натер мне лыжи, остался внизу.

— Не советую ехать! — заорал он снизу.

— Почему? — вопила я в ответ.

— Вот съедешь, тогда увидишь!

Ну я и съехала, чтобы увидеть. Скорость набрала устрашающую — снег в тот день оказался превосходный. Шпарила как черт, и хата внизу росла с бешеной быстротой. Где-то на середине спуска я поняла, надо выбирать: или со всего маху врезаться в стену, или свернуть Предпочла свернуть. Совершенно

очумев от страха, я начала манипуляции.

Как видите, не разбилась, значит, свернула. Описала огромный полукруг в опасной близости от препятствия, и это был единственный случай в моей жизни, когда сознательно удалось выполнить оный маневр собственными силами.

В остальных случаях я делала поворот лишь тогда, когда этого желали лыжи, а фанаберий у них хватало. Как-то поехала вниз по склону, менее удобному для спуска, — оказалось, внизу прокопана дорога. Лыжи решительно пихали меня влево, на беду, на моем пути возник лыжник, поднимавшийся вверх.

— Отойдите в сторону, я не умею поворачивать! — проорала я распроклятый пароль.

Тип заспешил, мои лыжи явно нацелились в него, чем больше он спешил, тем решительнее сворачивали они за ним, абсолютно вопреки моей воле. Я промчалась по его лыжам перед самым его носом и вдруг поняла, что передо мной, за высоким валом, дорога в глубокой выемке, если туда свержусь, живой не выберусь. А эти свиньи упорно волокли меня на погибель; выхода не оставалось — только приземлиться. Остановилась я на животе с задранными ногами, целая и невредимая, только снег набился всюду. Тип бросился на помощь.

— Слушай, я с тобой не выдержу, — мрачно провозгласил Генек. — Пожалуй, вообще сделаю вид, что мы не знакомы. Так глупо кадрить хмыря…

— Ты что, спятил?! — возмутилась я. — Какое там кадрить? Зачем?

— Не валяй дурака, не поверю, ты взяла его на мушку и брякнулась нарочно! — Генек с ужасом смотрел на меня. — Ты промчалась по уступу, через все самые страшные выбоины, проехалась по его лыжам, а свалилась на ровном месте. Нет, невозможно, ты это нарочно!

Само собой, нарочно, только вовсе не для того, чтобы закадрить хмыря…

В развлекательных целях отправилась я на верхотуру канатной дорогой, съезжать не намеревалась, такой уж дурой не была, просто попробовала побродить на лыжах на небольших пологих спусках. Лыжи снова проявили свое собственное мнение, из Чехословакии меня завернул солдат погранслужбы. С огромным трудом пыталась оправдаться: не я собиралась удирать из моей дорогой отчизны, а мои идиотские доски.

Так что одних только лыжных эмоций мне хватало, чтоб совсем позабыть об общей комнате с начинающими куртизанками, а тут еще всякие перебои с чувствами.

Познакомилась я с двумя хлопцами, ладно, не с хлопцами, а

молодыми людьми — взрослые они были и давно достигли совершеннолетия, одного звали Марек, другого Юрек. Господи, сейчас только сообразила, сколько разных Ежи и Юреков, ведь перепутаются все, как пить дать! Ничего не поделаешь, придется примириться. Так вот, Марек клеился ко мне, а я к Юреку, который, как назло, оказался идеальнейшим образцом из всех встреченных мною в жизни блондинов, побил даже того, новогоднего, понравился мне до умопомрачения, к тому же мы с ним родились в одну и ту же минуту, в один день, месяц и год! В общем, я ничего не имела против более тесного знакомства и жаждала произвести впечатление, он же всячески соблюдал дистанцию — похоже, старался для приятеля (обсудили, черти, проблему и явно закрепили меня за Мареком). Ну и ничего такого страшного, мне они нравились оба, к Мареку даже питала сантименты, не до такой, впрочем, степени, чтобы насильно склониться на его сторону. Предпочитала Юрека.

Вмешалась судьба и оттолкнула его от меня раз и навсегда.

Мы играли в бридж у Михала, который тоже отдыхал в Шклярской Порембе со своей актуальной пассией. Играли вчетвером — его пассия даже не различала карт. Моим партнером оказался Юрек, и я изо всех сил карабкалась на вершины интеллекта, чувства мои, естественно, мешали при этом неимоверно. Объявила пять бубен, которые сделали бы нам большой роббер, риск, конечно, был, но я начала розыгрыш и поняла, что выигрываю. Успех! Марек держит последний малый козырь, взятку я возьму — есть чем, остальное зависит от меня, выхожу королем пик…

В нервах и сердечных страданиях поспешила на один ход и пошла королем пик, уверенная, что последний козырь уже отобрала. Марек перебил, я просадила, а ведь игра была моя!

— Так я и знал, что она отберет эту последнюю бубну, — снисходительно бросил Марек.

Юрек держался по-джентльменски, промолчал. Михал, охая, ползал под столом. Что оставалось делать? Разреветься или захохотать; выбрала второе. Если я и могла рассчитывать на внимание Юрека, в этот момент потеряла его навсегда.

На лыжах оба ходили как боги. Марек даже лучше Юрека. Это уж так, к слову. Лыжная бесталанность, понятно, сыграла тоже свою роль в моем поражении.

В Варшаву я вернулась с ворохом впечатлений и с новыми силами. В первой части *«Клина»* рассказано, что я вытворяла, чтобы расшифровать фраера из телефона, в одном только соврала. Номер получила доверительно, под большим секретом и вовсе не звонила всем подряд, чтобы добраться до него. От кого

получила, не скажу. Во всей этой чертовщине, по-видимому, увязла основательно, потому как именно тогда разразился кухонный катаклизм.

Скорей всего подтекало или засорилось, не помню, отчетливые воспоминания связаны лишь с водопроводчиком. Перекрыли воду в подвале, он проверил в чем дело. Авария фундаментальная — надо менять трубы; зашпунтовал отверстие от снятого крана. Мы стояли напротив раковины, у буфета, и решали, что предпринять, в этот момент кто-то открыл воду в подвале, шпунт выбило с силой оружейного снаряда, мощная струя обрушилась на водопроводчика, штукатурка со стены грохнулась в раковину, и все коммуникации предстали в полной красе.

Водопроводчик отнесся к делу философски.

— Ну, теперь легче, — утешил он меня, вытираясь тряпкой. — Все видно. Только вот ремонтик придется сделать.

Я не артачилась: в подвале ждал своего часа купленный на стройке кафель, штукатурка все равно рухнула, даже отбивать не надо, прямой смысл сразу положить кафель. Если уж класть в кухне, надо и ванную цивилизовать.

Мои недавние строительные контакты сработали, заполучила прекрасных кафельщиков, с рабочим классом всегда умела договориться. Условились насчет сроков, успеть бы до Пасхи, потому как после праздников пойдут другие заказы, начали уточнять детали.

— Цемент есть, известь есть, кирпич есть, — перечислили они. — Все, как положено, по счету. Кафель вы, пани инженерша, имеете. Остается только песок. Песок наши клиенты сами достают.

И вот я начала сама доставать песок.

Подобно Костюшко на краковской рыночной площади, с левой рукой на сердце и саблей в правой руке, клянусь, совершила все возможное и даже больше с целью легальной закупки песка для ремонта. События разворачивались как раз после зимы столетия, в Висле песок еще не копали, на некоторых стройках запас песку имелся, но не имелось самосвала, а у обладателей самосвалов не было песку. Кафельщики обитали стены в ванной. Я впала в панику и решила песок украсть.

Неподалеку от моего дома обновляли особняк Шустера. Зима задержала строителей, пирамида смерзшегося песку лежала около самого забора, даже на улицу высыпалось, к подножию большого дерева. Крала я песок с помощью мусорных ведерок, старой детской коляски и старшего сына, дерево же у особняка держала в уме в качестве камуфляжа: вовсе не краду, а проявляю

заботу о природе, откапываю вот дерево, чтобы не засохло.

Первую кучу песку мы высыпали во дворе, и тотчас же ее кто-то стырил. Возможно, песок растащили дети, во всяком случае, никаких следов от него не осталось. Следующую порцию мы высыпали в подвале, спешили как на пожар — кафельщики подгоняли. Изо дня в день во второй половине суток катались мы туда-сюда, продолжалась катавасия шесть дней, первые два сошли на льготных условиях: подмораживало, и коляска довольно прилично катилась по твердому грунту, а с третьего дня ударила весна. Утопая в слякоти, волокли мы с ребенком треклятую коляску, тяжеленную как черт те что. И вдруг обнаружилось: каторжная работа имела воспитательный аспект.

— Мам, я ни за что не стану вором! — решительно отрезал мой сын, когда мы проезжали мимо семенной лавки.

— Что ты говоришь? — заинтересовалась я. — А почему же это?

— Больно уж тяжелая работа.

Когда на улице Людовой с бордюра соскользнуло одно колесо и все содержимое коляски вывалилось на Ежи, он принял очередное решение.

— И на море никогда не поеду, — мрачно сообщил он, вылезая из-под ведер и отряхиваясь от жидкой грязи.

— Что так? — пропыхтела я, втаскивая коляску на тротуар.

— Знаешь, как увижу песок, плохо становится…

В самом конце песочного мероприятия кто-то спер и коляску, оставленную под лестницей. Слава Богу, песку мы уже навозили.

Напоминаю вам, уважаемые читатели, сколько бы ни рассказывала про всякие побочные отдельные события, стремилась к одному — поведать о начале моих чувств к милиции. Ясное дело, чувства возникли не в ходе песочной эпопеи, песочные подвиги я предпочитала совершать, не встречая поблизости милиции. Сейчас приступлю к обстоятельствам воспламенения этих чувств.

Януш, само собой, не шел из головы, и я добросовестно обдумывала всякие дипломатические приемы, чтобы встретиться с ним как бы случайно. Явно встречаться не могла себе позволить: бегаю за мужиком, который чхать на меня хотел, — Господи Боже, компрометация фундаментальная, не стану хотя бы усугублять! В принципе я давно поставила на нем крест, но мне нравилось бывать в его обществе — никто не умел так красиво танцевать английский вальс, да и относился он ко мне прямо-таки трогательно, и я от души радовалась каждой встрече. В рамках такой дипломатической операции я взялась выполнять какое-то поручение в Лодзи, не помню уже какое, наверняка что-то

связанное с моими паломничествами по домам культуры. В Лодзь я добиралась откуда-то, поезд приходил утром, я воспользовалась случаем, адрес знала, послала телеграмму с просьбой снять мне номер в гостинице. Ответа получить не могла — то и дело переезжала с места на место.

В Лодзь приехала ровно в полночь, обдумывая по пути создавшуюся неординарную ситуацию. Возможно, Януш заказал мне номер, но как, черт побери, об этом узнать? Адрес? Без толку — он снимает комнату у какой-то особы, фамилия которой мне неизвестна. Телефона тоже не знаю, в телеграмме не сообщила, когда приеду и на какой вокзал — сама этого не ведала. Нанести визит посреди ночи — нет уж, кое-какие остатки приличий надлежит соблюсти. А ночь темная, в городе никогда не была…

В пять минут первого я ворвалась в железнодорожное отделение милиции Лодзь-Фабричная со страстным признанием:

— Уважаемые паны, я обожаю милицию!

Присутствующие в помещении паны повскакивали с мест.

— Дорогая пани! — с энтузиазмом откликнулись уважаемые паны. — Такое мы слышим впервые в жизни! Для вас — все, что угодно!

Я объяснила: всего не потребую, но кое-что — да. Необходим номер телефона без фамилии абонента, исключительно по адресу, в коем тоже не совсем уверена — сомневалась насчет номера квартиры. Больше напутать и усложнить не могла. Через пять минут я получила телефон, Януш был дома, гостиницу заказал, и, сдается, мы вместе поужинали…

После этого, уже второго, опыта милицию я полюбила усердно, добросовестно и надолго. Не то чтобы с полной взаимностью, скажем, с некоторой.

Мне очень жаль, но в голове опять мельтешит полным-полно всяких отступлений, и если от них не отделаться письменно, проку все едино не будет никакого — собьюсь…

Из-за моих милицейских симпатий многие годы мы ссорились с Алицией.

— Как ты можешь их любить, идиотка! — выходила она из себя. — Как только язык поворачивается говорить такое, совсем сбрендила, нашла кого любить — эту банду сволочей!..

— Да при чем здесь сволочи! — кипятилась я. — Приличные доброжелательные люди, всегда помогут! Ты только подумай, какая у них работа: ты, скажем, прешь напрямки через овраги-буераки, лежит баба, мертвая, я увидела — и ходу, мое дело сторона. А они не имеют права, обязаны докопаться, почему там лежит, откуда взялась, кто ее пришил! Обязаны — это их работа! Неважно когда, днем или ночью! Меня бандит не караулит, а их и

убить могут!

— Ха-ха! — только и ответила Алиция.

И лишь через много лет я доперла, что говорили мы о разных вещах. Она имела в виду самую худшую и хитроумную часть МВД, а я обычную, работящую, преступников вылавливавшую милицию из Дворца Мостовских и Главной комендатуры. Мои чувства на МВД не распространялись, хотя не исключаю, и там могли найтись люди не совсем деморализованные. Взять того же Ежи — ну вот, пожалуйста, опять Ежи! — Кудась-Брониславского, которого выбросили с работы за книгу о началах Управления общественной безопасности. От чтения первого тома волосы вставали дыбом, а второй изъяли из печати. Жаль, я охотно почитала бы. Пана Брониславского вообще-то я люблю, но сейчас облаю — в те времена он наделал мне неприятностей в качестве представителя по делам печати МВД, при этой оказии скомпрометировал и организацию и весь строй. Нижесказанное характеризует, естественно, не пана Ежи, а нашу систему. Ложь и дезинформация распоясались столь мощно, настолько пронизали все и вся, что обманывали даже своих людей и сотрудников. Я тогда писала *"Проклятое наследство",* и пан Брониславский лично заверил меня и свято был убежден, что пятидесятидолларовой банкноты не существует. В Дании, например, нет банкноты в двадцать крон. И в самом деле, двадцатикроновых бумажек тогда не было, а вот пятьдесят долларов одной бумажкой я собственноручно получила в одном копенгагенском банке, так что изготовление ее частным офисом отпадало. Кто и зачем внушал людям всякую чушь, создавая путаницу и бардак, и сколь коварно проводилась эта акция по обману, если пан Брониславский, человек умный, профессионал, знающий мир, был обманут?!

Конец отступления, возвращаюсь к основной теме.

Во время ремонта, кафеля, ванной, песка и прочих эпопей у меня то и дело раздавались таинственные телефонные звонки, вносившие еще большую сумятицу в жизнь. Потом выяснилось, дурака валяли Анджей, муж Ирэны, и Михал; я не рассердилась на них, напротив, была благодарна: подали мне идею.

А вот ко мне предъявляли претензии многие. Вооружила их против себя невольно, засомневалась, постаралась разъяснить подоплеку и написала первую часть *«Клина клином».* Давала ее почитать знакомым, знакомые реагировали по-разному, некоторые просили оставить их в покое, потому как боятся психов, но все хором советовали:

— Слушай, издай это. Сходи куда надо, издай!

Легко сказать — куда надо. Единственная организация,

пришедшая мне в голову, — редакция журнала «Пшекруй». Я оказалась на высоте революционного задания, позвонила в Краков. Мариан Эйле, тогдашний главный редактор журнала, как раз пребывал в Варшаве. Разыскала его в Варшаве, он нашел время, я полетела на свидание, взял мое творение и прочитал.

И настала для меня минута, подобная землетрясению.

— Ты пишешь еще что-нибудь? — спросил Эйле (уже с четвертой страницы он начал обращаться ко мне на «ты», как к особе, знакомой с самого рождения).

— Писала бы, — честно призналась я, тяжело вздохнув, — да вот не на чем. Статьи пишу от руки, беру у тетки взаймы машинку. От руки идет медленно, пишу каракулями, не вижу текста. Машинку надо возвращать — тетка тоже много пишет. Из-за этой треклятой машинки не удается работать сколько хочется.

— Машинку я тебе дам, — резюмировал Эйле.

— Как это? То есть как — дадите? — не поняла я.

— У меня умерла тетка, осталась машинка, старая, но в приличном состоянии. Мне не нужна, отдам ее тебе.

— Значит, вы мне взаймы дадите?.. То есть ты взаймы дашь?

— Нет, просто отдам.

— Как это? Насовсем?

— В собственность, насовсем.

Передо мной отверзлись райские врата, ангельское пение ласкало слух. Честное слово, тащила машинку к себе по лестнице на четвертый этаж и от волнения ревела в три ручья. Эйле к тому же подарил большую стопу бумаги, тяжесть неимоверная, но я летела домой как на крыльях. Это было прекраснейшее мгновение в моей жизни.

Так что, если кто не любит мои книги, спрашивайте с Мариана Эйле, вся вина за мое творчество целиком на его совести.

Он же ввел меня в издательство «Чительник».

— Я насчет тебя поговорил, — озабоченно сообщил он. — Только вот оденься похуже, что ли, а то еще поползут сплетни: Мариан, мол, интересуется девицей, а не творчеством. Уж пожалуйста, выгляди поплоше. Я выполнила совет как нельзя лучше. В «Чительник» поехала после работы, в старой юбке, замурзанной, перепачканной графитом, в старой блузке, на которой, сдается, не хватало пуговки, в сандалиях на босу ногу, растрепанная, не подкрашенная, с блестящим носом, в руках авоська с зеленью, картошкой и хлебом. Встретили меня там существа с ангельскими крыльями за спиной: пани Борович и пани Шиманская — божества, коих на нашей грешной земле вообще не водится. Отнеслись ко мне дивно и велели дописать

продолжение.

Первая часть *«Клина»* оказалась слишком длинной для повести и слишком короткой для романа. Требование продолжения сперва меня огорошило, но тут делу помог скорбут. [05]

В принципе я привыкла к репортажу. Заводы, дома культуры, всякие маргинальные происшествия, о которых я писала при случае, взять хоть ту же площадку с аттракционами у меня перед домом, явно свернули мой ум набекрень. Я не решилась все целиком придумать, фантазия вела себя на сей раз тихо, помогать отказывалась, а пустить ее на самотек и привычное буйство я не отважилась. Давила беспощадно. Робких ее всхлипов хватило на канву, а с вышивкой изощрялась сама жизнь.

С мужем моей золовки Ядвиги, Анджеем, я время от времени сотрудничала. Вернее, помогала ему чертить, второстепенную работу пахала любо-дорого, амбиции меня не заедали — он был гениальным проектировщиком, а я как раз наоборот и вполне мирилась с таким положением дел. Не помню, что он тогда проектировал, возможно, конкурсную работу, а может, епископскую курию в Кельцах, во всяком случае именно в разгар наших совместных бдений вдруг появился скорбут.

Поначалу раз в несколько дней, потом ежедневно, а то и несколько раз на дню раздавался телефонный звонок и мужской или дамский голос напряженно вопрошал:

— Скорбут? Скорбут?

Сперва Ядвига и Анджей вежливо отвечали: ошибка. Потом занервничали и отвечали уже не столь вежливо или просто клали трубку. Наконец попытались скандалить. Не помогало, скорбут бушевал, не утихая. Однажды смертельно усталый Анджей взял трубку

— Скорбут? — вежливо осведомился бабский голос.

— Да, скорбут, — покорно согласился Анджей — сил уже не хватало скандалить.

— Кто говорит?

— Владислав Ягелло [5].

— А, пан Владек! — обрадовалась дама. — Говорит Ядвига [6], нам необходимо срочно увидеться!

Анджей был убит наповал, совсем растерялся.

— Сами понимаете, — объяснял нам позже, — звонит королева Ядвига, желает встретиться, не могу же я отказать монархине…

Преодолев ошеломление, условился с таинственной дамой на шесть вечера в кафе «Стильное», на углу Пенкной и площади Конституции, в двух шагах от дома. Увы, перепутал время,

прибежал к семи, дамы, разумеется, не застал, а я с трудом простила ему этакое ротозейство.

А скорбут продолжал названивать, пришлось общими силами решать, уведомить ли милицию. Черт знает, что за скорбут, — вдруг преступный пароль, пусть голова болит у соответствующей организации. Милиция сообщение приняла, поблагодарила, попросила поставить телефон на прослушивание, соглашение дали с энтузиазмом. Вскоре после того Анджей позвонил своему корешу, медику, дабы соорудить мне липовый больничный лист. Мы запаздывали со сроками, от службы просто необходимо было отмотаться. Анджей сообщил мои данные, они с корешом обсудили, чем удобнее заболеть, остановились на пищевом отравлении. Учитывая прослушивание, ожидали неприятностей, однако милиция на пищевое отравление не реагировала, зато скорбут вдруг замолчал, будто отрезало.

Из милиции по поводу скорбута сообщений не последовало, и по сей день пребываем в неизвестности, что такое с этим скорбутом приключилось. Следовательно, я имела право на этот сюжетец.

Книгу закончила, отнесла, договор был подписан раньше, и мое творение пошло в печать. Я шествовала себе по Вейской в направлении Сейма с глуповато-блаженной физиономией, асфоделии цвели по обе стороны улицы, сдается, и на проезжей части тоже. Ведь сокровенная цель моей жизни достигнута!..

Цель целью и книга книгой, а в «Блоке» тяжким жерновом на шее висели не только Гурце, но и люблинская онкологическая больница. Расширение. Здание нуждалось в перестройке, позарез нужны были новое крыло и вспомогательные службы, между прочим прачечная. Начали проект Баська и Анджей, уехали, и проект остался неприкаянным. Согласилась я на эту работу по трем причинам. С Гурцами то и дело случались идиотские простои, а потому мне недоставало сверхурочных, а в дополнительной работе я нуждалась. Сверхурочных не хватало и Алиции, мастерская решила, что работать над проектом мы с ней станем вместе. А самая главная причина появилась уже позже, после моей поездки в Люблин: осмотрела я здание, и у меня потемнело в глазах.

Об экстерьере не говорю — внешний вид здания запросто мог вогнать человека в тяжелую болезнь, а что делалось в самом доме — не передать. Люди с раком кожи лежали в коридорах, врачи в отчаянии жаловались на отсутствие мест, умоляли ускорить проект. У меня не хватило совести отказаться.

Алиция подняла жуткий скандал: решение приняли без нее, я могу и не приставать, она к больнице не притронется. Легко

протестовать — она не ездила туда и не видела жутких сцен медицинского характера. Осталась я с больницей одна, в довершение бед чертова Ханя уехала в Дамаск, так что для последнего этажа мне и технологию пришлось делать самой. В подробностях насчет разных пиковых ситуаций читай *«Бесконечную шайку»*.

Так сложилось, что с Гурцами — по-видимому, поджимали сроки — три недели пришлось вообще не спать. Моя мать в этот период вела себя несколько странно: когда я приходила за детьми, она встречала меня с удрученным выражением лица и мягко сообщала:

— Ты знаешь, ведь алкоголизм лечат…

Я целиком и полностью соглашалась — конечно, лечат, но тему не поддерживала — не до того.

На следующий день мать снова заводила свое.

— Знаешь, алкоголизм надо все-таки лечить…

Ясно, надо, разве я против. Соглашалась с ней, забирала детей и уезжала домой. Вскорости мать из-за нервотрепки заболела печенью.

Только через несколько лет я узнала, в чем было дело. Ежи являлся к бабушке и небрежно бросал:

— Мать снова явилась утром вдрызг пьяная…

По утрам я действительно возвращалась домой много раз, из мастерской меня изгоняла уборщица. Я мчалась к себе, принимала душ и снова отправлялась на работу. Иногда удавалось часок подремать. Алкоголь я тогда вообще не признавала, мне и в голову не приходило, что пребываю постоянно под хмельком, а мамуля уверовала в эту версию свято: ничего иного и не делаю, только изо дня в день валяюсь по всем канавам от центра до Мокотова.

— Боже мой, зачем ты выдумал эти бредни? — осведомилась я с ужасом у Ежи.

— А чего они мне сдуру верили! — ответил он с претензией.

Последствия трех бешеных недель превзошли все ожидания: достукалась до предынфарктного состояния, лишь по счастливому стечению обстоятельств успела сдать законченную часть проекта и получила передышку. Ночью начались сильные межреберные боли, я не могла дышать. Конечно, тут же вообразила: недостаток воздуха вызовет кислородное голодание мозга, потеряю сознание и утром насмерть перепугаю детей. Вызвала «скорую». Врач дал болеутоляющее, велел, если к утру боль не пройдет, пойти в поликлинику. Боль не прошла, я тупо побрела в поликлинику. Прописали бутапирасол три раза в день.

Бог спас — третьей таблетки не успела принять. Бутапирасол

резко понижает давление, а у меня и так было низкое. В пять вечера мамуля держала телефонную трубку у моего уха — сама я не имела сил на такой подвиг.

— Ядя… совсем… я… сдохла… может… ты…

— Что сожрала? — резко прервала золовка Ядвига.

— Бута… пирасол…

— Сколько?

— Две…

— Ни в коем случае не глотай третью! Сейчас приеду!

Приехала, вытащила меня из переделки, но неделю я проспали всю полностью. Матери так и не удалось уговорить меня что-нибудь съесть — засыпала, не проглотив и куска. Через неделю встала: не человек, а жаворонок, подснежник и целое стадо юных поросяток во время дождя. Мир принадлежал мне, а жизнь вприпрыжку бежала с горки.

Результаты этой эйфории были весьма существенны и долгосрочны.

Прежде чем продолжить рассказ, ещё раз напомню и больше уже не стану повторять: никогда не была я умная, интеллигентная, усердная и пленительная. Как раз наоборот. Ну, пожалуй, трудолюбивая — да, но и фанаберий хватало. А в остальном упрямо демонстрировала уникальную глупость, совершала тысячу бестактностей и на полную катушку раздражала окружающих. Единственное, пожалуй, оправдание мое заключалось в том, что стала этаким развлекательным элементом; про всевозможные идиотизмы, кретинизмы и прочее не скажу, потому как за прошедшие годы удалось радикально выпихнуть все это из памяти. Квинтэссенция моей глупости забавно обозначилась в одном разговоре со Збышеком Гибулой, тогда уже нашим главным инженером.

Збышек был эталоном всех добродетелей. Благородный, рыцарь, трудолюбивый, блестящий профессионал, за мастерскую переживал до умопомрачения, безумно серьезно исполнял все долги и обязанности. Доводила я его до отчаяния глупыми шуточками; на работе, правда, пахала как ломовая кляча, но мне ничего не стоило, например, ляпнуть: «Пан Збышек, да не переживайте вы так, все равно помрем…» — на что Збышек лишь молча смотрел на меня с укоризною. Я очень его любила, да и он хорошо ко мне относился, но, пожалуй, лишь в немногие нерабочие минуты.

На каком-то очередном обсуждении проекта я доверительно и с любопытством спросила его:

— Пан Збышек, признайтесь, вы, наверно, частенько про меня думали: «Вот дура-стерва»?

Збышек прямо-таки расцвел, воздел руки горе и от всего сердца воскликнул:

— О!.. Много раз!..

Я почувствовала себя немало польщенной — никогда ни одного худого слова от Збышека не слыхала.

Вышесказанное со всей очевидностью подтверждает, сколь несносна я была, и скрывать сей факт не стоит, а с другой стороны, не совсем же и ума лишилась, чтобы экспонировать этот факт на каждой странице. Кому надо, пусть запомнит об этом, я больше повторять не стану.

* * *

Прежде всего, обретя снова темперамент, я отправилась в дом культуры в Пёткове Трыбунальском. Ехала в вагоне-ресторане, вышла, никогда здесь не бывала. Чтобы выбраться с вокзала, решила просто пойти за толпой, а потом уже спросить про дом культуры.

Застопорило с ходу — люди никуда не двигались, стояли там, где вышли, не проявляли никакого нетерпения. Чудно, ей-Богу, невозможно же, чтобы все сразу друг друга пережидали, в конце концов я потеряла терпение.

— Простите, а как выйти в город? — обратилась я к стоявшему рядом.

— Выйти вообще нельзя, пока стоит поезд.

Я забеспокоилась:

— А долго он простоит? Дождь начинается…

— Зонт есть, — заметил субъект, стукнув закрытым зонтиком по асфальту.

Только тогда я посмотрела на говорившего. Очень интересный тип, черный, красота демоническая и вместе с тем что-то мягкое в выражении лица. Из окна стоящего поезда в разговор встрял еще один тип, тоже интересный, к тому же блондин.

— Ну вот, пожалуйста, — заметил тот, рядом, — коллега мне завидует. Он уезжает, а я остаюсь.

Мелькнула мысль: хорошо бы наоборот. Блондин мне понравился. Наоборот не получилось — блондин уехал вместе с поездом, и люди двинулись к выходу с вокзала. Тип с зонтом шел рядом.

Я хотела осведомиться про дом культуры, по крайней мере о направлении, чтобы не переть в противоположную сторону и не шляться по городу. Спросила шедшего рядом субъекта. Он знал Пётрков, пожалуйста, покажет дом культуры, тем более идет в ту же сторону. До места назначения довел, по пути я узнала, что живет в Варшаве, а в Пёткове у него брат, ездит к нему на бридж, затем он решил — коли уж такой случай, осмотрит дом культуры, затеял разговор с директором, Кочиняком, двоюродным братом обоих Кочиняков-киноактеров, причем тип куда лучше меня был осведомлен о культурной жизни столицы и страны, произвел-таки на меня впечатление, тогда мне и в голову не пришло, какой это бабник и соблазнитель экстра-класса. Не Кочиняк, разумеется, а тип с зонтом.

Так я познакомилась с Дьяволом, вообще-то его звали Войтек.

Пригласил выпить кофе — до обратного поезда у меня оставалось еще немного времени, — поболтали, и выяснилось, что он прокурор. Меня тут же от эмоций в жар бросило. Он вовсю охмурял меня, только какое мне до этого дело! Прокурор — вот что главное, Господи Боже, ну просто бесценный человек! Я уже начала писать, *«Клин»* был в печати, я и впредь собиралась писать. Детективные сюжеты один за другим искали выхода, а тут прокурор, да ведь это подарок судьбы!

Охмурял он меня столь темпераментно, что много времени не понадобилось. Правда, решилась я на него с некоторой долей осторожности: полной дурой все-таки не была, кое-что уразумела, да понадеялась на себя — справлюсь. Малость дети беспокоили, но после того как Ежи вытащил меня в другую комнату и подозрительно осведомился: «Мать, что это за тип у нас сидит?» — в детях восторжествовало чувство справедливости. У отца другая жена, почему мать не имеет права на другого мужа. Роберт вообще очень привязался к Войтеку, а с Кайтеком, его маленьким сыном, даже подружился.

Выходить замуж я не собиралась, замужество мне и так осточертело, предпочитала сожительство. Войтек поселился у меня, создали мы, так сказать, официальное семейство, и началось светопреставление.

Хоть тут тресни, а удержаться в рамках честной и добротной хронологии не могу. Главные события еще так-сяк размещу во времени, ну а отдельные эпизоды слились в памяти в одну сплошную чехарду.

Войтек представлял собой весьма неординарное сочетание достоинств и недостатков, черт неопределенных вообще не имел. Феноменально играл в бридж, прекрасно танцевал и любил танцы, меня безумно обожал целых три года, предприимчивый и оперативный, всевозможные билеты в кино и театры добывал сам, дарил цветы и вообще был неотразимо обаятелен. В целом же — клинический пример того, кто определяется именем «очаровательный прохвост».

Лгал столь же естественно, как дышал, а закадрить очередную бабу составляло смысл его существования. Характер отличался обезьяньей злобностью, от этого, правда, отучить его удалось довольно быстро. Как-то мы сидели на кухне, пододвинул ко мне на тарелочке заливную рыбку, я протянула руку, а он быстро отдернул тарелку. По второму разу проделать каверзу не успел: и рыбка и желе оказались у него в волосах и за шиворотом. Не стану уж вспоминать про Бальзака…

Впрочем, почему бы нет, можно вспомнить. Мы возвращались домой из Пётркова с бриджа у его брата. Я провела жуткий вечер

— не переношу за бриджем телевизора, о чем он, естественно, прекрасно знал, но все время одним глазом пялился на экран, а другим время от времени заглядывал в карты; науськал свою маленькую племянницу, очаровательную девчушку, и она надолго примостилась у меня на коленях; жене брата потихоньку шепнул, что я обожаю какое-то свинство вроде вареной моркови, а она от полноты сердца то и дело подкладывала мне на тарелку эту мерзость; в конце концов я разозлилась. Когда вышли, попросила оставить меня в покое. Не послушал, продолжал поддразнивать, развлекался таким манером и в поезде, и рука моя сорвалась сама. Звезданула я его Бальзаком в твердом переплете, которого пыталась читать для успокоения; на следующий день вынужден был объяснять на службе (Войтек, конечно, не Бальзак): в темноте, дескать, налетел на дверь.

Такие штучки скорее веселили его — обожал скандалы, провоцировал их, а талантами в этой сфере обладал недюжинными.

Да, ничего не поделаешь, придется перескакивать с одного мелкого эпизода на другой, не учитывая, когда случились. Не помню уже по какому поводу обиделась на него страшно, а ссориться не хотелось, улеглись спать в разных углах комнаты. Не упустил-таки случая, донимал и донимал меня, пока не рассвирепела. Очень здраво решила: лучше отмочить что-нибудь сразу, иначе сорвусь на ярость — зачем портить здоровье; ни слова не говоря, схватила чашку с чаем и изо всех сил саданула о стену. Клянусь, от стены и осколков искры летели, а Войтек рассиял, как весенний денек. Настроение разрядилось, и мы помирились.

Из Египта приехала Дануся, пышная блондиночка, мы вместе работали в Энергопроекте, пришла к нам в гости. Я обрадовалась, быстренько приготовила сосиски в томатном соусе, Войтек сбегал за бутылкой, неприятие водки у меня к тому времени благополучно прошло, провели приятный вечер. Дануся рассказывала о своем экзотическом замужестве, ушла не очень поздно, мы остались одни и, конечно, тут же поссорились: Дьявол слишком утомился от тишины и спокойствия. Разозлил меня ужасно, остатками здравого смысла я удержалась от того, чтобы запустить в стену блюдом из-под сосисок, рука уже тянулась за ним; воспользовалась чем-то не столь ярким. Вслед за тем мы помирились, время позднее, убирать не хотелось, легли спать.

На следующий день — видимо, пришлось воскресенье, на работу не спешили — мы еще спали, когда примчалась моя мамуля, у которой были ключи от квартиры. Картину она застала впечатляющую: следы пиршества, пустая пол-литровая бутылка,

рюмки, колористически яркие остатки томатного соуса… Сперва мамуся опешила, в следующий момент, подобно буре с громом и молниями, бросилась мыть. Войтек объявил: ни за какие сокровища не выйдет на кухню — боится, а я с удовлетворением отметила: хорошо еще, воздержалась и не грохнула блюдо о стену!

Около субъекта, который, как видите, обожал развлечения, во мне снова затеплилась надежда на веселый Новый год. Всего-то и надо было спокойно подождать, пока он что-нибудь изобретет, так нет, мой характерец выкинул очередное коленце, и я с маху приняла предложение Михала: встретить Новый год в складчину у него, всей нашей компанией за исключением Ирэны и Анджея, уехавших во Францию. Войтек охотно согласился.

Все уже закупили и приготовили, когда Михал, не иначе как в помрачении ума, сделал себе противотифозную прививку. Тридцать первого декабря валялся с температурой сорок и был едва жив. В последнюю минуту, в жуткой спешке, мероприятие перенесли к Инезе, его кузине, где, разумеется, объявилась очередная неприятность, причем не раньше и не позже, а ровно в десять вечера, когда все гости собрались и спасения искать было поздно. К довоенному Инезиному приемнику подключить проигрыватель не удалось никакими силами, а радио журчало сплошными речами. На сем и закончился вечер.

Предлагаю прямо сейчас же гуртом отделаться от всех Новых годов, дабы не впадать в дополнительные отступления и пояснения. Но честно предупреждаю — все равно каждый Новый год обрастает всякими побочными и окольными обстоятельствами, что и спровоцирует еще больший кавардак в хронологии. С другой стороны, весь этот шабаш разыгрывался на протяжении все тех же четырех лет — не такой уж большой срок, может, читателям и удастся выдержать.

На следующий Новый год, уже не веря ни во что, я приняла приглашение в Союз польских архитекторов. С нами за столом еще одна пара, понятия не имею, кто это был. Платье я надела экстра, столик организовал Войтек в прекрасном месте, казалось, наконец-то покончено с новогодними невезухами. Как бы не так!

В самом начале вечера около нас появился Збышек Цудник, в *«Подозреваются все»* он носит имя Рышарда. *«Подозреваемых»,* пожалуйста, держите под рукой — нет у меня сил по новой описывать Збышека. С нами он уже не работал, я давно его не видела и теперь прямо обомлела. В «Блоке» вместе с нами ошивался обтерханный недотепа, в мятых шмотках, небритый, полумертвый от усталости, а тут вдруг является чуть ли не лорд. Вечерний костюм, белая рубашка, бабочка — с ума сойти! Збышек

был очень красивый, что в нормальных трудовых условиях абсолютно ускользало от человеческих глаз.

При виде Збышека я невольно вскрикнула от радости. Збышек, тоже вскрикнув, тут же подсел к нам, всегда рассеянный, он абсолютно игнорировал мою принадлежность другому владыке. Пошел на меня в атаку, и баста. К тому же он прекрасно танцевал польку, чуть ли не лучше моего первого мужа, я не удержалась, и мы пустились в пляс. Войтек озверел: едва ли не впервые в его жизни женщина осмелилась развлекаться с другим мужчиной. Как правило, это он развлекался с другими, а ее удел — сидеть в углу и лить слезы. Ни с того ни с сего учинил афронт сидевшему за нашим столиком человеку, не повинному ни в чем, множество исков предъявил Збышеку, который их игнорировал, потому как просто не заметил, в конце концов занялся мной — детали опускаю, но в тот вечер я навсегда лишилась красивых украшений из «Яблонекса». Дикий взрыв ревности мне вполне импонировал, однако Войтек переусердствовал, сорвал вечер, эхо адского скандала долго еще перекатывалось в городе.

Я озлилась решительно, имею в виду Новые годы, сдала позиции и заявила: с меня хватит. Никуда больше не пойду — идиотской даты больше просто не существует, баста, скандалов хватает и дома, к тому же даром.

А теперь о моих неприятностях с подругой Аней. Фамилии Ани не назову, вполне распространенная фамилия принадлежит ее мужу, человеку довольно известному, и озвучивание ее в книге мне так просто с рук не сошло бы. И без того пару лет назад я вызвала его недовольство, весьма интенсивное и необратимое, а сколько его тайн не предала гласности, он сам просто не знает, и потому благодарности за это не жду. Итак, я займусь им без фамилии.

С Аней и ее мужем познакомил меня Войтек. С первых же встреч выяснились дополнительные связи. Аня хорошо знала моего первого мужа и обеих моих золовок — до войны они вместе ходили в детский сад. Это еще туда-сюда, случается всякое, но муж Ани оказался участником одного происшествия, которому никто не поверит, а я, клянусь, ни одного слова не выдумала!

Шел он себе однажды по улице и встретил школьного приятеля. Оба вскрикнули, пали друг другу в объятия: «Как жизнь! Сколько лет, сколько зим!» — и пошли выпить кофейку. Именно кофейку, и ничего другого, оба почти не пили. Понятно, начались воспоминания.

И только часа через два что-то перестало стыковаться.

— Постой, постой, — заколебался один. — Погоди, в каком же это случилось году?

— В сорок девятом, — уточнил второй. — А что?

— Да нет, не может быть. Ты в каком закончил?

— В сорок восьмом.

— Что ты говоришь! Я в сорок девятом. Как же так получилось?

— Ну-ка, ну-ка, — вдруг заинтересовался второй. — Ты в какую гимназию ходил?

— Батория.

— Не валяй дурака! А я в Рейтана!

— Твоя фамилия Ковальский?

— Да нет же! Валевский. А ты разве не Петшик?

— Конечно, нет! Я Михаловский!

Между прочим сразу поясню, чтобы не было недоразумений, — настоящая лишь одна фамилия.

Согласовали дальнейшие показания и — на тебе: встретились на улице первый раз в жизни, раньше никогда и не слышали друг о друге. Но знакомство завязалось, и муж Ани предложил:

— Знаешь, ошибка не ошибка, а сидим здесь вместе, подружились, не стоит порывать знакомство. Я живу недалеко, давай зайдем, познакомишься с женой, поболтаем.

Второй охотно согласился, пошли, Аня открыла дверь, взглянула и ахнула:

— Боже мой! Янушек!..

— Аня!!!.. — заорал в ответ Янушек.

И оказалось: Аня и Янушек уж точно ходили в детский сад вместе и тут уж не было никакой ошибки, а Януш Валевский всю жизнь дружил с моим мужем, который, как сказано выше, пасся в том же детском садике.

И не пытайтесь меня убедить, что самые фантастические стечения обстоятельств невозможны. Все возможно. Сразу и расскажу об одном таком случае.

Я моего первого мужа вытащила в театр «Камеральный», на Фоксаль. У входных дверей муж на что-то наступил и поднял мужской бумажник.

— Кто-то потерял, наверное, уже вошел в помещение.

Муж спрятал бумажник в карман, вошли в раздевалку. Неподалеку возникло легкое замешательство.

— Боже мой, я потерял бумажник! — донеслось до нас. — И билеты в нем остались…

Муж протолкался к нему.

— А я нашел бумажник! — сообщил он весело. — Ваша фамилия?..

Разумеется, бумажник оказался этого пана, тот собирался пасть мужу на шею, но помешала толкотня. Вернул свою потерю,

и на этом инцидент был исчерпан, я не запомнила этого человека. Через несколько лет, в тот период, о котором уже сейчас идет речь, Михал рассказывал нам как-то о разных разностях в своей жизни и припомнил, как однажды потерял бумажник в театре. Вернулся к нему бумажник через пару минут.

— Представляете, какой порядочный человек. Спросил фамилию и тут же вернул бумажник. Есть же еще на свете порядочные люди!

Я расспросила о деталях.

— Так это был мой муж. Приятно, что я вышла замуж за порядочного человека…

И посему ответственно заявляю — дурацким случайностям несть конца!

С Аней и ее мужем мы довольно часто играли в бридж. Поначалу бывало всякое, но мы быстро перешли на фишки, а вскоре ввели еще одну модификацию, а именно: наши мужья играли на деньги, а мы служили в качестве бескорыстной технической помощи. Иначе игра обходилась очень уж дорого, мы платили проигрыш, а выигрыш забирали они. Мы с Аней согласно потребовали последовательного решения: кто берет, тот и расплачивается.

Бриджи разворачивались захватывающе. Когда я убегала из их дома с воплями, навсегда, мол, порываю с ними всякие отношения, разумеется, из-за Войтека, это еще полбеды. Меня догоняла Аня и возвращала с лестницы, разумно убеждая:

— Возьми себя в руки, не обращай ты на них внимания, себе дороже…

Но однажды из дому выбежала Аня, тоже бурно уверяя, что ноги ее больше в этом доме не будет. Тут уж я вернула ее с лестничной площадки, напомнив, что дом этот ее и она здесь живет. Из вышесказанного понятно, дополнительных развлечений хватало.

В конце концов мы придумали новогодний бридж. Назавтра приходился праздничный день, не худо бы расслабиться. Муж Ани заранее изложил свой взгляд на вещи: никаких новых годов не признает, а это вполне соответствовало и моим тогдашним настроениям. После всех так называемых встреч я реагировала с олимпийским спокойствием: пожалуйста, как угодно, можете встречать Новый год хоть в пижаме. Единственная уступка, на которую Анин муж пошел в связи с исключительной датой, — двойная ставка.

Начали мы довольно рано, в девятом часу. Оба наших пана в бридже выказывали дичайшую скупость и неистовую жадность. И надо же — карта ко мне так и шла, азарт разгорался, страсти

бушевали. Радио сначала тихо журчало, вдруг что-то звякнуло — в городе поднялся шум, до нас донеслись звуки государственного гимна. Первый ход был за Аней, она посмотрела на нас и заколебалась.

— Кажется, двенадцать? Новый год?..

— Да черт с ним, пусть двенадцать! — ответила я рассеянно: на руках у меня семь старших карт в червях и бланковый туз пик.

— Двенадцать, вроде бы салют, — пробурчал Войтек.

— Все равно уже первый час пошел. Аня, начинаешь? — решительно потребовала я.

Аня все-таки попыталась почтить праздник:

— Но ведь двенадцать?.. Или уже первый?..

Ее муж, уже неслабо проигрывавший, вдруг впал в ярость.

— Одиннадцать, двенадцать, первый!!! — рявкнул он громогласно. — Что здесь, черт побери, «точное время» или бридж?!!! Начинай!

На меня напал неудержимый смех: это был самый прекрасный новогодний тост из всех слышанных в моей жизни. Наконец-то я пришла в полный восторг на встрече Нового года. И до сих пор признательна за это Аниному мужу.

Ну а теперь о самом бридже — помню одну великолепную партию. В игре участвовал приятель Войтека, тоже прокурор, некий Сташек, приехавший из Лодзи. Мы отправились за город к их общему корешу, местечко называлось, по-моему, Плацувка, впрочем, это неважно. Из четверых игроков трое умели играть, а четвертый, Сташек, только учился, поэтому мы менялись местами, чтобы никто не страдал от плохого партнера. Азарт достиг апогея, очки мы записывали по старой системе, с коэффициентом, разгорелось яростное соперничество, и как раз Сташек достался мне.

Они вовсю отстаивали роббер, объявили четыре без козыря, я объявила контру в надежде, что они, в свою очередь, объявят масть, они объявили реконтру, разыгрывать должен был Войтек, Сташек зашел. Из торговли уже выяснилось, какие у кого карты, я держала трефы, нас могло спасти только одно: выйти с валета под короля треф, который был у игрока справа, в таком случае они лежали. Нормальный бриджист вышел бы с этого валета, но напротив меня сидел хмырь, о бридже не имевший понятия, торговля ему ничего не подсказала. Небось не помнил даже, как я объявила трефы, и вообще не понял, что это значит. Я покорилась судьбе, размышляя, какую глупость выкинет Сташек и удастся ли мне еще что-нибудь предпринять. Да ничего, они свои взятки возьмут, а меня хватит удар…

Сташек вышел с валета треф.

В жизни у меня редко встречались столь потрясающие минуты, не верила собственным глазам. Наши противники легли без четырех, и удар хватил Войтека. А Сташек так и не понял как и почему, пошел чем попало, совершенно не думая, а я до сих пор вижу перед собой этого одинокого валета посередине стола. Вот поистине чудо из чудес!

За игрой мы прозевали последний автобус, другого транспорта до города не оказалось, и шесть километров протопали пешком, но мое прекрасное настроение отнюдь не испарилось…

* * *

Чуть раньше, еще до появления Войтека, имели место два события, о которых я как-то умудрилась не упомянуть. Лилька сбежала от Збышека, а Эльжбета вышла замуж за Стефана.

Лильке я ничуть не удивлялась. Ее Збышек был красив, порядочен, не пил, не курил, спортсмен: играл в волейбол, ходил на лыжах, плавал — одним словом, собрание всех совершенств, но он родился в Силезия, а тамошние обычаи чужды нашим душам.

Силезская жена обязана, например, чистить мужу обувь, невзирая на все свои дела и обязанности, и Збышек аккуратно выставлял в прихожей обувь ровненьким рядком. Жили они тогда у родителей Лильки, и она как-то показала такой рядок моей матери.

— По мне так пускай здесь и прорастут и зацветут, — откомментировала Лилька. — Интересно, дойдет до него что-нибудь или нет.

Вовсе не дошло: примчалась его мать, элегантная дама.

— Ах… — Она в ужасе всплеснула руками. — Какая грязная у Збышека обувь…

Схватила щетку и принялась чистить. Дядя Олек тихонько буркнул моей матери, что собрался было подсунуть ей и свои туфли, хоть одну пару, да побоялся — размер не тот.

Сама я не раз наблюдала и другие шокирующие сцены. Все садились за стол, Збышек еще с чем-то валандался, я попросила:

— Збышек, пока не сел, принеси соль.

— Не знаю, где соль, — недовольно проворчал Збышек и плотно уселся.

— Сейчас принесу, — вскочила Лилька, прежде чем я успела отреагировать.

Однажды мы все вместе смотрели телевизионную передачу. Очевидно, какой-нибудь фильм, потому что развлекательную, например, программу я бы не смотрела, а помню, тогда с интересом уставилась в экран.

— Лиля, — приказал вдруг Збышек, — сделай мне яичницу.

Меня прямо подбросило от злости.

— Ты что, спятил? Совсем мозги отбило?! Ведь она тоже смотрит передачу, не заметил?! Чего ради вскакивать и лететь на кухню?! Подождешь, пока кончится, а если тебе невмоготу, пойди сделай сам.

Збышек растерялся, а Лилька встала.

— Я сделаю, — сказала она что-то уж слишком ласково. —

Перестань, сама видишь. Уж я ему сделаю…

Семейных сцен рассказывать больше не стану, но Лилька унаследовала одну немаловажную фамильную черту — ожесточенное упорство. И чувство юмора, помогавшее настоять на своем. Лилька закончила геофизику, начала работать, родила двоих детей, Богдана и Александру, и в одно прекрасное утро — Богдан еще в школу не ходил — использовала весеннюю экспедицию на раскопки, то есть геофизические исследования, забрала с собой детей и объявила: к мужу не вернется.

Збышек был потрясен до глубины души. Человек верующий, религиозный и потому не признающий развода, он никогда больше не женился бы, разве что Лильку пришил бы кто-нибудь, но такого выхода в обозримом будущем не намечалось. За помощью обратился к нашему семейству, Лилька тоже. После экспедиции, осенью, приехала в Варшаву, где запросто могла найти себе работу. Тетя Ядя, золотое сердце, предложила ей жилье у себя — одну из трех комнат, в ту пору бабушка по отцу уже умерла.

В связи с бабушкой по отцу тетя Ядя много чего пережила. У бабушки в числе прочих болезней развился мощный склероз, и последние годы жизни она вела себя несколько странно. С бабушкой и тетей Ядей еще со времен войны жила подруга бабушки, пани Барская. Пани Барская, ровесница бабушки, склероз своей подруги тоже отстрадала, да еще как.

Например, бабушка уронила что-то на кухне, пани Барская наклонилась поднять, бабуля взяла кастрюлю с молоком и медленно, тоненькой струйкой вылила ей на голову. Хорошо, молоко уже остыло. Яйца для яичницы она старательно разбивала на пол, а случалось, и пани Барской на ноги. Короче говоря, ближним своим разнообразила жизнь на все сто.

Пани Барская вскоре умерла, очень надеюсь, не из-за молока и яиц, а тетя Ядя решила спать с бабушкой в одной комнате, зачем, я так и не уяснила, в ее распоряжении имелись еще две комнаты.

Бабушка выработала свой взгляд на время.

— Ядя! — звала она в два ночи. — Ядя, вставай, на работу пора!

— Нет, мамуля, — с ангельским терпением успокаивала ее тетя. — Еще очень рано, всего два часа.

Бабушка соглашалась, но в три начинала снова.

— Ядя, уже утро, пора вставать…

И с завидным постоянством будила в четыре, в пять, в шесть, и так каждую ночь. Это продолжалось года три, каким чудом тетя Ядя не спятила, не понимаю до сих пор. В конце концов бабушка

умерла, а тетя Ядя предложила одну комнату Лильке.

А Лилька, primo, сбежала от мужа с детьми, secundo, увлеклась. Вернее, парень увлекся ею; поскольку он обладал всеми совершенствами с точностью до наоборот, чем у Збышека, постольку для Лильки представлял своего рода отдохновение, но он учился в Советском Союзе, и посему привычки и обычаи опять не совпадали. Лилька проблему разрешила трезво, дурацких иллюзий не питала, контакт с хахалем рассматривала как своего рода терапию и использовала этот контакт рационально.

На всю Лилькину историю я смотрела с испугом и сочувствием: первая ошибка, совершенная с размаху, подействовала на нее чересчур сильно. Она информировала о своих переживаниях семейство, а семейство впилось в развлечение зубами и когтями. На Аллее Неподлеглости происходили настоящие конференции, Лильку хвалили и ругали по очереди, грызли и жевали ее, а карканье не утихало ни на минуту. Разложили Лильку, Збышека и хахаля на первоэлементы, придушили ее так, что не могла вздохнуть, — не успела я ее предупредить, и вот последствия. Хахаль сам уготовал себе полное поражение, разумеется не догадываясь об этом, — Лильку он обожал беззаветно.

Прежде всего он принял предложение тети Яди и сразу бестактно пустился переделывать всю квартиру. Распоряжался так, что ангельски мягкая и полная доброй воли тетя Ядя впала в панику.

— Знаете, — несмело сообщила она, расстроенная и со слезами на глазах. — Я намеревалась отдать комнату Лильке, а оказалось, надо отдать Лильке, двоим детям и чужому мужику. Мне кажется, пожалуй, это чересчур, не знаю уж, правильно ли…

Мы утешили тетю Ядю вполне: совершенно очевидно, история с хахалем разладится. В который уже раз приехал отчаявшийся Збышек, страшные сцены разыгрывались на Аллее Неподлеглости, моя мамуля и Люцина купались в полном упоении, Лилька наконец взбунтовалась и замолчала, на такое неблагоприятное положение вещей напоролся несчастный хахаль. По-видимому, для куража он хлебнул лишнего, а может, аукнулся в нем Советский Союз, короче, прибыл он для выяснения отношений изрядно под хмель ком. Темперамент проявила моя мамуся, не признававшая алкоголя в принципе, ураганом сорвалась она из-за стола и вылетела в прихожую.

— Может, помочь надо?.. — неуверенно осведомился кто-то из присутствующих. Явно не Люцина.

— Нет, — мягко возразила я, ибо знала свою мамулю. — Успокойтесь, помощь не понадобится.

Люцина хохотнула; мамуся выставила за дверь нежелательный элемент, будто дохлого мотылька сдунула. Падение хахаля стало фактом необратимым.

Пожалуй, я тоже способствовала этому падению. Фраер оказался явно не того уровня, и сам помог мне усечь это. Явились ко мне с визитом втроем: Лилька, поклонник и нечто третье — индивид ростом с сидящего пса, приведенный в качестве партнера для меня и заранее настроенный на тесные личные контакты. Понятия не имею, что затевалось, оргия или еще что — идея исходила от хахаля, а Лилька не протестовала, ей, видите ли, было любопытно, как я справлюсь с этим идиотизмом.

Недаром же я была дочерью своей матери. Проблему решила молниеносно: кресло, где я сидела, тут же превратилось в трон, а чело мое увенчала корона. Монархини всего мира до пят мне не доставали, креатура же песьесидячего роста вдавилась в щель на полу, хахаль онемел, и вся компания отвалила, причем Лилька изо всех сил старалась сохранить серьезность.

— Я знала, что так получится, — оправдывалась она позже, — да уж очень хотелось посмотреть в подробностях. Прости меня.

— Ничего страшного, только смотри, того, сама понимаешь…

Збышек ночевал у меня. До трех ночи гремел потрясающий скандал — я не преминула высказать все мои соображения на его счет. Сидели мы по-турецки, он на кресле-кровати, я на тахте; клеймила я его и поливала на полную катушку, в целом все сводилось к тому, что жена тоже человек, да еще и женщина. Он, вынуждена признаться, принимал мои внушения вполне разумно. Почти осознал свои ошибки, благородно сокрушался и клялся исправиться.

В общем, Лилька все-таки вернулась домой, я не дам головы на отсечение, лучший ли это выход. Во всяком случае, ситуация явно изменилась и никакие ботинки уже не выставлялись рядком, зато Збышек впал в садово-огородный раж, сцена в *"Проселочных дорогах"* взята с натуры.

К обеду и в самом деле ждали важного гостя. Поддавшись на уговоры приятельницы, родовитой силезки, Лилька приготовила пресловутое вымечко, а Збышек опоздал к обеду — поливал в садике цветочки. Явись он вовремя, компрометирующее вымечко не подали бы гостю. Все остальное происходило как в упомянутой книге. Теперь расскажу о продолжении этого эпизода.

Лилька без всяких возражений позволила мне использовать ее имя.

— Подумаешь, Вишневских как собак нерезаных, делай как знаешь.

В те времена редакция «Чительника» сняла продолжение

эпизода: вульгарно-де звучит. Tempora [7] меняют mores [8], сегодня что-нибудь подобное никому и в голову не придет. Так вот, история закончилась на том, что Лилька учинила своей приятельнице скандал, а приятельница, спохватившись, разъяснила, сколько времени надлежит варить вымечко до готовности. Вскоре приятельница встретила в городе этого обеденно го гостя, своего хорошего знакомого, и вежливо осведомилась:

— А вы ненароком не свихнули себе челюсть на вымечке Вишневской?

И надо же так случиться, что я рассказала об этом продолжении эпизода прямо в микрофон — тогда проводилось мероприятие «Лето с радио» — на морском пляже в Мельне. Лилька, как выяснилось, проводила отпуск на побережье в нескольких километрах дальше. Возвращаясь через Варшаву, она меланхолически выдала:

— Знаешь, я тебе разрешила оставить как есть мою фамилию, да не учла всех возможных последствий. Полпляжа примчалось ко мне с вопросом, не та ли я самая Вишневская с вымечком из Чешина…

Другое событие, в котором я тоже приняла грандиозное участие, — марьяж Стефана и Эльжбеты.

Стефан — сын тети Юзи, сестры бабушки по отцовской линии, двоюродный брат тети Яди и моего отца, тот самый, что за столом обычно спрашивал: «Мама, а я это люблю?» Стефан был значительно моложе своих родичей. Со времен войны остался в Канаде, как и его брат Метек, впрочем, я не уверена, не жил ли Метек в США. Метека я не видела, кажется, никогда в жизни, а если и видела — не помню, Стефана же очень любила и во второй день последней военной Пасхи гоняла его по всему саду с литровой бутылью воды в руках, дабы облить по обычаю. Как-то он приезжал из Канады, и оказалось, я по-прежнему его очень люблю.

С Эльжбетой они познакомились по фотографиям, завязалась переписка, и Стефан влюбился. Жениться решил во что бы то ни стало. Эльжбете тогда было двадцать, Стефан ей нравился. Хотя и старше ее на двадцать, он выглядел молодо, на тридцать с небольшим, душой и нравом тоже был молод. Я всячески советовала ей выходить за него — в крайнем случае ведь есть и разводы.

И снова целая эпопея разыгрывалась по большей части в нашем семействе. Эльжбета заходила частенько, ведь узнать о Стефане нигде не могла, только у нас, возможно, еще у дяди Юрека, брата моего отца, однако наша часть семейства оказалась

более общительна, и тетя Ядя тоже приезжала на Аллею Неподлеглости. Решающим стало мнение моей матери, которая Стефана тоже любила. А уж если любила кого из этой второй части семейства, разумеется, сей индивид воплощал все добродетели, ибо в основном всех отцовских родственников не выносила. Исключение составляли тетя Ядя, дядя Юрек и как раз Стефан, из чего Эльжбета сделала соответствующие выводы.

Впрочем, выйти за Стефана уговаривала ее и собственная семья. Естественно, возникли всяческие осложнения паспортно-административного характера, сперва потребовалось выйти замуж и лишь потом можно было уехать в Канаду, ну и вышла замуж per procura [9], и я решительно заявляю, что любому замещающему мужу я предпочла бы Стефана.

Уехала в Канаду, за ней постепенно перебрались и все остальные близкие родственники, родители и сестра Йоля. Тереса с Тадеушем как раз строили на озере собственный дом, Стефан им весело помогал, и окрестные виды Эльжбета нашла великолепными. Сразу признаюсь: вместе с матерью и сестрой участвует в *"Бесконечной шайке",* а в жизни у нас с ней случались всякие перепалки.

Других пропущенных событий что-то больше не припоминаю, эти же оба случились, верно, незадолго до моего путешествия в Пётрков Трыбунальский, так как Войтек в них явно не участвовал. В целом четыре года, коих, несмотря на бесчисленные отступления, упорно придерживаюсь, изобиловали множеством необычных событий, наезжающих одно на другое, как в моей личной жизни, так и в служебной. За хронологию стараюсь держаться зубами и когтями, но и так всем ясно — хромает у меня эта хронология…

* * *

В те годы мы близко сошлись с Алицией. Рассеянность ее едва ли не вошла в поговорку и проявлялась по-разному, особенно доставалось сигаретам. Она закуривала две сигареты одновременно или подносила зажженную спичку к лицу, забыв взять сигарету в рот, а сигаретой пыталась чиркнуть о коробок, ну а фильтром закуривала вообще постоянно. И понятно, всех своей рассеянностью развлекала. Вещи — и служебные и свои — теряла систематически, забывала об условленных встречах и договорных сроках с равным успехом. И вопреки всему этому оставалась человеком принципиальным, могла спорить из-за одного неточно употребленного слова или из-за двух минут опоздания. Ненавидела ложь, увиливание и педантизм.

Однажды мы устроили с ней конкурс, конечно, еще до знакомства с Войтеком; наши семьи уехали, ее мать дикарем, моя с внуками, мы остались одни, без домашних обязанностей, вкалывали на работе, а конкурс заключался в том, кто из нас учинит дома наибольший бардак, причем не специально, а естественным, так сказать, ходом — не хватало времени на уборку. Поначалу я вырвалась вперед, упустила на плите молоко. Потом меня опередила Алиция: что-то искала — циклон не произвел бы больших опустошений. Затем опять я несколько обогнала Алицию: не мыла посуду, то и дело доставала из буфета чистые тарелки и стаканы, а она экономно ела из одной немытой тарелки, всячески обосновывая — грязь-де ее собственная и ничего тут страшного. Некоторое время мы продержались ноздря в ноздрю: у нее развелись мушки в мусорном ведре, а у меня все цветы затянуло паутиной. В конце концов на нас свалилось несчастье в виде гостей, пришлось малость прибраться. Конкурс так и не удалось разрешить.

Легкое злоупотребление алкоголем оборачивалось у Алиции замечательно творческим настроением. Однажды на службе после чьих-то именин она отправилась домой с основательно нагрузившимся Яреком, нашим сметчиком, на улице дружно принялись выламывать доски из забора с целью вооружения, дабы нападать на прохожих, не драться, а грабить — денег на что-то недостало. Первым же прохожим оказалась я, вышла вскоре вслед за ними, но забор уже успели пообломать. Алиция ухватила меня за пальто и радостно завопила:

— Ярек, одного поймали!..

С огромным трудом удалось ее убедить, что от этого одного никакой поживы не будет. С трудом поверила, отпустила меня,

отказалась от дальнейших противоправных действий и после многочисленных перипетий добралась до «Свитезянки», где уже с час ее ожидал Янек, тогдашний партнер по жизни. Ворвалась в кафе в расстегнутой шубке, в шапке набекрень, размахивая банкнотой в пятьсот злотых и победно оповещая всех:

— А у меня есть деньги! Вон сколько!

При виде Алиции Янек в страшной спешке заплатил за кофе, подхватил и вывел даму сердца, а она на следующий день никак не могла вспомнить, откуда взяла деньги. Меня вынудила поклясться чуть не на коленях, что такой суммы я давно не видела и не у меня она отобрала деньги в воротах. Алиция долго переживала, не напала ли в самом деле на постороннего ни в чем не повинного человека, к счастью, наконец все объяснилось: заняла деньги у случайно встреченной приятельницы.

Войтека и Янека нам удавалось вытаскивать из постели в полночь исключительно в развлекательных целях. Преимущественно затевался бридж, иногда экспромт-вечеринка, а порой даже танцы.

Мои отношения с западными странами тоже начались благодаря Алиции. В Польшу приехала на экскурсию группа французов, прикрепили их к нам, возможно, по линии Союза польских архитекторов, Алиция вытащила меня.

— Пойдем, говоришь по-французски, будем их сопровождать.

Сопровождение ограничилось поездками, французов оказалось всего двое, с машиной: очень светлый хмырь с прилизанными блонд-волосами и очень черная девушка, настоящая негритянка. Отправились мы с ними в Желязову Волю, по дороге начало смердеть.

— Смотри-ка, — грустно посетовала одна из нас, — выходит, и правда негры смердят.

— Ты в самом деле думаешь, что девушка? — огорченно отозвалась другая, так как негритянка оказалась ужасно симпатичная, и нам вовсе не хотелось, чтобы она смердела.

— Ну а кто же? Ты — нет, я специально понюхала.

— Ты тоже нет…

Минуты через две негритянка почему-то перестала пахнуть. Сбыли мы с плеч долой туристику и культуру, и по дороге обратно смрад появился точно в том же самом месте трассы.

— Слушай, это не она, а наш родимый навоз, — констатировала я — на сей раз помню, сказала именно я.

Алиция потянула носом, размыслила и признала мою правоту. Нас даже угнетало некоторое время — огульно обвинили девушку, а объяснить ей правду вроде бы нетактично, так и осталось это несправедливое подозрение на нашей совести.

Само собой, мы рассказывали нашим гостям варшавские легенды, между прочим, и про золотую утку во дворце Острогских, и забыли слово. Я, наверное, забыла, как по-французски «утка» — гораздо лучше помнила всякие балки, поезда и опорные стены. Между собой мы порешили, что утка должна быть la canard, так как la canne вылетела у нас из головы. Остался этот чертов селезень, в результате иностранцам объяснили весьма колоритную легенду: яйца нес селезень женского рода. А уж какие яйца — золотые или простые, — наплевать, селезня вполне хватало.

Преуспели мы и в обучении французов польскому языку, в случае мелких коллизий на перекрестках велели говорить противнику: «Куда прешься, баран!» Столь необходимое изречение они тщательно записали фонетически, но эти подробности уже излишни.

Маячит у меня смутное подозрение, приезжала еще одна группа из Франции, но я с ними дела не имела — времени не было. Алиция осуществляла контакты без меня, познакомилась с Соланж, председателем французского Союза женщин-архитекторов, подружилась с ней; между прочим, на мой взгляд, Соланж была прямым потомком месье de la Tour, который во время первого крестового похода приручил львицу, факт этот, однако, никак не повлиял на экскурсию; позднее наших дев пригласили во Францию. Алиция изо всех сил уговаривала меня поехать, само собой, хотелось очень, да не справилась я с делами. Гнала какую-то очередную халтуру, весьма нетипичную, и, как всегда, сидела без денег. Естественно, все это радикально сбило меня с толку, помню, я рычала и кусалась на любое предложение — и халтуры и расходов. Не поехала. Кретинка.

А наши бабы да, отправились в Париж, вели себя как идиотки: ходили по площади Пигаль сомкнутым строем, держа круговую оборону; тоже мне — всем за тридцать, моложе не было, — так уж весь Париж на них и зарился. Вернулись домой, и вдруг Соланж предложила работу у себя. Кого-то уже приняла. Алиция в то время на заграницу не реагировала, я — да, работать поехала бы. Начали согласовывать.

Что-то не удавалось, как всегда, возникали нелепости. Вот тогда-то Ирэна и сделала мне пакость. По договоренности с Алицией Соланж держала для меня место работы и собиралась прислать приглашение. Я попросила немного повременить. Бог знает что меня держало, вернее всего служба, возможно, все те же проклятые Гурце, а может, и очередная семейная кутерьма началась. Всяческих дел и хлопот вполне хватало, так что трудно их разграничить и определить во времени. Я собиралась поехать

через несколько месяцев, а пока что это место отдала взаймы Ирэне.

Они вместе с Анджеем уже работали во Франции, Ирэна, кажется, вкалывала год, привезли «симку»… нет-нет, прошу прощения, Ирэна была там одна. Мне вспомнилось, как она, вернувшись, пожаловалась на мужа. Границу пересекла этой самой «симкой», Анджей ее встречал, Ирэна в слезах пала ему на грудь. «Слушай, я попала в катастрофу, — жаловалась она мне с обидой. — А он тут же начал осматривать машину — машина главное, я точно видела, мне ноль внимания! А на меня мотоцикл наскочил, когда я пешком шла, могла ведь жизни лишиться!»

Я запомнила Ирэнины жалобы — меня тогда очень утешила мысль, что все мужья одинаковы.

Сейчас же Ирэна снова хотела поехать. Приглашение ей прислали, а вот работы не было. Я все согласовала через Алицию, пусть она поработает за меня у Соланж, чтобы зацепиться, за это время найдет себе что-нибудь, а я приеду позже. Ирэна уехала, работала у Соланж, после чего, когда Соланж хотела с ней прислать приглашение для меня, Ирэна отказалась. Что там стряслось, понятия не имею, но Соланж рассердилась и ликвидировала все наши комбинации, так что я не смогла поехать вообще и несколько лет не могла простить Ирэне такого поступка. Потом обида несколько поблекла, возможно, в сравнении с номером, который выкинула ее сестрица.

У моей матери был настоящий бзик на пункте книг. Свои книги она любила, перечитывала, всячески оберегала и никому не давала. Во время оккупации одна знакомая доставала матери лекарства, неприлично было отказать ей, с великим нежеланием мать дала ей прекрасный криминальный роман Ливингстона «Вопреки очевидности». Знакомая тряслась над книгой — знала пунктик матери, но приходилось отлучаться на работу. В ее отсутствие, когда ее мамуся находилась дома одна, кто-то заходил и книгу увел. Мамуся — я не люблю ее за это — не только фамилии не запомнила, но умудрилась не заметить, кто приходил — мужчина или женщина. Все поиски оказались тщетными.

После этого случая моя мать тем более отстаивала свои права и книг никому не давала. Ее библиотека находилась у меня, и на меня обрушился святой долг сберечь сокровища. Не уберегу, даже за одну пропавшую книгу мать меня проклянет. А посему я цербером защищала книги от посягательств (вообще-то следовало закрыть шкаф на ключ, да дети еще на заре своей жизни растеряли все ключи).

Еще до отъезда Ирэны они как-то зашли ко мне вместе и

чертова сестра тут же залезла в шкаф. Несмотря на мои бешеные протесты, забрала «Вивьен» Максуэла в трех томах, клятвенно обещая вернуть. Не вернула, конечно, я напоминала и умоляла безрезультатно и вдруг уже post factum узнала, что она уехала во Францию вместе с Ирэной и Анджеем. Я в отчаянии искала книгу у ее матери, терзала ее разведенного мужа, доводила всех знакомых — без толку. «Вивьен» пропала навсегда. Сознаюсь, я отомстила: Ирэнина сестрица в виде Сонечки фигурирует в *"Бесконечной шайке",* только и всего утешения.

Матери призналась в своей вине лишь несколько лет назад, когда удалось купить новое издание. Полжизни, можно сказать, угробила на скрывание, а ведьму эту не простила и по сей день. Никто из них уже не вернулся в Польшу, обе перебрались в Штаты.

Таким вот образом из-за всех пертурбаций во Францию я не поехала. Зато въехала в перипетии с Юреком, которого мои дети, помните, доконали на обратном пути из Желязовой Воли. Жениться на мне он раздумал, потому как я предъявляла слишком большие требования.

Очень серьезно, трезво и решительно однажды он вопросил меня:

— Признайся, почему ты не желаешь за меня выйти?

Я занервничала и ляпнула правду:

— Ты слишком толстый.

Он немного подумал:

— Понимаю. На сколько похудеть?

— На двадцать кило, — брякнула я не задумываясь.

— Это слишком. На десять.

— Нет, — заупрямилась я. — Двадцать.

— Десять!

— Двадцать! — рассвирепела я.

— Нет уж, — обозлился он. — Вообще не стану худеть!

А я таки оказалась права, как-то приснился мне похудевший на двадцать кило Юрек — вполне эффектный тип оказался. Ему все равно повезло: женился на очень красивой девушке и с мягким характером, теперь у него ужасно симпатичный сын, с которым вместе уже давно проворачивают всяческие дела. А в мое время вел их самостоятельно, я делала ему узоры для тканей. Благодаря ему в *«Романе века»* могла со знанием дела написать о флокировке тканей. Зарабатывали же мы с ним явно по контрасту, за один узор я получала пятьсот злотых, а он полмиллиона. Впрочем, в этой области я всегда отличалась величайшим талантом.

Алиция тем временем занималась очередной группой

туристов, на сей раз датских. Туристы говорили по-немецки, Алиция владела немецким как польским, завязались дружеские отношения. Не буду настаивать, что господин фон Розен именно в те поры посетил нашу страну, мне кажется — да, во всяком случае, они подружились, и по его приглашению Алиция уехала в Данию.

Еще до того умерла ее мать, вся мастерская в свидетелях — эту смерть я наворожила. В то время меня просто черт подначил — раскидывала и раскидывала карты кому попало, инспирированная Ядвигой (смотри *«Подозреваются все!»),* которая бешено верила в гадание Предсказания мои сбывались устрашающе, Ядвиге я нагадала: потеряет нечто, имевшееся у нее всю жизнь почти с рождения, и потеря принесет облегчение. Все терялись в догадках, что бы это такое могло быть, я тоже терялась, а через неделю все объяснилось само собой. Ядвиге удалили зуб. Разумеется, облегчение она испытала колоссальное.

От Алиции эффекты черной магии я скрывала, она даже обиделась.

— Всем гадаешь, а мне почти ничего не говоришь, почему такая дискриминация?

— На тебя глупые карты идут, не знаю, как быть. Не годишься ты для гадания.

Коллегам я сказала правду:

— Слушайте, как ни раскину на нее карты, получается, умрет кто-то самый близкий. У нее только мать, больше никого нет. Что делать?

— Черт, — забеспокоились коллеги. — Ничего не говори ей. Глупости одни твои гадания.

А через три недели мать Алиции неожиданно умерла от сердца, Алиции не было дома, в общем, не буду вдаваться в подробности; сослуживцы довольно долго посматривали на меня косо. Потом прошло.

В «Блок» пришел на работу Лесь.

Пребывать с Лесем в одной комнате, сидеть за столом рядом и не написать о нем оказалось просто невозможно. В немногие минуты простоя брала я машинку у секретарши, пани Матильды, которую на самом деле звали Иоанна, и печатала за своим столиком, а коллектив стоял за моей спиной и покатывался. Лешек бросал подозрительные взгляды, в конце концов не выдержал, взял одну страницу и прочел фрагмент.

— Пасквиль какой-то! — откомментировал он с презрительным неодобрением и бросил страницу мне на доску.

Очень долго он надеялся, что книга никогда не появится — писала я с перерывами шесть лет, а по выходе книги изменил

мнение. Ни с того ни с сего ему вдруг повезло, смог целиком заняться живописью, объездил весь мир и *"Леся "* повсюду возит за собой в качестве своего талисмана.

До *«Леся»* я писала, разумеется, мою вторую книгу *«Подозреваются все!»*. Во вступлении сказана одна только правда, мы и в самом деле на работе носили голубые халаты, мужчины — бежевые, мой пояс и в самом деле висел на крючке в ванной, а глазами души я и вправду увидела сцену преступления. В моих творческих замыслах с самого начала участвовала вся мастерская. Столярека я предала смерти, потому как он меня разозлил: был должен три тысячи злотых, которые я выплатила за кредит, и увиливал от возврата денег. В ходе действия принимали участие все, так что Столярек наконец забеспокоился, напоминаний о деньгах не выдержал и заключил со мной соглашение. В нашей комнате при многочисленных трезвых и совершеннолетних свидетелях он встал на колени и объявил:

— Ладно, согласен на все, пани Иоанна, только оставьте меня пока в покое с долгом. Пожалуйста, пусть я буду вором, шантажистом, убийцей, жертвой, алкоголиком, бабником, кем хотите, умоляю только об одном! Не делайте меня педерастом!!!..

Порядок, тут я пошла на соглашение.

Долго не могла решить, кого сделать преступником, к счастью, меня чем-то рассердил Витек. Он тогда уже был руководителем и директором мастерской, а Гарлинский уехал в Швейцарию и остался там. За что рассердилась на Витека, не помню, но разговор наш протекал так:

— Погоди, Витюха, это тебе даром не пройдет. Отомщу.

Витек сперва пренебрег угрозой, позже забеспокоился. Прекрасно знал, чем я занимаюсь.

— Смотри, понапишешь черт те какой ерунды, не прощу, обращусь в суд!

Черт те какую ерунду я, конечно же, написала — этим и отомстила, однако на всякий случай в начале книги поместила оповещение: все, дескать, высосано из пальца. Витек пережил мое творение мужественно. Понятно, оскорбился на меня, но чувство юмора пришлось-таки ему проявить, обиду скрыл, а года два разговаривал со мной как бы нехотя.

А вот Анка никаких претензий не имела, хотя я впутала ее в роман со Збышеком, да она и так замуж за него собирались. Абсолютно добровольно, без всякого принуждения и с большим удовольствием все кровь леденящие драмы я навыдумывала, нежными «кисами» Збышек вовсе ее не именовал. А в действительности мы отлично отпраздновали ее свадьбу, пожалуй, я даже переусердствовала.

Венчание состоялось в костеле Святой Анны, собрались идти все, я пообещала явиться в наряде сногсшибательно элегантном. Как раз тогда сшила себе кашемировое платье — максидудочку в красные разводы, к нему длиннющий шарф из той же ткани с подкладкой из красного шелка. Вырядилась в платье, на ногах — красные стильные сандалии, на руках белые перчатки, на голове белая Люцинина панама с красными цветочками, та самая, в которой Люцина щеголяла во время восстания, отправившись за Збышеком на Садыбу. Сумочка тоже Люцинина, красно-белая, плоская, в стиле ансамбля.

В таком-то одеянии мчалась я вверх по Дольной пешком, как всегда ловила такси, остановилась частная машина с двумя типами.

— Пожалуйста, садитесь, куда прикажете? Такая нарядная женщина не должна ходить пешком!

Я с удовольствием воспользовалась предложением, довезли меня до Святой Анны, около костела ждал Весек. Вылетела из машины, естественно, панама свалилась, нахлобучила ее, а Весек зашелся от хохота.

— Чего ты? — огрызнулась я. — Плохо шляпу надела или что?

— Да нет, все в порядке, — с трудом выдавил Весек. — Я ожидал эффекта и НЕ ОШИБСЯ!

Меня тоже одолел приступ хохота. Пришлось нам отойти в сторонку, неприлично так вести себя у входа в святыню. Овладели мы собой только к середине обряда, вошли в костел, и не знаю уж, как случилось, но на молодых почти перестали обращать внимание. Все пялились на меня, а Весек чуть не задохнулся от смеха. Так вот, на такой фурор я отважилась лишь однажды, больше никогда так не одевалась, в довершение беды хваленый кашемир красился даже всухую. Вскоре я вся покраснела, включая нижнюю юбку и перчатки.

"Подозреваемые " уже печатались, когда меня разыскал Фильм Польский в лице режиссера Яна Батория с предложением сделать фильм по *"Клину"*. Сценарий писать сама я не решилась, тем более что Баторий видел все по-своему, писали мы вместе, в кафе «Гранд-отеля». У меня дома торчали дети и Войтек, у Батория шел ремонт, другого места не нашли, и не раз посетители за соседними столиками замолкали и бросали на нас полные ужаса взгляды… Из *«Клина»* получилось *«Лекарство от любви»*. Ссорились мы с Баторием самозабвенно, оба прямо-таки кипели от ненависти, но он баталию выиграл — все же в фильме решает режиссер, а не автор, я понемногу сдавалась и свирепела, Баторий считал меня самой омерзительной бабой на свете, к тому же все

время нашей работы у меня болел зуб. Я бегала к стоматологу, настоявшему на лечении канала, болело постоянно, каким чудом получилась у нас комедия, сама удивляюсь.

Войтек на все походы в «Гранд» реагировал по-своему. Само собой разумеется, у меня роман с Баторием. Исходя ядом и чертыхаясь, я сладким голосом допытывалась, где амурами занимаемся, под столиком или внизу, в уборной, если да, то в какой? В дамской или мужской? На конкретные вопросы не отвечал, скандалил изо дня в день, не уверена, не скандалила ли с Баторием какая-нибудь его актуальная дама сердца. Одно лишь могу утверждать: под дулом пистолета ни один из нас не согласился бы на любовные эксцессы, настолько мы друг другу осточертели. По окончании работы дикая ненависть, конечно же, утихла, и мы остались друзьями.

Войтека убедить ни в чем не удалось, дул в свою дуду, отстал лишь тогда, когда сценарий пошел на утверждение, а служебные встречи в «Гранде» прекратились. Развлечений Войтек по-прежнему доставлял много.

В один прекрасный день решил упоить Доната. Так просто, из любопытства: а что Донат станет вытворять по пьяной лавочке?

— Не забивай себе башку глупостями, — отреагировала я с ходу. — Донат строитель, ни черта у тебя не выйдет.

— Подумаешь, строитель, уж я постараюсь, — ответил Войтек.

Я предупредила Янку, она запекла двух жирных цыплят, и мы отправились к ним на бридж. Меня уже и саму разбирало любопытство, что получится. Войтека пьяным не видела никогда, мог выпить очень много, и плохо ему было, но с печенью, а что касается Доната, так у него допуск, по-моему, был вообще неограниченный. Начали играть, сделали перерыв, дабы подкрепиться цыплятами, и снова вернулись к игре.

Сколько выжрали водки, не имею понятия, хотя мы с Янкой на всякий случай не пили. Окончательный результат у мужчин оказался ничейный: Войтек мучился со своей печенью в ванной, а Донат один-одинешенек сидел за столом и упорно продолжал играть в бридж. Отсутствия партнеров просто не заметил, сдавал, торговался, разыгрывал, похваливал удачные ходы, ругал неудачные розыгрыши, вел разговор за четверых, вообще разговаривал как никогда много. На нас не обращал никакого внимания. Войтек, выползши из ванной, разобиделся: он страдает, а мы ржем как сумасшедшие.

Играли мы у них в бридж и в Пасхальное воскресенье. Начали прощаться в час, Войтек вспомнил, что уже обливальный понедельник наступил, и прыснул водой на Янку.

— Ах, ты!.. — крикнула она и плеснула в него от души.

Войтек успел брызнуть в меня, я отреагировала молниеносно и достигла впечатляющего эффекта. Он расположился в кухне, а мы с Янкой заперлись в ванной; вода всем доступна, а между кухней и ванной открывалось окно. Войтек использовал всё более емкие кастрюли, мы обливали его из таза. Донат стоял в дверях комнаты, защищая спящего ребенка, вода текла с него потоками, хоть никто из нас нарочно его не обливал, так мы отомстили друг другу за все. Кажется, у соседей снизу начался потоп.

Досталось Войтеку во Владиславове, где мы проводили отпуск с огромным количеством детей. Янкин Кшиштоф, Войтеков Кайтек и оба мои. Войтек, кажется, приехал из Варшавы и привез яжембяк, этим яжембяком мы с Янкой упились в стельку, Янка решила возвращаться домой, а я собралась на прогулку.

— Едва с ними не спятил, — жаловался Донату Войтек. — Одна лезет на шоссе, а вторая норовит на пляж улизнуть, обе в разные стороны, как мне с ними справиться?..

Янка жила неподалеку, перетащил ее через шоссе и поставил у дверей нужного дома, после чего ухитрился догнать меня, пока я не успела погрузиться в морские волны. Кой черт дернул нас надрызгаться, понятия не имею, ведь мы же не пили, тем более при детях. А всего, кроме упомянутых случаев, я упилась вдребадан еще четыре раза, два по ошибке, просто разнервничалась. В конце концов, не так уж и много.

А в «Блоке»…

Да уж, нелегко им пришлось со мной. Когда мне что-нибудь не нравилось, я упиралась как ослица и никакой уступчивости не проявляла. Однажды насильно Витек записал меня на учебу по безопасности и гигиене труда, потребовав написать отчет. Идти не хотелось — ни времени, ни желания. Он настоял, пожалуйста, пусть будет. Отчет звучал так:

Курс по безопасности и гигиене труда

Пожарный сообщает собравшимся распоряжение в госпомещении.

Присутствуют:

гр. Запальский

гр. Свентковский

гр. Гродецкий

гр. Я а также несколько незнакомых штук.

Расстояние десять метров, не знаю от чего.

В границах района должны быть какие угодно дороги шириной в три метра. Укрепленные. Пожарная команда должна иметь возможность попасть на место. Гр. Мусяловский опоздал, хотя из

мастерской удалился загодя. Где пропадал и чем занимался все время?

Пять степеней безопасности. А — 4 часа пожара, заливаемого водой. Б — 2 часа, как выше. В — 1. Г — 0,5. Д — 0,25 — погаснет до поджога.

Стены и своды класса А — можно спокойно жечь костер.

Мне дует в спину.

Во взрывоопасных помещениях следует применять также и крыши, которые могут свободно взлететь на воздух.

Один хмырь спит. Откуда я знаю эту рожу?

Что-то должно быть сделано из металла, не знаю что. Справа писать мешает стена. Слева Гродецкий.

В домиках на одну семью допустимы деревянные лестницы. Внешняя лестничная клетка в промышленных предприятиях. Может быть открытой или закрытой, должна иметь барьер, а то в панике все полетят мордой вниз.

Некую ситуацию решить непросто. Ага, в точечном здании.

Вода для гашения.

Ничего не слышу из того, что он говорит. Помпы имеют давление. Воды нет. Сушь. Пустыня.

Не хочется все это писать. Плевать хочу на гидранты. Явился еще один — лысый.

…жуй на лету.

Послать меня на нечто этакое больше не выйдет. В помещениях 1 категории калориферы должны быть гладкие. В других местах могут быть шероховатые. Взрыв и пожар — разные вещи.

Юридическая часть

Любой документ требует согласований. Типовые документы должны согласовываться с Главным управлением пожарной охраны. Дело идет к концу. Будет выдан документ.

Дискуссия

Один тип в свитере спрашивает насчет расстояния между дверью и первой лестничной ступенькой. Ответ: 24 метра. Второй в свитере спрашивает. Интересно, почему эти вопросы задают только фраера в свитерах? А вот наконец и в пиджаке. Но рябой.

Полагаю, пользы из моих записей Витек извлек не много. Следующим мероприятием, на которое меня отрядили, оказалась трудовая дисциплина, в те времена с этим понятием происходили какие-то странные метаморфозы. Заболел Збышек Краснодембский, не приходил на работу, к нему делегировали группу общественных добровольцев, мобилизованных насильно. Не ведаю, кому сие пришло в голову, но опасаюсь — Витеку, совершенно непонятно, с какой целью. Проверить, не симулирует

ли?.. Мне поручили составить протокол. Составила.

Протокол

насильственного визита группы Uberfallkommando [10] у гр. Краснодембского, подозреваемого в сознательной злостной деятельности по подрыву господствующего строя, а также Архпромасгоспредблока.

Проверяющие:

1. Взопревшая гр. Стоковская

2. С ног падающий от усталости гр. Цудник

3. Нерешительная гр. "я "

1. Пришедшей комиссии предложена отрава в напитке под названием кофе.

2. Беседа в развлекательных целях.

3. Как выше, но в служебных целях.

4. Погружение в сон одного из членов группы.

5. Свободные выводы.

6. Член группы гр. "я " ощутила чирей на заднице.

7. Члены группы гр. Стоковская и гр. Цудник ведут вялотекущий разговор на тахте в непринужденной позе.

8. Прибытие жены гр. Краснодембского и изгнание комиссии к чертям собачьим.

Какое-то техническое описание, которое меня вынудили выполнить, вызвало нарекание Витека. По-видимому, речь шла о трансляционном центре в Грабове, абсолютно не помню, какое отношение я к нему имела. Возможно, не имела никакого, просто мне всучили это техническое описание, а вообще-то центром занимался кто-то другой. Смутно мерещится, Казик занимался.

— Романы пишешь, — ядовито шипел Витек. — Не талдычь, что с дурацким техническим описанием не справишься!

Я разозлилась и техническое описание создала с маху.

В четыре часа утра на территории трансляционного центра в Грабове, занимающей 2,5 га, раздался кровь леденящий в жилах крик человеческого существа женского пола. Радиофицированная машина гражданской милиции, прибывшая через четверть часа, миновала ограду из проволочной сетки в стальных рамках на бетонном цоколе, проехав в стальные ворота шириной 3,00 метра.

*Труп женщины обнаружили в контрольном канализационном колодце с железобетонными стенками, на глубине 1,40 метра, в строении гаража, одноэтажном, не подвальном, кирпичной конструкции, покрытом крышей, скат 5 %. На бетонном полу, дилатационном, 2,00 * 2,00 метра, разлилась большая лужа крови. Труп был раздет, одежду обнаружили в колодце канала, 0,40* 0,60*

метра.

И так далее. Боюсь, Витек не включил мое описание в документацию. Я не переваривала бюрократизм всех оттенков, ненавидела протоколы и отчеты, но техническое описание — другое дело. Оно действительно необходимо, и если уж я протестовала с Грабовским центром, значит, мне навязали работу против всяких правил.

Гурце удалось закончить в срок. Проект был технологически обоснован добротно, выполнен тщательно, хотя и скупо, но комиссия по оценке инвестиционных проектов не утвердила его по одной простой причине: первоначальная смета составляла девять миллионов, а у нас равнялась двадцати миллионам. Превышение сметы на одиннадцать миллионов, более чем на 100 %, никакая комиссия не утвердила бы, в чем все прекрасно ориентировались. Однако заказчик, вооруженный готовой документацией, имел основания для скандала, каковой зашел столь далеко, что местные власти после трех бурных заседаний решили утвердить мелиорацию и армирование всего района. А после мелиорации наш проект со всеми сооружениями летел к чертовой бабушке. Использовать можно было лишь некоторые строения, да и те требовалось ставить иначе, учитывая изменение прочности почвы.

Началось светопреставление — к черту пошли двести тысяч злотых. А за двести тысяч сажали без всяких разговоров. Технический директор, настоявший на однофазовом проекте, полетел с работы, а меня спас исключительно листочек в клетку со словами «За счет и под ответственность заказчика». Бумажку я отыскала в своем столе, потому как мое правило — никогда и ничего не выбрасывать.

Затем Витек совершил ошибку, и мастерская начала разваливаться. Он с разгону под конец года всем сразу выплатил все премии, в некоторых случаях весьма солидные. Не только я возвращалась домой под утро, все работали день и ночь, дошло до того, что Збышек вкалывал, лежа в больнице. Ему оперировали ногу, голова и руки действовали исправно, получил маленькую чертежную доску и таранил работу, аж искры сыпались. Еще и я его подгоняла — кое-что он и для меня делал. В результате сантехники и электрики получили больше всех, и никто из нас не обижался — они будь здоров сколько отвалили работы.

Зато обиделось не то министерство, не то объединение — большие премии возбудили дикую зависть и неистовое возмущение, нас затерроризировали разные контрольные комиссии, которые несправедливо и без всяких на то оснований

задним числом начали урезать расценки. Результат превзошел все ожидания, случилось нечто небывалое, не имевшее прецедента, — банкротство государственного предприятия. Мы предложили отработать эти якобы сверхзатраты в течение четырех лет, отказываясь от премий, на одних зарплатах, однако на это власти предержащие не пошли, чем решительно засвидетельствовали свое априорное решение попросту нас прикончить. И прикончили — архитектурно-проектная мастерская закрылась.

А пока существовали, вылезло дело с пустотелыми вентиляционными блоками — еще один несусветный идиотизм. Как явствует из названия, из пустотелых блоков делались всевозможные каналы — блок с круглой дырой в середине, с тонкими стенками экономил огромное количество кирпича и места. Ни с того ни с сего последовало распоряжение, запрещающее проектирование с использованием блоков и вообще их производство. Я впала в ярость, полетела в объединение с вопросом, какого черта происходит, мне объяснили: блоки неплотно подгоняются, каналы, смонтированные из них, пропускают. А почему? А потому, что блоки имеют неровные края. Холера, вместо того чтобы наладить точное производство и тщательную обрезку, нашли прекрасный выход — вообще запретить. Господи, спаси и помилуй!..

Персонал мастерской разлетелся по миру. Алиция уехала в Данию, когда вышла моя вторая книга. А до того появился на экранах и фильм *"Лекарство от любви",* оба события произошли чуть ли не одновременно. Я организовала торжественную раздачу экземпляров героям произведения, разослав следующее приглашение:

Уважаемый гражданин /ка/……

Окажите честь явиться на торжественную раздачу авторских экземпляров прекрасного произведения «Подозреваются все!»…… такого-то в…….. часов.

Учитывая, что торжество носит чисто интеллектуальный характер — выплата авторского гонорара задерживается, — приветствуется приношение четвертушки в кармане.

Вечерний костюм доставит хозяйке большое удовольствие.

Место проведения торжественного мероприятия: апартаменты по известному адресу на четвертом этаже без лифта.

Явка с тяжелыми и острыми предметами, а также быстродействующими ядами категорически воспрещается.

Вышесказанное возымело немедленное действие: принесли с

собой самые разные вещи. Стефан явился с ручным тормозом от машины, Витек с ножкой от кресла, Каспер с булыжником, вывернутым из мостовой около моего дома, Весек приволок мощный сук, обвитый лентой с надписью: «Надежное лекарство от любви». Не помню, чем еще запаслись, но каждый имел наступательное оружие.

Кроме того, отмочили номер с телеграммами.

С интервалами в две-пять минут приходил мальчик и приносил телеграммы, по одной, по две. Подлинные, прямо с почты, с наклеенными полосками текста, некоторые на открытках с картинками. Часть сохранилась, привожу содержание.

Дорогая товарищ Хмелевская вы на-гора выдали две книги и всех друзей тчк нашлучшие пожелания связи перевыполнением сталинских норм тчк приветствуем наших рядах тчк

Союз писателей

Сожалеем коллега не оказала доверия столь долго скрывая тайне интересные факты

= ч + + че + честь преми!

ст зи в про

Поздравляем гражданской позицией в разоблачении и искоренении всех подозреваемых выдвигаем на госпремию тчк

Генеральная прокуратура

Информацию и разоблачительные материалы направлять непосредственно к нам тчк без промедления восклиц всем подозреваемым сердечное до свидания тчк у нас тчк

Бз = бз = вррррр = = = = органы м С вами духом не телом хожу женой грибы = здесь покой у вас органы умоляю берегите Стефана

= Янушек — тсссс = =

И множество других, к сожалению, со временем потерялись. За каждую телеграмму мальчик получал два злотых.

Кстати, о Янушеке с женой. Он успел жениться, когда мы все работали в «Блоке», венчание мы устроили громогласное. Сперва мы встали шпалерами, склонив над ними рейсшины, как некогда склоняли уланские сабли. Рейсшины притащили с собой свои и позанимали у коллег, один сразу же бросился отвинчивать ролики, бывшие тогда дефицитом. На лестнице костела Святого Креста в обе стороны разбросали полрулона кальки, Дануся прошла на высоких каблуках, калька рвалась под ее ногами с выстрелами — гремела настоящая канонада, потом бабы из зрителей бросились собирать обрывки, с ужасом причитая:

— Такой хороший пергамент пропадет…

А в конце церемонии мы прицепили им к машине — разумеется, украдкой — цепочку от лампы с множеством металлических украшений, консервных банок, кусочков жести, колокольчиков и другого мелкого металлолома. Януш, весь бледный, торопил водителя — побыстрее уехать от костела и вырваться из рук дорогих друзей.

Меня перевели на службу в горпроект «Столица» на Крулевской, там я подружилась с Эвой и Тадеушем, которые от случая к случаю выступают в нескольких произведениях. Впервые в *"Колодце предков"*.

В новой мастерской на меня свалили всякую чепуху: для какой-то рабочей столовки в Гродиске Мазовецком я доделывала санузлы; обследовала состояние строений, назначенных на снос или для ремонта на Броней. Безнадежные занятия. Более интересная работа — концепция расширения Института биологии в университете, где мне довелось пережить нелегкие минуты.

Мое отношение к гусеницам и всяким иным извивающимся тварям не изменилось, по-прежнему не могла их видеть. А там, в этом институте, меня водили повсюду — я уточняла необходимые перестройки в помещениях и в одной из комнат наткнулась на сцену, которая разве что в кошмаре приснится может. Два желтопузика пытались сожрать крупного земляного червя. Один желтопузый идиот разевал пасть на среднюю часть обеда, укусить не удавалось, потому он как бы лизал свой обед. Второй оказался умнее, начал с хвоста, а может быть, с головы, во всяком случае с какого-то конца. Благодаря этому обеду я впервые сориентировалась, где у червяка перед, а где зад, однако вовсе не мечтала об этом узнавать, а потому застряла столб столбом, наблюдая зрелище, наконец преодолела паралич из-за острой необходимости срочно посмотреть на что-нибудь другое. Оглянулась, с отчаянием отыскивая, на что бы нейтральное взглянуть, и увидела большую банку с овсяными хлопьями. Мне уже было полегчало, как вдруг обнаружилось, что в овсяных хлопьях копошится масса отвратительных красных червячков и все содержимое банки мерзко шевелится. Что я пережила, все мое. К горлу подкатила тошнота, и я выскочила из помещения быстрее, чем того требовали служебные цели. Все нужды помещения я описала уже за дверью.

В ходе преодоления служебных задач в Институте биологии я порезала себе руку стеклом в двери, и вовсе не из-за сквозняка — просто самым обычным образом решила убить, наконец, этого Дьявола. Мы возвращались домой с приема у невесты Витека, второй Алиции, сейчас уже его жены, и Войтек, как всегда, успел довести меня до белого каления на лестнице. Следовало убить

его сразу же на лестнице, проще гораздо, однако по неизвестной причине предпочла сделать это в квартире. Да, сознаюсь, я жаждала задушить его голыми руками, и не иначе — иной вид его смерти не принес бы мне облегчения. Сбежал от меня и запер застекленную дверь, что случилось потом, не помню, поскольку в глазах у меня потемнело. Когда приехала «скорая», я уже больше злилась на себя, чем на него: надо же быть такой дурой — изуродовать себе правую руку из-за поганого мужика. Вот идиотка, как будто в кухне нет ножа, пестика или других орудий. Просто ослица.

Безумцев Господь Бог милует, в «Скорой» дежурил доктор Венгжин, специалист по хирургии руки, без всяких сомнений лучший в мире. У него оказались с собой личные инструменты. Иглы, которые позже я рассмотрела, походили на изогнутую ресницу. А доктор Венгжин вообще не врач, а художник. Нет, еще лучше, просто не найти соответствующего слова, дабы определить его мастерство. Чинил меня полтора часа, создал невероятный шедевр, при виде коего врачи лишь причмокивали в экстазе. Венгжин спас мне руку, все могу делать, трудно только писать, поэтому всегда пишу на машинке.

В гипсе проходила семь недель. Естественно, получила больничный лист, да что из того — концепция расширения и перепланировки Биологии имела сроки, и я лично за них отвечала. Поэтому приходила в мастерскую и диктовала машинистке текст по своим заметкам, опоздала всего на неделю.

С помощью этого гипса мне удастся наконец кое-какие события разместить в хронологической последовательности. Прежде всего выплывает эпизод, как я надрызгалась у Тадеуша. И снова перестаю понимать, что, когда, почему. Именины Тадеуша приходятся на 28 октября, во всяком случае, многие годы я считала эту дату его именинами, оказалось, ничего подобного: празднование состоялось поздней весной. Тут я уже уверена. После того как сняли гипс, я уехала летом в отпуск и разрабатывала руку во Владиславове, а позднее начались съемки *"Лекарства от любви",* и на снимках видно, что еще лето или только-только начиналась осень. Выходит, были не именины, а какое-то другое празднество.

Приемы у Тадеуша для меня весьма памятны — приходилось волочь к нему мою гладильную доску. У Тадеуша мебели не было, кроме чертежной доски на козлах, служившей по мере надобности столом. Посадочных мест не имелось тоже, проблема решалась просто, складывались две высокие кипы старых фотокопий, на них укладывалась моя доска, на ней усаживались шесть человек средних габаритов. Что касается тяжести, доска

могла выдержать и гораздо больше.

В описываемый вечер о доске речи не шло, рука моя была в гипсе. Сидела я на низеньком табурете и спорила с кем-то насчет бриджа, с кем, понятия не имею; речь шла о бубнах — что следует объявить, если на руках девять бубен, начиная с дамы, а сбоку мелочь. Я настаивала, следует объявить три бубны, собеседник придерживался иного мнения, в пылу спора я от волнения то и дело пила, мне подливали — рюмка стояла под рукой. Последнее, что помню, — Эва, благостно спавшая в углу на куче фотокопий.

От Тадеуша я несомненно ушла, ибо вдруг оказалась совсем в другом месте. Место, где бросила якорь, произвело на меня огромное впечатление. Прибыла туда в обществе одного из коллег, с кем именно, головы на отсечение не дам, дискуссия застряла, кажется, все на той же точке, а место пребывания запомнилось великолепно, в поисках его позже я всех знакомых чуть до удара не довела.

Представьте себе: большая комната, как бы двухъярусная, на более высокий ярус ведет одна ступень, внизу длинный стол красного дерева, идеально полированный, небось старинный-престаринный, ампир какой-нибудь, за этим ампиром я и сидела во время диспута.

Чего только не предпринимали мои знакомые, чтобы отыскать эту комнату и этот стол. Подробностей сообщить я не могла, лишь неистово настаивала на своем, а обладатель стола так и не нашелся. Ревизовали все возможные дома — ни комнаты, ни стола так не отыскали и по сей день, а я клянусь головой — были.

А сейчас гвоздь эпизода. Сидела, значит, я за этим спорным столом, а утром проснулась в собственном доме, на собственной тахте, в постели, в ночной рубашке, тщательно умытая, без всякой косметики на физиономии, в квартире, запертой на засов изнутри. Ключи лежали на буфете. Замка с защелкой у меня не было, никто не мог со мной войти, помочь, а после уйти, захлопнув дверь на автоматический замок. То есть выходит, все сделала сама. Можно бы предположить, что основательно набальзамированная личность выполнила все по привычке, но постель лежала в ящике тахты, а правую руку я лелеяла в гипсе!!!.. Как же все это сделала? Коллега, довезший меня до дому, на коленях присягнул: поставил меня перед дверью, проверил, попала ли ключом в замок, послушал, заперла ли за собой дверь, и удалился. Дома никого не было, Войтек где-то шастал, возможно, в командировке, а может, у семьи, не помню, куда подевались дети, во всяком случае, вывод один: с перерывом в биографии и с рукой в гипсе я провернула неподъемную работу.

А теперь придется несколько попятиться назад — из вспоминаемых лет у меня как-то выпал Влодек. Тот самый субъект, то и дело поминаемый в этой книге, который сперва ворвался в груецкий подвал с сообщением — рвется, мол, шрапнель, и вошла русская армия, а после завел во Владиславове звероферму пушнины и нормальный дом, овдовел, и наконец после моего развода мы подружились, хотя по возрасту он находился где-то на полпути между мной и моими родителями, несколько позже он женился на Боженке, которую я в дальнейшем не пощажу.

А в те более ранние поры, которые я и хочу восстановить, ему пришло в голову жениться на мне, и даже семейство мое было «за». К детям Влодек относился с ангельским терпением — они его смешили почему-то, Роберту вообще позволял командовать в своей машине, после чего она отказалась двигаться: жуткое дитятко с помощью клаксона посадило аккумулятор. Ферма у Влодека образцово процветала, в приморском районе имел большие возможности, место повятового архитектора в Пуцке уже ожидало меня, но, к вящему возмущению семейства, я с моими причудами отказалась от предложения. Влодек не настаивал, дружеские отношения сохранились, того и гляди, еще вернусь к нему — неизбежная минута приближается…

Работала я уже в «Столице», когда Войтек получил талон на машину, «Шкоду-1000 МВ». В рассрочку. Начались события исключительно мерзопакостные, и мне больших усилий стоит удержаться в форме более или менее тактичной.

Я ждала гонорар за что-то — значит, первый взнос мы заплатим. Как всегда случается, талон выскочил на пять дней раньше, и двадцать четыре тысячи злотых следовало на пять дней перехватить. По телефону я договорилась за два часа насчет пожертвований малыми частями, ибо всей суммой никто из моих знакомых не обладал. Собрали мы деньги по знакомым и уже поздним вечером оказались у Янки и Доната. Омерзительной сцены передачи Войтеку денег, к сожалению, не могу избежать — непонятен останется конец. Я собрала тридцать тысяч злотых, и назавтра Войтек собирался их внести, а пока что мы умудрились, как всегда, поссориться. Не собираюсь цитировать его высказываний или уточнять кое-какие детали — скомпрометировала бы себя безнадежно, но в целом он вел себя скандально. Если бы не прописала его у себя постоянно, рассталась бы с ним уже через три года, но в создавшейся ситуации с пропиской просто не умела убрать его из моей биографии. Он же со мной вовсе не собирался расставаться и положения пиковые всегда в последнюю минуту смягчал —

напомню вам, обладал колоссальным обаянием. Я все прекрасно понимала, верить ему нельзя ни на грош, кондрашка меня хватал миллионы раз, денег был должен мне не счесть, потому как глупые порывы у меня давно сделались безусловным рефлексом, зато реакции вспыхивали спонтанно, фейерверком. Вспыхнуло и в тот вечер.

Ни с того ни с сего я потребовала с него расписку. Плачу взнос за «шкоду» в тридцать тысяч, «шкода» принадлежит ему, а не мне, и эти тридцать кусков даю взаймы, и баста. Валяй пиши расписку на заем в присутствии свидетелей, свидетели сидят вместе с нами за столом, иначе чхать хочу на машину — не дам ни гроша.

Меня охватило неистовое бешенство, а бешенство по такому поводу мне чуждо, значит, треклятый Дьявол выкинул какой-то суперномер. Я заартачилась. Войтек тут же отступил — сам он был весьма эластичен: давил и злил сколько мог, но быстро отступал перед опасностью. Вышло по-моему, сочинили мы документ честь по чести — официальный, юридически точный, Янка и Донат, несколько ошалелые от скандала, подписались в качестве свидетелей, я велела им смотреть — тридцать штук передаю из рук в руки. Терроризованный Войтек надулся, почти оскорбился, а на следующее утро проснулся хоть бы что.

Многие годы я судила и рядила, как же он ко мне относится, и только теперь приходит в голову: просто обязан был меня возненавидеть. Ни один мужчина не простит такого. А такое выглядело следующим образом.

Мы поехали за машиной, кажется, на Жерань, выяснилось, водительские права он получил десять лет назад и с тех пор не сидел за рулем. А у меня навыки свежие — не только ездила за детьми, но с Янкой мы катались в летний лагерь к Кшиштофу, машину я брала напрокат в Мотосбыте, за рулем чувствовала себя увереннее.

— Садись за руль! — велел мне Войтек.

Божья воля. Села, дала задний ход от стены, развернулась и поехала. Забавно, но с каждой новой машиной я всегда начинала с заднего хода… Погода и дорога оказались кошмарные, разъезженный в месиво снег, конец февраля, ничего, условия знакомые, права получала точно в такую же погоду. Никаких особых затруднений, хотя что тут скажешь, побаивалась я — новая машина, дорога паршивая… Видно, научилась-таки обращаться с этой телегой, домой доехали без всяких сенсаций.

Разногласия начались с ходу. Я проявила порядочность высшего класса, и это, верно, тоже стало камнем преткновения.

— Садись и веди, — посоветовала я. — Необходимо

наработать навыки, других способов нет.

Произошло все, пожалуй, сразу назавтра, около дома моей матери. Первая попытка закончилась тем, что заехал в сугроб и не мог выбраться, выводить машину пришлось мне. Ну?.. Вот вам и пожалуйста! Какой мужчина стерпит такое? Он не сумел, а я выполнила маневр без труда, Боже милостивый, баба! Да такую бабу либо надо обожать на коленях, либо решительно задавить. Склонностей к обожанию на коленях Войтек не имел, а когда же я насчет этого догадалась? Сейчас! Через двадцать шесть лет!.. Да уж, нечего сказать, в самое время…

Честно говоря, свою глупость демонстрировать не собиралась, просто с языка сорвалось…

Навыки и в самом деле необходимы, да не надо преувеличивать, я тоже хороша. Войтек заграбастал свою машину и не уступал, я задалась целью отстоять свои права и поехать «шкодой» на море в малюсенький отпуск, с визитом к Влодеку, который к тому времени уже женился на Боженке. Вместе со мной собиралась Эва — навестить двоюродного брата в армии.

Эва была моложе меня на десять лет. Нет, не была, а есть — даты рождения, к сожалению, не меняются. Красивая девушка, и я вовсе не удивлялась Тадеушу, который двадцать семь лет тому назад повел осаду твердо и настойчиво, пока не добился своего, живут вместе и по сей день. Не поженились из-за юридических крючков — дело не в том, что у кого-то была семья, просто существовали античеловеческие жилищные правила. Эва жила с матерью-вдовой, Тадеуш, как всякий архитектор, работал дома, поженись они, пришлось бы поселиться в одной квартире, а не в двух, то есть вместе с малюй и двумя чертежными досками формата А-О. Выдержать такое трудно, потому и не зарегистрировались, ну а спустя годы регистрация нужна им была как рыбке зонтик.

Поездку на море из Войтека я выбила, и мы отправились в путь в прекрасный день кануна весны. Эва везла зажаренного цыпленка для брата, я поллитра яжембяка для Влодека и Боженки. В Млаве мы пообедали и отправились было дальше, но увидели указатель на Варшаву и сообразили, что едем обратно, развернулись и направились к морю.

«Шкода-1000 ВМ» — машина неудачная. О ней говорят — малостабильна, и справедливость такого мнения я оценила сразу. Дабы избежать недоразумений, сразу сообщаю: у меня пятнадцатилетний стаж вождения машины и не поддающееся учету количество километров — когда наездила около полумиллиона, перестала считать. Каждый нормальный водитель чувствует машину в локтях, ребрах, щиколотках, в подошвах —

везде, одним словом. Если не чувствует, лучше не ехать. Так вот, «шкоды» не чувствуешь, о чем тогда я еще не знала.

Дорога знакомая. Перед Пасленком у меня мелькнуло — надо бы сбросить скорость, предстоит зловредный поворот, осторожность не помешает. Погода прекрасная, шоссе сухое, ехала девяносто в час. Поворот близко, снова мысль — надо медленней, и таки продолжала ехать все с той же скоростью. Эва держала на коленях портативный приемник «Крокус». Поворот совсем близко, опять проскользнуло — пора замедлять, навстречу мотоцикл, вместе с ним не впишусь в проклятый поворот наверняка…

Необходимость сбавить скорость укоренилась во мне накрепко, но нас вело предназначение. Нога приросла к педали, щиколотка одеревенела. Срезать поворот нельзя — мотоцикл тоже как раз поворачивал. Я пошла большой дугой, нас выбросило на обочину — бугристую, еще покрытую льдом, правые колеса швырнули машину влево, я крутанула руль вправо…

Веди я другую машину, ничего не случилось бы, я уже почти вышла из виража. Случись такое позже, когда наездила опыт, спокойно отправилась бы дальше. Но вместе взятые моя неопытность и неустойчивость треклятой «шкоды» привели к плачевному результату: я получила по башке лампочкой и сдрейфила, не выполнила пустяка — малюсенького поворота рулем влево. Уперлась во что удалось — спиной в сиденье, ногой в педаль газа.

— Эвуня, дорогая, летим, — оповестила я безнадежно.

Эвуня подняла голову от приемника и увидела перед собой небесные просторы. Мы действительно полетели. На полной скорости красивой дугой перелетели с шоссе в кювет, внизу машину задержал бетонный столбик, уже кем-то до нас свернутый набок. На этом столбике пришлось пережить тяжелую минуту — зад машины взлетел, а ведь у «шкоды» жесть мягкая. Господи, опрокидываемся!.. Судорогой сдавило горло… но машина встала на место, и мы застыли; прежде всего, как любой водитель, я обратилась к Эве:

— Эвуня, дорогая, жива?!..

— Черт возьми это радио, — рассвирепела Эва. — Играет и играет!

И в самом деле приемник продолжал работать. Я попыталась прийти в себя и осмыслить ситуацию, во всяком случае, осмотреть машину. Внутри особых повреждений не наблюдалось, только коленом выломала рычаг ручного тормоза, и все. Вылезла в шпильках прямо в текший под нами ручеек и вязкую

предвесеннюю слякоть, хотя сзади лежали резиновые сапоги. Машину перекорежило впереди слева: согнулось крыло и уперлось в покрышку, разбились фары и подфарники, капот, бампер, решетка радиатора… Мотор и прочее большого урона не понесли: багажник был спереди, а все важные потроха сзади. Меня сразу же осенило — выволочь все это на шоссе.

Откуда-то с поля прилетел мужик, он-де специально лошадей держит на такие случаи.

— Ох, пани! — повествовал он снисходительно. — Всякий год кучами тут валяются такие. И все из Варшавы!

Я восприняла его сетования с ожесточением на себя — ведь знаю же этот каверзный поворот, десятки раз проезжала на мотоцикле, яснее ясного — сбросить скорость, так нет же, ленивая скотина, не сбросила! Может, и предназначение, да только и с предназначением надо уметь повоевать!

Лошадьми не воспользовалась, на шоссе остановился грузовик и еще две или три машины. Две кретинки в кювете — редкостная утеха! Несколько мужиков поднавалились и выволокли нас наверх. Двигатель работал, мешал сломанный тормозной рычаг и крыло, врезавшееся в покрышку.

Через пять минут объявились милиция, представитель Госстраха и множество болельщиков. В эту пору года я оказалась единственной сенсацией. Войтеково регистрационное свидетельство оказалось бесценным — прокурорская машина, формальности мгновенно закончились, даже крыло отогнули, дабы колесо вращалось, на буксире отправились мы в Пасленк. В обстановке полной почтительности завершила я все дела, Эва ждала в машине, элегантно причесанная, умело подкрашенная, цветущая — бутон розы, а не женщина!

— Не желаю выглядеть жертвой аварии, — решительно заявила она. — И так чувствовала себя обезьяной в клетке, весь город сбежался поглазеть.

Мы сняли самый маленький номер в гостинице, на восемь человек, я заплатила за весь, позвонила Войтеку и сразу же вспомнила Ирэниного мужа: насчет состояния человеческого фактора Войтек не осведомился, справлялся исключительно про машину. На следующий день велел его ждать.

В номере на восемь человек мы с Эвой сожрали цыпленка для брата в армии и вылакали бутылку яжембяка для Влодека и Боженки. Брату написали искупительное письмо, которое он якобы хранит до сих пор и перечитывает, когда взгрустнется. Эву от яжембяка одолела икота, не желавшая отвязаться. Выяснился и еще один понесенный нами ущерб, у нее лопнула сзади по шву юбка, которую мы, за неимением других, зашили белой ниткой.

На следующий день рычаг установили, разогнули крыло; меня привязали к воротам овина и велели исполнять приказ: «Пани, задний ход!» Приехал Войтек, злой, надутый, оскорбленный в лучших чувствах, порицающий, вел себя омерзительно, машину повез в авторемонтную мастерскую в Эльблонг, а мы с Эвой отправились в дальнейший путь автобусом. Добрались мы только до Сопота, остановились в «Гранде» и пошли на ужин, я с больным коленом, разбитым об рычаг, Эва в юбке с белой ниткой на заду, заказали суперизысканное блюдо — сосиски в томатном соусе. А позже таки у Эвы оказалась трещина в ребре, к счастью, одна и продольная, и все из-за приемника, который держала на коленях.

Отработала я эту аварию добросовестно и эффективно и решила — все, хватит. И в самом деле, с тех пор наши машины попадали в аварии исключительно в мое отсутствие.

Конфликты на почве пользования средствами передвижения росли у нас как-то неопределенно, графически выглядели бы как сплошные зубцы вверх и вниз. Однажды вечером решила я съездить в город, захватив Ежи, чтобы он забежал к отцу за алиментами, затем решила смотаться по своим делам, возможно, ребенок тоже собирался куда-то. Войтек оставался дома.

— Где регистрационное свидетельство? — осведомилась я вполне спокойно.

— На буфете.

Я взяла свидетельство, снова вошла в комнату:

— Дай ключи от машины.

Войтек лежал на тахте. Машинально полез было в карман, остановился:

— А где твои ключи?

— Не знаю, — с нетерпением ответила я. — Не нашла с тех пор, как запустила ими в тебя на кухне.

— Ну так найди.

— Спешу. Возьму твои.

— Не дам.

Я взвилась с маху, куда-то очень спешила. Швырнула в него свидетельство и молча пошла из дому, забрав ребенка.

Войтек вышел на балкон.

— Держи! — крикнул он, бросив оба предмета — свидетельство и ключи; упали прямо около нас.

— Не поднимай! — рявкнула я на Ежи.

Ежи уже наклонился и поднял.

— Мать, ты что?..

— Говорю, не смей поднимать! — прошипела я не хуже разъяренной змеи.

— Так что же мне делать?

— Брось!

Я обошла машину и пешком направилась к Бельведерской. Перепуганный Ежи спешил за мной, все еще держа в руках камень преткновения. За Кондукторской во мне расцвела решительная мысль.

— Дай это сюда!

Забрала у ребенка свидетельство и ключи и спрятала в сумочку. В город поехала на такси, Ежи взял алименты, я подвезла его куда-то, сделала свои дела и вернулась домой. Наверх поднялась не сразу, спустилась в подвал и зарыла машинные принадлежности в угольной крошке за дверью. Между планками в двери рука проходила свободно. Только после этого пошла домой.

Войтек попытался разрядить ситуацию неубедительно, без всякой энергии, а посему результатов не достиг. Поздно вечером потребовал вернуть свои вещи, с утра собирался ехать на работу. Пока он сидел в ванной, я отыскала под кухонным буфетом свои ключи и закопала их в горшке с фикусом.

— У меня их нет, — ответила я холодно.

— Как это нет? Ведь Ежи все подобрал. Что ты опять натворила?

— Бросила в сток на улице.

— Ты в своем уме?!

— В своем. Выбросила. Коли не имею права пользоваться машиной, на черта мне сдались ключи.

— Ты совсем одурела? Ключи и свидетельство вместе?!..

Я пожала плечами. Войтек прямо-таки обезумел, вытащил Ежи из комнаты и потребовал начать поиски. Мой сын опешил.

— Мать, что мне делать?..

— Да ничего, ребенок, поищи, почему не поискать?

Ребенок усек ситуацию и принял мою сторону, а может, ему просто понравилось развлечение. Обыскали всю улицу, у Войтека слов не хватало, а я сияла от величайшего удовольствия.

Ночью я не выдержала — Войтек непрерывно бегал на балкон, скрипел полом, стучал дверью. Мне требовалось хоть немного поспать.

— Успокойся, — обронила я с презрительной снисходительностью. — Никто не украдет твою машину, свидетельство и ключи в надежном месте.

— Где?!

— А тебе-то что? Довольно и того, что я знаю где, перестань бегать как наскипидаренный. Дома их нет.

Утром поехал на работу автобусом. Я выдержала характер

еще дня два. и больше уже никогда он не осмеливался мне отказать, к тому же кредит за эту телегу выплачивала в основном я. В разной, правда, форме, порой швыряла Войтеку две тысячи злотых мелкими купюрами, но все-таки платила. Время от времени случались ситуации и наоборот.

Откуда-то со двора мы выезжали задним ходом, за рулем сидел Войтек, забыл следить, что делается впереди, и сорвал крышку от бака. Я промолчала.

— Ну скажи же что-нибудь! — потребовал он со злостью. — Почему молчишь?

— А что мне говорить? Придираться?

— Я бы придрался.

— Знаю. А я нет. Ты же ведешь машину, глупо нервировать тебя за рулем. Починишь эту крышку, и ладно.

Случилось это на море, во Владиславове. Никто в бак нам не плевал, возвращаться мы собирались через Быдгощ, где был магазин с запчастями для «шкоды», открытый до трех. Накануне отъезда вечер мы провели у Влодека с Боженкой.

И здесь даже гипс не поможет, могу ошибаться на целый год. После того как с меня сняли эту мерзость, я разрабатывала руку в бешеном темпе — срочно собиралась делать флокировку для Юрека, дающую неплохой заработок. Сперва возбудила всеобщий интерес в больнице на Барской, где установила всеобщий рекорд по оздоровлению, потом мне велели для разработки руки раздавать карты и резать хлеб. Мы поехали во Владиславов, играли в бридж, я раздавала карты за всех, а хлеб — двухкилограммовые буханки — резала маленьким ножом, против чего восстали и дети и Войтек.

— Не станем жрать хлеб, политый твоими слезами! — орали они согласным хором.

— Вон! — шипела я сквозь стиснутые зубы. — Станете! Мне нужна рука.

И действительно, не могу вспомнить, когда это было: в том же году, когда Войтек сорвал крышку от бака, или в предыдущем. Во всяком случае, с крышкой рука у меня уже действовала.

И надо же, как раз в это время Влодек и Боженка въехали в сезон матримониальных конфликтов.

Вся история их брака весьма поучительна, только поэтому и опишу ее, а вообще-то я очень их люблю и не имею ни малейшего желания подложить свинью. От Боженки никогда не скрывала, что думаю, так что я не поливаю их за спиной, так сказать.

Влодек познакомился с Боженкой вскорости после того, как отказался от меня. Она приехала отдыхать на море, понравилась, да и неудивительно — прелестная женщина: огромные

прозрачные голубые глаза сиротки Марыси, обворожительно сладкая мордашка, ну и все остальное. Влодек мужик умный, интересный, оперативный, предприимчивый, компанейский, прекрасно и охотно танцевал, имел виллу, машину, множество живых мехов и чувство юмора. Чувством юмора, и прямо-таки всесторонним, обладала и Боженка, и видно, сошлось много бед и неурядиц, коли брак их не выдержал испытаний.

Одна из этих «неурядиц» — явно Баська, младшая дочь Влодека. У него две дочери, старшая уже замужем, младшая, Баська, училась в Варшаве и приезжала домой на лето. Был еще сын, подросток типа трудная молодежь, но он отравлял существование в основном милиции всего побережья, а не Боженке.

Баська, красивая девица, оказалась исключительной стервой. Высшего класса в ней было все: лицо, фигура, ноги, физическая выносливость — плавала как рыба, умная и способная, а вот чей унаследовала характер, я, зная семью, понять не могу.

Абсолютная эгоцентристка, не считалась ни с кем, в качестве надувалы демонстрировала наглость удивительную. Несчастная Боженка, имевшая сына помладше, старалась все расходы на него ограничить алиментами от первого мужа, отдельно покупала ему, например, яблоки. Прятала их в самых фантастических местах, но Баська всегда находила их и злостно сжирала.

Однажды она нарвалась на Войтека, что доставило мне большое удовольствие. В умении врать ему и до пят не достигала — попусту потратила всю вторую половину дня, не добившись ни шиша, — свой свояка видит издалека. Я даже не очень рассердилась на Войтека за все мои сигареты, отданные этой мерзавке, — спектакль стоил того.

Ладно уж, посплетничаю поподробней. Аккурат в то самое лето во Владиславове пребывал Януш Грабянский, по-моему, один из лучших графиков в мире. Отдыхал вместе с женой и детьми, а Кристина Грабянская была, в свою очередь, одна из прекраснейших женщин в Европе. Баська двинула свои чары на Януша. Я покрутила пальцем у виска и спросила, неужто и вправду считает его идиотом, который способен одну гангрену променять на другую, к тому же не такую красивую. Красотой Баська явно уступала Кристине, а характерами, хоть каждая в своем роде, были достойны друг друга. Грабянский же ума явно не лишился, чтобы развестись с Кристиной ради Баськи, развелся, говорят, позднее и другую жену сыскал, как я слышала, нормальную, а не из гарпиевых хищниц. Так вот, Баська занялась охмурением Януша, а свободные минуты посвящала ненависти к Боженке.

Ненавидела ее патологически и всеми силами отравляла жизнь и мачехе и отцу. Боженка, поначалу доброжелательная, тоже озлобилась, чему удивляться не приходилось. Раньше она работала чертежницей в проектной мастерской и, по моему личному мнению, вышла за Влодека, чтобы иметь более спокойную жизнь и… норковую шубу. Не говоря уж о том, что Влодек просто мог ей нравиться. Карьеру жены зверофермера начала славно, спасая маленькую норочку от воспаления легких — животных она любила, казалось, все складывается прекрасно. Дом содержала в идеальном порядке, обеды готовила, выглядела ухоженной и цветущей, и я была уверена, что все обстоит великолепно.

И вдруг выяснилось — не все так ладно. Боженка нервничала, призналась мне, что не выносит домашнее хозяйство, а готовка обедов — ее смертная мука. Да, у них сад, но она ненавидит копаться в земле. Не может есть ни кур, ни яиц — все пахнет рыбой. Меха? Получила всего-то воротник и шапку, сын Влодека — сплошное позорище, а Баська и того хуже — монстр, каких мало.

— Погоди-ка, — прервала я, несколько ошарашенная. — Ведь ты всегда можешь вернуться в мастерскую чертежницей!

Оказалось, Боженка ненавидит проектную мастерскую и черчение, то есть свою профессию, которой посвятила много лет. Это ее откровение я переварила с трудом, потому как сама очень люблю черчение. А у Влодека дела были и того хуже.

После длительного периода невезения и неудач он впал в финансовые трудности. Хотел расширить ферму, привез из Швеции голубых норок, очень дорогих, вспыхнула эпидемия, перекинувшаяся и на других животных. К тому же начались преследования меховщиков, их обложили дополнительными налогами, Влодек лишился всех сбережений и остался на нуле. Спасти могла совсем небольшая сумма, этак тысяч двести…

Вот тут-то мы и провели у них вечер перед отъездом. Я предложила:

— У вас красивая веранда. Ты получишь всякие необходимые бумаги и разрешение, Боженка в качестве хозяйки поведет дело, откроете маленькое кафе: песочное пирожное и кофе, за один сезон выберетесь.

— Я не затем выходила замуж, чтобы обслуживать всякий сброд на собственной веранде, — отрезала Боженка с достоинством.

— Ну вот так-то, — заключил Влодек.

— Минутку. Можете сдать комнату, а если потеснитесь, то и две, условия люкс, ванная, горячая вода, пляж под носом…

— Я не затем выходила замуж, чтобы чужие люди шатались по дому! — весьма энергично запротестовала Боженка.

Меня слегка уколола совесть. Выйди я за Влодека три или четыре года назад, не имел бы он теперь никаких проблем: повятовый архитектор в Пуцке — должность вполне доходная, без труда удалось бы спасти положение. К тому же я ничего не имела против того, чтобы накрывать столики с кофе на веранде, рецепт на песочное пирожное у меня отличный, а о профессии кельнерши многие годы мечтала. Боженка дом вела идеально, хоть и неохотно, но финансовой помощи от нее никакой.

В тот вечер они жутко поссорились. Разумеется, нам надлежало выступить в роли арбитров. Выступили, даже с успехом, однако успех продержался лишь до утра. Утром нам пришлось вернуться домой, упаковаться, собрать детей и до трех дня успеть в Быдгощ.

И вот пожалуйста: автоконфликтов между нами как не бывало. Войтек совсем не рвался за руль, мне предоставлялась честь вести машину. Можно, конечно, показать кукиш — он оторвал эту крышку, не я, но мой характер снова дал себя знать. Раз необходимо, надо во что бы то ни стало сделать, ответственность (чтоб она сдохла!) сидит во мне с детства. Двинулись в Быдгощ после бессонной ночи.

Однако заснуть за рулем мне не грозило определенно. Войтек сидел рядом, трое наших детей сзади. Организовали конкурс, кто первый назовет марку встречной машины, вернее, кто первый прокричит. Борьба за первенство достигла зенита: выигрывал тот, кто заорет громче, а участие в игре принимали все четверо. Ежеминутно у меня над ухом раздавался мощный пронзительный ор:

— "Варшава"!

— "Мерседес"!

— "Волга"!

В основном вопили хором — очередную машину успевали заметить одновременно. Я выжимала сто тридцать, больше «шкода» не любила, почти все время на клаксоне. Когда, минуя селения, я немного сбрасывала скорость, Войтек ядовито интересовался:

— Ну что ж, придется отказаться от этого Быдгоща?..

У магазина я остановилась без четверти три и в течение тридцати секунд заснула, опершись на баранку. Войтек выскочил и побежал в магазин, а дети придумали новую игру: пролетали машину через заднее сиденье насквозь, хлопая дверцами. Я ничего не слышала. До Варшавы вел Войтек, спокойно продолжая принимать участие в конкурсе.

И все-таки счастье со «шкодой» мне не было суждено на земле, но сначала покончу с Боженкой, ведь она должна послужить поучительным отрицательным примером. После многочисленных усилий, неудач и поражений Влодек обанкротился, продал ферму, недвижимость и машину и перебрался в Варшаву, отчасти под влиянием жены, ненавидевшей заодно и море и желавшей вернуться в город. Купили кооперативную квартиру. Прошло уже несколько лет, когда я после визита у них сидела с Боженкой в машине и пыталась извлечь из нее позитивные намерения.

— Ну ладно, — начала я, будучи уже просто в панике. — Боженка, скажи мне… Проектную мастерскую ненавидишь, моря не выносишь, домашнее хозяйство не терпишь, с землей возиться не любишь, Влодек тебе больше не нравится, готовка вызывает отвращение, Боже мой, так что же ты любишь?!!!..

— Читать, — не задумываясь ответила Боженка.

— И ничего больше?!!!..

— Ничего. Люблю читать книги, и все тут.

Повеситься можно, ей-Богу… При этом она весело смеялась и была очаровательна. Мне обязательно хотелось найти выход, даже пришло в голову, не согласится ли она читать корректуры — при этом ведь приходится читать без удержу, но вовремя спохватилась: как только чтение сделается профессией, Боженка и его разлюбит. Сиднем сидеть дома скучно, раздражает, никакая работа не отвечает вкусам… Короче, все это свалилось на Влодека. В результате развелись с громким скандалом, как раз в это время женился мой Роберт… не стану забегать сейчас так далеко вперед, напишу обо всем в положенном месте. Во всяком случае, Боженка вышла из всех этих передряг не в наилучшем виде.

* * *

Люцина заболела нетипичной болезнью — какие-то нарушения деятельности внутреннего уха. Началось это после лечения тархоцилином, а вот что лечили, не помню — Люцина располагала большим реестром хворей. Кажется, поначалу речь шла об операции почки. В общем, и на ровном месте ходить она не могла, а уж лестница отпадала вчистую. В это время умерла бабушка.

Да, ничего не поделаешь, слишком много разного происходило одновременно. После отъезда Тересы бабушка жила вместе с моими родителями, и много веселых минут доставил ей Роберт. Ежи уже вырос, а Роберт по возрасту как раз был во вкусе бабушки. Она ходила с ним в костел и однажды сдержанно призналась, что стыдоба случилась полная: мой ребенок устроился в первой же свободной исповедальне и начал тарахтеть и гудеть. Исповедальня превратилась в автомобиль, а тарахтел и гудел так — не только прихожане, но и ксендз оглядывался от алтаря.

В один прекрасный день я приехала за детьми и на улице около дома застала плачущую бабушку.

— Что случилось? — забеспокоилась я.

Пропал Роберт. Ушел из дому два с половиной часа назад и до сих пор не вернулся. Ежи пришел из школы, искали вместе с бабушкой — бесполезно.

Мне сделалось не по себе, но, прежде чем броситься в милицию, решила еще поискать. Отправила Ежи в сторону Мадалинского, а сама пошла на улицу за домом. Едва завернула за угол, со стороны Ружаной появилось нечто несусветно черное. С трудом распознала собственного пропавшего ребенка.

— Где ты был? — чуть не простонала я.

Ребенок не скрывал, где был, даже гордился: на

Ружаной помогал какому-то пану перебросать уголь в подвал.

Из первой больницы бабушка сбежала, медицинский персонал, мол, травит всех пациентов насмерть, чтобы освободить кровати. Потом она долго болела дома, пока не вызвали «скорую», от которой бабуля потребовала прихватить вместе с ней и фикус, предназначенный мне, — все равно проезжать мимо, нетрудно и подсобить. «Скорая» в дополнительной услуге отказала, и по бабушкиному желанию я уволокла этот огромный горшок сама, фикус долго служил памятью о бабуле, извели его мои дети, не помню почему; наверное, по глупости.

На бабушкиных похоронах Войтек вел себя как положено,

бережно поддерживал Люцину на лестнице костела; несмотря на жару, облекся в черный костюм. Вообще со смертью бабушки возникли осложнения, умерла она летом, в июне, не помню, куда подевалось все семейство, но оформлять документы в последнюю минуту пришлось моей матери. От Люцины с ее внутреннеушными расстройствами не было никакого толку. Мать отправилась в районное бюро, тогда Народный совет, и начала оформлять, то есть уселась на скамье в скверике перед зданием и сидела.

Не уверена, удалось ли бы когда-нибудь оформить бумаги о смерти и похоронить бабушку, если бы не случай: мимо проходила Марыська, двоюродная сестра матери, та самая, что в *«Проселочных дорогах»* жила в Тоньче в вагончике Джималы. Она присела рядом, осведомилась, в чем дело, взяла бумаги и сделала все необходимое.

Вскоре после смерти бабушки удрученная семейными несчастьями Тереса прислала Люцине приглашение в Канаду. Уже несколько окрепшая Люцина поплыла «Баторием», после чего все несусветные семейные катавасии переместились по ту сторону Атлантики.

Для начала Люцина пропала. Тереса и Тадеуш выехали за ней в Монреаль, осмотрели всех пассажиров «Батория», сестры не сыскали и впали в ужас и отчаяние. Начались поиски. В списке пассажиров она числилась, по дороге никто не утоп, а в Канаде ее нету, и привет — куда, на Божескую милость, могла подеваться? Сходили с ума, кидались с расспросами на всех и вся, вконец расстроенные вернулись в Гамильтон. Люцина сидела у соседей в садике.

Кто-то из Монреаля ехал в Гамильтон, и с этим кем-то Люцина улизнула столь артистически, что исчезла незамеченной встречавшими. При виде Люцины в чужом садике Тереса онемела от ужаса: она уже привыкла, что явиться без предупреждения — страшная бестактность, и вообще новые знакомства завязываются после солидной подготовки, а Люпина спокойно вперлась к незнакомым людям, неслыханно компрометируя семейство. Не помню, что еще она там натворила, но Тереса свое письмо в Варшаву окропила горючими слезами, Люцина же вернулась в прекрасной форме, поздоровела и помолодела. Морское путешествие в обе стороны перенесла отлично — подумаешь, тарелка супу, а не океан.

Я отправилась ее встречать в Гдыню с матерью и тетей Ядей. Высмотрели мы ее издалека среди пассажиров, сходящих на сушу, после чего Люцина пропала. Толпа прошла, а Люцины нет как нет, мы нервничали средне — на сушу вышла, в воду свалиться

негде, ясно: жива и здорова, но кой черт ее опять куда-то унес?

Наконец Люпина появилась чуть ли не последняя. Оказалось, пережидала людей, хотела узнать, как пройдут таможню пассажиры, привезшие вагон негритянских барабанов. Может, и два вагона. Почему африканские барабаны везли из Канады, осталось тайной, может, путешествовали вокруг света, во всяком случае я вполне поняла Люцинино любопытство. Мне и самой стало любопытно. А в таможне возникла теоретическая проблема касательно квалификации нетипичного багажа: что же это такое по таможенным правилам — музыкальные инструменты, изделия из кожи или произведения народного искусства?.. В рассмотрение входили и детские игрушки. Чем негритянские барабаны в конце концов признали, не помню, но Люцина не в силах была лишить себя такого зрелища.

В Варшаву выехали уже к вечеру, стемнело. Где-то около Нидицы «шкода» начала барахлить.

Двигатель как-то странно задыхался. С минуту молчал, потом словно бы оживал, но не желал выдавать более шестидесяти километров. Снова задыхался, и все начиналось сначала, пока не задохнулся совсем. Метода действий в таких случаях у меня уже отработана, я вылезла и помахала рукой.

Остановился «мерседес» с водителем и пассажиром. Пассажир не в счет, мной заинтересовался водитель.

— По-моему, нет искры, — удрученно пожаловалась я. — Не знаю почему.

Начали проверять. И в самом деле с искрой происходило что-то странное: то появлялась, то нет, а причин вроде бы никаких. После получасовых раздумий и мучений водитель «мерседеса» предложил поехать, а он будет эскортом. Если мотор совсем сдохнет, возьмет меня на буксир, пока работает, надо ехать.

До сих пор почитаю этого «мерседесного» автомобилиста самым порядочным человеком в мире. Тащился рядом со скоростью шестьдесят километров, а мог мчаться в два раза быстрее. «Шкода» двигалась неохотно, но все-таки двигалась, он пас меня до Жолибожа, снисходительно принял от Люцины пачку сигарет «Пэл-Мэл», до дому я добралась самостоятельно.

Войтек на следующий день проверил, зажигание работало, обругал меня автомобильной кретинкой и никакой поломке не поверил. А еще на следующий день мы отправились в Кабацкий лес вместе с Аней и ее мужем — автомобильным маньяком, владельцем «рено», цели экскурсии не помню, по-видимому, хотели глотнуть свежего воздуху, Войтек подскочил на какой-то рытвине, и амба. Конец езды.

— Ну вот видишь, — с удовлетворением констатировала я.

В Варшаву нас отбуксировал «рено». В техобслуживании начали проверять, никто не мог разобраться, в чем дело — машина вроде бы в идеальном порядке. Разобрали ее на детали.

Выяснилось, отломился стерженек в зажигании. Отломился неровно, держался на уцелевших зазубринах металла и то цеплялся и включал зажигание, то нет. Бракованный металл попался, никому и в голову не приходило разумное объяснение. Зазубрины сносились, и на рытвине в лесу зажигание полетело окончательно. А главное — в тот момент Войтек вел машину, а не я.

Затем подлая «шкода» сорвала себе резьбу в дворнике моими руками. Дворники приходилось снимать, чтобы не украли, я противилась всячески, однако Войтек настоял на своем. Снимала я неохотно, резьбу черт побрал, и, конечно же, на меня тут же обрушился ливень. Ехала я с площади Завиши на Мокотов и, слово даю, через дождевую завесу не различала, где автобус, а где велосипедист. К счастью, велосипедист оказался в чем-то красном; убежденная, что передо мной автобус, я обогнала его, чуть не заезжая на левый бордюр тротуара, случись наоборот, было бы куда хуже.

«Шкода» явно предпочитала Войтека, а не меня. Водить он научился, реакция у него оказалась отличная, но водил рискованно, всегда на грани безопасности, без малейшей дистанции. Как раз в ту пору он заболел желтухой, лежал в инфекционной клинике, потом поехал в санаторий, и она, «шкода», писала ему письма, а не я. У меня до сих пор цела пачка корреспонденции несчастной «шкоды», влюбленной в своего повелителя, который променял ее на красную «симку», в итоге чего «шкода» совершила самоубийство. Так и быть, немного из этой переписки процитирую.

Дражайший мой властелин и повелитель!!!

Я прекрасно знаю, что Тебя интересует вовсе не глупая старая кляча, которую Ты здесь со мной оставил, и не идиотская переписка с ней, интересую Тебя исключительно только я. Не намереваюсь ждать, когда она Тебе про меня напишет, пишу сама, не сомневаюсь, доставлю Тебе значительно большую радость, нежели все ее глупые каракули.

Скучаю без Тебя, хоть, признаться, и сержусь за выхлопную трубу, коей Ты так долго не мог заняться. Сам понимаешь, сколь неприлично мне показываться в городе с таким ущербным задом. Она припаяла эту трубу, не представляешь, как я нервничала. На станции техобслуживания ей велели дать задний ход вверх по наклонной плоскости над смотровой ямой. Сперва я зашлась от

ужаса, вдруг передаст этот маневр механику из мастерской, явно пребывавшему под крепкой мухой. Она заявила, работники, мол, физического труда после приема алкоголя работают куда как лучше, чем до, ну а насчет въехать и у нее появились серьезные сомнения. Сама въехала. Амбал под мухой подобрал мне красивый кусок трубы и припаял на славу…

…Представь, она говорит о Тебе возмутительные вещи! Уверяет, что Ты занимаешься исключительно мной и любишь только меня… Ты ведь и в самом деле любишь меня?.. Ох, боюсь, забудешь обо мне, перестанешь заботиться и предпочтешь каких-нибудь баб. Ну что за чушь я горожу, не правда ли? Какие бабы способны затмить мой образ? Никогда не поверю, чтобы Ты позабыл меня, дорогой!..

…Не уверена, даст ли она мне еще клочок бумаги закончить письмо.

Дала. Могу, дескать, писать Тебе хоть эпопею, она не станет встревать. И очень правильно. Просила я ее как человека — сменила бы мне этот аккумулятор, так нет же, уверяет, денег у нее нет. А телефонный счет собирается оплатить, ну что за идиотка! На телефоне ведь далеко не уедешь!

…Не сомневаюсь, мне Ты ответишь. Она-то надеется, что и ей черкнешь, да ведь Ты предпочитаешь переписку со мной. Если желаешь передать ей что-нибудь, пожалуйста, передам. А уж предпочитаешь наверняка меня — я молода, красива и послушна.

Целую Тебя, дорогой, и тихонько тарахчу для одного Тебя — любовно и нежно. Возвращайся поскорее! Верю, Ты навсегда мой и будешь любить меня вечно, как люблю Тебя я.

Твоя тоскующая и любящая «ШКОДА»

Любимый господин и повелитель!!!

Что же это Ты не отвечаешь мне?! Ей написал, а мне нет?! Если и прощу такую небрежность, лишь потому, что в письме к ней Ты интересуешься мной и относишься к ней не совсем плохо исключительно из-за того, что она заботится обо мне.

…Признаюсь, мне очень грустно, почему, догадайся сам. Она уверяет, мужчины недогадливы. Возможно, другие, но не Ты?.. Но если уж она говорит… Ладно, признаюсь на всякий случай. Как Ты мог, не уведомив меня, не посоветовавшись, дать ключи этому Твоему приятелю?! Ты поступил так, словно я публичная девка. Из-за каких-то своих прихотей!!! Ты всегда пекся о моем благе и моих чувствах, я надеялась… а Ты обманул меня! Клянусь, такого не ожидала, надеюсь, когда узнаешь, как меня оскорбили, попросишь у меня прощения! Представь себе, у этого типа жесткая рука, мне абсолютно чужда его манера езды — до сих пор синяки на разных

деталях…

Мой властелин, единственный и дражайший!

Как Ты мог?!!! Как Ты мог смотреть на эту мерзкую красную «симку»?!!! Я видела, она ластилась к Тебе, прямо-таки лоснилась лаком, видела блеск Твоих глаз!.. Ты разбил мне сердце…

Возможно, это лишь миг заблуждения, виновата она, кокетничала с Тобой напропалую, но все же… Нет, невозможно, Ты не разлюбил — ведь сменил же Ты масло, заставил эту глупую свою деваху взять денег даже со счета! Ох уж эта ужасная красная «симка»…

…Продать?.. Меня продать?..

Нет, я просто неверно поняла, это лишь кошмарный сон…

Ты меня мог бы продать?///

…Любимый мой, не могу без Тебя жить. Не хочу без Тебя жить. Не сердись…

Целую Тебя в последний раз…

Только Твоя «ШКОДА»

Вскоре после этого идиотка «шкода» совершила самоубийство. Подробности в недавней моей книге *"Одностороннее движение"*.

Разумеется, я опять забегаю вперед, но столь драматичную историю не могу прервать посередине. Писем от «шкоды», ясное дело, было больше, некоторые поползновения Войтека не понравились ей, чувствами она налилась, будто созревший плод соками, и наконец не выдержала. По дороге в Лодзь использовала гололед и устроила лобовое столкновение с грузовиком без всякого объяснимого повода. Понятно — обыкновенное самоубийство, спланированное, однако, так, чтобы не нанести физического вреда возлюбленному. За грузовиком как раз подъехал пикап, поэтому все знаю из первых, что называется, рук — из милицейских актов и показаний свидетелей.

«"Шкоду" развернуло вокруг своей оси, она то и дело ударялась о грузовик и распадалась на части — на дорогу постепенно вылетело все, включая баранку…»

Войтека выбросило первым же ударом, он полеживал себе на шоссе, пугал сбежавшихся зевак пистолетом, торчавшим из кармана. Из-за огнестрельного оружия, о коем доложили в первую очередь, милиция примчалась молниеносно. Машина превратилась в кучу металлолома, а водитель получил всего два небольших ранения, царапины, можно сказать: резаную рану головы в три сантиметра и сломанный мизинец на левой руке. Даже сотрясения мозга избежал, из чего следует — «шкода» с

величайшим тщанием позаботилась о здоровье своего Владельца.

Эта авария произошла уже значительно позже, когда я уехала в Копенгаген, а посему незамедлительно возвращаюсь к текущему моменту.

«Шкода» еще вполне процветала, когда после восьми лет отсутствия в Польшу приехала Тереса.

Первый ее приезд определяю хронологически точно: Роберту как раз исполнилось девять, шел 1965 год. Приехала Тереса в жуткой тоске по семье, по родине, по хлебным полям и жаворонкам в небесах и рвалась в глухомань. Потому ее, можно сказать, на рысях переправили в Погуже, на Буг, в те самые поля, леса и небесные просторы.

Хоть убейте, не в состоянии сообразить, почему в Погуже ездили по меньшей мере дважды, и оба раза запечатлелись Тересиными чулками. Боже мой, а почему же мы везли ее туда пикапом, а не «шкодой»?.. Может, в «шкоде» не помещались все пассажиры и багаж?.. Ладно, без разницы, единственное, что помню достоверно, — это чулки.

Пикап сзади был открыт, Тереса сидела, можно сказать, на полном обозрении. За длительное время пикап не опередил никакой транспорт, зато за ним следовала сущая кавалькада, на что Тереса не обратила ровным счетом никакого внимания. Летний зной докучал беспощадно, и ее целиком поглотило освобождение от чулок. Продолжался процесс освобождения довольно долго, ибо она сидела в неудобной позе, и все водители мужского пола с большим интересом созерцали стриптиз на трассе и старались удержать хорошее зрительское место до самого конца представления.

Откуда взялся еще и переезд поездом, тем более понятия не имею. В поезде Тереса снова снимала чулки, правда, не из-за жары, просто поползли. В Канаде петель не поднимают, наша Тереса отвыкла от такого рода ремонта и дырявую принадлежность туалета самым обыкновенным образом сняла и выбросила из окна вагона.

Слово даю, не придумываю, все видела собственными глазами. Надо же так случиться — в этот момент поезд пролетал мимо какой-то станции, лишь несколько притормозил, а на перроне стоял железнодорожник. Тересины чулки выпорхнули и приземлились, если можно так сказать, прямо на него — обвились вокруг шеи. До сих пор у меня перед глазами стоит обалделый человек с рукой, протянутой и застывшей на полпути к чему-то, что вдруг на него свалилось. Наверное, он таки снял их потом с себя, но этого мы уже не увидели — поезд промчался.

Дабы не возникло недоразумений, объясняю, что почти все

действие *"Проселочных дорог",* лишь слегка приукрашенное, разыгралось несколько позже, в следующий Тересин приезд, о чем расскажу в соответствующем месте.

* * *

А теперь новая проблема: ума не приложу, куда поместить дело об изнасиловании.

Понятно, под боком у Войтека я получала кучу сведений о разных разностях — преступлениях, следствиях, дознаниях и тому подобных бесценных для меня материалах. Среди прочего в мою биографию ворвалось дело об изнасиловании, якобы имевшее место в Плоцке и весьма меня взволновавшее.

В то время еще необкатанной «шкодой» я поехала в Плоцк, где Войтек пребывал по делам службы, и обратно отправилась в восемь вечера. Была, по-видимому, еще ранняя весна, упал густой туман. Да еще какой!.. Святители Господни, я капота собственной машины не видела! Некоторое время для ориентировки ехала задрав голову — пялилась на верхушки деревьев, — туман стлался низко, а часть трассы проходила среди высокой зелени. Потом деревья кончились и ориентиров не осталось. Хоть горючими слезами обливайся: необкатанная тачка, я едва пилю, двадцать пять километров в час, ничего не вижу, сплошное молоко. Выйти, что ли, и пихать машину сзади или волочь на веревке, а вернее всего разжечь на обочине костерок и дожидаться утра. Повеситься можно. Утешилась я немного при виде встречной машины — тоже едва тащилась, да уж больно сомнительное утешение. Катилась я из Плоцка пять с половиной часов! Но не о поездке речь.

В Плоцке слушалось дело об изнасиловании. Войтек выступал обвинителем, поссорились мы зверски. Если это изнасилование, то я королева Изабелла Испанская, обрасти мне морской травой, если не так! (В скобках поясняю: что такое морская трава, ведать не ведаю.)

Обвиняемый еще до этого дела участвовал в ограблении банка, однако инкриминировать ему удалось лишь нелегальное ношение оружия. Просидел всего полгода и сделался солью на ранах милиции. Когда к ментам прилетела панна с заявлением, мол, это самое чудовище ее изнасиловало, плоцкая милиция впала в эйфорию и отправила парня за решетку, не размышляя долго.

Вся моя любовь к милиции отнюдь не помешала выявить закулисную подноготную. Милиция — тоже человек, имеет право ошибаться и отсутствием человеческих чувств похвалиться не может. Сгоряча нарубили дров, а полное взаимодействие с прокуратурой вынуждало идти стройными рядами плечом к плечу. Коли правонарушитель сидит, буде возможно, следует

припаять нечто оправдывающее это сидение, дабы не извиняться, не паскудить статистику и, не приведи Господи, не выплачивать еще какое-нибудь возмещение за моральный ущерб. Сел за изнасилование — значит, просто обязан оказаться насильником, пусть вся медицина вкупе признает его, к примеру, хоть импотентом.

Дай нам Боже только таких насильников. Худенький блондинчик среднего роста и приятного вида, имеющий к тому же славу Казановы города Плоцка. Суд вершился при закрытых дверях, я, конечно же, имела соответствующее разрешение. И от записывания слушаний рука у меня распухла!

Минутку, кажется, мне удастся все расположить хронологически. Войтек в Плоцке функционировал долго, кажется, осуществлял надзор за воеводской прокуратурой. Весной случился тот туман, и я возвращалась необкатанной «шкодой», потом перерезала себе руку, потом сняли гипс, а после, уже осенью, состоялся суд. Иначе не получится: а личные мои хвори уложились в памяти превосходно.

Итак, в суде я записывала все — каждое слово, с утра до вечера. Заключила пари с Войтеком, что парня оправдают. Чтобы выиграть пари, он шуровал вовсю, я сама застукала его, когда лично под лестницей инструктировал жертву, как вести себя на суде, в каком месте пустить слезу и так далее. Под его давлением расстарались и нашли судью — полного дурака, пошедшего на сотрудничество с исполнительными органами. Войтек использовал все свои излюбленные штучки, а методы освоил неплохие, например, в момент зенитной точки горячей речи защитника, перед самыми выводами, он встал и попросил слова. Дали.

— Нельзя ли открыть окно?.. — вежливо осведомился он.

И все, точка, открывали окно или нет, адвоката сбил; чтобы достигнуть утраченный эффект, пришлось бы всю речь начинать сызнова. Между нами… меня это забавляло в такой же манере, как возмущало, но ссориться с ним я могла только лично. С Войтеком, ясное дело, не с адвокатом.

Из всей судебной галиматьи написала сценарий для телевидения, годился вполне и на радио, только вот энтузиазма никто не проявил. В сценарии, кроме суда, двух главных героев и свидетелей, выступали еще два важных лица — символическая Защита и символическое Обвинение, комментирующие процесс как бы со стороны.

Весь смысл заключался в том, что девица, которую мы между собой называли Стефчей, решила закадрить пресловутого донжуана и выйти за него замуж. Поклонниц и пассий у него

было хоть пруд пруди, она, однако, по ее собственному мнению, личность исключительная, ибо сберегла свою девственность в неприкосновенности. Вчинить иск подначила ее приятельница, жена или невестка милиционера, экс-хахальша обвиняемого, брошенная им, а потому пылавшая жаждой мести. На пару они раскрутили кретинизм неимоверный.

Следующие одно за другим события выглядели так.

Обе эти девы знали друг друга навылет — не то жили вместе, не то в школе вместе учились. Стефча, прогуливаясь как-то с сестрой героя, познакомилась и с ним, все вместе отправились в кафе, где Стефча и приступила к охмурению Зютека, оперируя своей фотокарточкой в паспорте и осведомляясь, идет ли ей прическа. Через несколько дней она навестила Зютеково семейство. Там и произошел решающий эпизод: три панны — Стефча, Зютекова сестра Гонората и приятельница ее Петровская, отмечавшая некое торжество, определенное в суде как интимное, дернули на балконе по стаканчику. Зютека дома не случилось, работал на участке — семейство ставило дом. Стефча решила во что бы то ни стало дождаться возможного поклонника, а он явился со своей тогдашней невестой Эльжбетой. Невеста удалилась на кухню, Зютек шастал по квартире туда-сюда, Стефча солидно надралась и заснула, хозяин тем временем проводил невесту, вместе с сестрой и Петровской решили отвезти Стефчу… и отвезли на свой строительный участок. Панны уехали тем же такси, а Стефча и Зютек остались. В элегантно убранном подполе строящегося дома поклонник разостлал пальто и даже простыню, после чего изнасиловал жертву.

А изнасиловав, осыпал упреками, что-де она не девственница, Стефча разгневалась ужасно. Около полуночи ее отвезли домой, на следующий день жертва полетела к экс-конкубине насильника. Экс-конкубина твердо давала показания не в пользу обвиняемого, в связи с чем защита заявила сомнение в ее моральном облике: в Познани бывшая хахельша поддерживала отношения с преступным элементом, занималась проституцией, сожительствовала с каким-то Лешеком-медвежатником, по ее делу велось следствие. Обвиняемый написал показания, зашита представила их суду, судья попытался оные не принять. Выглядело все это, как следует ниже. *Защитник.* Вношу просьбу начать расследование для выяснения нравственного облика Зажицкой.

Судья.
Какого еще выяснения?!
Защитник.

Через расследование. (Судья что-то бормочет под нос насчет параграфов.)

Защитник.

По обвинению Зажицкой в воровстве. (Судья бормочет что-то прокурору.)

Защитник.

Я передаю изложение событий, сделанное обвиняемым.

Судья.

А почему он направил туда, а не сюда?

Защитник.

Потому что она там совершила…

Судья.

Когда?

Защитник.

Вот показания.

Судья.

Возможно, была амнистия или аболиция…

Защитник.

Здесь все от "а" до "я".

Судья.

Вы должны конкретизировать, люди пишут всякие бредни!

Защитник.

Ее обвиняют в проституции.

Судья.

Климчак обвиняет?

Защитник.

Да, Климчак, Климчак…

Судья (почти орет).

Когда? Когда? Может, ей тогда двенадцать лет было?!

Обвиняемый (вскакивая с места).

Пятнадцать месяцев назад!

Защитник передает показания обвиняемого и требует свидетеля в лице некоей Марии Рутковской, кажется, соседки, которая заходила к Климчакам взять взаймы мясорубку и застала там Гонорату, Петровскую и незнакомую ей тогда Стефчу. Свидетельница слышала, как Гонората убеждала Стефчу отправиться домой, а та желала дождаться Зютека. Судья, злой как черт, допускает свидетельницу.

Затем обвиняемый пояснил: на строительном участке из-за злющей собаки он всегда делает обход через капустные грядки. На капусте Стефча упала, из носа у нее пошла кровь. Стефча же упорствовала, что схлопотала от грубияна по морде, хотя падение в капусте и по ее мнению имело место. В подвал она отправилась

почти добровольно — оттуда, мол, ближе до калитки.

Признания барышень звучали согласно: Стефча весьма интересовалась, не женат ли Зютек, надралась, на балконе швырялась продуктами, убеждала Зютека, дескать, она такая боевая, хоть коней вместе красть, завалилась на раскладушку и совершала всякие иные «оргии». Где правда, а где врали, бросалось в глаза. Из показаний жертвы:

Стефча.

Климчак держал меня за руку, а сам снимал брюки. Тогда я опять начала сопротивляться.

Судья.

Почему вы не кричали?

Стефча.

Вообще-то кричала, только не громко. Дак он сказал, и так никто не услышит, а уж из подвала и подавно.

Судья.

Сколько сигарет вы выкурили в подвале?

Стефча.

Ни одной.

Судья.

Так ведь там темно было.

Стефча.

А он зажег спичку.

Судья.

Так почему же вы не убежали?

Стефча.

А он затащил меня в угол и там зажал.

Судья.

А насчет того, что ты девственница, когда говорила?

Стефча.

В подвале.

Судья.

Зачем?

Стефча.

Хотел, чтобы отдалась ему. Я сказала «нет». Он сказал: «Ты и так не девица». Я настаивала, что невинная.

Судья.

А после сношения он не попрекал, что ты не девица?

Стефча.

Попрекал.

Судья.

А ты что?

Стефча.

Ошибаешься, сказала.

Весьма странное изнасилование. Из показаний самой жертвы следовало, что сопротивлялась лишь тогда, когда насильник имел полную свободу действий, а пока был занят, она терпеливо пережидала. Ждала, когда расстелет простыню, когда снимет брюки…

Еще случилась какая-то история с шофером, может милицейским, имевшим доступ к протоколам, он сообщал невесте какие-то тайные сведения, короче, невеста получала от него дополнительную информацию, а судья сформулировал это деяние следующим образом:

Судья.
А о протоколах он ничего не говорил, что девица?
Невеста.
Кто?
Судья.
Да этот, шофер.
Невеста.
Нет, не говорил.

Трудно удивляться шоферу, что он не утверждал, якобы он девица. Многие перлы подобного красноречия то и дело блистали в речи старого хрыча на протяжении всего слушания дела. Много сил и времени посвятил он открытию тайны, например, зачем панны направились в магазин деликатесов, после долгих прений выяснилось, что купили там кило смальца. В равной степени долго и дотошно обсуждал проблему красного пятна на шее у обвиняемого, каковой след должен доказать страстный поцелуй, по этому поводу был вызван свидетель в лице лядащего деревенского мужичонки, проведшего некоторое время в одной камере с Климчаком.

Судья.
Как это выглядело?
Мужичонка.
А такое красное.
Судья.
И чем объяснял, по какой причине красное?
Мужичонка.
А говорил, от пани, мол, которая его обвиняла.
Судья.
Похоже было на след поцелуя? (К эксперту, естественно, не

обратился.)

Мужичонка.

Дак я тут ничего не понимаю.

Судья.

Что еще свидетель имеет сообщить?

Мужичонка (глубоко задумавшись.)

А как бы мне деньги на дорогу?..

Дамы, выступавшие в суде, в общем и целом были весьма колоритны. Невеста дефилировала в прическе огромной начесанной пирамидой, экс-конкубина отличалась сексапилом, Стефча же, девушка весьма дородная, одним взмахом руки могла любого насильника отправить к праотцам. Никто нормальный не усмотрел бы изнасилования в ее попытке доказать свою девственность. Однако в ход пошли закулисные интересы. Защитник, жертвуя собой, решился на интимную исповедь:

— Высокий суд, я провел опыт с собственной женой. Одной рукой держал ее, а второй снимал брюки, велев ей вырываться. Так вот, возможно что-нибудь одно: либо жена вырывается и убегает, либо брюки не снимешь…

…И все-таки Климчаку влепили полгода — весь срок, который он отсидел до суда. Войтек пари выиграл. Разумеется, была апелляция, но опять судью отыскали старого хрыча и полного дебила — я обалдела, казалось, дебильнее первого судьи найти невозможно. Смилуйся Господи над нашим оплотом Речи Посполитой!

Дабы избежать недоразумений, сообщаю: в принципе я на стороне женщин, которые, как правило, несут все последствия амурных похождений. Но в иных случаях, однако, допускаю невинность несправедливо обвиненных мужчин — у баб порой такие дьявольские сюжетцы в голове закручиваются… А в целом на вышеприведенном примере всячески порицаю правосудие, как таковое, об уголовном же кодексе выскажусь в самом конце.

* * *

В мастерской на меня вдруг свалилось дело с гаражами под Дворцом культуры. Я была «за», и мы с Эвой провели обследование подвалов и подземелий. Честно говоря, в мои обязанности вовсе не входило самой ползать по кучам грунта в резиновых сапогах, рабочем халате и с шахтерской лампой, этим мог заняться кто-нибудь другой, но я люблю обследование, а гаражи просто меня заинтересовали. Мы выполнили работу, все было за то, чтобы гаражи строить, после чего собралась комиссия по утверждению инвестиционных проектов, состоявшая из девяти вялых хрычей, порешили: гаражи вовсе не нужны. На кой черт? Машины в центр можно и не пускать, а если уж ездят, нечего им останавливаться, и привет. Я готова прозакладывать все сокровища мира, ни один из этих тупых маразматиков в жизни не сидел за рулем. К счастью, в это время я уехала и не понеслась как разъяренная фурия выяснять отношения.

Ситуация в моем собственном доме складывалась невыносимая. Войтек вел себя скандально, одновременно декларируя великие чувства ко мне. Может статься, и питал таковые, да уж очень они были разнообразны, и я едва от них не очумела. Не имела ни времени, ни охоты на эту партизанскую войну, им ведомую с воодушевлением; нам следовало расстаться если не навсегда, то во всяком случае на время, и я обдумывала, не поехать ли на работу куда-нибудь в провинцию. По ходу размышлений пришло в голову, а почему бы не поехать в более привлекательное место, нежели, к примеру, Великая Роспша, есть ведь на свете Париж, Монреаль, Копенгаген…

Париж накрылся еще раньше из-за Ирэны и нежелания Соланж. Монреаль тоже отпал почти сразу — подвела Тереса. Не помню, что там затевалось, олимпиада не подходит, может, какие другие спортивные игры, а может, и всемирная выставка, во всяком случае работы для архитекторов хватало, кое-кто из приятелей уже там сидел, соблазняли и меня, дело стало за приглашением. Место работы ожидало. На мое письмо Тереса ответила исключительно предостережениями, поучениями и явным нежеланием, до сего дня ни я, ни она не понимаем, почему она так испугалась перспективы моего приезда в Канаду, переписка продолжалась долго, и работу на гипотетической выставке черти взяли. Остался Копенгаген.

Написала я Алиции отчаянное письмо, умоляя о приглашении, приглашение получила молниеносно. Возможно, Алиция спасла мне жизнь, а уж свободу несомненно, так как я

почитала своим долгом убить Войтека во что бы то ни стало. В состоянии аффекта, конечно, но отсидеть пришлось бы изрядно. Из двух зол лучшее — уехать, бросив детей, тем более что Ежи исполнилось шестнадцать лет, парень был абсолютно самостоятельный, а Роберт остался под надзором семейства.

Уехала я на две недели, имея на тот момент двадцать две тысячи злотых долгу, а на ногах последние туфли, у которых отлетал каблук. В письме попросила Алицию принести на вокзал какую-нибудь обувь — вдруг каблук не выдержит и приеду босая, а носили мы один размер. Деньги за книги и фильм уже иссякли, а писать новые Войтек мешал всеми силами…

— Не желаю видеть такое выражение лица! — заявлял, когда я садилась за машинку. — Для меня у тебя такого выражения морды не бывает. Вот и испорчу тебе это настроение!

И портил. Я и сейчас вовсе не удивляюсь, что убийство считала единственным выходом. А сколько тогда этих преступлений обдумала!

Платила я за все, с чертовой «шкодой» в том числе. Дети имели нестандартные размеры, и готовые вещи им не подходили. Роберт был слишком толстый, а Ежи слишком высокий, и все приходилось шить на заказ. Пальто, свитер вроде бы можно удлинить, а какой толк, когда рукава едва прикрывают локти. Семейство меня добивало — обеды для детей тоже стоили немало, короче, и думать не приходится, что мое веселое расположение духа обусловлено было легкой жизнью. Все как раз наоборот.

С собой вывезла контрабанду в виде восемнадцати долларов с грошами плюс пять легальных и в купе сбросила сумочку таможеннику на голову — занимала, естественно, верхнее место, а он внезапно меня разбудил. Таможенник вежливо подобрал под скамейками разные мелочи, в том числе и фольговый пакетик с долларами, что меня ни в малейшей степени не смутило — просто совершенно забыла про эти доллары. Доехала до ГДР, села на датский паром в Варнемюнде и очутилась совсем в ином мире.

Сам воздух казался насыщенным чем-то таким, что не поддается определению, но что сотворило чудо — я почувствовала себя человеком. Личностью, а не составной частью массы, к тому же личностью, имеющей все возможные права. Могла делать, что мне нравится, и никто не запрещал, даже не интересовался зачем и почему. Могла позволить себе любые прихоти и капризы. Я ничего не делала, и вообще ничего не происходило особенного, но сама атмосфера наполняла меня блаженством.

Алиция про обувь, естественно, забыла, но мой каблук

выдержал. Опоздала она на вокзал всего на пять минут, и, приняв во внимание мой багаж, мы поехали на Sanct Annae Plads, то есть на площадь Святой Анны, в такси. И в самом деле, я ничего не наврала, мы жили в прачечной у господина и госпожи фон Розен, на пятом этаже без лифта, с уборной на первом этаже.

А теперь прошу перечитать *"Крокодила из страны Шарлотты"* — в копенгагенской части там описана одна только правда и ничего, кроме правды. Прачечная состояла из трех помещений, двух поменьше по одну сторону лестничной клетки и одного побольше — по другую. В этих помещениях мы и жили, так как там была кухня и слив, большое помещение использовалось по мере надобности, например, в качестве душа — зарешеченные стоки в полу позволяли безнаказанно обливаться, во все стороны расплескивая воду.

С первых же дней появился Мартин, студент архитектуры, ему удалось поехать на заработки, и он сидел в Дании уже несколько недель; моложе меня на десять лет, моложе Алиции еще больше, он получил у нее убежище. Они оба нарезались привезенной мною «чистой выборовой», в чем я участия не приняла, ибо свалилась от усталости, к тому же меня донимала печень. На следующий день я была вознаграждена вполне: у них похмелье, а я как огурчик.

При случае хочу сразу объясниться: когда я написала *"Крокодила",* Мартин впал в панику и категорически потребовал изменить его имя из-за мамуси. Мамуся в Польше и близко не представляла, что он делает в Копенгагене; пришлось принять мамусю во внимание и через весь текст, уже в корректуре, менять Мартина на Михала. А мамуся все равно догадалась, о ком речь, так что секрета уже не существует и могу открыто объявить: в *"Крокодиле "* действует не Михал, а именно Мартин.

Через пару дней по приезде я отправилась с визитом в архитектурную мастерскую Алиции, куда как раз зашел какой-то тип. На каком языке они говорили, не знаю, думаю, на смеси немецкого с английским. Алиция лучше знала немецкий, датчанин — английский, а я высказывалась с помощью польского словаря иностранных слов, и мне было все едино. Среди веселых хиханек и хаханек меня спросили, не соглашусь ли поработать; я похохотала в ответ: ха-ха, да, конечно, с удовольствием. И вдруг меня оповестили — могу начать сразу, не в мастерской Алиции, а у господина профессора Суенсона, таким образом я попала прямиком в рай, на Гаммель-странд, сорок четыре.

Первые минуты труда переполнили меня прямо-таки упоением и обратились в ничем не омраченный триумф. Работу получила сразу же — чертежи части проекта, в условиях, в

Польше не виданных. Винтовой стул на колесиках, калька идеально прозрачная, всевозможные приспособления для затачивания карандашей и прочие люксы, одного мне недоставало — роликов. Работали с рейсшинами. Ролики у меня нашлись, не помню, привезла с собой или прислали позднее, привинтила их, возбуждая безумный интерес и большое недоверие персонала, скрупулезно проверяли, действительно ли параллельно, сверяли результаты. Через некоторое время вся мастерская перешла на ролики, присланные от нас частным образом. Одновременно все внимательно следили за моими первыми чертежами, к чему я отнеслась снисходительно: кого они проверяют, чертежника из наших мастерских?

Успех был абсолютный, над моим творением чмокали и цокали с удивлением. Я чертила двор, выложенный каменными плитами, террасы и лестницы. Само собой, сообразила, что плиты надлежит пересчитать так, чтобы уместились все целиком, а в зависимости от этого следует установить и ширину швов между плитами. Полдвора уже вычертила, когда явился некто, кому, по-видимому, поручили меня опекать, и на листочке принес свои расчеты. Я взглянула и постучала пальцем по краю чертежа, где написала идентичные цифры. Посмотрел, удивился, похлопал меня по плечу с большим одобрением и как бы чуток ошеломленный, а в перерыве вся мастерская прилетела поглазеть на мой чертеж. В таком сумасшедшем темпе рассчитала эти плиты, да еще столько успела начертить — не верится, просто невозможно!

Я не поняла, в чем загвоздка, пока не объяснила Алиция. Датчане думают в три раза медленнее нас, а работать быстро вообще не могут. Зато — и эту великую правду я уже открыла сама — в противоположность нам думание уважают, платят за него и отводят на это время. Работают, не сравнить с нами, тщательней, организация труда у них безошибочна. Экономят со смекалкой, поэтому стены кухни и ванной чертят в масштабе 1:20, все плитки кафеля должны поместиться целиком, чтобы рабочему не пришлось их отбивать и подгонять Строительные работы ведутся с точностью до полумиллиметра, поэтому все ко всему подогнано, все, чему положено, двигается легко, одним пальцем, открывается и закрывается идеально. Я от зависти чуть не лопнула, ибо знала наше строительство…

Работа в Дании стала для меня радостью, за что я им должна бы платить, а не они мне. Получила я работу по счастливой случайности, и надо бы совсем ума лишиться, чтоб не воспользоваться возможностью. Отправила в Варшаву заявление с просьбой о годовом отпуске без сохранения содержания, на что

получила ответ: не вернусь до тридцатого ноября — выкинут с работы. Не вернулась, выбросили меня с треском, из-за чего абсолютно не страдала и начала хлопотать о разрешении на работу в Дании. Не сама, через посредничество господина фон Розена, то есть нашего благодетеля.

Первые минуты в прогнившем капитализме потрясли меня мощно и многосторонне, только вот очередности потрясений не помню. Самое первое, сдается, потрясение испытала по поводу кронциркуля. Своих инструментов, естественно, не привезла, брала их взаймы у коллег в мастерской и отломила кончик острия у кронциркуля. У меня в глазах потемнело, скрыла прискорбный факт и помчалась в магазин, готовая отдать все деньги Алиции, потому как своих еще не получила, показала сломанный предмет, свято уверенная, что придется купить полный комплект циркулей, как это делается у нас, ну а дальше уже не понимала, что происходит. С версальской галантностью продавец достал комплект циркулей, из комплекта извлек кронциркуль, а из оного вытащил иголку, воткнул ее в мой циркуль, вручил с поклоном и попросил уплатить девять крон. Я готовилась выдать по меньшей мере сто крон и офонарела беспредельно. Явление не укладывалось в моей бедной нардемовской голове, а галантный продавец распахнул передо мной дверь и просил обращаться к нему и в дальнейшем — ничего не понимаю, безумие, не иначе!

Затем меня пригласили на прием, утроенный девушкой из нашей мастерской. Описание приема я прислала семейству и могу процитировать.

…Четыре молодые особы в нашей мастерской получили диплом и устроили празднество. Мое желание остаться и поработать мягко отклонили и пригласили в качестве иностранца для приправы вечера. Сперва дали завтрак в мастерской, продолжавшийся до конца работы, после чего пригласили к одной из дипломированных особ. Мне не очень-то хотелось идти, я ждала известий от господина фон Розена и малость нервничала, но Алиция строго приказала не впадать в панику и думать о чем-нибудь постороннем И я отправилась. Прямо с работы. У хозяйки дома муж и трехмесячный ребенок, скромная квартира из трех комнат — три комнаты с кухней, дай нам Боже такую квартиру. В мастерской подавали мясо в горшочке, чертовски острое, сыр, печенку, и, хоть я не люблю печенку, сознаюсь, эта была превосходная, на десерт торт с кофе. Дома — бутербродики с сыром и чем-то еще, величиной с почтовую марку. И везде, здесь и там, гомерическое количество пива! Сколько усилий мне стоило не

пить это пиво, не поддается описанию! Я прикинула: на нос пришлось бутылок по десять, а если исключить меня — я выпила едва полбутылки, — то и того больше. А теперь о гостях… Все разместились где попало, хозяин дома на полу, каждый с бутылкой в руках, потому как и мебели и посуды не хватало. Костюмы… не поверите! Пришла хорошенькая девушка с лицом мадонны, гладко причесанная, субтильная — в свитере, верно, ее старшего брата, в жутких штанах из тика, тоже огромных, в тирольских башмаках на толстенной подошве, которые тут же сменила на растоптанные сандалии без каблуков. Хозяин дома пребывал в рабочей рубашке и в еще более ужасных штанах, для разнообразия вельветовых, растянутых и вытертых на заднице и коленях. Другая чувиха зато явилась в шпильках и в фиолетовом джерси платье для визитов. В самом начале приема пожаловал молодой монстр, бородатый, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, в еще более ужасных вельветовых штанах и в чем-то странном на ногах, похожем на деревянные концлагерные сабо. Монстр сразу же отправился в другую комнату и там громко проржал весь прием, уткнувшись в книгу. Я не выдержала, из любопытства заглянула — читал что-то вроде «Серенького козлика…»

Здесь важны не датские обычаи, а мои впечатления. Мне и в голову бы не пришло, что торжественный прием по поводу получения диплома может так выглядеть! А ведь это просто доказывает умственную ограниченность…

При случае сообщаю: я тогда не пила ни вина, ни пива — меня здорово доставала печень. Даже заподозрила, не рак ли, слава Богу, оказался не рак, а самый обыкновенный невроз. Боли переносила адские, что пережила — все мое.

Следующим потрясением оказались сласти. В Дании популярен, и сейчас тоже, деликатес черного цвета, изредка случается другой окраски, вкуса смолы с салицилом, заправленных сахаром. Смолы я, правда, никогда не пробовала, но именно так себе представляю. В деликатес добавляется нечто под названием салмиак (объяснить не могу, сама не знаю) — этакое едучее с привкусом мяты, в целом неописуемо кошмарное. Нарвалась я на оный деликатес в условиях в высшей степени неблагоприятных.

В день рождения шефа, профессора Суенсона, тоже получила приглашение. Вся мастерская собралась в апартаментах господина профессора и его жены, господин профессор получил в подарок велосипед, на коем госпожа профессорша каталась среди мебели вокруг стола, но не в этом дело. Пиршество началось с

аперитива, подали мерзкий сладкий шерри с закусью в виде конфет в черно-шоколадную полоску. Не представляя, на что нарвусь, я взяла конфету и отправила в рот.

Этой минуты никогда не забуду. Апартаменты господина профессора занимали целый этаж, где уборная, я не знала, спросить не решалась, с заклеенным ртом промямлила бы что-нибудь невразумительное, от конфеты у меня потемнело в глазах, с отчаянием оглянулась — куда выплюнуть, в цветы?.. Цветов не было, конец света!

Мобилизовав всю силу воли, я проглотила снадобье, деревянным шагом продефилировала к столу и с горя хлебанула пива. Вывод все тот же: что переживем, все наше…

Позднее мой сын очень даже полюбил эту гадость. С ужасом наблюдала, как таскает в карманах ком черной клейковины и с удовольствием отщипывает по кусочку. Меня просто мутило.

На том же приеме у шефа я пережила очередную встряску. Из всех красиво оформленных блюд нечто мне показалось фруктовым салатом со взбитыми сливками. Положила себе на тарелку, к счастью, немного, попробовала. Салат? Да, возможно, и даже фруктовый, но несколько оригинальный: остро наперченный, а к нему действительно сладкие взбитые сливки! Этим сопоставлением мои возможности исчерпались.

Датская торговля то и дело оглушала меня. Я заранее приступила к закупкам рождественских подарков для семейства, уже купила автомобильчики для Роберта — могла наконец доставить ребенку такое счастье, забежала еще в один магазин — он закрывался — и снова пережила потрясающие минуты. Вперлась нерешительная баба, сама не ведающая, что хочет, морочила продавца, когда магазин уже закрыт, привередничала, а он держался так, словно встретил величайшее счастье жизни: нет ничего прекраснее меня — болтает по-французски, разбрасывает уже уложенный товар! Хорошо еще, что хоть что-то у него купила!

Памятуя о финансовой ситуации, оставленной дома, я с самого начала старалась выслать какие-нибудь деньги. В мастерской получала лишь скромные авансы, весь заработок могли выплатить лишь после получения разрешения на работу, поэтому в основном ехала на сбережениях Алиции. Быстро сориентировалась, что торговые расчеты гораздо выгоднее банковских, через банк получалось десять злотых за крону, а вот за товар… Хо-хо! Одни только теплые рейтузы приносили целое состояние: в Копенгагене стоили восемь с половиной крон, а у нас по триста пятьдесят или даже четыреста пятьдесят злотых, губки для мытья машин здесь по кроне восемьдесят, а там по пятьдесят злотых! Две посылки здесь около ста крон, а мои там получат

более четырех тысяч…

В письмах из Дании до сих пор сохранились мои волосы, которые вырвала с отчаяния на своей голове. Среди моей дорогой родни не нашлось ни одного человека, умеющего продавать. Насчет матери иллюзий сразу не питала, Люцина скорее раздала бы эти рейтузы даром на любом перекрестке, лишь бы посмотреть на выражение лиц одаренных людей. Войтек, ясно, продал бы, но денежки пустил бы на собственные нужды, старший сын еще слишком молод, не знаю, как отец и тетя Ядя, но, кажется, их не допускали к кормушке. Я ужасно жалела, что умерла бабушка, — вот кто обожал торговать! Все первые недели в Дании ушли на отчаянные попытки стимулировать семейство — результаты были никудышные. Не удалось мне обогатиться.

Равно тяжко было допроситься услуги мне. Я умоляла прислать холесол, рафахолин, сигареты, порошки от головной боли, водку для подарков, посылка приходила одна и один раз в несколько месяцев — дьявол их попутал или что?.. Алиция попросила Янека сделать ей фотокарточки для паспорта, в Варшаве остался негатив, всего-то дел — проявить карточки; через полгода он прислал двенадцать штук формата почтовых открыток Алиция яростно добивалась от меня, откуда ей взять двенадцать хахалей, коих следует одарить портретами, я предложила завести-таки одиннадцать штук, потому как одно фото заберу я…

Зарплату в мастерской мне увеличили раньше, чем получила разрешение на работу. Сперва платили двенадцать крон в час, через несколько недель пришел зам шефа и подсунул мне под нос сумму в четырнадцать крон, записанную на газете. Меня глубоко растрогали связанные с этим формальности…

Один из наилучших номеров в моей жизни я исполнила в Дании на Рождество.

Нас с Алицией пригласили в изысканные апартаменты господ фон Розен, одним или двумя этажами ниже. Сейчас мне представляется, двумя, а на глаз помню окна ниже одним этажом, потому за точность головой не поручусь. Мы предполагали, что нас пригласят, и я заблаговременно потребовала прислать из Польши подарок. Наверное, изрядно скандалила, ибо подарок прибыл вовремя — серебряный подсвечник на три свечи, такой красивый, что мне захотелось оставить его себе. К сожалению, свечи в нем были наши, отечественные, восковые.

Алиция обладала врожденным чувством такта, я — нет, поэтому в ее обязанность входило соблюдать этикет. Мы оделись в элегантные черные платья, недоставало лишь украшений. Цепочка, браслет и кольцо у меня были, у Алиции кое-какие

украшения тоже нашлись, но на нас двоих пришлась лишь одна пара клипс. Мы подумывали, не прицепить ли себе на нос по одной и заверить, в Польше, мол, такой обычай — на Рождество клипса в носу. Пришлось от идеи отказаться — украшение на носу явно нам не шло.

В Дании строго соблюдалась пунктуальность: нельзя ни опоздать, ни прийти слишком рано. У нас задача весьма облегчалась тем, что в окно мы видели прихожую господ фон Розен и могли в подходящую минуту проскользнуть среди гостей — Боже упаси, не первые, но и не последние.

— Где смысл и логика, — критиковала я такой абсурд. — Смотри, стоят в очереди с пальто в руках, словно в театральной раздевалке. Минут пятнадцать будут раздеваться!

— Мы же без пальто, — резонно возразила Алиция. — Какое тебе дело, сейчас самый удобный момент. Не пялься ты в окно, пошли!

Столовая фон Розенов занимала площадь с большой овин, за столом сидело двадцать четыре человека, к сожалению, мы с Алицией оказались на разных концах. Рождественское блюдо — гусь с многочисленными приправами (гусей, конечно, было несколько, одного не хватило бы), прислуживала молодежь со столиками на колесах, а на самом столе красовались в основном всякие предметы сервировки и украшения. Впервые здесь я столкнулась с распространенным в Дании обычаем — передавать блюда друг другу из рук в руки. Хочет человек кушанье или нет, значения не имеет, блюдо следовало взять, иначе особа, держащая его пред тобой, застынет так на веки вечные. Не случилось и минуты, чтобы хоть один из вкушавших не держал в руках какой-либо части сервировки. О другом кошмарном обычае Алиция мне сообщила: не брать на тарелку сразу много, ибо повторение неизбежно. Человек, воспитанный в высшей степени, накладывает на тарелку трижды, минимум хорошего тона требует двух раз. Доесть полагалось все.

По одну сторону от меня сидел хозяин дома, с которым я разговаривала на трех языках одновременно — по-французски, по-немецки и по-английски, если по-французски не хватало слова, я беззаботно заменяла его немецким или английским, разумеется, ненароком вспомнив. Поэтому, наверное, господин фон Розен производил впечатление человека, слегка оглушенного. По другую сторону моей соседкой оказалась совершенно глухая тетушка хозяина дома, с которой можно было спокойно беседовать хоть по-польски, причем мы обе сохраняли весьма приятное выражение лица. Гуси удались на славу, и все шло хорошо до десерта.

На десерт подали миндальный крем, огромные снежные вершины на специальных тарелочках. Я бросила взгляд на Алицию: она рубала этот крем как машина, брала снова и снова и все пожирала. Я удивилась — ведь она не любила сладкое, предпочитала, как известно, селедку. Глядя на нее, я сделала вывод — так, видно, принято, и последовала ее примеру. У меня на зубах хрустнул миндаль, что вполне естественно, ибо крем миндальный и, конечно, мне попалась миндалинка. Наконец крем пожрали весь, и наступило легкое замешательство, которого я не уразумела, поскольку замешательство проявилось по-датски.

Алиция не успела мне объяснить заранее.

А дело в том, что в Англии на Поклонение Волхвов, в Дании на Рождество Христово выбирают миндального короля. Королем становится тот, кто обнаружит у себя в креме миндальное зерно. Миндалины никто не обнаружил, и на хозяев дома пало подозрение: миндалину вообще не положили в крем, a de facto [11] никто этого миндаля не обнаружил по простому поводу — я его слопала. Хрустнул ведь на зубах. Насчет обычая понятия не имела, во-первых, а во-вторых, не стану же ковырять во рту в чужом аристократическом доме! Ужас, полный позор, дикарка с востока…

— Смотри, кретинка, что сожрала! — кольнула меня огорченная Алиция и кивнула на подарок миндальному королю.

На каминной доске стоял целый внушительный комплект серебряной антикварной столовой утвари. Поелику миндального короля не обнаружили, комплект разыграли, и естественно, я уже фигу выиграла. Мой промах мы от датского общества старательно сокрыли, Алиция до сих пор упирается всеми лапами, будто насчет миндального короля предупреждала меня заблаговременно. А я тоже упираюсь: нет, не предупреждала, может, и хотела, да забыла.

После ужина общество перекочевало в салон с елкой, где приступили к раздаче подарков. Мы получили пепельницы из королевского фарфора, Алиция бежевую, а я голубую и пришла в полный восторг — обожаю пепельницы, но ни в жизнь не решилась бы утолить свою маниакальную страсть столь дорогим предметом. После раздачи подарков пришла очередь моего второго позора, на сей раз скрыть его не удалось.

Красивый подсвечник из Польши, как уже сообщалось, оснащен был свечами отечественного производства. Весь вечер мы с господином фон Розеном провели в попытках возжечь проклятые свечи все разом. Три вместе не желали гореть, хоть тресни, какая-нибудь одна да гасла, мы зажигали ее, гасла другая, господин фон Розен добивался эффекта из вежливости, а

я с отчаяния. И только под конец приема я обнаружила; во всем доме электричество было погашено, отличное освещение достигалось исключительно свечами. Так я впервые в жизни уверовала, что королевские замки действительно сияли от света свечей.

* * *

Раз уж начала рассказывать про Копенгаген, без лошадей не обойдусь.

Впервые на ипподром я попала пятнадцати лет в сопровождении тети Яди, которая изредка хаживала на бега. День был ужасный, дождь и слякоть. Шла лошадь по имени Валч, и тетя Ядя объявила Валча своим любимцем, который всегда выигрывает. Прекрасно, поставили на Валча, пришел первый, и мы выиграли нетто безумную сумму: по пятнадцать злотых на нос. Намного позже я поняла — Валч конь на грязь, у него были широкие копыта, и он лучше других одолевал размягшую скаковую дорожку.

В следующий раз я оказалась на ипподроме в обществе Войтека. Мы встретили знакомого прокурора, который устроил нам билет в директорскую ложу — тогда она называлась Почетной Ложей — и представил нас директору Куровскому. С Куровским я подружилась и входной билет получала ежегодно. О всяких пустяках вроде потерянного выигравшего купона, который с третьего этажа упорхнул у нас на первый, рассказывать не стану, гораздо существеннее другое: я к бегам пристрастилась, а Войтек нет. Боялся проиграть. И все чаще он отправлялся к семье в Лодзь или в Пётрков, а я на Служевец — на ипподром.

Здесь самое время достать *"Крокодила из страны Шарлотты" и* держать его под рукой.

На копенгагенских рысаков мы с Мартином попали по вине животного из прачечной. В авторстве этой идеи признаюсь без колебаний и без раскаяния.

Животное из прачечной фигура доподлинная. Журналист, приехал в Копенгаген по служебным делам и в первую очередь свалился на Алицию, которая в безумном стремлении услужить соотечественникам перебирала всякую меру. Денег у него было мало, на продажу привез исключительно Зофью Хамец, кулоны на шею и медальоны на стены, а потому поселился в нашей прачечной, вел себя скандально, то и дело пользовался без разрешения нашими вещами и терял ключи. Все подробности в *«Крокодиле».* Алиция издевательски покатывалась, когда я из себя выходила из-за животного, которое без зазрения совести пользовалось моей священной пишущей машинкой и расческой, но животное добралось до ее тефлоновой сковородки (вместе с жратвой соскребло ножом и тефлон), и хохот сразу прекратился.

Как-то в воскресенье она поехала к Торкилю в Биркерод, а животное из прачечной неожиданно вознамерилось остаться

дома. Мартин аж позеленел, я скрипнула зубами, и мы тут же дружно решили умотать куда угодно.

Свирепствовала кошмарная погода — сильный ветер и дождь со снегом. Я придумала ипподром.

Рысистые бега состоялись тогда на Амагере, об этом мы вычитали из газеты. Очевидно, в газете же был дан адрес, отправились мы трамваем. На место добрались без особых приключений, сомнений не оставалось — перед нами тянулась ограда из бревен, плотная и высокая, а за оградой цокали лошадиные копыта. В поисках входа мы помчались вдоль ограждения, мчались и мчались, вьюга хлестала в лицо, а в нас леденело убеждение: никогда не найдем входа и ограда никогда не кончится, не иначе как она опоясывает весь земной шар. Окажись возможность перелезть через нее, мы без колебания решились бы на такое святотатство.

Вход, однако, нашелся, а мы совершили открытие: не дойдя метров сорока, мы рванули в противоположную сторону. То есть обежали весь скаковой круг с внешней стороны, пока не ворвались на ипподром. Ну а здесь нам пришел конец.

Неутолимая любовь к рысакам в мгновение ока забила во мне гейзером, Мартин не отставал. Отношение к скачкам вообще и в частности к рысистым бегам так и бурлит во многих моих книгах, в конце концов, я даже убила Алицию, лишь бы написать про бега. Флоренс, Ким Пайн, Ибоун — лошади абсолютно настоящие, в первом парном заезде мы и вправду попали на Газель с Геклой, только вот все детали в *"Крокодила" не* влезли.

Я родилась в апреле. Апрельские не выигрывают, обычно им не везет, не про них всякие там лотереи, тотализаторы и прочее. Мартин тоже апрельский, поэтому нам удавалось кое-что выиграть исключительно в те немногие минуты, когда наша невезучая судьба задремывала от усталости. Обычно это выглядело так.

Играли мы в складчину, по две с половиной кроны с носа.

Мартин выбирал одну лошадь в заезде, мне вменялось выбрать вторую, и выбор уже предстоял из двух лошадей. Дабы решиться на что-либо, я действовала по принципу метания: этот — нет, тот; тот — нет, этот… Мартин ждал, стиснув зубы, наконец я остановилась — этот! Конечно же, пришла другая лошадь.

Шло девять лошадей, каждый из нас играл какой-нибудь порядок, играли все время в складчину.

— Что играешь? — спросила я тактично.

— Восемь — девять, — мрачно проскрежетал Мартин.

Я слегка отодвинулась — боюсь психов: на табло две лошади,

восемь и девять, вообще вне игры, какие-то фуксы, их никто и не играет. Мартин совсем спятил!

Пришли девять — восемь, наоборот всего лишь на одну морду, выплатили целое состояние, Мартин едва замертво не свалился.

Но и без Мартина фортуна обходилась со мной приблизительно так же. Из двадцати двух лошадей мне привиделось: единица придет второй. У меня оставалось пять крон, то есть на одну комбинацию, кого же еще к этой единице?.. Семнадцать! Отлично, играю семнадцать — один; нетрудно догадаться, пришли один — семнадцать, опять обратный порядок, опять фукс с огромным выигрышем.

Однажды на Амагер со мной поехала Алиция, Мартин уже отбыл в Польшу. Я обдумывала ставки.

— Восемь, это, понимаешь, — объясняла я Алиции черномагический смысл заездов, — это Йорген Ольсен, я эту дрянь давно стерегу, фортели мне выкидывает раз за разом, надо на него поставить. Смотри-ка, опять тройка, три забега назад показала лучшее время, теперь пора на нее ставить…

— А я не вижу в программе лошади по имени Йорген Ольсен, — возмутилась Алиция, понятия не имевшая о бегах.

— Дура, это не лошадь, а тренер. Поставлю на него, если проигнорирую, наверняка придет первый!

— Ну играй же!

— Не знаю, какой порядок выбрать…

Пришли три — восемь. Выплатили более восьмисот крон. Я, разумеется, не играла.

— Ты какая-то ненормальная, — безнадежно констатировала Алиция. — То и дело твердила об этих двух лошадях, восемь — три, восемь — три, почему же не играла?

— Это не я. Это апрель, — вздохнула я. — Высшая сила.

Клиническим примером высшего насилия надо мной стала Ина Орнебьерг. Я совала эту чертову клячу в каждый вифайф, она приходила второй или третьей. Сколько можно. Черт с ней, с этой Иной, в заезде идет сильная лошадь, пора отцепиться от Ины! Поставила на сильную лошадь.

Пришла Ина, за ней все остальные. Я чуть трупом не пала, в заезде оказалось только одно попадание на вифайф, выплатили более пятидесяти семи тысяч крон. Будь я последовательной и останься при Ине, выиграла бы второй вифайф и получила двадцать восемь с половиной тысяч. Как и полагается апрелю, Ину я выбросила из игры в самый подходящий момент…

Однажды все-таки случилось со мной истинное чудо. Мы с Мартином были без денег. Мастерские не платили, не то чтобы

совсем, просто шефы договорились с сотрудниками, что деньги остаются у них на счете, платят понемногу, если же кому-то приспичит, придет и попросит. Получай чек, и с плеч долой. Датчане имели сбережения, могли и подождать, у нас ни шиша, но идти за деньгами показалось неудобным, я тянула из последних сил, Мартин тоже. И все-таки мы отправились на бега с общим капиталом в десять крон, злые как черти — на сигареты даже не было, а до выплаты еще целых четыре дня. Решили играть по очереди — раз я, раз он.

Первые пять крон из десяти я продула в первом же заезде. Мартин на последние играл во втором, не сказал что, я не спрашивала.

Лошади вышли из виража на финишную прямую. Вперед вырвалась семерка, шла без конкуренции, за ней пятерка, на несколько корпусов дальше шестерка, остальные еще дальше. Ясно, никто другой уже первым не придет.

Мартин побледнел, закрыл глаза, через сжатые зубы начал произносить разные необщеупотребительные слова.

— Семь — шесть играл, — прохрипел он среди бурного потока колоритных эпитетов и других определений. — А ведь колебался, шесть или пять…

Вполголоса продолжал перебирать высказывания не для печати, цветистые и сочные — недаром архитектор… В этот момент я взглянула на табло: около пятерки загорелся красный огонек — лошадь дисквалифицирована!

— Мартин, пятерка горит, пятерка горит!!! — заорала я, изо всех сил отрывая у него рукав пуловера. — Идет семь — шесть, пятерка засветилась!!!..

Мартин открыл глаза, онемел и вообще впал в столбняк. Пришли семь — шесть, мы получили сто пять крон, удалось дотянуть до выплаты.

О бегах, хоть и написала на эту тему две книги, могу распространяться бесконечно. Попробую-ка вернуться к хронологии, а насчет Хермода и Таормины напишу потом.

* * *

Получение разрешения на работу чуть в гроб меня не вогнало. В самом начале хлопот пережила момент ужасный и в то же время патриотический. Начала я с обычного обращения к соответствующим властям; блуждая по коридорам, наткнулась на какого-то типа, по-французски объяснила ему, в чем мое дело, между прочим произнесла имя профессора Суенсона, и в ответ посыпались комплименты, понимание, и, воспылав надеждой, я показала паспорт. Тип взглянул и вскрикнул:

— Polsk! O, naj, naj, naj!

Тут меня заело: дискриминация поляков!!!.. Ах, так, не бывать по-вашему, клянусь, добуду это разрешение на работу любой ценой: подожгу Копенгаген или лично отправлюсь на аудиенцию к королю! Немедленно добываю пращу и начинаю метать снаряды в окна Амалиенборга! Я вырвала свой паспорт из рук типа, наплевала ему на башмаки и начала дело через господина фон Розена.

Господин фон Розен был миллионером, городским советником, родственником королевской семьи, а предки его вели род от святого Войцеха. Славниковицы, правда, были истреблены подчистую, но до того какая-то ветвь заключила брачный союз где-то рядом и прямехонько отправилась в Данию. Знаю все это не понаслышке, читала документы французские и латинские и заверенные копии, написанные почерком гораздо более приятным, нежели средневековый готический, господин фон Розен, очень гордившийся своим происхождением, сам все это мне показывал.

Дело с получением разрешения он вел по-датски, то есть неспешно. Я терпеливо дожидалась бы, но в мастерской меня торопили, хотя Алиция не хотела этому верить. Я вынудила ее, в свою очередь, спросить о деле господина фон Розена, что оказалось величайшей бестактностью, и вся сцена разыгралась точно так, как описана в *"Крокодиле",* — я напоминала ведь, держите книгу под рукой!

Господин фон Розен не оскорбился только потому, что в принципе не позволял себе бурных эмоций, зато эмоционально облаяла меня Алиция. Дуру из нее делаю и вообще невоспитанную особу, твердила она. Получила я это разрешение более чем через три месяца, зато получила практически навсегда.

Что же касается нашего сосуществования в прачечной, вынуждена признаться — мы жутко ссорились и спорили на разные темы. Политика, автомобили, билеты на городской и

государственный транспорт, характеры людей, преимущественно посторонних, сервировка для кофе на столиках в «Блоке», беспамятность и рассеянность, не помню еще что, но тем хватало. Зато ни разу не случилось несогласий в быту. Никто не сердился за невымытые тарелки, некупленный хлеб, разбросанные тряпки, потерянные предметы, грязный пол и всякое такое прочее. Не лезли друг к другу в душу, каждая могла заниматься чем угодно и не распространяться о своих делах, если не хотелось. Тут мы обе проявляли просто сверхъестественный такт: к примеру, Алиция принесла как-то из города свертки и положила на стул, не помню, кто вернулся первый. Места у нас было кот наплакал, мебели тоже, стул понадобился — кажется, поужинать собрались.

— Послушай, — обратилась ко мне Алиция. — Ты не возражаешь, если я свертки переложу на постель?

Я удивилась.

— Пожалуйста, делай, как считаешь нужным, вещи-то твои.

— Как это мои?

— Да просто ты принесла их из города.

— Я принесла? — живо заинтересовалась Алиция. — Ты уверена? А я подумала, это твои свертки.

— Нет, не мои, твои. Мне даже любопытно было, что это такое, да постеснялась спросить — вдруг ты вовсе не намерена сообщать.

— Что ты говоришь! А я была уверена — твои вещи и тоже интересовалась, что купила, да не спрашивала, вдруг не рвешься докладывать…

Мы развязали покупки с величайшим интересом. Не понадобись стул, лежали бы свертки до скончания века.

Мартин жил в пансионате вместе с приятелем, но на выходные к приятелю приезжала невеста, и с пятницы до понедельника он жил у нас. Случалось, приходил неожиданно и как-то явился, не захватив пижаму. Отопление в нашей прачечной оставляло желать лучшего, наступила осень, температура на дворе и температура в помещении приблизительно одинаковая. Дания не тропики. Алиция забеспокоилась, не замерз бы Мартин, и выдала ему одежду. Пижаму извлекла из кота в мешке…

Алиция работала в проектировочной мастерской, принадлежащей датским государственным железным дорогам, а железные дороги заботливо занимались вещами, позабытыми пассажирами в вагонах. Вещи можно было получить в столе находок, но чаще всего люди никогда не обращались за своим имуществом, и весь собранный хлам время от времени продавали на аукционах в закрытых мешках. Содержимого мешков никто не знал, одним словом, покупали кота в мешке. А вещи в мешках

случались необыкновенные. В каждом обязательно находились колготки и стиральный порошок, черт знает, почему датчане именно эти товары теряли непременно, а кроме того, случалось вдруг извлечь чернобурую лису или золотой браслет, не говоря уже об абсолютно новой одежде. Алицию эти мешки развлекали ужасно, заменяли ей азартные игры, на каждом аукционе она обязательно что-нибудь покупала, кажется, и сейчас еще пользуется стиральным порошком железнодорожного происхождения, запасы образовались на тысячу лет. Пижама Мартина происходила из того же источника, никто нормальный этакое нечто никогда не купил бы в магазине: поп-арт в черно-белые волны слепил глаза, и человек совершенно одуревал. Пижама была Мартину чуть-чуть маловата, да лучше такую, чем никакой.

Алиция выдала пижаму в субботу утром и уехала в Биркерод, а я отчалила на свидание с поклонником.

Недели уже две, как меня начал обхаживать некий профессор истории, владевший французским. Место для обхаживания выбрал благородное — Национальный музей, человек он был очень симпатичный, вполне толковый, около сорока, я и сегодня сожалею, что отнеслась к нему несерьезно. Разумеется, женись он на мне, долго бы со мной, понятно, не выдержал, развелся и оставил бы мне в наследство датское гражданство и шансы на такой же домик, как у Алиции в Биркероде. Да ладно, ничего не поделаешь, что с возу упало…

Начал он с беседы музейно-исторической, затем пригласил на вино, от вина я отказалась из-за треклятой печени, как по-французски печень, я забыла, объяснить мою хворобу удалось через Прометея. Какова же культура! Между прочим, Алиция когда-то в разговоре с Соланж объяснила слово «клецки» через Мулен Руж. Господин историк приходил во все больший восторг от моей особы, за некоторое время истратил на меня по разным кабакам крон сто пятьдесят, якобы сумма ошеломительная и доказывала великие и серьезные чувства, пока в эту самую субботу не решился реализовать свои чувства. Был он под крепкой мухой, ибо вино потягивал весьма охотно, отсидели мы свое где-то, он проводил меня домой, всю дорогу вымогая приглашение на чай. Я пыталась втолковать, живу, дескать, не одна, а с подругой Алицией, да перепутала род, мой воздыхатель понял, что с приятелем, осведомился, не жених ли. Я возмутилась: какой там жених, Алиция женщина! Женщина ему не помешает — интересно, почему это? Мы вошли во двор, и в дверях на лестницу в прачечную я воспротивилась решительно.

Поклонник не уступал. Ну черт с тобой, лезь на пятый этаж за

чаем!.. И вдруг вспомнила ситуацию. Алиция в Биркероде, у нас ночует Мартин, возможно, улегся спать — время позднее, мы явимся, Мартин спросонья вылезет на шум из другой комнаты, и глазам пламенного обожателя предстанет моя подруга Алиция в виде худого парня в поп-артовой пижаме не по размеру…

Физиономию Мартина я тоже хорошо представила, и на меня напал смех. Я заливалась, подвывала, плакала, поклонник наконец оскорбился. И ушел навсегда. А Мартин и в самом деле вылез из дверей — мой хохот не утихал с первого этажа. Мартин разнервничался, ибо, силясь объяснить, в чем дело, я показывала на него пальцем и, задыхаясь от смеха, выдавливала по слогам:

— Моя… подру…га… Алиция!

— Это я, а не Алиция, — с достоинством объяснил Мартин. — У тебя помешательство постоянное или временное?

Я все-таки исхитрилась объяснить. Мартин взглянул на свой поп-артовый костюм и тоже начал хохотать. Нахохотались мы вволю, смех — это здоровье, а вот серьезного претендента я потеряла безвозвратно.

Ну и при удобном случае сообщаю: эти сто пятьдесят крон, растраченные ухажером на охмурение, целое событие. Датчане денег на ветер не швыряют. Торкиль, сделавший Алиции дорогой подарок, вызвал неслыханную сенсацию — прошу учесть, сейчас забегаю намного вперед, подарок случился значительно позже, уже после их свадьбы.

В Париже состоялся очередной съезд Союза женщин-архитекторов, Алиция получила приглашение.

— Ну и как мне ехать? — спросила она не то сердито, не то смеясь. — В предыдущий раз на мне был норковый палантин, а теперь что? И то же самое платье!

— Платье не проблема, — заметила я. — Сейчас лето, скомбинируешь новое, а где тот палантин? Или плохой тон поехать еще раз в том же палантине?

— Дура, нету у меня палантина, я его тогда одолжила. В этом все дело.

Я подумала.

— Между нами говоря, возьми да и купи. Ведь у тебя есть деньги.

Алиции идея явно не приходила в голову, и она заинтересовалась.

— Слушай, а ведь ты права. В самом деле могу купить. Я как-то не подумала! Прекрасная мысль!

Мы обсудили цвет. Конечно, самый изысканный — белый, как раз на лето, но белая норка со временем желтеет, и тогда ее отдают горничной.

— У меня нет горничной, так что проблема отпадает. Ты не против пастельного?

Сошлись на бежевом палантине. Перед своими именинами Алиция вместе с Торкилем отправилась по меховым магазинам, Торкиль капризничал ужасно. Не разрешил ей купить самый красивый, идеального оттенка и прекрасно лежащий палантин. Вытащил ее из магазина, убеждая поискать еще, такие-де важные решения не принимаются с ходу, следует сравнить, посмотреть еще и так далее.

— Уж не знаю, что там еще сравнивать, — сообщила мне Алиция по телефону, злая как черт. — Палантин прекрасный, я сержусь на него и на себя, надо было сразу купить. Ничего лучшего не найдем.

— Ну завтра и купишь, помнишь ведь, где смотрели мех.

— Пока помню, а через день-два забуду…

На следующий день приходились ее именины. Позвонила мне сразу по приходе на работу, чуть не плача от волнения.

Оказывается, Торкиль действовал коварно и дипломатично. Рано утром поздравил ее и положил на одеяло сверток, перевязанный ленточкой. Палантин, купленный ей в подарок.

Я тоже прослезилась от восторга. Палантин стоил пять с половиной тысяч крон, никто в Дании таких подарков не делает, король по этикету может позволить себе купить что-нибудь за пятьсот крон, а пять с половиной тысяч — вообще безумие! Мои сотрудники заинтересовались, что случилось, потому как я плавилась в эмоциях. Рассказала, не хотели верить, пять с половиной тысяч я написала на бумаге, считали нули, деликатно выспрашивали, вполне ли нормален муж моей подруги. Начали звонить знакомым, в свою очередь рассказывая про неслыханное безумие, сенсация пошла в город — событие без прецедента.

Палантин сослужил Алиции и еще одну службу. Задавала шик на съезде, а после проехалась до Монте-Карло и отправилась в казино. Проигрывать состояние в ее намерения не входило, других игр, кроме бриджа, не признавала, но в казино пала, во всяком случае, она придерживалась такого мнения. Решила попробовать игральный автомат, бросила в него франк.

Автомат франк сожрал. Алиция возмутилась и бросилась разыскивать обслуживающего, механик слазал в механизм и вернул ей франк с поклоном.

— А все из-за палантина, — рассказывала она похохатывая. — Представь, как он взглянул на меня — молниеносный оценивающий взгляд, и сразу же полный Версаль. Кабы не палантин, шиш бы я получила, а не франк. Знаешь, я подозреваю, Торкиль меня любит…

— Что ты говоришь, — удивилась я вежливо. — Представь себе, тоже подозреваю…

A propos [12], о потерянных и найденных вещах. Через несколько месяцев моего пребывания в Дании я примеряла в универмаге блузку и забыла в примерочной на крючке серебряную цепочку от комплекта. Поехала на следующий день, прихватив с собой в качестве доказательства браслет. Приятный господин выслушал мое сообщение, принес деревянную коробочку, вместе с другими мелочами там лежала и моя цепочка. Господин посмотрел на цепочку, на браслет и с довольной улыбкой вернул мне потерю.

Алиция почти по такому же случаю сваляла дурака в Польше. На родину приехала уже после долгого пребывания в Дании, пошла по делам в Главное таможенное управление и, выходя, обнаружила, что в очередной раз потеряла перчатки. Наверняка уронила, высаживаясь из такси. Рассердилась, а на прохожей части, отделенной от стоянки большими каменными шарами на столбиках, наткнулась на милиционера. Бросилась к нему как рассвирепевшая кошка.

— Я здесь обронила перчатки, — заявила она холодно и презрительно. — Так вот, пан милиционер, я живу в Дании. Если бы потеряла в Дании, мои перчатки уже лежали бы вот тут, например…

Оглянулась, показала на каменный шар и онемела. На шаре лежали ее перчатки. Милиционер только покачал головой, Алиция же призналась, что давно не чувствовала себя такой дурой…

Ее отъезд и свадьба принцессы Маргариты почти совпали, правда, Маргарита чуть опередила Алицию, я в этом уверена, так как Алиция перевела нам свадебную речь графа Генриха. Он встал и заявил:

— Tak for Margherite.

«Спасибо за Маргариту», больше, по-видимому, сочинить не сумел, нам, однако, его речь очень понравилась. С уверенностью утверждаю, весна еще не наступила, скорее был канун весны, помню украшенные улицы. Амурчика, который, отражаясь в витрине магазина, целился в мусорницу, опускаю, меня поразила сирень. Я стояла у какого-то магазина и вдруг явственно ощутила аромат сирени, оглянулась — вся крыша над входом покрыта душистой сиренью, нетепличной, а полностью расцветшей. Я слегка обалдела. Откуда, на милость Божескую, в такое время года сирень? Если бы не запах, конечно, сразу поняла бы — искусственная, но сирень благоухала как холера.

И все-таки оказалась искусственная и парфюмированная.

Погода была ужасная — ветер и изморось, а Маргарита, в открытом экипаже, в свадебном атласе, говорят, даже насморка не получила. Естественно, я глазела на свадебный кортеж, ведь я жила неподалеку от Амалиенборга, Конгенс Нюторв совсем рядом. Генриха я встречала много раз на улице, шел себе как простой смертный, если и существовала охрана, наверняка только в моем лице, никого больше вокруг не было видно. И сразу вспомнились мне наши государственные мужи, так и вижу: бегут по улицам пешком, как и все прочие люди…

Алиция уехала, приказав мне выместись из прачечной, чем смертельно меня поразила. Не говоря уж про деньги, я попросту не умела найти себе жилище и на поиски дипломатично старалась склонить госпожу фон Розен. Госпожа фон Розен вежливо объяснила, что дело терпит. Я успокоилась, и напрасно. Алиции пришлось оправдываться перед благодетелями, ругательски ругала меня по телефону и долгие годы не могла мне этого простить.

Алиция ездила в Польшу новым «вольво», самой дорогой машиной в мире, однако больше на тему «вольво» ничего не скажу, ибо после многочисленных и разнообразных стычек я принесла торжественную клятву — об этом автомобиле не заикаться до конца жизни. Ее или моей. Во всяком случае, «вольво» и сегодня стоит у нее в Биркероде под навесом и, Богом клянусь, двигатель по-прежнему работает бесшумно. Из Дании в Польшу «вольво» перегнал некий Хансен, коллега по работе. Сразу же, въехав в наши пределы, встали — в бензине оказалась вода…

Ах да, я ведь поклялась. Лучше займусь своими неприятностями.

В прачечную приехал Войтек.

Хоть я и сбежала от него, но время и расстояние все смягчили. Меня одолела снисходительность, и я выправила ему приглашение через господина фон Розена.

В первые же минуты мы занялись хлопаньем дверью, хлопанье разносилось по всему зданию. В двери был замок с защелкой, и следовало помнить, по какую сторону ты оказался, захлопнув дверь. Глупо сперва захлопнуть, а после стучать. Разве что ключ с собой таскать постоянно.

На его приезд, без сомнения, повлияла катастрофа со «шкодой». Машину, правда, отремонтировали, но Войтек перестал ее любить, я соглашалась — пора купить новую, даже подсчитала предстоящие расходы. Получилось, надо покупать не одну новую, а две подержанных, одну оставить себе, другую загнать, иначе опять останусь без денег. В «шкоду» я вложила несколько

десятков тысяч, но мне как-то не приходило в голову, что стоило бы их вернуть, и я рассчитывала на текущие поступления.

Войтек со мной соглашался. Денег на подержанную машину уже хватало — накопились у господина профессора. Покупать следовало в Гамбурге, упаси Боже не в Дании, где так называемый момс, таинственный дополнительный налог, сильно повышал все цены. От кого-то, не уверена, не от моего ли приятеля, доверенного лица, я имела адрес типа в Гамбурге, каковой тип и поможет совершить покупку. Собирались мы ехать вместе, но в последнюю минуту Войтек дезертировал.

ФРГ в те годы не считалась страной, к которой у нас бы относились снисходительно. Войтек испугался визы в паспорте. Я тоже боялась, правда, на визу мне было начхать, просто вся затея устрашала, но, вопреки всему и вся, решилась ехать одна. Вскорости выяснилось, ФРГ политические сложности учитывает и нашим дает визу на отдельном листочке бумаги, но было поздно переигрывать дело. Я получила визу без проволочек, транзитную, на двадцать четыре часа, никто не знал, возвращаться следует той же дорогой или можно другой, например, через Голландию или через ГДР, но я решила рискнуть. Могла, предположим, доказывать — ехала во Францию, по дороге у меня разболелся живот, вот и возвращаюсь, и кто меня убедит, что это не так?

Поехала поездом, как пижонка, спальным вагоном и прокляла путешествие до самого первого колена мирового железнодорожного транспорта.

Вагон оказался советский. Почему между Копенгагеном и Гамбургом курсировали советские вагоны — черт знает. Отличался вагон монолитностью — ни открыть, ни закрыть в нем ничего не удавалось: окно и вентиляция не открывались, а отопление не закрывалось. Конечно, место у меня оказалось верхнее — на верхние места везло всю жизнь, не могу вспомнить, чтобы хоть раз спала внизу, а температура в купе, на мой глаз, достигала семидесяти по Цельсию. Истекала потом и задыхалась всю ночь. Много раз выходила, сидела в коридоре, болтала с проводником, пыталась что-нибудь пустить в ход или сломать в купе — дудки. Короче, провела бессонную ночь в условиях, весьма напоминающих пекло. В Гамбурге с облегчением вылезла из монолита, условленный тип ждал, полный порядок.

Тип оказался просто золото. Заслуживал цистерны «чистой выборовой», а не жалкой бутылки, которую я ему презентовала. Показал, сколько удалось, Гамбург, привез к продавцу «фольксвагена».

Продавец — ха-ха! Автосалон на трех этажах, продавцы в черных костюмах, в белых рубашках, галстуки-бабочка. Осовелая

после бессонной ночи, я смотрела в основном на цены, выбрала горбунка на первом этаже. Уплотнитель у стекла был помят явно для отвлечения внимания, понятно; я безнадежно велела исправить, уверенная, иных недостатков, хоть лопни, не найду. Ну что ж, была не была, беру.

Разговаривала я с ними фантастически. Тыкала пальцем в цену.

— Das ist zu viel.

— Aber das ist sehr gut! — отвечали мне с возмущением.

— Aber ich habe keine Geld [13], — объясняла я холодно. В итоге этих салонных переговоров я, сама того не ведая, выторговала семьдесят марок. Покупку оформили мгновенно, а я сидела откинувшись в удобном кресле и раздумывала, что раньше последует: они оформят бумаги или я отдам концы. Напряжение, нервы и усталость спровоцировали печень, разболевшуюся не на шутку…

Да, верно, пришла пора объяснить, как меня эта печень донимала. Ни с того ни с сего вдруг возникало жуткое чувство: даже не боль, а некая общая невозможность чего бы то ни было — меня давило, распирало, парализовало, тошнило при полной уверенности, если моргну хоть глазом, тут же отдам Богу душу. Во мне гнездилось что-то ужасное, убийственное. Сколько людей я перепугала таким состоянием, не сосчитать, потому как при этом я еще чудовищно зеленела. В общем, полное веселье. Несколько лет подряд вдруг в самые неожиданные моменты меня схватывало: в Париже на перекрестке при зеленом свете, в Вене с двухлитровой бутылью в руках, на стоянке у суперсама в Варшаве, на бридже в пожарной охране и так далее…

Само собой, схватило и при покупке «фольксвагена». А то как же. Выжила-таки, приступ прошел, я даже вполне самостоятельно расписалась. Села в транспорт, дала задний ход, развернулась и выехала на улицу.

Первый изъян обнаружился быстро. Включенное отопление не выключалось, совсем как в советском вагоне. Я перепугалась, опускаются ли стекла, слава Богу, опускались. Ехала я в Путтгарден через Любек, далее паромом до Рёдбю, виза действовала до полуночи, однако в полночь уже нет парома. Необходимо успеть на последний паром в Данию.

Боже мой, как хорошо вести «фольксваген»! Кто ездил горбунком, тот знает. Я почувствовала его с первого же момента, ехал сам, любил меня так, как «шкода» любила Войтека. Две мелочи отравляли мое безграничное счастье: проклятое обогревание — поклялась бы, что подошва на туфлях уже прогорела насквозь, время от времени я осматривала ее и

удивлялась — еще цела; все стекла я опустила, и все же в машине стояла дикая жара. Вторая мелочь — мое самочувствие, моментами я переставала видеть с открытыми глазами. После бессонной ночи, напряжения и печеночного приступа наступила реакция — только бы поспать, остановиться на первой же маленькой встречной стоянке и отдаться усталости. Но куда там — часы показывали: в запасе нет и минуты лишней, должна спешить.

Отвлекли меня воспоминания… Этой самой дорогой, добираясь до отца в Англии, после освобождения из лагеря для военнопленных, топал пешком мой первый муж. К нему я уже давно не питала никаких дружелюбных чувств, мысль, что по той же самой дороге я еду машиной, весьма приободрила меня. Плохой характер порой даже оказывается кстати.

На паром я въехала последней. В Рёдбю ждал Войтек и безумно нервничал.

— Садись, дорогой, за руль, — пробормотала я вяло. — У меня нет сил.

Дальше я уже лишь механически талдычила:

— Медленней, здесь поворот. Медленней, здесь ограничена скорость. Медленней, у меня нет денег на штраф…

А Войтек в тот момент любил меня безгранично, больше жизни. Я была божеством — все-таки утешение, какая женщина откажется быть божеством хоть ненадолго?..

Божество довольно скоро с пьедестала свалилось, но кое-что от божественности сохранилось.

Здесь необходимо объяснить несколько языковых неологизмов, которыми мы пользовались, разбирая маршрут по автомобильному плану города. У Алиции, у Мартина и у меня был план города в книжном издании, на каждой странице содержалась информация — «sekort» и цифра, то есть смотри страницу такую-то. Мы это называли просто «секортами». Секорт тридцать, секорт восемь и так далее, что-то расположено на секорте двадцать четыре. Переделывали мы на польский лад что попало: экскурсию заказывали в райзебюро, садились на автобус на Ратушплощади, на скачках лошадь частенько шла в четвертом лёбе. «Loeb» — по-датски «заезд».

Все вместе мы — Войтек, Мартин и я — поехали в Бакен — веселый городок с занятными аттракционами ярмарочного типа. Там была, например, железная дорога, вторая по ужасам в Европе. Первое место занимал якобы подобный же аттракцион где-то под Лондоном. У типа, рассказавшего про лондонский аттракцион, рывками, поворотами, падениями и так далее поразбрасывало все авторучки, шариковые карандаши и прочее, старательно

запрятанные во внутренний карман пиджака; когда вышел, в карманах ничего не обнаружил.

Крики с железной дороги в Бакене было слышно за пять километров в Клампенборге, что подтверждаю уже лично. Вагончики были сооружены из дерева, во время езды трещали неимоверно — вот-вот развалятся. А рекламировалась эта железная дорога двумя смертельными случаями, когда тормозной кондуктор упился вдребадан. Подобная железная дорога есть и в Тиволи, и крики слышно у бокового входа центрального вокзала, но по сравнению с Бакеном в Тиволи просто детская игрушка. Впрочем, в Бакене детям без взрослых пользоваться этим аттракционом запрещено, в Тиволи, пожалуйста, катайтесь на здоровье.

Какой черт дернул меня дважды проехаться этой мерзостью, до самой смерти не уразумею.

Первый раз еще ладно — ведать не ведала, что человека ожидает. Не орала лишь оттого, что перехватило дыхание и голос. А второй раз зачем меня понесло, не понимаю. Правда, на предложение прокатиться в третий раз я просто сбежала почти за ворота.

Теперь Бакен очень изменился, пожалуй, поблагороднел, и не знаю, куда девался так называемый двигающийся дом.

Совершенно разбитая железной дорогой, я уселась отдохнуть и подвижный дом проигнорировала. Войтек и Мартин отправились одни.

Начало я видела, и с меня хватило. Все доски, из которых был сделан дом, ходуном ходили туда-сюда, причем каждая отдельно. Ступив на крылечко у лестницы, оба пана начали выделывать антраша изощреннее советского балета — ножка вправо, ножка влево, потому как доски ходили не вдоль, а поперек. Движения панов были идеально синхронны. Лестница обладала теми же свойствами, но танцовщики начали исполнять уже разные номера: один продолжал большой батман, а второй приседал на правой ноге, так как левую тянуло под балюстраду. И тут я перестала собой владеть.

Ко мне подкатился какой-то швед, меня не хватило даже отвергнуть его внимание — я хохотала неудержимо, из глаз ручьями лились слезы, то стояла согнувшись пополам, то держалась за живот. Ни одного человеческого слова швед от меня не услышал и сам начал хохотать, неизвестно над чем; подвывая, взвизгивая и кудахча, мы слонялись у ограды в аттракцион, пока мои паны не вышли, на этот раз то устремляясь вперед, то отскакивая назад, так как доски двигались вдоль. Не знаю, как я не померла от хохота.

В этом же Бакене вместе с Войтеком мы уселись в вагончик, проезжающий дворец ужасов. Так это называлось. Веселились вовсю, уверенные, что с нами ничего не случится: хихиканьем встречали стену огня, столкновение с поездом, скелет во мраке, страшную сову, неожиданно бросившуюся сверху, и тому подобные штучки, но когда над ухом вдруг раздался ужасный, леденивший кровь в жилах вопль, мы сообща заорали. Из всех ужасов крик оказался самым эффектным.

А при случае я услышала забавный рассказ про скелет. Хмырь в темном бархате, с реалистично нарисованным на костюме скелетом (в темноте виден только этот фосфоресцирующий костяк), появлялся перед посетителями в нужный момент. Якобы какой-то шутник прокрался в закоулки аттракциона и без всяких плохих намерений похлопал скелет по плечу. На что скелет отреагировал очень просто — свалился в обморок.

Увы, через двадцать лет дворец ужасов исчез, и я не нашла подвижного домика. Придумали новые аттракционы, сознаюсь, интересные.

Все это я подвожу к рассказу о возвращении из Бакена, тоже очень смешном. Каким манером после такого великолепного развлечения мы умудрились поссориться с Войтеком, не могу вспомнить. Возможно, я что-то напутала, короче, мы заблудились в бесконечных дорогах, ехали черт знает куда. Войтек обругал меня идеальным сопровождающим, я разозлилась и всучила план Мартину. Раз я дура, пускай он дает указания, возможно, успеет прочитать и дорожные указатели при такой скорости, какая не позволяет этого сделать. Мартин панически перепугался, но план взял. Войтек ехать медленнее не намеревался, мчался словно на пожар, ибо, во-первых, так любил, во-вторых, рассвирепел.

— Где мы находимся? — яростно рявкнул он.

— На четвертом секорте, — ответил испуганно Мартин.

— А куда едем?

— На пятый секорт…

Зубовной скрежет Войтека я слышала отчетливо. Вся злость у меня испарилась, дальнейший их разговор доставил мне исключительное удовольствие. До Копенгагена нам все-таки удалось добраться, но Мартин категорически отказался когда-либо меня заменять.

Выходные мы использовали на то, чтобы познакомиться хоть с небольшой частью Дании. Поехали в Ютландию и на Скаген, откуда меня волокли на аркане, так поразил меня восхитительный вид с мыса Скаген. Встречаются два пролива, Скагеррак и Каттегат, волны идут с двух сторон навстречу друг другу, наскакивают друг на друга и самым очевидным образом

недоумевают — а что же делать дальше? Я видела открытки и фотографии, но куда им до натуры. Я торчала на мысу по щиколотку в воде и глаз не могла оторвать.

В это Войтеково пребывание мне удалось впихнуть еще и Париж. Хлопанья дверью в качестве развлечения явно было недостаточно, я купила через райзебюро очень дешевую экскурсию, и впечатления столь ошеломили меня, что не помню даже, чем мы туда добрались. Наверное, самолетом.

Париж я знала теоретически из чтения и изучения архитектуры, половину города могла начертить на память и потому представляла город неплохо. Но Париж оказался не только созвучен моим представлениям, но еще лучше, и, верно, за это я полюбила его навсегда.

В Париже обретался мой старый приятель Петр, который после своих дальневосточных контрактов уже не вернулся в Польшу, а переехал во Францию. Работал, делал блестящую карьеру, женился на своей тамошней кузине, что значительно сократило ожидание гражданства. Со своей предыдущей женой развелся. Я сразу же встретилась с ним и сразу же признаюсь, в книге *"Что сказал покойник "* он выступает в качестве моего таинственного друга, таинственного потому, что его жена меня не любит, хотя я не сделала ей ничего плохого.

Несколько отступлений в связи с *«Покойником».* Петр как раз был у меня, когда оторвался и свалился нам на голову карнизик вместе с прикрепленной к нему занавеской между кухней и комнатой. Пришел ко мне с каким-то делом, Петр, конечно, не карнизик, не помню с каким, потому как время мы провели, пытаясь вмонтировать на место это устройство. Правдиво и то, что пришел он ко мне после аварии, в которую попала его тогдашняя жена, тяжко озабоченный, не уверена только, чем больше — женой или отсутствием денег на ремонт машины. Время было летнее, дети на каникулах, о своей кормежке я почти не заботилась.

— Есть хочу страшно, в желудке подсасывает, — грустно сообщил Петр. — У тебя не найдется перекусить?

В доме оказались яйца, мука и соль. Возможно, яйцо одно. Я быстренько соорудила вареники, на воде без молока, и мы сожрали их с солью. Чай был. Никто не смеет утверждать, что подцепила я Петра, через желудок добравшись до сердца.

— Я тебе кое-что покажу, — сообщил он мне таинственно, когда мы встретились через семь лет в Париже, без Войтека, который, ясное дело, о свидании знал и использовал его, чтобы сказаться оскорбленным.

Белая «ланчия» у Петра действительно была, и мы поехали.

— Куда едем? — поинтересовалась я.

— В аэропорт.

— А что там такое?

— Увидишь.

Ничего не хотел объяснить по дороге, а привычка к Войтеку заставила меня спросить:

— Сколько я должна тебе за бензин?

— Поцелуй меня в задницу, — вежливо ответил Петр.

Мы доехали до Орли, и там он привел меня в часовню.

Посмотрела. Это был шедевр. Овал, стенка внутри, около нее алтарь, и ничего больше. Абсолютная простота средств и безупречные пропорции — дух захватывало. Я молчала, да и что тут скажешь?

А подумала следующее: увидев такое чудо, амбитный архитектор должен бежать на первый попавшийся мост, перемахнуть через барьер — и в Сену. Лучше никто и ничего уже не создаст. На мгновение мне сделалось неимоверно тяжело, затем наступило полное облегчение: ведь пишу книги, сменила профессию, и мне вовсе не надо топиться в Сене!

Искренно и честно — часовня в Орли нанесла сокрушительный удар по всем иллюзиям насчет моей профессии. Часовня постоянно у меня перед глазами и в памяти. Отпало всякое желание найти работу в архитектурно-проектной мастерской, когда я вернулась в Польшу. Войтек, тяжко оскорбленный, один отправился на площадь Пигаль, где его утешила какая-то мадемуазель, предложив услуги за полцены. Не воспользовался, привык к даровым услугам, денег пожалел, зато настроение значительно повысилось.

В Париже мы провели восемь дней, и, конечно же, я перепутала дату отъезда. В последний день валялась еще в постели. Войтек отправился за чаем.

— Слушай, что происходит? — забеспокоился он, вернувшись. — Вся датская группа сидит в холле на чемоданах. Мы, случаем, не сегодня уезжаем?

Господи Иисусе, я вскочила. В халате помчалась выяснять — и в самом деле, улетаем сегодня, вся компания, готовая в путь, ждала автобуса. Мы собирались в бешеном темпе, чемодан не желал закрываться, Войтек трудился над ним как вол, придавил крышку и закрыл единственно силой воли.

— Где паспорта? — заорал панически.

Я вывалила сумочку — паспортов и билетов нет, Господи!..

— Ох, наверное, все в чемодане, — пробормотала я вне себя.

Войтек держался как положено мужчине. Ничего не сказал, стиснул зубы, открыл проклятый чемодан и начал рыться в вещах.

Когда половина вещей уже валялась рядом, я вспомнила, что паспорта в несессере. Запихал все снова по-прежнему молча. Мы успели дуриком — посадка в автобус с багажом затянулась, а ведь кто-то же должен быть последний?

Мне тогда вспомнилась ужасная история в таком же роде, рассказала ее Войтеку в качестве утешения. Моя приятельница по институту Ханя, спортсменка, ехала с группой коллег в какой-то лагерь. В купе заглянул контролер.

— Билеты у всех есть? — спросил он нехотя, по обязанности.

Все кивнули, один парень решил пошутить.

— Вот у этого коллеги нет, — сообщил он, показав на кореша.

Все засмеялись, контролер тоже, но потребовал предъявить. Обвиненный весело полез в карман, не нашел, начал шарить в другом. Когда обыскал четвертый, уже не смеялся. Встал, начал снова — карманы в пиджаке, карманы в брюках, контролер ждал с каменной физиономией, приятелям стало не по себе. Парень снял с полки чемодан, поискал в нем — без толку, проверил карманы в пижаме, вспомнил про рюкзак, вывернул из него все вещи — билета не было. Заглянул даже в мыльницу с горя. Кто-то вспомнил — на следующей станции выходить, контролер решил выйти с ними. Штраф следует оформить. На перроне, где основательно распотрошенный парень утопал в целой куче своего барахла, контролер попросил собрать вещи и отправиться в соответствующее учреждение, приятели пришли в отчаяние, парень все собрал, забросил на плечо фотоаппарат и вдруг вскрикнул с облегчением. Быстро открыл футляр и вытащил билет.

Только тогда контролер устроил устрашающий скандал: вся сцена-де разыграна специально с целью поиздеваться над железнодорожными властями. С великим трудом удалось его угомонить.

В Польшу Войтек уехал «фольксвагеном», я проводила его до Гесера и дала доверенность на пользование машиной. Не уверена, приезжал ли он еще раз, ибо в памяти маячит не его визит, а неприятное впечатление, когда я узнала, что «фольксваген» зарегистрировал на себя, а не на меня. Объяснил тем, что таможенный досмотр проводился на его имя, потому и пришлось так зарегистрировать. Мое разочарование продолжалось недолго — махнула рукой, я уже накопила денег на вторую подержанную машину и собиралась возвращаться ей.

Потом приехала Аня.

Не помню кто, но мне посоветовали снять комнату у фру Скифтер на бульваре Андерсена, почти напротив бокового входа в Тиволи. Поселилась я в великолепном салоне, но со Святой Анны

окончательно не выехала — зарезервировала прачечную для Ани, собравшейся ко мне в небольшой отпуск. Сдается, через кого-то оформила ей приглашение назло ее мужу, тиранические склонности коего возбуждали протест в моей душе. Приезд Ани сделался во многих отношениях потрясением.

Началось с того, что с поездом не приехала, и письмо, которое я тут же начала писать, звучало следующим образом:

ГДЕ АНЯ???!!!

Я так беспокоюсь, что куда-то сгинули все мои химеры. Что случилось?! Напишу сразу все, иначе потом эта страшная пятница поблекнет, и я не успею еще кого-нибудь заразить моим беспокойством, а такого вообще не переживу! НЕ вышла из поезда! Я ждала на перроне, поезд пришел вовремя, прибытие объявили, состав небольшой, обошла весь. Поднялась наверх и обошла весь вокзал, снова вернулась вниз на перрон, подождала, пока поезд не ушел, снова поднялась наверх и обежала весь вокзал. Ани не было. Снова спустилась вниз и повторила все сначала. Поехала на площадь Святой Анны в надежде, вдруг как-нибудь пропустила ее и теперь застану дома. Фига. Помчалась на бульвар Андерсена — вдруг позвонила. Никто не звонил. Пока добиралась до Андерсена, разразилась страшенная гроза с ливнем, и несколько десятков метров от трамвая до дома меня доконали окончательно. Из туфель при ходьбе били фонтаны. В спешке переоделась и снова полетела на вокзал. Дерьмо! Вернулась домой, позвонила в Варшаву — ясное дело, никого нет. Подождала до десяти, вдруг позвонит кто-нибудь, опять поехала на площадь Святой Анны, после чего на вокзал. Из-за спешки оделась странновато: на босу ногу старые туфли с обломанными каблуками, замшевое пальто и длинные черные перчатки, в руках изысканная сумка с надписью «Париж», а в сумке огурец. Мокрый зонт. С вокзала вернулась домой.

До сих пор Ани нигде нет. Господи спаси и помилуй, что случилось? И почему, к чертям собачьим, вас никогда нет дома, когда я звоню?! Что мне теперь, дьявол вас побери, делать?!

В шесть утра на вокзал не поеду. Наоборот, буду спать как можно дольше, если удастся — до вечера. Не назло, а потому, что сигарет нету и денег нету, чтобы их купить. До понедельника ни гроша. Остатки просадила на жратву в расчете на то, что Аня привезет сигареты. Все мое состояние — один жетон на трамвай. Хорошо, дошла до ручки, перестала нервничать и начала смеяться. Нервничаю только из-за Ани, не представляю, куда подевалась. Отстала от поезда? Упилась на пароме? Охмурил ее кто-нибудь? Вышла в Роскилле? Если она не выехала из Варшавы, надеюсь, меня

предупредили бы?!! Судя по тому, что делается за окном, началось землетрясение или горит пол-Копенгагена. Понятия не имею, что предпринять…

Носилась я на вокзал как безумная: в письме и по телефону известила Аню — ехать ей до конца. Всякие промежуточные станции ее не касаются, ехать до конца, и точка. А проклятый поезд шел до Мальме, и только там был чертов конец. Попыталась связаться с вокзалом в Мальме, не очень понимая, как извлечь Аню из Швеции, в общем, из-за всего вместе едва рассудка не лишилась.

Назавтра утром Аня появилась. Польский поезд опоздал, и в Берлине ей пришлось ждать следующий. Провела этот день с молодым соплеменником, оказавшимся в подобном же положении, немецкого оба не знали, бегали по городу и монотонно твердили: «Etwas kalte zu trinken» [14], ибо жарища стояла невыносимая. У меня Аня просила прощения: в чужом городе, без денег, с голоду съели два пирога, испеченных для меня матерью…

В принципе я поселила ее в прачечной господ фон Розен, но первый вечер мы провели у фру Скифтер на бульваре Андерсена. В Тиволи пускали фейерверк, прекрасно видный из моего окна, а на улице, аккурат перед домом, произошла четверная автомобильная авария. Так что Аня свое прибытие в Данию отметила весьма насыщенно.

Сразу же Аня испекла пироги с шампиньонами, потому как оставшиеся пироги моей матери мы проглотили молниеносно и только распалили аппетит. Молочной бутылкой она раскатывала тесто на мраморной доске буфета в прачечной у госпожи фон Розен, когда мы с Мартином умотали на бега и выиграли столько, что естественно родилась мысль задержать Аню подольше, дабы всякий раз, когда мы играем, делала пироги — под них явно шел выигрыш: На бега ее мы тоже повезли, но играть она отказалась, только предлагала порядки, а сыграй она свои номера, выиграла бы на этом более ста крон. И все-таки заявила: предпочитает-де печь пироги.

Аня знала французский, в Дании мало распространенный, но путешествовала много, и я вполне полагалась на ее опыт, когда сама ходила на работу. Осмотрела она, что удалось, в городе и отправилась к Гамлету в Хельсингёр. Невероятно, но факт — она проворонила замок — огромную глыбу, вздыбленную на фоне моря и неба, и отправилась в сам город на поиски.

Я позабыла ей сказать, что Гамлетов замок называется Кронборг. Гигантскую стрелу с надписью КРОНБОРГ Аня,

конечно, видела, но ассоциации не сработали. Усталая от бесконечных хождений, она зашла в какой-то магазин и принялась спрашивать Хельсингёр, на что ей с удивлением ответили — это здесь.

— Знаешь, — рассказывала Аня вечером, — показывают — тут, мол, я подумала, вдруг чего не доглядела, незаметно осматриваюсь, где покои и тому подобное. После уж пришло в голову сказать «Гамлет»…

Апогеем ее покупательных достижений стала голубая губка.

Заупрямилась — куплю и куплю голубую губку, в Польше такая губка — несбыточная мечта. Шла как-то по улице, в витрине маленького магазинчика увидела голубую губку, зашла. Как только не пыталась объяснить, какая вещь ее интересует. «Une eponge», губка, и показывала, что моется, — без эффекта. Хмыриха в магазине подавала ей все по порядку, только не губку. Аня наконец рассердилась, применив наглядный метод, выволокла бабу за руку на улицу и остановилась перед витриной.

— О, вот это! — высказалась она четко по-польски. — Вот это!

— А-а-а-а-а! — воскликнула продавщица, воздев руки к небесам.

Помчалась в подсобку и притащила большой гипсовый бюст для завивки париков.

Бюст Аню добил, отказалась от губки в этом магазине. Купила ее без всякого труда в универмаге, где губки лежали навалом.

Следующим событием стал прием у Иоанны.

Насколько помню свое творчество, Иоанна выступает под именем Аниты в *"Крокодиле из страны Шарлотты",* в книгах *"Что сказал покойник "* и *«Все красное».* Я выбрала Аниту, а она сама возжелала сделаться преступницей. Ни в коем случае не жертвой, на мое предложение запротестовала решительно, а вот убийцей — пожалуйста, сколько хочешь.

Иоанна-Анита датским владела прекрасно. Ее отец работал в каком-то нашем представительстве, и девочка училась в датской школе. Вернулась в Польшу и уже после развода с первым мужем встретилась в Закопане с Хенриком, датчанином, путешествовавшим по Польше; блуждал он по разным городам и весям и менял валюту в банках по двадцать четыре злотых за доллар. Иоанна-Анита его пожалела, занялась на досуге, они поженились и поселились в Дании. Знание языка дало ей возможность работать в датской прессе.

Жили они в Видовре, в садово-вилловом районе, и мои поездки к ним выглядели буквально так, как описано в

"Крокодиле". Городской железной дорогой до станции Видовре я доезжала спокойно, дальше, хоть тресни, запомнить не могла. Автобусом ездила исключительно в обществе Алиции, умевшей попасть к ним абсолютно непостижимым для меня образом, а одна я всегда брала такси. Иоанна-Анита держала открытый дом, обожала гостей, визиты, приемы, и в этом смысле я вынуждена ее обругать. У меня нет никаких сомнений — не только не обидится, но и отлично повеселится.

Предупреждаю: начинаются отступления и будет их много.

Хенрик, муж Иоанны-Аниты, нищеты не знал, но и миллионером не был, Иоанна-Анита как сыр в масле тоже не каталась, хотя зарабатывала неплохо. Вздумай они обильно кормить всю бывающую у них братию, вылетели бы в трубу и остались без гроша. В Дании живут экономно, без всяких гастрономических безумств, рождественский прием у господ фон Розен уже описала, пожалуй, могу описать следующий прием, у Фрица, тогда моего будущего шефа. Нас пригласили обеих с Алицией, можете себе представить, как это выглядело бы в Польше, — званый обед, приглашены иностранцы! У Фрица подали небольшую закуску — пол-авокадо, нафаршированное креветками, затем мясное блюдо, к нему картофель, салат, кукуруза, в конце мероприятия десерт в виде фруктового салата со взбитыми сливками. И кофе. Точка, конец. Учитывая торжественный характер обеда, из напитков подавалось не только пиво, но и вино.

Этот прием произвел на меня огромное впечатление, что, несомненно, сказалось позже.

Иоанна-Анита, как всякая нормальная настоящая женщина, экономила на еде. Как-то я оказалась у нее на обеде: простокваша с картофелем, котлета и клубника из собственного сада на десерт. Мне понравилось, доведенная до крайности печенью, я не могла много есть. А вообще-то Иоанна-Анита в экономии, по-моему, переусердствовала, чем я от нее и заразилась; понимать я ее понимаю, но в иные моменты, может, и следовало бы экономию побоку.

Вернулась Иоанна-Анита из Польши, привезла посылку, мы с Алицией поехали, просидели долго несолоно хлебавши, пока Алиция не взмолилась насчет кофе, а я попросила чай. Хенрик предложил вино. Иоанна упрекнула его — в погребе, мол, последняя бутылка.

— Смотри-ка, я по-датски понимаю! — обратилась я к Алиции прямо и беззаботно. — Она сказала Хенрику — последняя бутылка. Я правильно поняла?

— Конечно, правильно, — ответила Иоанна-Анита, пока

тактичная Алиция собралась произнести хоть слово. — У нас и точно последняя бутылка, хотела сэкономить, ну коли нет, так нет.

Мы безжалостно вылакали эту ее последнюю бутылку, к которой Хенрик собственноручно приготовил бутерброды.

Так вот, заразившись от Иоанны, я пошла, понятно, еще дальше. Уже через много лет в Польше ко мне пришла приятельница Мария, та самая, из *"Бегов",* я ее «приняла» — поставила на стол пиво и сырок, нарезанный кусочками. Мария взглянула и ужасно растрогалась:

— О Боже! Это же настоящий прием!

Теперь Иоанна-Анита утверждает, что Хенрик развелся с ней из-за ребенка от греческого хахаля (смотри *«Все красное»).* Греческого хахаля и ребенка я выдумала, а хахаль оказался фактом, что же касается ребенка, то никакого другого, кроме легального Яся, у Иоанны-Аниты не было. В общем же теперь никто не разберется, где у меня выдумка, а где правда. Хенрик хахаля еще пережил, а ребенка простить не смог.

Вторая особа, с которой я познакомилась довольно давно, — Эва (тоже смотри *«Все красное»).* Тогда Эва красотой еще не блистала, портила ее дородность, позже похудела и похорошела убийственно. Работала в ядерной физике, подбросила мне неплохой замысел «такого чего-то, небольшого, и с дном», но сама я замысла осилить не сумела, а она сменила профессию. Одолевали ее художественные идеи, сперва переквалифицировалась на графику, потом на живопись, на живописи утихомирилась. Картин ее я не видела, ничего не могу сказать, а вот графические работы делала прекрасные. В те времена еще не была знакома с Роем, вторым мужем, слыла женщиной модной, заботилась о своей внешности и нарядах, эти ее пристрастия оказали влияние на дальнейшие события.

Эва единственная решила подать на меня в суд. *«Все красное»* писала я без всяких дурных предчувствий — Эва и Рой сидят в Дании, в Польше их никто не знает, а датчане польские книги не читают, не учла я одного: в Польше живет семейство. Треклятая книга пошла с продолжениями в быдгощской периодике, а именно в Быдгоще или где-то неподалеку жили Эвины родители. Когда знакомые начали звонить — ах, ваша дочь описана в книге! — папаша разнервничался. Эва приехала и под родительским допингом рассвирепела, бросилась было к адвокату, да в последнюю минуту одумалась.

— Ну уж нет, такой рекламы я ей не обеспечу! — заявила она яростно и облаяла меня по телефону, на этом дело и кончилось.

А теперь снова возвращаюсь к текущему моменту.

На прием к Иоанне-Аните мы поехали с Аней, несомненно, в такси. Не успели мы переступить порог, встречаем Эву.

— Ну ясно, она опять в своем старом костюме! — облила она меня ушатом презрения.

Я не обратила внимания, Аня побледнела. Костюмчик и в самом деле носила года четыре, впрочем, был хорошо сшит и очень мне шел; может, немного надоел, тем не менее другого не было, а я проблемой одежды вовсе не собиралась давить себе на психику. Аня реагировала не так.

— Хватит! — заявила она по возвращении с приема. — Нельзя больше так ходить, надо купить все необходимое! У тебя есть деньги, даже если нет, ничего не случится — семейство перебьется, а ты позаботишься о себе! Пошли в магазин!

Я как раз получила зарплату. Мы отправились по магазинам, и впервые я купила себе одежду гуртом, растратив половину зарплаты. Аня была неумолима, считалась исключительно с моим вкусом, советовала и решала, полностью игнорируя свои требования. Я купила не только тряпки, но и все аксессуары: туфли, парик, искусственные ресницы и тому подобное. Поклялась Ане на следующем приеме у Иоанны-Аниты задать шику, пусть все обомлеют.

Ну и задала, черт бы все побрал!

Прием состоялся уже после отъезда Ани в Лондон к родственникам. Я осталась одна и сделала все согласно клятве.

Модное платье — широкое, короткое, в лиловые разводы, французские лакировки, платиновый парик, искусственные ресницы и убийственный макияж. Осмотрела я себя в зеркале и подумала: Аня похвалила бы меня; результат был достоин стараний, Эва не выдержала, слиняла чуть не с середины приема.

Одержанный триумф наподдал мне темпераменту, и я врезалась в сложную дискуссию. Разговаривали мы втроем — наш график Вальдек Свежи, я и толстый датчанин с огромными навыкате глазами, звали его Вигго. Вальдек говорил по-английски, я нет, но мне это ничуть не мешало, я уже привыкла к разговорам на смеси языков и непонятно как умела объясниться. Этот Вигго от меня сомлел, что легко замечалось, тема дискуссии явно была направлена против меня. Спорили о политике, общественных проблемах, об экономике и вообще о государственном строе, прием на сей раз был добротный — Иоанна-Анита расстаралась, напитков хватало, наша дискуссия пламенела, в итоге глазастый Вигго предложил отвезти нас в город.

Уселись мы с Вальдеком в автомобиль, спор продолжался, Вигго пригласил нас к себе, ну что ж, пожалуйста, мы причалили

у него, с разгону и в энтузиазме Вигго вытащил виски, налил, закуски никакой — где ему помнить про закуску в горячке спора. Мне, по-видимому, его взгляды не понравились, я таки начала фыркать и сыпать искрами и вдруг поняла — моя рюмка пуста, а была полная. Опыт, как вы знаете, у меня был, и я переполошилась.

— Вальдек, — решительно потребовала я в сторонке, — линяем! Пусть его холера поберет со всем его треклятым капитализмом!

Вальдек еще соображал настолько, чтобы признать мою правоту. Мы удалились.

Проснулась я утром в своей комнате у фру Скифтер и начала обдумывать происшедшее. Похмелье не донимало, зато куда-то испарились перчатки, кошелек и шарфик. Кроме того, неясно мелькало страшное воспоминание.

Всякие мышки, нетопыри, розовые слоны — все чушь! А я видела кое-что пострашнее — типа в белом костюме, спящего на животе на неизвестной лестничной клетке. Господи прости, белый хмырь, delirium tremens, не иначе!!!..

Постепенно, стараясь избавиться от ужаса, вспомнила еще нечто. Вальдек отвез меня домой — сомнению не подлежало. Довел до комнаты, удрызгалась я на сей раз и в тоску впала, ревела ему в жилетку горючими слезами, а он по доброте сердечной сочувствовал мне от всей души.

— Ну не плачь, не плачь, — утешал он. — Не стоит того, не плачь.

Он трогательно отирал мне глаза, и одна искусственная ресница прилипла у него к пальцу. Войдя, я включила всего одну неяркую лампу и вдруг увидела, как Вальдек смотрит на свой палец и с отвращением трет его о брюки — эта ресница походила на мохнатого червяка, Вальдек безуспешно старался избавиться от него — клей держал намертво. А он все тер и тер, и в его самаритянские утешения явственно закралась полная омерзения растерянность. Поклянусь на чем хотите, так и ушел от меня с искусственной ресницей, приклеенной к заду!

Рассмешить меня это рассмешило, но беспокойство насчет белой горячки продолжалось. Постаралась вспомнить, сколько денег осталось в кошельке, самое меньшее семьдесят крон, четырнадцать ставок на бегах, черт побери!

Вальдек позвонил мне на работу.

— Слушай, — робко сомневался он, — я у себя в карманах обнаружил какие-то странные вещи. Дамские перчатки, знаешь, такие длинные, кошелек — не мой, цветная тряпица… Ты ничего не помнишь?

— Естественно, помню — мое шмотье, — обрадовалась я. — Как раз обнаружила, что все посеяла. Слушай, а ты не помнишь случайно лестничную клетку?

Мы сопоставили впечатления. Слава Богу, он тоже видел типа в белом костюме и собирался скрыть сей факт — мысль о белой горячке испугала и его. Ну а поскольку о групповой белой горячке мы не слыхивали, следовательно, белый тип и в самом деле почивал на лестнице. Я успокоилась и даже прекратила допекать Вальдека, где нас черт носил и что за лестничная клетка…

И подумать только, все это произошло из-за глупого замечания Эвы насчет моего старого костюмчика!

* * *

Алиция уехала, остался Торкиль, с которым я подружилась, можно сказать, бессловесно. Теперь уже я начала бывать в Биркероде, только значительно реже и не с матримониальными чувствами, а просто постирать или съесть приготовленный Торкилем обед. Обед Торкиль решительно желал готовить сам, я не вмешивалась, не выдержала только однажды. Поставил в духовку большой великолепный свиной окорок, у меня слюнки потекли, а потому позволила себе робкое замечание, не стоит ли это посолить…

— О, конечно! — обрадовался Торкиль. — Конечно, я забыл про соль!

Разговаривали мы в основном с помощью рисунков. Уплетали обед, на столе лежал большой лист бумаги, рисовать умели оба, Торкиль тоже архитектор, получалось без проблем. Когда я окончательно вымелась с площади Святой Анны и возвращала госпоже фон Розен взятые у нее взаймы вещи, у Торкиля организовала генеральную стирку. Бросила в машину все подряд, и мне удалось окрасить белье госпожи фон Розен в красивый цвет весенней зелени. Покрасилось ровненько, но при виде результатов меня чуть удар не шарахнул. И все из-за одной тряпицы с кресла в зеленый цветочек, откуда же было знать, что цветочки столь ядовиты!

Госпожа фон Розен особа благородная.

— Ах! Я всю жизнь мечтала иметь зеленое белье! — воскликнула она по-французски. — Какой прекрасный цвет!

Мне ее восторг отнюдь не помешал привезти в следующий раз льняные простыни идеально белого цвета…

В какой-то момент, причин абсолютно не помню, я перебралась работать в филиал мастерской на Кобмагергаде. Именно там, на противоположной стороне улицы, Лысый Коротышка в шляпе вел свою коварную торговлю. Я встречалась с ним в магазине, где мы оба покупали бутерброды на второй завтрак, обменивались впечатлениями насчет скачек. На Кобмагергаде работал и Бородатый.

Оле Мартенсен, или Бородатый из *«Крокодила»,* тоже подлинный, до такой степени, что приходил ко мне в гости в Варшаве, где проводил отпуск вместе со своей актуальной пассией Марианн. Я пригласила соответствующее общество — Эву с Тадеушем, но Тадеуш говорил только по-французски и по-испански, а Оле и Марианн — по-датски и по-английски, поэтому еще я пригласила Зосю, не приятельницу Алиции, а мою

служебную соперницу, говорившую по-английски, Войтек говорил по-немецки, а вот китайца, к сожалению, не нашлось, поэтому в качестве Вавилонской башни мой дом забраковали. Датские впечатления и привычки вогнали меня в экономию: испекла гуся и пренебрегла остальным. Все упились в лоск, Войтек отвез иностранных гостей, а Зося уселась на бордюре тротуара около моего дома, возжелав провести здесь остаток жизни, очень уж тут пришлось ей по вкусу; понятия не имею, куда и как добрались Тадеуш с Эвой и Янка с Донатом, само собой, они тоже были у нас. Ну и заключаю: это — отступление, конечно же, в весьма отдаленное будущее.

Оле мне запомнился тем, что отпуск провел в Тунисе…

Хотя, пожалуй, я напутала. Мне казалось, в Таормине я побывала во второй приезд, но развитие событий свидетельствует: все-таки в первый. Подначил меня Оле, по возвращении из тунисского отпуска показал в мастерской слайды. В Дании свирепствовала осень, конец октября, может, и начало ноября, туманы, ветры и дожди, сирена в порту беспрерывно ревела день и ночь, а на стене в мастерской вдруг появилось солнце. Во мне все перевернулось вверх тормашками, впала в безумие, на следующий же день помчалась в райзебюро и закупила ближайшую и самую дешевую поездку. Ближайшую, понятно почему — я жаждала солнца до умопомрачения, прочь от дождя, ветра и сирены, хочу жары, прекрасной погоды, а расход — твердо решила выехать в отпуск, оплатив его двумя днями работы, и в самом деле, поездка в Таормину стоила ровно столько, сколько зарабатывала за два дня, и этим обстоятельством буду хвастаться всю свою жизнь.

К этой поездке мне кое-что подкинули также Хермод и высшая сила.

По пути на Амагер я просмотрела программу и уверовала — лошадь по имени Хермод должна прийти первой. Конь участвовал в заездах по худшей, чем в Копенгагене, скаковой дорожке, время показывал прекрасное, ну а на хорошей скаковой дорожке, ясно, придет третьим, не хуже, сыграю его одного.

Хермод шел в первом заезде. Я опоздала, но одинарная касса в моем любимом месте тоже опоздала, лошади уже подходили к стартовым воротам, бежать Бог знает куда и искать другую кассу было некогда, времени в обрез, с отчаяния бросилась в кассу порядков и, была не была, сыграла Хермода вторым с четырьмя другими лошадьми.

Ставка пошла, злая как черт, я следила за бегами Лошади промчались круг, снова подошли к последнему повороту, опередил всех Йенс Ллойд, точно, я его считала первым в одном

порядке, заскрипела зубами, и в этот момент молнией вырвался Хермод. Догнал Йенса Ллойда, вместе достигли финиша, я со своего места видела — Хермод первый…

Господи Боже!.. Во мне все свело спазмом — печень, селезенку, двенадцатиперстную и даже поджелудочную железу. Так выбрать лошадь и так глупо сыграть!.. Вторым, а надо было перевернуть, так нет, скотина, корова безмозглая…

Не успела высказать всего, что думала про свою особу, сообщили результат. Я ошиблась: первый Йенс Ллойд, Хермод второй! Второй!!! Я попала… Чудо!!!

Чудо, безусловно, и совершила его, обозлившись на меня, высшая сила. Терпения ей не хватило возиться с идиоткой, насильно заставила сыграть со смыслом. Окажись та одинарная касса открыта, я сыграла бы Хермода вниз и получила бы двадцать пять крон, а тут вынужденно сыграла порядок, и мне заплатили ровно тысячу. Все дураки, кто не играл Хермода, видно, считать разучились…

Эту тысячу крон я беспечно спустила в Таормине.

Отъезд, конечно же, не обошелся без накладок. В аэропорт отправилась заблаговременно, а куда лечу, не поинтересовалась, в билет не заглянула. В Таормине нет посадочной полосы, тогда где же?..

Сидела себе спокойненько и ждала объявления. Только после бесчисленных Парижей, Лондонов и Каиров я забеспокоилась, не касается ли меня какое-нибудь из этих объявлений. Катанию вызывали несколько раз, я бессмысленно глазела на монитор, однако отлет в Катанию странно совпал со временем, которого я ждала. Господи, а я, случаем, не в Катанию лечу?..

Вскочила. Аэропорт Каструп большой, коридоры к выходам тянутся чуть не километрами. И все-таки я успела — села последняя. Ветер меня не волновал, к ветрам привыкла. Дания страна равнинная, вихри с севера дуют, не встречая на своем пути никаких преград. Я уже пережила когда-то чудные минуты, когда все, впрочем немногочисленные, субъекты на Ратушплощади сидели на корточках, судорожно вцепившись в бетонные цветочницы. Какой-то господин неосмотрительно разжал руки — помчался бешеным спринтом через всю площадь, а впереди катилась его шляпа, но он вовсе не пытался поймать головной убор — просто не мог остановиться. На краю площади успел обнять фонарный столб, что его и стабилизовало. Я тоже сидела у цветочницы и размышляла, каким манером исхитриться и добежать домой. Мне предстояло идти бульваром Андерсена, как раз против ветра — идти и думать было нечего, разве ползти по-пластунски…

Выбрала момент между порывами, прокралась тылами под зашитой зданий, добралась до последнего угла, снова переждала, пока не полегчало, как шальная промчалась последние двадцать метров и ухватилась за ручку входной двери. Уж от ручки-то меня не оторвешь!..

Перед вылетом в Катанию тоже дуло прилично, я даже засомневалась, не задержат ли рейс. Не задержали. Гигантская кобыла, то есть наш самолет, оторвалась от земли, пошла вверх и даже не дрогнула. Просто не заметила ветра.

Дешевизна моей путевки сказалась сразу же по приезде — меня поселили в самой дешевой гостинице в Таормине — в «Минерве». Я изумилась: гостиница на горе, сам вид из окон стоил всех денег мира! Я стояла на балкончике, глазела, и глаза лезли на лоб — не снится ли мне все это.

Используя в *"Покойнике "* события, необходимые по ходу действия, опустила, естественно, несколько таорминских красочных эпизодов. Дешевизна гостиницы объяснялась, primo, довольно примитивной меблировкой номера — кровать, столик, лампа, кресло, и привет, но ванная и уборная приличные, на черта мне сдалась меблировка, а secundo, питанием: на завтрак гренок с джемом, на ужин в основном спагетти, обеда вообще не давали. Обед мне был вовсе ни к чему, из-за него возвращаться с пляжа не стоило, а спагетти по вечерам — блистательное развлечение. Я это блюдо умела есть, научилась раньше, а вокруг сидели фрагменты шведской группы и вытворяли штучки неимоверные, изо дня в день я имела супершоу. Один резал спагетти на куски и ел их ложкой, другой втягивал в себя длиннющий макаронный ус, а ус, исчезая постепенно в пасти, мотался во все стороны и норовил съездить едока по ушам, некий хмырь пытался действовать по правилам, обматывая макарониной вилку, и этот чудовищный клубок стремился запихнуть в рот, для чего потребна пасть по меньшей мере тигра-людоеда. Кое-кто попросту расправлялся с макаронами руками. Просто чудо!

Швед был доподлинный, клеился ко мне по-страшному, доплачивал оркестру, дабы играли танго, когда работа у них давно закончилась, показал мне все гроты, но прямодушие из него перло прямо-таки неприличное.

— Je veux coucher avec toi!!! [15] — буквально ревел он под моим окном, будто бизон в период брачных игр. Я, сознаюсь, не контактировала с бизонами в такой период, но звучало это наверняка так. К счастью, жил он где-то в другом месте, и мне удавалось от него время от времени улизнуть.

А вместо блондина был Калифорниец, черноволосый и голубоглазый, красивый парень, испугавший меня однажды до

смерти. Нанял лодку, прытко взялся за весла, гребет изо всех сил, а не двигаемся ни вперед, ни назад. Через пару минут он осмотрел весла и, радостно похохатывая, сообщил, первый раз в жизни держит нечто подобное в руках, у них ведь все моторизовано.

Господи Иисусе, погорела! Меня охватила паника. Море, правда, спокойное, но, черт, ведь я не умею плавать! С перепугу я потребовала поменяться местами — обожаю гимнастику, хочу грести сама! Слово даю, этим искусством я владела куда как лучше, нежели он. Парень вежливый — пожалуйста, могу грести сама, так нам удалось не утопиться.

Макаронник тоже был настоящий и действительно плавал, распевая оперные арии, а морская звезда, полученная от него, — она, к сожалению, поблекла — хранится у меня и сейчас. И Лазурный грот с его колористическими эффектами был на самом деле, но в описания природы вдаваться не стану.

В Таормине я умудрилась свалять дурака не хуже, чем с тем же миндалем у господина фон Розена. Миндаль хоть остался переживанием камерным, никто посторонний о моей дурости не догадался, а здесь я опозорилась публично. Кое-что по мелочам покупала: то одеяльце, то кораллы, то еще что-нибудь — все подарки Хермода, и никак не могла понять, что происходит, почему вокруг меня какая-то странная атмосфера и смотрят на меня недоброжелательно. Обалдели, что ли? Приходит клиент, берет товар, платит, что им не по нраву? Должны радоваться, а не строить недовольные мины! Я все удивлялась, пока не попала на жутко толстую бабу, продававшую вечернюю сумочку. Я посмотрела, спросила, сколько стоит.

— Четыре тысячи триста лир, — ответила баба.

Я пересчитала на датские кроны — недорого, достала деньги.

Баба на меня посмотрела, Святители Господни, как посмотрела!.. С безграничным отвращением и омерзением беспредельным — одним взглядом втоптала меня в грязь, изничтожила!

— Могу отдать и за четыре, — добавила она презрительно.

Я оторопела. Заколебалась было, не впихнуть ли ей эти триста лир насильно — что она себе воображает, не за подаянием же я пришла!..

И тут меня осенило: Езус-Мария, ведь они же торгуются!!! Продать без торговли — свинство, позор, не заработок важен, а удовольствие, а тут я, восточная дикарка, воспитанная на универмагах и потребительских кооперативах, отнимаю у них все удовольствие, плачу без слова, сколько ни запросят, будто последняя свинья!!!..

Я покраснела изнутри и снаружи, заплатила четыре тысячи и сбежала, не выказав даже раскаяния. Ничего другого не оставалось, как помериться силами на другом поприще и снова высоко поднять штандарт национальной чести, и, пожалуй, мне это вполне удалось.

Макаронники стараются охмурить всех и вся без разбору, я об этом уже упоминала. И причину я уразумела. Для них вовсе не имеет значения, кто я: восемнадцатилетняя красавица или старушка в инвалидной коляске, важно лишь одно: я туристка. Путешествия стоят дорого, следовательно, у туристов есть деньги. Закадрить туристку — прямая финансовая выгода.

Они даже особенно не навязывались, если в течение получаса человек не реагировал на заигрывания, они не настаивали и оставляли в покое. Мое положение усложнилось тем, что в Таормине не встречали поляков, на шведку я не походила, и они принимали меня за немку.

— Tedeska? — спрашивали с доброжелательным любопытством.

Я заводилась с ходу.

— Non tedeska! Polacca! [16]— орала я яростно.

Вот беседа и началась. А уж после, хочешь не хочешь, приходилось выпутываться из истории.

Один макаронный субъект заупрямился. Влюбился, видите ли, совсем обалдел, приставал и приставал, предлагая тысячи развлечений, обещал показать Таормину by night, поездку по морю, дьявол разберет, что еще. Я отказывалась решительно — тип вовсе не моего романа. Среднего роста, пузатый, этакий крепыш, обросший рыжей щетиной, не нравился мне, и все тут. Вопрос вкуса. Он упорствовал и дошел до ужасного самопожертвования: если соглашусь пойти по кабакам, за него платить не придется.

Меня и это не тронуло. На следующий день он совсем разнуздался — финансирует уже все развлечения, в том числе и мои. Такие святотатственные слова с трудом процедил, давился ими, как сырой картошкой, но обязательство принял.

Я по-прежнему не реагировала должным образом и не ценила оказанной чести. Дело происходило на пляже — только здесь имел возможность меня застать, нигде больше с ним не встречалась, я сидела в шезлонге, он рядом на моем полотенце. Когда я снова отказалась, он с презрением заявил;

— Non abbiate temperamento in Polonia [17].

Ах ты!.. Ну, я тебе покажу! Сидит рыжая скотина на моем полотенце, и еще оскорбления, я тебе, псяк-рев, покажу temperamento in Polonia!..

Я вскочила с шезлонга, какое вскочила — взвилась. Топая ногами, я на всех возможных языках выкрикивала оскорбления, какие только пришли на ум.

— Non voglio una passaggiata in more! — орала я на весь пляж. — Non voglio Taormina by night! Non voglio amore con te!!! [18]

Закончила я литанию на тему, чего я от него не хочу, презрительным выкриком «Пошел вон, сопляк!!!», от коего эхо прокатилось, думается, до Африки. Мертвая тишина воцарилась на пляже во время спектакля, все морды со всех заливчиков повернулись в нашу сторону, обожатель наконец оскорбился. Сообщил, что я non gentila [19], и удалился. Оскорбился он даже не на скандал, скандал, возможно, ему понравился, но скандал был публичный, и вся Таормина узнала, что он не имел успеха.

В довершение всего я оперировала любимым польским словом, которое не цитирую, сознаюсь, итальянцы могли понять это слово по-разному. Возможно, их заинтересовало, о чем таком кривом шла речь, в любом случае это не походило на рекламу.

Лавры я пожинала колоссальные и патриотизм продемонстрировала. Полпляжа прилетело ко мне с пламенной улыбкой на морде, трясли мне руку и восклицали с великим признанием:

— Temperamento polonico — temperamento siciliano! [20]

Вот как спасается честь Отечества!

Значительно хуже обстояло дело с другим поклонником. Врач-педиатр, маленький, хромой, но ужасно симпатичный, увы, кроме внешности имел еще один недостаток — умопомрачительно смердел козлом. Козла мне, правда, нюхать не доводилось, но запах несомненно был козлиный. Когда он возил меня на машине по всему острову, приходилось постоянно опускать все стекла, а за столиком садиться так, чтобы ветер дул в его сторону.

Он тоже влюбился насмерть и, когда я уезжала, заливался слезами. На память презентовал мне четыре кило плодов опунции. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь пробовал плоды опунции, поэтому опишу их. По форме похожи на киви, но крупнее, красные или желтые, мякоть сладкая, сочная, с маленькими зернышками, но не в этом дело. Сверху плоды покрыты кустиками микроскопических иголочек, Боже упаси взять их голыми руками. Конец песне: невидимые иголки потом приходится выковыривать с лупой целыми неделями. Есть плоды полагается на тарелке вилкой и ножом, сперва освободив их от колючей кожицы.

Такой подарок я получила потому, что мы то и дело говорили

про кактусы. С глубоким волнением через двадцать пять лет, второй раз в жизни, я увидела в рыночных рядах плоды лотоса. Четверть века назад, во время оккупации, такие плоды однажды привез мой отец, непонятно откуда, я пребывала в безграничном восхищении. Похожие на помидоры, сладкие, сочные, без косточки, с терпкой кожицей, которую тоже можно съесть, — я была в полном упоении и запомнила их на всю жизнь, мечтала о том, чтобы еще раз попробовать этакое чудо. И вот наткнулась на них в Таормине, больше нигде не встречала, якобы этот lotus или lothus (слово так и не собралась проверить) — тоже какой-то вид кактуса. В итоге, значит, всевозможные плоды кактусов сопровождали меня всю жизнь.

Заплаканный поклонник одарил меня опунциями в последнюю минуту, и кулек я довезла до Копенгагена. В полете отличилась небывалой географической эрудицией, мы летели днем, над облаками, и вдруг я увидела вздымавшиеся из облаков идеально правильные пирамиды— Я задумалась: как же их построили? На такой высоте столь совершенные геометрические фигуры и на чем же они установлены?.. Потом сообразила: летели мы над Альпами и рассматривала я горные вершины.

Опунцию я притащила в мастерскую, и все коллеги по очереди умоляли меня подарить им еще хоть парочку: ждут гостей, а развлечение с этими плодами просто отличное. Я охотно раздавала — четыре килограмма таки много.

Там же, в Таормине, в гостинице «Минерва», я открыла в себе ужасающий изъян: вредный, угнетающий и… не поддающийся искоренению. Выяснилось, что я не способна украсть. Кошмар! Я вовсе не шучу, до сих пор не могу себе простить. В гостинице на столиках расставляли пепельницы небывалой красоты, а пунктик на пепельницах уже захватил меня с потрохами, из чего эти пепельницы сделаны, представляла — нечто подобное Люцина привезла из Канады, керамика с металлом, индейские изделия, глину смешивали с какими-то рудами, и получалась прелесть. Страстно и неудержимо мне хотелось похитить хотя бы одну из них. Взять и украсть. Мне никто не мешал, гостиница после завтрака пустела, вокруг ни души, а я торчала у столика, на котором высилась целая башня вожделенных изделий, перебирала пепельницы, где-то под ложечкой подсасывало. Пепельницы дешевые, сопру одну и оставлю большие чаевые. И шиш: руку парализовало, стояла столб столбом без толку, пожалуй, с четверть часа. Удалилась без трофея, тяжко переживая собственную бездарность и запоздалые претензии к семейству за идиотское воспитание.

А в принципе Таормина благотворно сказалась на мне. Еще

некоторые развлечения пережила на границе: поехала я по пятидневной транзитной визе, а тур продолжался восемь дней. Уже при въезде стоял крик: signorina, cinque giorni, otto giorni, — надо идти к carabinieri [21], дабы продлить визу, ладно, пойду, продлю. Еще чего — никуда не пошла, так и разбежалась терять время на идиотизм. При отъезде, разумеется, началось все сызнова. Я разозлилась и коварно предложила:

— Molo belia Italia. Jo posso restare e piu! [22]

Не захотели оставить меня в прекрасной Италии подольше, на том и примирились, и я уехала беспрепятственно.

Опять-таки отступление само напрашивается.

В сущности, я люблю таможенников и всякие пограничные службы. Мне их работа представляется в высшей степени интересной, и всегда испытывала к ним одни только симпатии и никаких претензий. Алиция же как раз наоборот, ненавидит мундирные службы, а я давно уже начала подозревать, подобные чувства от человека излучаются, радируют вопреки его желаниям и намерениям. И точно: меня не проверяли никогда, у Алиции же таможенник из куска ткани на юбку вытаскивал нитку продольную и поперечную, дабы проверить сорт материи.

Отправившись в Италию, она повторила мой номер — взяла пятидневную визу на восьмидневную экскурсию. У меня все кончилось благополучно, Алицию же завернули с границы и велели искать во Франции итальянское консульство. Приехала она злая как сто тысяч чертей, устроила мне скандал, я, дескать, ошибочно ее информировала. Я показала паспорт.

— Ты дура, — доходчиво объяснила я. — Их обожать надо, а ты что? Щеришь зубы якобы в улыбке, а человека от тебя трясет — того и гляди, укусишь. Полюби их и будешь ездить беспрепятственно повсюду!

— Полюби! — заскрежетала Алиция зубами. — За что бы это?!..

— А просто так…

Она постучала пальцем по лбу и чувств не изменила.

A propos таможенного контроля в рамках того же отступления. Эва и Иоанна-Анита поехали вместе в Польшу, в одном купе. Рассказ о путешествии сперва услышала от Иоанны-Аниты.

Эва нервничала с самого отъезда, чем ближе к границе, тем больше беспокоилась. Зная об отсутствии у Эвы всяких контрабандных склонностей, Иоанна-Анита не понимала причин беспокойства, в конце концов заинтересовалась. Доехали до польской границы, в купе заглянул таможенник, не успел поздороваться, как Эва запричитала:

— Вы знаете, у меня всего очень много!

Таможенник вошел и посмотрел на нее с большим любопытством. Стоит заметить, в то время Эва была женщина вполне пышная.

— А… прошу прощения, где у пани слишком много?

— Везде! Всего! Слишком много!

— Значит, что же у вас?

— Какие-то блузки, юбки, всякое барахло, и вообще, все не мое! Костюм, свитерочки…

— А вещи дамские?

— Дамские.

— Ну так пусть будут ваши.

— Исключено. Не мой размер, не мой цвет, все не мое, все чужое, я хотела бы все это у вас оставить!..

Таможенник несколько удивился, отступил, Иоанна-Анита не выдержала и начала хохотать. Таможенник посмотрел на нее.

— А вы вместе?

— Вместе, — призналась Иоанна-Анита.

— Так, может, вы бы как-нибудь поделили эти вещи?

— Конечно, поделим…

— Спасибо, до свидания.

И он поспешно ретировался из купе, отказавшись от всякой проверки.

— Понятия не имею, что с ней такое, — комментировала позже Иоанна-Анита. — Рехнулась или еще что, она ведь в самом деле собралась всучить ему вещи и перепугала мужика насмерть. И что с ней такое, ведь не первый же раз ездит…

Правду я услышала чуть позже, когда из Польши вернулась и Эва.

— Ты же знаешь, я не умею отказывать, — повествовала она мне горестно. — Вовсе не желаю что-то делать, да всегда уступаю под нажимом. Знакомая попросила взять в Польшу маленькую посылку с вещами, ненавижу я это, но она так умоляла, я в конце концов согласилась. Ну и притащили, нет, ты только подумай, целый кофр, настоящее чудовище, и это посылочка? Бессовестные и нахальные люди, воспользовались моим согласием! Не везти же кофр, я все перепаковала, начала вынимать вещи — не представляешь, какое… Достала нечто странное, показала моей Ирке: «Как ты думаешь, что это такое?» Ирка рассмотрела: «Если бы не цвет, голову прозакладывала бы, наволочка на огромную подушку». И знаешь, что оказалось? Юбка!..

— А цвет? — поинтересовалась я с жадным любопытством.

— Цвет дерьма.

Я отлично поняла Эвины вопли в вагоне: «Не мой размер, не

мой цвет!» Да, много чего можно выдержать, но такую одежду ни одна женщина не перенесет.

А теперь снова о Таормине, от которой никак не могу отвязаться. Вместо шоссе там повсюду «мертвые петли» на крутых дорогах. В автокаре вся шведская группа вскочила на ноги, когда какая-то машина собралась сделать обгон, а вторая появилась сверху. Все водители действовали словно в цирковом аттракционе. Автокар и машина с горы притормозили, а тот, снизу, обгонявший, втерся между ними — разминулись на миллиметры. Мой воздыхатель тоже доставил много эмоций: например, одной рукой жестикулировал, а второй пытался погладить меня по колену, я вежливо попросила хоть одну конечность держать на баранке. В последний день, а вернее, ночь, когда мы уже собирались в Катанию, в центре Таормины появилось препятствие — перед гостиницей припарковался лимузин, и автокар никак не мог втиснуться в оставшуюся щель. Вопреки всему и вся попробовал проехать, левым боком шаркал по стене здания, а правым по лимузину, и протиснулся бы, не случись малюсенький ризалит, выступавший всего-то на два сантиметра. И тут автокар застопорило. Было два ночи, из гостиницы вывалился хмырь в халате, сообщил, лимузин не его, надо поискать владельца. Появился шанс опоздать на самолет. Но владелец обнаружился, полетел было на водителя автокара с кулаками, да не смог до него добраться. От «mamma mia» и «porca miseria» [23] загустел воздух, наконец машины разъехались — автокар дал задний ход, недурно помятый лимузин отчалил, для нас освободилась дорога.

Лампочки в гостинице «Минерва» давали слишком мало света, только вернувшись к фру Скифтер, я рассмотрела себя в зеркале. И обомлела: помолодела на десять лет и сказочно похорошела. И как же после этого мне не любить Таормину?..

* * *

Вскоре после Алиции в Польшу уехал Мартин. Мы вместе сидели на ступеньках у входа в дом на бульваре Андерсена и горевали от всей души. Бог знает, почему сидели на лестнице, с равным успехом могли горевать в комнате. Вроде бы уж хватит Дании, соскучились по родине, а с другой стороны, возвращаешься словно в тюрьму. Отправиться в новую поездку — еще бабушка надвое сказала, полно трудностей, дадут ли, к примеру, паспорт, возьмут и откажут без всякой видимой причины, потому только, что у любого буцефала так левая нога захочет, и что?..

Именно такова подлинная причина наших бесконечных поездок. Всю болтовню насчет заработков, жадности, обогащения можно спокойно подложить под трамвай, хотя в самом желании разбогатеть нет опять-таки ничего уж такого зазорного. Разумеется, многие уезжают исключительно ради денег, чему, впрочем, трудно удивляться, но самое главное, в этих западных странах люди чувствовали себя людьми. Имели право сами решать, что и как, без особого на то разрешения первого встречного чинуши, наделенного властью. Такой чинуша всю жизнь мне определит исходя из своих представлений, а по какому праву, черт побери?!..

Раньше всех сформулировала свое отношение к делу Алиция.

— Я откровенно заявляю, — поведала она как-то. — Предпочитаю жить здесь хоть под мостом и жрать картофельные очистки, нежели там купаться в икре с шампанским. Primo, ни один старый хрен не диктует мне, что делать и как делать; как хочу, так и живу, например, в любую минуту могу поехать в Вену, а secundo, здесь мне никто не лжет, лапшу на уши не вешает. Здесь не врут, может, заметила случайно? А у нас лгут на каждом шагу. Лжи не выношу, с меня хватит.

Решила выйти за Торкиля и остаться в Дании навсегда. Я поняла ее прекрасно, хотя и не полностью: масштабы нашей лжи тогда еще не доходили до меня в полном объеме. Позже поняла все это гораздо лучше.

С заключением брака неприятностей у Алиции тоже хватило, подробностей не знаю, была в это время в Копенгагене, а все осложнения, разумеется, обрушились в Польше. Сдается, очередная властелинша в паспортном бюро сообщила ей, что получит паспорт и уедет лишь в том случае, если принесет справку насчет датского мужа и свидетельство о заключении брака. Алиция едва не отказалась от Торкиля назло бабе.

Непременным условием заключения брака является пребывание будущего мужа в Польше в течение по меньшей мере тридцати дней. Торкиль взял отпуск и приехал — Алицию он любил очень. Аккурат тут же тяжело заболела последняя родственница Алиции, тетка, жившая в Вельске. Алиция забрала жениха с собой в Бельск, где раздваивалась на равные половины: ухаживала за теткой и пыталась хоть как-нибудь развлечь Торкиля…

Ничего не поделаешь, здесь неизбежны интимные подробности. Тетка уже не поднималась с постели, нуждалась в уходе, то и дело тихонько просила:

— Писать…

Торкиль глухотой не страдал, слышал эти тихие просьбы, хотя Алиция выгоняла его на прогулки и экскурсии. Ездил, конечно, ходил в горы, однажды выбрался на Климчок.

На горе съел бутерброд, запил пивом, спустился, осмотрелся в поисках соответствующего объекта, не обнаружил, наткнулся на двух баб, мывших пол в какой-то забегаловке. И к этим деревенским бабам с подоткнутыми подолами элегантно обратился:

— Do you speak English? [24]

Бабы бросили свое занятие и уставились на него во все глаза. Торкиль попробовал иначе.

— Parlez-vous fransais? [25] Снова не получил ответа.

— Sprechen Sie deutsch? [26] — осведомился он почти в отчаянии.

Бабы с поломойными тряпками в руках таращились на него, будто на говорящую лошадь. Торкиль сказал «dablju si», «nul nul» [27] — никакой реакции. И вдруг он вспомнил больную тетку Алиции.

— Писать! — охнул он.

Бабы расцвели от радости — поняли иностранца! Побросали тряпки, схватили его за руку, поволокли в соответствующее помещение, скандально компрометирующее страну, тем не менее служившее санитарным узлом. У меня слезы текли от хохота, когда Алиция рассказала мне этот эпизод, только датчанин способен на нечто этакое — «Parlez-vous fransais» к бабам, моющим пол под Климчаком!..

Проблемой оставался для Алиции и Янек, хотя вопрос о расставании обсуждался с ним не раз. Янек вел себя благородно и по-джентльменски, они остались друзьями, и Алиция во что бы то ни стало жаждала одарить его, позвонила, велела мне купить и переслать ортальоновый плащ соответствующего размера, у нас тогда раритет.

Мартина в универмаг я затащила силой — надо же на кого-то

плащ примерить, на номер размера надеяться не приходилось — везде разные. Мартин ненавидел примерять одежду, можно сказать, пожертвовал собой, стоял столб столбом, с закрытыми глазами и сжатыми зубами, а я безумствовала вокруг него, стараясь выбрать наилучший вариант. Продавщицы посматривали на нас странновато и нерешительно, но я в раже не обратила внимания.

Выбрали наконец, я отослала и получила от Алиции письмо, начинавшееся так: «Янек, хотя мы и разошлись с ним, пол не менял…»

Да-да, купили дамский плащ гигантского размера, на чудовищно огромную бабу. Алиция ласково спрашивала, что с ним делать, ибо Горпин в Польше мало. Кажется, ей удалось-таки плащ загнать.

История с колбасой, увековеченная в *"Лесе",* тоже подлинная. Мартин получил из Польши колбасу, а может, и можжевеловку к тому же, его шеф, интересовавшийся польским языком, запомнил название продукта и почти правильно произнес:

— Кал… баса…

— Моча тенора, — машинально пробормотал Мартин.

Шеф обладал хорошим слухом и с интересом спросил, о чем речь. Мартин растерялся от смущения и разъяснил — так, мол, называется сорт колбасы. Шеф запомнил.

Во время первого пребывания в Дании я начала писать *«Крокодила из страны Шарлотты»* и сразу убила Алицию лишь с одной целью — написать про рысаков в Шарлоттенлунде. Рысаки на Аматере не вдохновляли меня, хотя там я выиграла на Хермода, там Флоренс пришла первой на короткой дистанции, там состоялись скандинавско-советские состязания по конному спорту, и мы с Мартином испереживались, на кого ставить из патриотических соображений. Решили дилемму, смешав датских лошадей с русскими, и угадали рекордный порядок, правда, обратный. Четырнадцать крон за пять. И все-таки я предпочитала Шарлоттенлунд.

Введу еще маленькое отступление, чтобы при сем подходящем случае почтить датский Аквариум, одно из чудеснейших мест на земле. Я от многих слыхивала, что во время депрессий, хандры, стрессов люди едут посидеть в датский Аквариум и душевный хаос проходит сам собой. Там всегда царил небесный покой, конечно, не в туристический сезон и не во время экскурсии табуна разнузданных деток.

Как легко догадаться, там жили рыбы: барракуды, пираньи — и другие обитатели вод. И еще змеи и черепахи, и одна черепаха чуть не заставила нас — моего сына Ежи и меня — проворонить

бега. Разумеется, это случилось позже, приехал Ежи, я взяла его в Шарлоттенлунд, перед состязаниями мы отправились в датский Аквариум и чуть ли не у входа натолкнулись на роскошное зрелище — огромная черепаха влезала на пенек. Действие разворачивалось следующим образом: черепаха, потихоньку нащупав, упиралась одной ногой в самую нижнюю неровность на пеньке, понемногу приподнималась и тихонько передвигала вторую ногу на следующую неровность, первая нога соскальзывала, и черепаха плавно и медленно сползала вниз. И все начиналось сначала: потихоньку упиралась первой ногой…

Происходило все это, ясное дело, в воде. Мы смотрели через огромное стекло, сидя напротив на скамеечке, поглощенные зрелищем, глаз не могли оторвать. За полчаса один только раз удалось черепахе упереться второй ногой, и мы уже возликовали, но тут же она снова соскользнула и опустилась вниз. Оторвались мы от этой картины с усилием, осмотрели все остальное и вернулись к черепахе, которая пребывала в процессе подъема второй ноги. Когда через несколько месяцев я вернулась домой, сын прежде всего осведомился, влезла ли черепаха на свой пенек.

Возвращаюсь к *«Крокодилу»,* для которого мне, естественно, потребовалось множество всевозможных сведений. Тип преступления навязывался сам, наркомания становилась настоящим бичом общества, а тогда никому еще не пришло в голову везти наркоконтрабанду с востока через Польшу, опасаюсь, я выдумала это первая. Тем не менее как с самими наркотиками, так и с торговлей оными я имела мало общего, нуждалась в совете профессионалов.

В первую очередь пристала к полиции и добралась до господина инспектора Йерсиля, специалиста по наркотикам, к тому же говорившего по-французски. Французский в устах датчанина и отдаленно не напоминает ни одного из языков мира, поэтому я сразу предложила рациональный метод. Я буду рассказывать, а он лишь сообщит, имеют ли какой-нибудь смысл мои выдумки и можно ли о них написать или, напротив, все мои измышления — полная ерунда. Господин Йерсиль охотно согласился, думаю, по той простой причине, что всякая полиция предпочитает больше слушать, нежели говорить.

Очень подробно, просто, с соблюдением грамматики и с приличным акцентом я описала ему всю комбинацию с контрабандой в консервных банках, с переправкой товара и распространением его на ипподроме. Господин Йерсиль выслушал внимательно и спокойно, после чего осведомился:

— Откуда вы это знаете?

Вот холера, недоразумение какое-то, подумала я…

Начала сначала, объяснила, пишу, мол, книгу и так это дело представляю…

— Да, я понимаю, — сказал господин Йерсиль. — Но откуда вы это знаете?

Да ниоткуда не знаю, Боже мой, к нему пришла узнать! Я разнервничалась, начала рассказ снова, господин Йерсиль терпеливо выслушал.

— Все это хорошо, — настаивал он. — Но откуда вы знаете?

После долгих лингвистических мытарств я поняла, что самым обыкновенным образом и по чистой случайности попала в яблочко. Изобретенные мной ситуации имели место в жизни, оптовая и в розницу торговля наркотиками действительно производилась во время заездов. И несколько других мелочей тоже попало в цель. Подозрение, будто я участница событий, а теперь доношу на подельников, мне удалось рассеять, от господина Йерсиля получила информацию драгоценную, и, в конце концов, он уже просто оказался человеком приятным, поскольку писал ко мне письма, начинавшиеся с «Chire Mademoiselle».

Воодушевленная успехом в полиции, я решила использовать нашу Палату загранторговли. По моему требованию Иоанна-Анита извлекла из Палаты якобы умнейшего человека и договорилась о моем визите.

— Слушай, нашла в самом деле наиумнейшего, — сообщила она по телефону. — Не объясняла ему, в чем дело, встреча завтра…

Я поехала, представилась, мы уселись за круглым столиком с типом весьма солидных габаритов, и я начала без вступления:

— Хочу получить у вас совет — надо контрабандой переправлять в Данию наркотики, лучше всего в продуктах — ветчина в банках или еще что-нибудь в таком роде. Не знаю, как все эти операции осуществляются. Помогите.

Тип отодвинулся от меня вместе с креслом.

— Но, пани, о чем вы… Это запрещено!

— Разумеется, — согласилась я. — Именно поэтому приносит большие барыши.

Тип отодвинулся еще дальше, испуганно взглянул на телефон. Находись мы в Польше, он уже звонил бы в милицию, в Дании не знал, куда звонить, а телефон господина Йерсиля имела я, а не он. Я спохватилась — не объяснила: об этих преступлениях пишу книгу, а не совершаю их. Дала паспорт, удостоверение авторского объединения «ЗАИКС» и удостоверение Союза польских архитекторов, даже водительские права. Ничего не помогло. Залопотал, он-де занимается промышленными

товарами, а в проблемах торговли продуктами не ориентируется, к тому же страшно занят. Вскочил с кресла и сбежал.

На следующий день позвонил Иоанне-Аните с жуткими упреками: посылает к нему каких-то провокаторш, он решительно отказывается, не желает иметь ничего общего и так далее. Наиумнейший работник нашей заграничной торговли!.. Неудивительно, что с этой торговлей мы все время остаемся на бобах…

Сразу об этом же дальше. Вскоре после возвращения в Польшу, все еще занимаясь *«Крокодилом»,* в любимое рабочее время — в половине второго ночи — я позвонила в Главное управление милиции и попросила соединить меня с дежурным офицером, и не любым, а спецом по контрабанде. Пожалуйста, соединили.

— Добрый день, — начат я опять без всяких вступлений, — я хотела бы провезти контрабандой через границу труп, надеюсь, вы мне поможете.

— Охотно помогу, уважаемая пани, — галантно ответствовал хмырь с другого конца провода. — Проблема одна: в каком состоянии труп — свежий или так себе, малость подпорченный?

— Какое там подпорченный, свеженький, как живой! — заверила я.

Мы пробеседовали в таком духе довольно долго, он дал мне кучу драгоценных советов и подробностей. Лишь в конце разговора я призналась, что пишу книгу.

— Так об этом, уважаемая пани, я с самого начала догадался, — сообщил с явной ухмылкой пан дежурный офицер.

Ну и как вам это нравится? Там официальный представитель страны, а здесь обычный милиционер. Так кого же мне любить?

Жилье у фру Скифтер имело дополнительную привлекательность, а именно за счет своего местоположения. С работы я, как правило, уходила поздно, часто последней, по трем причинам: во-первых, приходила тоже последней, во-вторых, работала много, в-третьих, вкалывала с удовольствием и охотно оставалась дольше, потому что хотела заработать. Продовольствие закупала раз в неделю по пятницам, в остальные дни магазины закрывались слишком рано. Райскую жизнь зато имела с весны до осени, когда в Тиволи работали допоздна, ибо, как уже говорила, жила как раз напротив бокового выхода, по другую сторону улицы.

Не говоря о фейерверках, которыми могла любоваться трижды в неделю, в Тиволи работали до полуночи, и, возвращаясь из мастерской, я имела шансы перекусить. Входила в главные ворота, пересекала всю территорию, покупала полцыпленка или

персик размером с дыню, задерживалась у автоматов, и жизнь казалась прекрасной. Дома никто не ждал, не спрашивал, где была, не нервничал из-за моего опоздания, не пилил из-за поздних возвращений, не скандалил, вообще не морочил голову…

Мало в жизни более прекрасных минут, когда сознаешь — тебя никто не ждет, ты свободен и волен делать что хочешь…

Да, забыла сообщить, что очередные пироги от матери и колбасу я получила еще летом, когда пришел «Баторий». На «Баторие» отправилась в Канаду мать Эльжбеты, жены Стефана, моего кузена. Соответственно раньше моя мать получила письмо с беззаботным сообщением: пани Марыся собирается в Канаду на два месяца, но уже не вернется.

— Ну ясно, — констатировала я тогда меланхолически. — Хоть раз будет понятно, почему у человека отобрали заграничный паспорт!

Но пани Марыся поехала-таки, что служило неопровержимым доказательством небрежности нашей цензуры. Подтвердилось мое личное мнение — читают; однако не все, а лишь выборочно.

Я встретилась с пани Марысей в порту, она сошла с парохода, да и все пассажиры тоже, никто их не ограничивал, могли делать что угодно, посмотреть, например, город. Я отвыкла от своих соотечественников, и они, понятно, меня ошарашили. В транзитном зале, где я утрамбовывала любимое пропитание, к нам подлетела баба в шубе, лихорадочно допытывалась, где ближайшие магазины — ей необходим свитер, ужасно мерзнет, совсем закоченела. Primo, стояло лето, secundo, на ней была меховая шуба, и от сообщения, как она страдает от холода, я малость обалдела. Объяснила — до магазинов далеко, да и без разницы, в пять все равно все закрыто. Она выглядела так, словно я ее совсем добила.

Когда я вышла, подъехало такси с водительшей, я собралась взять машину, мне вовсе не улыбалось лететь в Эстерпорт пешком, с другой стороны к машине бросился какой-то мужик.

— Сколько стоит доехать до города? — судорожно допытывался он. — Пани, я вас спрашиваю, почему вы не отвечаете?

Я не выдержала.

— Эта пани не отвечает, ибо не говорит по-польски. — ядовито объяснила я поверх машины.

— Как это не говорит?! Почему?!

— Потому что тут Дания, и эта пани говорит по-датски.

— Вы же говорите по-польски… — упрекнул он меня подозрительно и с обидой.

— А я из Польши и говорю по-польски с рождения.

Мужик смирился и оставил проблему языков в покое.

— Скажите, пожалуйста, где здесь какие-нибудь магазины? И что можно купить?

— Нигде и ничего нельзя, — разозлилась я. — Все закрыто, разве что на вокзале, но там все очень дорого.

Я села в машину и уехала. Что за безумие всех их одолело, до сих пор не пойму, зачем так кидались за покупками в Данию, ведь плыли в Канаду, там снабжение тоже неплохое. Со всех сторон только и слышалось: где магазины? А как раз в ту пору дело с магазинами обстояло не наилучшим образом, датчане в порту как-то не предусмотрели покупок. Эх, наше дорогое общество…

Пришла и мне пора возвращаться. Жила я в Дании уже год и три месяца, ностальгия помаленьку и меня начинала одолевать. До сих пор ощущение счастья оттого, что нахожусь здесь одна, преобладало, отдаление от моего семейства само по себе было неимоверным блаженством. А вот теперь мне уже хотелось побывать у них, хорошо бы недельку-другую, так ведь нет — приеду и засяду надолго, правда, я предусмотрительно оформила себе возможность снова приехать в Данию на работу.

За второй подержанной машиной я опять поехала в Гамбург; памятуя о предыдущем путешествии, не морочила себе голову спальным вагоном, все равно не спать, так хоть платить за это не стану. Взяла обычный первый класс, удобный, с мягкими креслами.

Все бы отлично, да со мной в купе поселился гиппопотам — не вмешался между подлокотниками, я попробовала подсчитать, сколько мог весить: никак не меньше двухсот пятидесяти килограммов. Пыхтел как паровоз, пока что мне это не мешало, пускай пыхтит, все равно шведская группа в соседнем купе что-то отмечала — выли, орали, пели, заглушая все скрежеты поезда, никакой надежды хоть подремать. На пароме шведы надрызгались окончательно, позасыпали и утихли, понадеялась я на покой, не тут-то было, гиппопотам начал чихать.

Чихал и чихал без продыху каждые пятнадцать секунд и, Богом клянусь, дочихался до самого Гамбурга.

Вот и подтвердилось окончательно: поезда меня не любят, опять бессонная ночь, одно утешение — меньше стоила. Встретилась я с тем отличным мужиком, помогавшим в прошлый раз, владельцем косметического магазина, я даже купила у него сливки для лица, после чего решилась на «опель-капитан» в отличном состоянии. Он оформил все бумаги, печень на сей раз не допекала меня, и опять я начала, дав задний ход — машина стояла у самой стены. Я же говорила: ни разу не довелось мне двинуться новой машиной сразу вперед.

При въезде на паром на меня ринулся было столбик, я ведь привыкла к габаритам горбунка, а «опель» таки основательно от него отличался. Все обошлось, лишь чуть-чуть задела бампер. При выезде с парома впервые столкнулась с контролем машин. Открывали все и проверяли багаж. Я, конечно, тут же полюбопытствовала.

— А вы не наркотики ищете? — спросила я, сунув таможеннику целую кипу бумаг.

— Да, конечно, а у вас есть?

— Мне ужасно неприятно, — призналась я с искренним огорчением, — но у меня нет, машину купила сегодня, всего несколько часов назад, только духи.

Косметические сливки лежали в сумочке, бутыль Диора, которую купила на пароме, лежала на заднем сиденье и никого не интересовала. Не пожелали меня проверять. Даже багажник не просили открыть, я почувствовала себя прямо-таки обиженной.

Из Рёдбю направилась в Копенгаген за автобусом дальнего следования — стемнело и спустился туман. Автобус имел противотуманные фары и пер сто двадцать пять в час, опережая по пути всех. Вперив глаза в его задний свет, я тоже обгоняла всех, прилипла к автобусу, словно загипнотизированная, — вздумай он прокатиться по картофельному полю, я рванула бы за ним. Вышла я из транса, когда он припарковался в незнакомом предместье Копенгагена, а я поняла, что совсем не соображаю, куда меня занесло.

Полночь, в городе ни души. План города, естественно, с собой не взяла, где центр, распознать не удалось — зарево света одинаковое со всех сторон. Господи, где же я живу?!..

Что я только ни вытворяла, чтоб обратить на себя внимание: поворачивала в запрещенных местах, переехала линию с двойным кирпичом, попрала все правила дорожного движения. Никому до меня не было дела, во всем городе я одна-одинешенька. После длительных метаний, в ходе коих потеряла и стоянку моего автобуса, рассмотрела вдруг типа на тротуаре. Подъехала, опустила стекло.

— Где центр?! — заорала я, не вдаваясь во всякие вежливости.

У типа хватило ума не болтать, а просто показать пальцем направление. Оказалась совсем близко от центра, узнала район и добралась-таки до дому. И ничему не научилась: то же самое происходило потом в Чехословакии, в Варшаве, в Алжире — всегда забывала карту…

Движение транспорта в Дании с самого начала вызывало полное мое восхищение. Манера датчан ездить основана на

принципе полного доверия друг к другу, прямо наоборот нашей манере, где обязателен принцип полного недоверия. Двигались все плавно, если перед красным светом стояло двадцать машин, все двадцать начинали движение синхронно и никто ни на кого не наезжал, я наблюдала за этим с полным упоением. Более того: все двигалось на расстоянии двух сантиметров друг от друга, и никто не изменял этого расстояния ни на волос. Обучение водить машину якобы происходило так: инструктор заслонял адепту зеркало заднего вида и говорил:

— Никаких зеркал. У водителя глаза должны быть и сбоку, и на затылке.

Я сама за две короткие недели езды по городу успела привыкнуть, что не имею права двинуться, пока не оглянусь вокруг. К тому же первые два дня приспосабливалась к размерам машины и ездила как циркачка — на миллиметры от остальных. В третий день держала дистанцию на целый сантиметр и сохранила такую дистанцию уже сознательно.

С чем я так и не примирилась, так это велосипеды. Датчане маниакально преданы велосипедам, об этом я знала с детства, но велосипедисты до самого конца будили во мне ужас. Еще взрослые — полбеды; например, из автобуса я наблюдала такую сцену: ехал хмырь на велосипеде в двадцати сантиметрах от края тротуара, перед самым перекрестком вытащил из кармана носовой платок и обеими руками начал вытирать нос, одновременно поворачивая вправо. Я высунулась из окошка, чтобы досмотреть — вытирал нос, поворачивал, третьей руки для руля не имел и все время ехал ровнехонько в двадцати сантиметрах от края прохожей части, как по трамвайной линии. Ладно, этот тип явно владел велосипедом, а дети?.. Семилетние дети возвращались из школы на велосипедах, в центре города, вокруг море машин, за ними автобус, почти касающийся задних колес велосипедов. Увидев такое, поневоле вздрогнешь. И всё вместе двигалось в идеальном спокойствии, в том самом слаженном дружном движении, которое во мне вызывало разом и восхищение и ужас.

Неимоверно законопослушная Аня с легкостью приняла датские принципы. Но приехала все же из Польши, и ее польская душа реагировала. Описала мне сцену, из которой моментально извлекла выводы.

— Слушай, стою перед красным светом, люди тоже стоят. Я оглянулась — боковая улица абсолютно пуста, можно перейти десять раз, не будь тут этих датчан, я бы перешла. Только подумала, на огромной скорости пронеслась машина, не представляю, откуда и взялась, одно совершенно очевидно:

водитель уверен, что путь свободен, зеленый свет и ни одна живая душа под колеса не полезет. Тут-то я и поняла, они безгранично друг другу верят…

Мне это очень понравилось — люблю доверие. Воспитали меня датчане так, что и сама стояла на красный свет в два часа ночи в абсолютно пустом городе и послушно ждала зеленый…

Не уверена, вернулась бы я в Польшу в запланированные сроки или нет, если бы не Рождество. Чистый идиотизм и трата денег этот мой отъезд на Рождество, ведь паспорт и визу мне продлили до марта, а в мастерской работы хватало, и я могла бы подштопать прорехи в финансах. Так нет же, тут у меня ума никогда не хватало, видите ли, тянуло домой.

Вместе со мной собрался ехать Томек, тоже архитектор, молодой парень, приблизительно возраста Мартина, может, чуть старше, уже закончил вуз. В подарок от друзей получил глобус без малого кубический метр в объеме, пластиковый, освещенный изнутри, очень красивый, за глобус Томек просто дрожал, как бы чего не потерлось в поезде, искал безопасный вид транспорта. «Опель» большой, сзади места на два глобуса хватит. Томек принял отчаянное решение.

Не будь глобуса, не поехал бы со мной — у него комплекс на пункте машин. Совсем недавно его отец, возвращаясь на машине из Швейцарии как раз на Рождество, разбился в Альпах, с тех пор Томек не переносил автомобилей.

Кстати, только по поводу смерти отца, чтобы поехать на похороны, ему выдали паспорт. До того шесть лет хлопотал и шесть лет ему отказывали по таинственным соображениям. Смерть отца заставила проверить документы, выяснилось, в Польше скрывается преступник с теми же именем и фамилией. А посему, на всякий случай, не проверив связи между преступником и Томеком, в выдаче паспорта ему просто отказали, рассматривая их чуть ли не как одно лицо. Дело выяснилось случайно, когда в паспортное бюро пришел работать парень, с которым Томек вместе учился в школе.

Заодно расскажу еще один случай из этой серии: я стояла в очереди в паспортном бюро вместе с женщиной, уже несколько лет хлопотавшей о заграничном паспорте. Она со слезами поведала мне о своих мытарствах.

Обратилась она за паспортом давно, собрала все документы, паспортное бюро не видело препятствий, не хватало лишь какой-то маловажной бумажки. Женщина пообещала бумажку принести, и паспортистка, милая и доброжелательная, поставила на документах галочку, чтобы не забыть про эту бумажку. На следующий день паспортистка попала в больницу с

аппендицитом, а проклятая галочка ее заместительнице показалась подозрительной. Несколько лет ушло на то, чтобы выяснить все про галочку, и только теперь женщине обещали наконец паспорт.

И нет ничего удивительного в том, что во время пребывания в зарубежных странах нам всем снятся одни и те же кошмары: потерялся паспорт, деньги, в паспорте нет визы или штампа о пересечении границы, и вот плакала надежда куда-нибудь снова поехать…

Времени у меня оставалось мало, уже двадцать второе декабря, сочельник послезавтра. Паром из Гесера отходил в девять утра, я выехала в половине седьмого, впереди сто сорок семь километров пути. Было совсем темно, морозно, падал мелкий сухой снежок. Естественно, об антифризе для стекол забыла, лобовое стекло заиндевело, не успела оглянуться, как затянуло последний маленький чистый кусочек. Единственное, что маячило впереди, — мерцающие лучи всех встречных машин, я направляла «опель» так, чтобы держаться подальше от этого света, но не слишком далеко. Спасти меня мог только день.

— Томек, — безнадежно вопрошала я, — не знаешь случайно, когда сегодня взойдет солнце?

— Понятия не имею, — ответил Томек терпеливо.

Через несколько минут я начала снова.

— Слушай, во сколько сегодня всходит солнце?

— Не знаю. Наверное, поздно, — ответил Томек, пока еще владея собой.

— Томек, может, ты ориентируешься, в котором часу взойдет солнце?..

— Не ориентируюсь! Не знаю!

— Томек, как бы проверить, когда взойдет солнце?..

— Черт подери солнце! Как ты собираешься это проверить?!

— Я думала, вдруг случайно ты в курсе, когда взойдет солнце…

— Боже, спаси и помилуй! Вообще не взойдет!!!..

— Да нет же, должно взойти. А вот когда оно взойдет?..

Томек только стонал и скрипел зубами. Дорогу, целиком отмеченную проблемой восхода солнца, мы таки проехали, в Гесере солнце уже взошло, но я на первой же заправочной станции вылетела из машины с криком:

— Ice in Glas! Psik, psik!

Служитель понял безошибочно, тут же принес антифриз в аэрозоле для стекол за пять крон. На паром я въехала, имея полную видимость.

Второй мой идиотизм — опять забыла автомобильную карту,

вспомнила о ней только в ГДР. А в ГДР, хоть лопнуть, хоть повеситься, автомобильная карта — мечта в голубую полосочку…

Паром в те времена плыл три с половиной часа. Мы позавтракали. В Варнемюнде все еще было светло. Напротив углядела соотечественника, ехал «фольксвагеном» — горбунком.

— Вы, пани, на Колбасково? — доброжелательно осведомился он. — Будьте внимательны, за Ростоком сплошной лед. Вон как меня потрепало…

И в самом деле, весь капот у него был разбит. Я поблагодарила за предупреждение и озаботилась, ведь «опель» везла на продажу, на шикарно отлакированную машину при покупке старалась не смотреть, чтобы лакировка не искушала, — ведь не лакировка же мне нужна. Тем не менее любая царапина на этом произведении искусства снизила бы цену по меньшей мере на десять тысяч злотых, таких убытков я не могла себе позволить.

На заправочной станции нам вежливо показали автомобильную карту, продать отказались, но позволили переписать названия мест, через которые нам предстояло ехать. Переписывал Томек, на пароме немного пришедший в себя. Двинулись дальше.

От Ростока, согласно совету, ехала осторожно, и дай Господь Бог здоровья тому человеку да и его потомкам за предупреждение. Гололед начинался внезапно, просто тонкая черточка пересекала шоссе. Не знай я о нем заранее, влетела бы на лед со скоростью сто километров, и дальше мы уже пошли бы пешком, если бы вообще могли самостоятельно передвигаться.

Господи Боже, этакого мне еще не пришлось испытать. Лед. Успела сбросить скорость, после чего с ходу забыла о существовании педали не только тормозной, но и газа. Изменение скорости хоть на пять километров тут же заставляло машину съезжать в сторону, в направлении, вовсе не запланированном, — заносило то в кювет, то к середине шоссе. Не представляю, было ли холодно, я обливалась потом. Треклятое шоссе через ГДР отличалось большим разнообразием — крутое, почему-то выпуклое, узкое и обсажено деревьями. К тому же грызла мысль, только я, старая корова, неумеха, так еду, однако вскоре утешилась: немногие встречные машины тащились точно так же. Меня не обогнал ни один автомобиль. Перед глазами у меня так и сияла ослепительная лакировка моего «опеля», и каждое дерево становилось моим возможным личным врагом, хотя в принципе-то люблю природу.

Сто пятьдесят один километр я ехала почти пять часов. Через час сорок снова стемнело. В Пренцлау перестала отличать

проезжую часть от тротуара, но и себя ощущала одним целым с машиной, что прекрасно. Мы остановились, решили съесть обед, хотя время было вечернее и полагался скорее ужин.

В кафе появилась проблема. Ни Томек, ни я не говорили по-немецки, а хотелось только горячего мяса, лучше говядины. Wurst?.. Никакое не «Wurst» — это колбаса, а мы не хотим колбасы. Желаем добрую котлету, в крайнем случае печень под соусом.

К счастью, мне вспомнились лингвистические упражнения в Дании. На работе меня спросили по-датски, как по-польски будет «dumme swine»? Только дебил не понял бы.

— Глупая свинья, — ответила я.

Все с энтузиазмом заучили эти слова.

Минутку, пожалуй, я опять чуть-чуть отступлю от темы, хотя понимаю, что делаю это в драматический момент. В связи с глупой свиньей я услышала две датские шутки, передам их в авторизованном переводе.

Некий господин отправился в отпуск, вернулся, на работе спрашивают:

— Где ты был?

— В Париже.

— О, gammle swine…

— Да нет же, я был с женой!

— О, dumme swine!

Поясняю: «gammle» значит «старый». Вместе: старая свинья.

Вторая шутка.

Хмырь работает у фермера, приходит за оплатой, вздохнув, говорит:

— Пожалуй, придется купить себе велосипед…

Через месяц приходит снова, берет деньги:

— А все-таки этот велосипед надо купить…Приходит еще через месяц, берет деньги, фермер говорит:

— Я тебе отказываю. У меня уже не работаешь.

— Почему?!

— Хватит с меня болтовни про велосипед…

Почти английский юмор. Возвращаюсь к лингвистическим достижениям. Как-то мы с Мартином совсем спятили на тушеной грудинке с майораном, я взялась приготовить блюдо, пошла к мяснику, показала пальцем на витрину и произнесла:

— Longo swine, please.

«Длинной свиньей» людоеды в Австралии называли вроде бы белого человека. Мясник, по-видимому, не бывал в Австралии, не раздумывая долго, взял грудинку и отрезал, сколько надо. Вспомнив это лингвистическое достижение, я решительно

потребовала:

— Warme Schwein, bitte [28].

И пожалуйста, поняли сразу. Томек смотрел на меня с набожным восхищением. Не помню, что дали, котлету из грудинки или говяжий гуляш, во всяком случае мы вполне удовлетворили свои потребности.

Сил у меня прибавилось, и мы двинулись в дальнейший путь.

Гололедица кончилась, зато когда я выезжала на берлинскую автостраду, буйствовала снежная вьюга. Выезд крутой и сложный, я засомневалась, верное ли направление удалось избрать.

— Томек, что там должно быть? Ты ведь записал названия. Ей-Богу, не уверена, не едем ли мы на Берлин!

Появились указатели, я замедлила, читали с трудом, все залепило снегом.

— Господи, ничего подобного у меня нет! — всполошился Томек. — Такого названия здесь не должно быть! Куда мы едем?!

Ни один указатель не совпадал. Я продолжала ехать вперед — ничего другого не оставалось; что я видела в снежном вихре, не скажу — нельзя же выражаться. Впечатление такое, что я — единственная на всей трассе, и при мысли, что мы прем на Берлин, волосы на голове шевелились. До самой надписи «Государственная граница» я так и не была уверена, куда еду — в Польшу или в глубь ГДР.

Не помню, в котором часу оказалась на родине. В пункте таможенного контроля…

Кстати, расскажу еще кое-что — впечатления исторические. Я купила «опель» в ФРГ. Оказалось, ФРГ не признает ГДР, а посему ГДР не признает ФРГ. Из этого следует, в ГДР не признают фээргэвских автомобильных номеров. На границе, в Варнемюнде, от меня потребовали сменить номер на гэдээровский, всучив металлическую табличку с номером для замены.

От личного участия в очередном идиотизме я отказалась с помощью разъяренной фразы:

— Ich habe keine Instrumenten!

Сие означало, что у меня нет отвертки.

Кто прикрепил номер, не имею понятия, я к этому не притронулась и пальцем. По дороге я все намеревалась отвинтить этот бессмысленный номер и выбросить в кювет, а прикрепить нормальный номер, соответствующий регистрационному свидетельству! Не преследуй нас жуткие атмосферные условия, непременно выполнила бы этот финт. И готовилась поклясться: ничего знать не знаю — дали мне номер в Гамбурге согласно документам, и вообще, о чем речь? Простить себе не могу, что сперва гололед, а потом кошмарная метель не позволили

осуществить творческие поползновения!

В таможенном пункте меня ждали Войтек и Ежи, не потому что так по мне соскучились, — опасались, не придется ли сразу платить пошлину. Войтек на всякий случай приехал с деньгами, а мой сын сопровождал его из удовольствия.

— Я тебя сразу узнал — не выключила дальний свет за шлагбаумом, — встретил меня дорогой ребенок.

— Вы все вписали в таможенную декларацию? — осведомился таможенник вежливо.

— Пожалуй, все, — неуверенно сообщила я. — Может, мелочи какие…

— Лезвия привезла? — оживился Войтек.

— Вот именно, забыла об этом… — обратилась я к таможеннику.

— А носки привезла? — осведомился Ежи.

— Ну вот, и об этом забыла.

— Рубашки привезла?..

— Заткнитесь! — яростно шипела я в сторонке.

Не собиралась провозить контрабанду, но как человек может упомнить все шмотье, скопившееся за год с липшим пребывания и работы в другой стране! Да еще рождественские подарки! Черт знает, не придерутся ли…

Никто не придрался, воцарилась всеобщая дружба, за руль сел Войтек. Томек перебрался назад, оберегать свой глобус — как бы Ежи его не помял. Гэдээровский гололед застрял во мне занозой, хотя в Польше виднелись повсюду лишь мощные снежные заносы и на некоторых участках дороги укатанный снежный покров.

— Медленней, — ярилась я. — Медленней, черт побери! Куда спешишь, поворот, скользко, мало тебе «шкоды»?! Медленней!!!..

Моя паника передалась сидевшим сзади, Войтек не выдержал общего хора, в Гожове Великопольском остановились на кофе, после чего мы с ним поменялись. Несмотря ни на что, все-таки я за рулем чувствовала себя уверенней.

В Варшаву мы добрались в полдень. Я провела за рулем без перерыва двадцать девять часов, доехала благополучно — на ослепительной лакировке ни царапины. Дала себе торжественную клятву неделю не садиться за руль. Ну и в тот же день отправили меня на Грохов за рыбой.

Тоска по родине и драгоценным близким в быстром темпе начала угасать.

* * *

Кажется, весь год пребывания дома между первой поездкой в Данию и второй преобладали события сугубо личные. Очередности не упомню, лучше в памяти сохранилось их значение. Прежде всего, в моей квартире печи заменили наконец электрообогревателями. Сподвигся на такое самопожертвование Войтек, инспирированный Аней еще до моего приезда. Аня придерживалась того мнения, что позитивные Войтековы чувства нуждались в доказательствах. Удалось-таки ей его убедить, по-видимому, еще нуждался во мне. Все установки были водружены руками спецов, и угольные мытарства наконец кончились.

Этот уголь, подводя итоги, можно сказать, отравил мне полжизни. Кроме того, что довольно дорого стоил, изводил вечной проблемой — кому носить. Геня, домработница, отказалась наотрез, носил Ежи, потом появился Войтек, и тут я призадумалась. Заставлять носить бедного тринадцатилетнего ребенка, обслуживая взрослого бугая, или пусть носит несчастный сожитель, обслуживая неплохо подросшего и распоясавшегося сопляка. Не разрешила противоречия, пошла на компромисс — носили оба, по очереди, а я старалась лишь следить более или менее за соблюдением справедливости. Электрическое отопление развязало мне руки.

Аня спровоцировала еще одну проблему касательно ребенка, то есть Ежи, в полной невинности сердца и без всякого злого умысла. Речь шла о земле для цветов. Знакомые, друзья и родные разделились на два лагеря, и между ними едва не начались военные действия.

Я всегда придерживалась мнения, а после Дании особенно, что дети должны немного зарабатывать на собственные нужды, не требовать с родителей, а своими силами обеспечивать себе мелкие развлечения и покупки. При нашем строе школьники не имели никаких шансов на самостоятельность, меня бесил этот деморализующий идиотизм, и в педагогических целях даже пыталась обеспечить некоторые возможности для Ежи.

Аня располагала большим балконом и двумя огромными ящиками для цветов. Ее муж категорически отказывался добывать землю, сама она принесла два ведерка, высыпала их в ящик и впала в отчаяние.

— Слушай, — пожаловалась она, — все пропало! Эти ведра меня придавили, я задохнулась, чуть не померла, а в ящике горсточка земли! У меня руки опускаются, найму кого-нибудь…

— Ежи вырос большой и сильный, — начала я. — Наносит

тебе земли, сейчас спрошу у него.

— Только не даром! — тут же отреагировала Аня. — Если я кого-нибудь найму, все равно надо платить, правда? Парню, если он работает, тоже надо платить!

— Ты с ума сошла! — запротестовала я.

— Подумай логически, — перебила она. — Кто обязан наносить землю для цветов? Мой муж, так ведь? Муж не желает. С какой стати твой сын обязан делать работу за моего мужа?

Я знала Аниного мужа, и вопрос меня убедил. Появилась возможность проверить педагогические идеи. Мы согласовали вопрос между собой, а потом с Ежи: труд для заработка, — он, Ежи, наносит земли, Аня заплатит целых пятьдесят злотых. Ежи охотно согласился, вторую половину дня провел в хождениях туда-сюда с двумя бадьями, наполнил ящики землей, Аня, считавшая сумму в пятьдесят злотых позорно малой, не знала, как благодарить Ежи, приготовила какао, мой сын выпил, по возвращении домой сообщил:

— За работу — порядок, не жалуюсь, а вообще-то в сто раз больше следует за моральный ущерб.

— За какой еще ущерб?

— Да по дороге пьяница приставал. Мне пришлось мимо него ходить, и всякий раз он спрашивал: «А на что пану столько земли? Могилку себе пан готовит загодя?» Земля — ерунда, а пьяный дурак меня добил.

После сыновьей работы среди моих знакомых разразилась гражданская война. Одни одобряли, мы-де поступили правильно, так и следует, другие возмущались и отстаивали взгляд: землю следовало принести бесплатно. Страсти и баталии разгорелись, а я осталась при своем мнении, правда, не уверенная в его справедливости и правильности.

В печать пошла книга *"Крокодил из страны Шарлотты",* высказалась цензура, пришлось переработать весь текст. В первой версии телефонное прослушивание у Алиции установила некая таинственная сила, конечно, имелись в виду наши органы, что, по-видимому, явно прочитывалось. Цензура энергично запротестовала: такого просто не может быть, у нас в стране телефоны не прослушиваются!!! Прослушивание снять! А на прослушивании строилась вся интрига, никак нельзя выбросить, пришлось написать — вмонтировала аппаратуру преступная банда, что, естественно, выглядело довольно нелепо. Вторая забота — Мартин, как уже говорилось, потребовал изменить имя; в конце концов я удовлетворила все требования и книга пошла.

В Варшаву опять приезжала Тереса, но до *"Проселочных дорог"* все еще было далеко. В Чешин ее отвез Войтек, я вообще не

ездила, не помню почему. После того как сдала *"Крокодила",* ничего не писала, пожалуй, только некоторые фрагменты *«Леся»* — дома сложились неблагоприятные условия. Наняла столяра, он поставил стенку, разделив пополам кухню и комнату, работа затянулась, столяр глухой, детали мы обговаривали письменно, недели три я утопала в стружках и опилках. Воспользовалась случаем и обновила квартиру, выкрасила все столярные нововведения, стремянки у меня не имелось, и дверь покрасила только до окошка верхнего света, выше не дотянулась. В архитектурно-проектную мастерскую не собиралась — помнила о часовенке в Орли, да и после работы в Дании наши условия вызывали у меня ужас, к тому же началась кампания по сокращению штатов и добиться места было нелегко. Зато назло строительным властям я сделала обследование владений Войтековых родителей, намеревавшихся что-то продать, в связи с чем Отдел архитектуры и строительства потребовал у меня соответствующие документы.

С готовым обследованием я отправилась к чиновнику. Он напыжился:

— По какому праву вы это сделали?

— Да просто умею, — ответила ехидно. — Я архитектор.

— У вас нет полномочий!

— Есть. Пожалуйста, номер триста двадцать шесть.

— Вы не имеете права на частную практику!

— Так я не практикую. Сделала работу бесплатно. Денег не беру.

— А почему?

— Да потому. Просто семейная услуга…

У мужика в глазах потемнело, рассчитывал на взятку в десять тысяч злотых за разрешение. С полным удовлетворением я наблюдала, как у него из-под носа уплывает взятка, придраться ни к чему не сумел, так что беднягу чуть кондрашка не хватил. Одну крошечную схватку с нашим строем мне таки удалось выиграть.

Тяжкий крест обрушился на меня с детьми. Ежи хоть и учился добровольно, но с капризами. На математику надышаться не мог, другие предметы тоже не доставлял! особых хлопот, а вот через русский язык пришлось пропихивать его, как кабана через трубопровод. Роберт не желал учиться вообще, кончал школу, я отправилась к директору.

— Абсолютно неважно, какие у него будут оценки, — сообщил мне несчастный человек, подчеркнув сказанное. — Нашу школу он кончит.

Я заинтересовалась, откуда такая уверенность.

— Останься он еще на один год, и я потеряю весь педагогический коллектив. Дня не проходит, чтобы учительницы не приходили сюда в слезах и не подавали заявление об уходе. У меня иного выбора нет: или ваш сын, или они.

— А что он делает? — спросила я безнадежно, и так все прекрасно понимала.

— Задает вопросы. Мальчик вежливый, не грубит, не хулиганит, хорошо воспитан, только вот задает вопросы. Урок состоится лишь в том случае, если он перестанет спрашивать, а учительницы уже не выдерживают…

И вспомнилось мне, как однажды, отдыхая в Нехоже, я отправилась с младшим ребенком гулять. Села на скамью. Поблизости за кустами двое мужиков чинили мотоцикл, Роберт заприметил их мгновенно. Отправился туда и принял участие в ремонте, по ходу дела задавая вопросы. Я сидела затаившись, как мышь под метлой, признаться боялась, что живу на свете, — пусть хоть чуть-чуть пострадает кто-нибудь еще.

Через час мужики не выдержали.

— А где твоя мама? — умоляюще осведомились они.

— Да вон там сидит…

Привели они его и тоже задали вопрос.

— И как вы, пани, только выдерживаете? Ведь это какой-то вечный двигатель!

— Да я и не выдерживаю, поэтому обрадовалась, когда он на вас переключился. Хоть минуту отдохнуть…

Да, я прекрасно понимала учительниц. Директор посоветовал отдать Роберта в профучилище, на гимназию Рейгана и рассчитывать нечего, Рейтан рядом, и школа их предупредит, Роберта не примут ни под каким видом. Профучилище я сочла идиотизмом, ум следует развивать, а не губить понапрасну, память у моего подлеца была фотографическая, большие чертежные способности и умелые руки, страсть к механике, и, конечно, пихать его в профессию без дальнейшего образования — просто впустую растратить способности.

Пиротехническими пристрастиями Роберт тоже не пренебрег. Непрестанно что-то изобретал, изготовлял, однажды это что-то взорвалось на лестнице. Я очень радовалась — меня не оказалось дома, соседи учинили страшный скандал Войтеку, неосмотрительно выглянувшему на лестницу из-за мощного грохота. От одного изобретения была очень большая польза. Клопы, хоть с ними велась постоянная борьба, приходили с визитом от соседей снизу через вентиляцию, боролись мы с ними в поте чела, но безрезультатно. Ликвидировал милых насекомых Роберт. Бросил в вентиляционный канал свое изобретение,

поджег, рвануло так, что на крыше развалилась труба. Клопы почему-то исчезли раз и навсегда, как ножом отрезало.

С отчаяния я попробовала задействовать отца моих детей. После длительного периода désintéressement [29] он перевел свою психику на другой регистр и охотно подключился. Он был женат уже в третий раз, с женой я познакомилась — красивая, умная, симпатичная женщина, поняла сразу суть дела, у нее у самой был сын от первого брака, поддержала идею насчет консультаций Роберта с папашей. Общими силами решили отправить ребенка в строительный техникум, у меня руки опустились, и отреклась я от собственных взглядов.

И подумать только, сейчас мой младший сын ввязался в биржевое маклерство! Боже милостивый!..

Вскоре после возвращения из Дании я пережила престранную неприятность, смысла ее не уразумела, как это свидетельствовало о моем уме, уточнять не стану.

Разумеется, ко мне привязался финансовый отдел. Откуда машина. Я предвидела такую возможность, побунтовала немного еще в Дании, но предусмотрительно привезла всевозможные справки о заработках и оплаченных налогах, намереваясь все оформить разом. Удивилась только одному, почему интересуются горбунком?

— В чем дело, почему придираются ко мне, а не к тебе? — допрашивала я Войтека. — Ведь горбунок твой, ты его привез, и таможенный досмотр был на тебя, откуда же я?

Пробормотал что-то невразумительное, не разбери-поймешь, в финансовый отдел отказался идти наотрез. Вытащила я его силой. Уступил, сидел тихонько в уголке, будто вовсе его и нету, а я доказывала, что не занималась кражами по универмагам и не продавала государственных тайн, а честно заработанных денег мне хватило на два автомобиля. Приняли мои объяснения, но беседа протекала странно, разговаривали как еж с ужом, я ничего не поняла. Должны были спрашивать про «опель», при чем тут горбунок, к черту, и почему с горбунком не возник Войтек? Я попыталась спросить, он посоветовал не морочить голову. Оставила его в покое, и мы ушли из финансового отдела — в этом месте вовсе не хотелось провести остаток жизни.

В летний отпуск собрались по народным демократам, сначала на Залещики, через Румынию в Болгарию, Болгарию решили пересечь до Рильского монастыря и вернуться через Венгрию и Чехословакию. Раз уж собрались, хотелось увидеть как можно больше.

В Болгарии я решительно отказалась от отведенного нам «Интуристом» помещения — крепкий и стойкий запах чеснока

физически не могла выдержать. Мы отыскали себе домик на самом краю Созопола, где почти не пахло, ванная выглядела вполне культурно, а хозяйка производила впечатление не только симпатичной, но и чистоплотной. Небольшой двор перед домом затеняла пергола из винограда, вьющегося по решетке, образовалась прелестная зеленая крыша.

В нескольких километрах к югу от Созопола мы открыли чудный пляж, огромный, идеально чистый, красивый и безлюдный — живой души не было. Удивилась я такой первозданности, пока не испытала ее на собственной шкуре. Полетела, выкупалась, разлеглась на песке.

Оказался вовсе не песок. Шесть километров пляжа толстым слоем усыпали измельченные раковинки. Прилипало это к коже накрепко, треклятых дробинок не смывала никакая губка, никакая щетка не брала, приходилось их сдирать пальцами или отскребать ножом, причем каждую крупинку отдельно, а прилипали они, будто впаивались, и через две недели на мне все еще красовались остатки эксперимента. От пляжа, однако, я не отказалась, только уселась на надувном матрасе, а увести меня отсюда уже нельзя было никакими силами, и все из-за раковинок. На базаре в рядах продавались бусы, материал для которых добывался отсюда в неограниченных количествах, я впала в безумие и решила сама создавать такие произведения, только еще красивее. Собирала маленькие целые раковинки, дырявила их датской портновской булавкой и каблуком пляжных туфель, если раковина ломалась, материала под рукой хоть отбавляй, в итоге создала несколько ниток бус, одну длиной метра в три. Войтек мог заниматься чем угодно. Меня всецело поглотили раковинки.

В Болгарии получила развитие и эпопея с уборными. Конечно же, я была потрясена уборными в Дании, даже самыми непритязательными, не говоря уже о гостиницах высшей категории, где в туалетах благоухало цветами и звучала тихая музыка. Добил меня Лангеланн с Русалочкой Андерсена. Отправилась я к Русалочке, под конец прогулки начала искать туалет. В Дании туалеты повсюду. В густой зелени заметила сперва керамическую крышу, потом выглянул прелестный домик, чуть ли не вилла, грустно подумалось, уж уборная-то наверняка не здесь, подошла — именно таки уборная. Эта вилла в парке — всего лишь санитарное сооружение.

Обслуживающего персонала в домике не было видно, а в помещении так идеально чисто — садись на пол и с аппетитом ешь обед. Проблема уборных незаметно угнездилась во мне и начала пускать побеги.

В Болгарии — да, ванна, элегантный унитаз. Но в первый же

день хозяйка попросила нас не бросать в унитаз туалетную бумагу, потому как засоряется. Советского Союза я тогда еще не знала и потому не поняла, о чем говорит болгарка. А что же, Господи помилуй, делать с туалетной бумагой?.. Использованной?!!!.. Спрятать в сумочку и забрать с собой?!..

Нет, бросить в мусорную корзинку. Господи спаси! Я недоверчиво осмотрелась, пощупала туалетную бумагу, вроде нормальная, в воде расползется, о засоре и говорить нечего. За две недели ни разу не исполнила просьбу, не по злобе, просто машинально, привычка, и ничего не засорилось, до самого конца все функционировало нормально. Маленький уголок мозга зафиксировал эту несообразность.

В дальнейшем путешествие разнообразили лишь мелочи. В Будапеште на острове Святой Маргерит мы у какого-то шведа свистнули ниппель с колеса. Наш пропал без вести еще в Варшаве, купить невозможно, поехали без ниппеля, на острове Святой Маргерит горбунок шведа стоял искушающе рядом, мы решили доукомплектоваться за счет шведа. Кражу осуществлял Войтек, я торчала на стреме. Угрызений совести мы не испытывали, primo, швед купит капсюль у себя без проблем, secundo, капсюль дешевый. Мы бы охотно оставили ему деньги, да не было нужной валюты.

Вот уж поистине краденое пользы не приносит, в Польше ниппель опять слетел где-то в ржаном поле. Войтек искал его долго из уважения к преступлению, но не нашел, а позже обнаружилось — одна лапка в золотнике деформировалась и не держит.

В Бухаресте мы умудрились потерять машину. Поставили ее где-то в старой части города и, не взглянув на название улицы, отправились осматривать город пешком. Разыскали наш транспорт лишь через четыре часа, причем последний час Войтек искал один, я уже отреклась от имущества, твердо убежденная — моя жизнь стоит больше, чем подержанная машина. Меня хватило лишь на то, чтобы сидеть в тени и стараться не испустить дух.

В Братиславе познакомилась наконец с двумя чудесными женщинами — Хилдой Холиновой и Ханой Лерховой, переводившими на словацкий мои первые книги. За переводы получила много денег и спустила в народной демократии весь свой гонорар, обменивать на злотые не имело никакого смысла. В Праге пошла покупать туфли, поэтому натянула чулки. В подъеме стопы была царапина меньше булавочной головки, я и не заметила ее, а когда вернулась из города и сняла чулки, кровь брызнула в потолок — с чулком сорвала микроскопический кусочек кожи с ранки. В полном недоумении я сидела и держала

ногу в ванне под холодной водой, а Войтек подкупал горничную, чтобы не доносила о совершенном преступлении. Позже узнали: в то лето в Чехословакии свирепствовала тропическая жара и давление вытворяло странные штучки.

Жарища не спадала все время, люди изнемогали, как выглядел таможенный досмотр, просто не помню, и почему всегда жалуются на таможню? По пути мы выкупались в реке, возможно в Дунае, чуть полегчало. Двинувшись дальше на свой манер, Войтек наткнулся в лесу на пенек. Повреждений вроде никаких.

— Ладно, — констатировала я. — Всего лишь пенек. В такую погоду можно и в дерево врезаться.

— Ты права, меня так и подмывало протаранить весь этот лесок.

Ни на одной границе ни разу не потребовали открыть багажник. Никого не интересовали наши вещи. Открыть багажник попытались мы сами уже в Варшаве, тогда и выяснилось, пенек таки свое дело сделал, что-то перекосилось, багажник открыли только на станции техобслуживания.

А теперь я снова переставлю очередность событий, просто мне как раз вспомнилось: мое новогоднее невезение несколько изменило характер.

На Новый год мы собрались в Казимеж, в Дом Союза польских архитекторов, сразу после моего возвращения, то есть явно перед летним отпуском. В тот самый Новый год у меня был шифоновый шарф, купленный в Копенгагене, значит, точно вернулась из Дании, ибо после второго возвращения уже никаких Новых годов с Войтеком не встречала.

Все белым-бело от снега, погода прекрасная, но непонятно по какой каверзной причине у меня разболелась голова. В висках стучало, а болеутоляющие порошки забыла. С каждой минутой боль усиливалась, в Казимеже посмотрела на себя в зеркало: сине-зеленое страшилище, с черными кругами под глазами, морда жуткая — уродина — ясное дело, Новый год! Новый год просто не мог упустить случая и, как всегда, учинил мне пакость. Полетела за медпомощью, в гостиничной аптечке получила два порошка. Сожрала оба, немного выждала и приступила к активным действиям — меня ожидало нелегкое соперничество.

Вместе с нами ехали знакомые муж и жена, — Зося. Во избежание недоразумения поясняю: было две Зоси. Даже три, но третья появилась значительно позже, и сейчас она моя невестка. Из первых двух одна — любимая подруга Алиции и мать Павла, фигурирует в нескольких моих книгах, а вторая — жена приятеля моего первого мужа, удерживала позицию моей многолетней

соперницы. Именно эта Зося приехала в Казимеж и намеревалась затмить меня красотой и нарядом, о чем я узнала случайно. И вот я едва не уступила ей без борьбы из-за проклятой головы. Порошки подействовали, голова прошла, я энергично принялась за работу. Продолжалось это почти три часа, но эффекта добилась внушительного.

Физиономию подремонтировала с помощью горячей и холодной воды по очереди, синяя зелень и черные подглазицы исчезли. Волосы за это время завились, искусственные ресницы я купила, всевозможные притирания и тени захватила с собой. Вечерний наряд — голубая бархатная юбка до полу, фасон fin de siecl [30], золотая блузка, золотые открытые лодочки, голубая роза у выреза и голубой шифоновый шарф.

А Зося сваляла полного дурака. Платье прекрасного цвета, темно-зеленое, эффектная материя с махрушками, сшито неудачно: короткое и без верха, на узеньких бретельках. А самые невыгодные элементы Зосиной анатомии как раз ноги и плечи. Ноги могла спокойно не афишировать, а плечи — худые, покатые, какие-то неровные, с торчащими ключицами — так бросались в глаза, что вся модель абсолютно терялась.

Вид Зоси меня моментально вдохновил, я сделалась вдвое краше, чем за минуту до этого. Новогодний бал в Союзе архитекторов чуть ли не весь состоял из моих приятелей, знакомых и друзей, развлекалась я превосходно, плевала на конкуренцию и выглядела все лучше и лучше. Даже Войтек, не склонный к комплиментам, признал — триумф, безусловно, за мной. Видите, имело смысл шпариться кипятком и трястись от холодной воды.

Но и этот Новый год без неприятностей не обошелся. Под конец бала кто-то спер у меня шифоновый шарф. Хорошо, хоть не бриллиантовое колье, которого у меня нет…

Добавочные развлечения доставили наши знакомые. Один из приятелей, не помню кто, внезапно решил вернуться в Варшаву. Надрызгался явно с перерывом в биографии, никаких убеждений и уговоров слушать не желал, заупрямился, невеста попыталась забрать у него ключи от зажигания, так он укусил ее за палец. Сел в машину, кажется маленький итальянский «фиат», а может, «трабант», и двинулся. Хорошо, бензин кончился. Доехал до заправочной станции, рядом отделение милиции, радиофицированная машина стояла рядом. Менты заинтересовались странным водителем, взяли его в оборот.

— В Варшаву можете ехать, запретов нету, — объявили ему. — А машина останется здесь.

Немного покобенился, но уступил. А тут как раз заправлялась

вторая машина — из Варшавы в Казимеж. Наш приятель, оказавшийся перед перспективой путешествия пешком, от столицы отказался и решил вернуться. Уселся в этот второй автомобиль.

Занятая одним пьяным, милиция не обращала внимания на второго. Тот, из Варшавы, забальзамирован был, видать, в стельку, краше нашего, казимежского, взял с места и на первом же повороте подвел итог. Юзом проехал по утрамбованному снегу, перевернулся задом наперед и врезался в фонарь.

Мы осмотрели машину утром. Оба, по-видимому, назюзились до одури, коль живы остались, пьяных сама природа бережет. Водитель, правда, приземлился в больнице, а наш приятель успел вернуться к концу бала на собственных ногах. Кажется, отчасти протрезвел и просил прощения у невесты. В полдень его подбросили к заправочной станции, все умилялись, как ему повезло — попал в аварию, а машина в идеальном состоянии, рвался сам вести, но тут знакомые поставили вопрос ребром, за руль сел один из друзей, фартовый неудачник отправился в качестве пассажира и перед самой Варшавой потерял сознание.

После чего шесть месяцев провел в гипсовом корсете, повредил-таки два верхних позвонка, не представляю, которые и в какой степени, поэтому распространяться не стану. Шесть месяцев уже говорят за себя. Лучше всех после многочисленных радостей выглядел автомобиль.

Во второй раз я оказалась в Чехословакии осенью того же года, во время волнений. Зачем меня туда черт понес, не помню, может, было какое-то дело, а может, перчатки купить задумала? Войтек доехал со мной до Кудовы, там остался ждать, почему не поехал со мной в Прагу, боялся или еще что?.. А может, запрещено было, меня-то это не касалось, учитывая переводы и гонорары. Во всяком случае, поехала я одна, сделала дела и отправилась обратно.

Конечно же, опять забыла автомобильную карту. Поначалу взяла правильный курс, возможно, удалось сориентироваться в сторонах света, однако вскоре начались трудности. Чехи закрасили важнейшие указатели, и на первом же большом перекрестке я потеряла направление. Мне нужно на Градец-Крадове, а на столбе стоял Прдец и Йичинек. Немного дальше Стрна-Млыновка. Где, Боже мой, расположен этот Прдец?..

Ничего не поделаешь, заблудилась. Не жди меня в Кудове Дьявол, я бы и не подумала нервничать, деньги были, заночевала бы где-нибудь. А ему завтра утром на работу, как же я подведу. Вылезала у каждого указателя и старалась рассмотреть надписи под белой краской — никакого толку; поработали чехи на

совесть, ничего нельзя разобрать. Петляя, объехала чуть ли не полстраны, большую часть пути меня сопровождали советские солдаты в джипе и вовсе не производили впечатления монстров, полыхающих огнем из пасти, напротив, казались доброжелательными и какими-то смущенными. Возможно, политические события вовсе не возбуждали у них энтузиазма?.. Я не вникала в эти проблемы, интересовалась исключительно возвращением в Польшу.

Угодила на нужную дорогу, видимо, случайно. В горах стемнело, моросил дождик, светлело чуть-чуть с нашей стороны. Зато все окутал туман. Разъяренный Войтек места себе не мог найти — опоздала на четыре часа, а он настаивал на завтрашней работе, сел за руль, проехал треть трассы, поменялся со мной, чтобы немного поспать.

И опять я вела машину в невыгодных условиях, везло мне на эти погодные условия. По пути размышляла: о чем Войтек, собственно, думает, ведь упорно твердит, не умею-де водить, а сам дрыхнет хоть бы что. Рядом с человеком, который не умеет ездить, чуть не сутки провел за рулем, вынужден спешить, да еще в тумане, я бы глаз не сомкнула ни за какие сокровища мира!

Когда уже за Лодзью съехала на обочину и остановилась немного отдохнуть, он проснулся и учинил скандал. Почему, черт возьми, стою, надо ехать, ему на работу!!!

Разозлилась я так, что он перед работой успел даже побриться. Ярость всегда придавала мне сил…

* * *

В ноябре я снова уехала в Копенгаген.

Остановилась у Алиции в Биркероде, привезла ей всякую любимую снедь, между прочим, соленые огурцы, ароматом которых, не знаю уж, как это удалось, пропиталась моя думка. По-моему, они были завинчены намертво, да, видать, огуречный рассол имеет большую пробойную силу. Кроме огурцов, бигоса, колбасы и тому подобного постоянного набора, естественно, позаботилась о напитках. Нарезались мы вдвоем, Торкиль принял весьма скромное участие в нашем приеме и рано удалился спать. Что-то около полуночи.

Едва он закрыл спальню, я отправилась в сад набрать орехов. Густая лещина росла вдоль ограды, и я ужасно удивилась, что орехов не было. Да и кусты какие-то подозрительно голые. Вернувшись домой, потребовала от Алиции объяснения. Почему Торкиль пообрывал не только орехи, но и листву, кусты совсем голые, куда это годится. Алиция, по-видимому пребывавшая тоже под солидной мухой, отправилась выяснять причины безобразия к мужу. Торкиль, трезвый, удивленный странными упреками, с большим трудом втолковал нам: на дворе ноябрь, листва сама облетела.

Затем он снова удалился почивать, а мы уже в одиночестве по полной программе исполнили все народные песни, песни Войска Польского, песни демократические и довоенные, а также частушки и по мере сил отплясали танцы разных народов. В четыре утра одолел волчий голод — мяска бы горяченького! Мяса в доме не оказалось, Алиция открыла банку рыбной икры, которую надлежало поджаривать ломтиками, поджарили — мерзость такая, что не пошла даже под пьяную лавочку. Решили поискать чего-нибудь повкусней, Алиция рванула ящик с консервами, ящик вылетел со страшным грохотом, и она приземлилась в куче банок. Дом содрогнулся до основания, Торкиль проснулся и вышел осведомиться, что случилось.

Мы встретили его бурными радостными воплями, спать уже не отпустили, и к восходу солнца он у нас прекрасно отплясывал трояка [31] и пел «Как гурали жито сеяли». Поведение наше, как выяснилось, достойно было всяческого порицания. И еще раз, к слову, о датчанах: в комнате рядом с гостиной спал Тюре, сын Торкиля от первого брака, юноша взрослый, уже за двадцать. Спал, так сказать, чисто теоретически, на практике наши вопли доконали бы сурка и всех святых угодников. А Тюре, промучившись до утра, не дал о себе знать, даже когда его отец

отплясывал трояка. А ведь любой нормальный польский парень ворвался бы с криком: «Заткнитесь, черт побери, я спать хочу!» — или присоединился бы к веселью. А этот ничего, терпел, маялся, заснуть, ясно, не мог и ждал лишь милости Господней. Удивительный народ эти датчане.

Работала я уже в другой мастерской у другого господина профессора, конечно, могла бы позвонить Алиции и выяснить, как зовут этого господина профессора, но мне неохота, да не так уж это и важно. Он был моложе господина Суенсона, толстый и немного рубаха-парень. Один из филиалов находился на Фиольстреде, где я и работала, а жила у некой фру Харребю на Обульваре и опять ходила на работу пешком, что весьма способствовало творческому процессу.

В мастерской, состоявшей из двух комнат с кухней, меня преследовали два огорчения. Одно — надо же — уборная, помещавшаяся между кухней и большой комнатой, от мастерской ее отделяла лишь дверь, так что акустическая изоляция почти отсутствовала. Слышимость была отличная во всем помещении, даже тихонько шмыгнуть носом и думать нечего, не говоря уж о шелестящей бумаге и других звуковых эффектах. Датчанам это ничуть не мешало, а я, не привыкнув к такой откровенности, претерпевала адовы муки и приспособилась пользоваться сантехникой исключительно в отсутствие сотрудников, что оказалось вовсе не так просто.

Второй катастрофой стал Арне, молодой норвежец, раздражавший меня до умопомрачения без особо рациональных поводов. Работал он рядом со мной, возможно, забыла бы давно все обуревавшие меня чувства, но сохранились письма. Мне попался фрагмент, сейчас смешной, но зубовный скрежет тех времен в нем слышен и поныне.

Даже воздух меня раздражает, если он дышит рядом со мной в комнате. Не понимаю, в чем дело, только пусть он от меня отвалит к чертовой бабушке, пусть не таскает кнопки у меня из-под локтя — у самого их полно в ящике, пусть не смеет стряхивать сигарету в мою пепельницу, пусть не смеет на меня пялиться и стоять над головой, когда говорит по телефону, иначе меня кондрашка хватит и, Богом клянусь, за себя не отвечаю!!!

Ничего особенного не произошло, разрядилась я просто в скандале. В нашей комнате постоянно работало четыре человека, остальные забегали на время, и эти четверо вели несложное хозяйство. Дежурили по очереди: дежурный готовил кофе, чай, накрывал на стол в двенадцать часов, затем для кофе в три часа и

потом мыл посуду. Все, включая Фрица, а он все-таки руководитель мастерской, работу исполняли честно и тщательно, один Арне ломался. Считал, видите ли, хозяйство занятием сугубо женским. Дежурил он в пятницу, а в понедельник моя очередь. Вошла я в кухню — пятничное побоище во всей красе.

Не притронувшись ни к чему, я вернулась в комнату, схватила сопляка за руку, притащила на кухню и, сдается, высказалась на тему весьма энергично, красноречиво и без дипломатии. С очень красной физиономией Арне наводил порядок любо-дорого, с разгону даже приготовил за меня второй завтрак.

Когда-то он провел в Польше коротенький отпуск и гордился познаниями в языке. Познания ограничивались, правда, ругательствами, но и это хорошо. Одним ужасным польским ругательством он пользовался довольно часто.

— Вос-с-с-с-с-семьдесят вос-с-с-с-семь! — сипел он яростно, глубоко уверенный, что ругается крепко и смачно, хуже некуда.

Пожалуй, только подобные ругательства помогли мне кое-как вынести его общество. Однако не отомстить я просто не могла, прототип правой руки шефа в *«Покойнике»*— это именно Арне, так он и выглядел — кудрявенький блондинчик с младенческой мордой…

Вспоминаются и всякие мелочи, особенно забавно контрастные два переживания. Одно их них, конечно же, бега на Аматере: просвистала все деньги; к счастью, взяла с собой немного, в кармане что-то осталось, я нащупала и успокоилась — жетон на автобус есть; как бы не так, когда вытащила, оказалось — крона, а билет стоил одну крону двадцать пять, зайцем не поедешь, исключено. Зима, ветер и густой снег, от злости на себя чуть удар не хватил, но ничего не поделаешь, рванула пешком. А ветер и снег в морду. Расстояние примерно как от Служевца до Крулевской, от ярости завелась и неслась не хуже, чем с пропеллером, не успела опомниться, уже домчалась до дома, у двери долго соскабливала с себя толстую скорлупу мерзлого снега.

Другой эпизод опять на Амагере, вот ведь черт, как прицепился ко мне этот остров! Вычитала из газеты, в кинотеатре «Амагер» субботний сеанс, дают Джеймса Бонда, «Живешь лишь дважды», я впала в амок. Начало в одиннадцать. От беспокойства — не опоздать бы — поехала слишком рано, забыв поесть. На Амагере оказалась в двадцать минут одиннадцатого, купила билет и почувствовала волчий голод. Рядом гриль еще не закрылся, но продавали только на вынос. Купила небольшого цыпленка с хрустящим картофелем и вышла.

Припустил сильный дождь. Цыпленок в сумке упоительно благоухал, сил терпеть не было. Кишки совсем прилипли к позвоночнику, а слюна из пасти текла, как у бешеного пса, оглянулась в поисках укромного местечка — глупо как-то жрать на глазах у публики, высмотрела место потемнее на какой-то лестнице, поднялась и вцепилась в цыпленка, пожирая его чуть ли не с пакетом. Зонт висел у меня за спиной, дождь лил на голову — подумаешь, велика важность, голод забил все ощущения. Только обглодав последние косточки, пришла в себя и оглянулась: алчно обжиралась на ступенях костела.

Показ начался двумя короткометражными фильмами, не рассчитывала на такое — датские газеты просматривала, естественно, по верхам, удивилась и забеспокоилась. Беспокойство росло вместе с развитием действия на экране, Господи Боже, что же это такое?!.. Хищное бесформенное чудовище поджидало кого-то в засаде, маячили чьи-то страшные маски, какой-то тип сиганул в кипящее озеро и сварился вкрутую, я едва в панику не впала: приснится такое, ведь не проснешься, а где же этот 007, к черту?! Мало одной сказки, другую суют еще краше.

Придушив зрительный зал кошмарами, наконец пустили Бонда. Вышла я из кино вполне довольная, взглянула на часы: двадцать минут третьего, никакой транспорт уже не ходит, а я опять на Аматере! И вдруг небесное блаженство, с безграничным облегчением соображаю — у меня же есть деньги. Взяла первое попавшееся такси и роскошно доехала до дому, приятно вспоминая предыдущее возвращение. А дождь все лил и лил и поспособствовал удовольствию: на сей раз я, как все нормальные люди, еду в машине, а не мчусь пешком.

Счастье, конечно, не в деньгах, да уж очень они облегчают жизнь…

На Аматер ездила не только на бега, занесло меня и к зубному врачу, намаялась я с зубом, врагу не пожелаю. Дантист по имени Марыся, полька, натурализованная в Дании, наша с Алицией приятельница, по своей воле и охоте придралась к моему зубу, тому самому, допекавшему меня во время работы над сценарием. Тогда зуб спасти не удалось, убили нерв, зуб потемнел. Марыся уперлась задними лапами — надо поставить коронку, ибо мою неземную красоту безобразит темный зуб, да еще, того и гляди, сломается, — короче, без коронки не жить! И не откладывать, делать немедленно! Заморочила меня Марыся, и я согласилась.

Она работала в стоматологическом кабинете по дороге на ипподром, так что устроилась я даже с удобствами. Примерку

коронки делала трижды, всякий раз предлагая наркоз, но я твердо стояла на своем и дважды выдержала по живому, в третий раз сдалась. Железный зуб, вбиваемый в десну, перестал мне нравиться. В ожидании окончательного произведения искусства от зубного техника она дала мне временную коронку, упорно не желавшую держаться — то и дело застревала в хлебе или вылетала из пасти при каждом чихе. Я носилась с ней как с писаной торбой — ловила на столе, подхватывала на лету и вообще на почве этой стервы заработала невроз. Окончательную коронку подгоняли тоже трижды — «третий раз не миновать» сделалось моим девизом, наконец в последний раз коронка села отлично.

— Давай испробуем новое изобретение, — соблазнила меня Марыся. — Новый клей, держит намертво, ты первая испробуешь…

Облегчение я испытала беспредельное, наконец-то моя родная челюсть стабильна и неподвижна, чихать могу вволю. Два дня прошло, на третий день зараза в пасти начала шататься.

И как я замертво не свалилась от ужаса, не понимаю. Две остановки проехала полумертвая, стараясь не дышать и хоть как-нибудь выйти из ступора. Вылетела из транспорта, чуть не ломая руки и ноги, помчалась в больницу, держась за щеку, стеная и с безумием во взоре. Марыся расстроилась.

— Черт с ним, с изобретением, — рассердилась она. — Поставим на обычный традиционный цемент, а мой шеф пусть катится к черту!

Цемент, как ни говори, материал строительный, а потому меня полюбил — через пятнадцать лет зубной врач не отличил коронку от моих зубов. А что пережила, все мое, потому как, закончив дело, Марыся меня напутствовала:

— Теперь будет держаться, только не грызи сухарики или яблоки…

— Иисусе Христе!.. Яблоки!..

— Яблоки исхитрись откусывать коренными зубами, а не передними, — ворчливо посоветовала Алиция, когда я сообщила ей о моей трагедии. — Не слушай глупостей, Марыся делает отлично, а говорит невесть что. Ну уж орехи, пожалуй, коли щипцами, а не зубами…

A propos о зубах, давненько я не делала отступлений, посему воспользуюсь случаем и расскажу об одном пане, ехавшем в Варшаве на трамвае. В давке пихнули его на ступени, успел схватиться за поручень, на ногах устоял, а вставная челюсть у него вылетела на проезжую часть и прямо под машину, водитель от неожиданности так дернулся, что едва аварию не устроил.

У Алиции тоже был вставной зуб где-то сзади. Однажды мы собрались из дому, на улице она вдруг остановилась.

— Послушай, я не одета! — нервно пожаловалась она.

Я осмотрела ее — все на месте.

— Не вижу… Что ты не надела?

— Зуб забыла!

При следующем драматическом эпизоде меня не случилось, знаю по ее рассказу. Присутствовала на каком-то роскошном приеме, чихнула, вставной зуб выпал в суп.

— Господи Боже! — исполнилась я сочувствием. — И что ты сделала?

— Да ничего особенного. Конечно, достала зуб из супа — я ведь очень к нему привыкла…

Все тот же Амагер чуть не доконал меня во время приезда моего сына.

Приехал Ежи, само собой разумеется, в каникулы. Перед его приездом меня вдруг что-то кольнуло — полетела и купила медицинскую страховку. До сих пор ни про какие болезни думать не думала и медицинскими страховками голову себе не морочила. А тут вдруг напало: ни с того ни с сего помчалась и заплатила какую-то небольшую сумму. Страховка начиналась с определенного числа — через две недели.

Ежи приехал с больной рукой, приехал на четыре дня раньше, в пятницу, а страховка начиналась со вторника. До приезда ко мне жил в Подгуже, где перебросал вилами навоз, добровольно, никто его не неволил. На ладони натер волдырь, загноилось, местный пан доктор вскрыл и оставил как есть. Надрез быстро зарос, гной не имел выхода, началось воспаление. Ребенок приехал в пятницу еще в приличном состоянии, а в субботу вечером температура подскочила, по руке к плечу поползли красные полосы. Езус-Мария, я чуть сознание не потеряла, впереди воскресенье, в воскресенье Датское Королевство не функционирует, просто не существует, расслабляется на уик-энде, и привет! Ждать до понедельника… а вдруг ребенок умрет!..

Как продержались воскресный день, вообще не помню. Я напилась успокоительных, Ежи меня утешал, торжественно обещая не умирать, обещание выполнил, выжил, в понедельник утром полетели с ним в больницу — его отправили сразу же на вскрытие. Пришлось не только вскрывать, но и чистить от гноя рану и лечить антибиотиками. Операцию делали под местным наркозом, ребенок оставался в полном сознании, сквозь сжатые зубы говорил мне по-польски:

— Мать, что эти мясники делают, «Трибуну люду» в рану запихивают? Черт бы их побрал, держи меня за другую руку, а то

я этому палачу двину по морде. Больница здесь или газетный киоск, откуда у них столько макулатуры?!..

Пожалуй, я произвела плохое впечатление и возбудила недоброжелательное отношение персонала: стоя над тяжело больным ребенком, не плакала, а нервно хихикала. Пан доктор с упреком информировал меня — успели мы буквально в последнюю минуту. И тут я с ужасом вспомнила: до войны такое заражение не лечили — или отрезали руку, или человек умирал. Я совсем раскисла и решила на ребенке не экономить.

На перевязки мы ходили ежедневно в течение недели, возвращались домой с галлоном грейпфрутового сока, медицинская страховка началась со вторника, за понедельник заплатила девяносто четыре кроны, дальше лечение шло даром, а стоило пятьсот сорок крон. Провидение позаботилось о моих финансах, так что могла побаловать ребенка.

Мы отправились за покупками, и, сдается, я достигла высот материнского самопожертвования.

Из-за нетипичных размеров моих детей знали уже во многих магазинах не только Варшавы, но и Европы. Продавец в Magazin du Nord [32] взглянул на меня, взглянул на сына и радостно изрек:

— Ах, так вот он, молодой человек, для которого вы покупали все такое дли-и-и-и-инное два года назад?

И опять мы покупали дли-и-и-и-инное. Роберт предъявлял бешеные требования, кончал гимназию Рейтана, уровень обучения высокий, и контингент учеников — сплошная золотая молодежь. За пятерку в конце года некий папаша купил сынку машину; плохой пример заразителен, Ежи тогда тоже потребовал было машину от меня.

— А кто купил машину, дитятко, папаша или мамаша? — осведомилась я ехидно.

— Папаша.

— Вот и отправляйся к папаше, пусть он и купит.

Дитятко тогда заткнулось. А тут усмотрело возможность сравнять счет и потребовало одеяний юного лорда. Покупка брюк породила цунами — расточительность расточительностью, но на портки за тысячу пятьсот крон у меня денег не было, а более дешевые имели неприемлемые недостатки, поначалу еще тихо, но с призвуками яростного рыка мы обсуждали недостатки гардероба.

— Мешок на заднице! — шипел мой сын. — Кубометр картошки можно засыпать!

— Отваливай от этой стойки! — рекомендовала я, скрипя зубами. — Тут от восьмисот и выше! Я здесь банков не граблю! Вон туда гляди!

— А там одно дерьмо! Не буду носить!

Примерил не менее двадцати пар брюк, в каждой

что-нибудь да не так, и когда в последних брюках, идеально сидевших, не по вкусу пришлись шлёвки — узки, видите ли, для модного ремня, — я психанула, давая себе ясный отчет: еще секунда, и совершу детоубийство. Мы зверски поссорились, я заявила: нет так нет, может ходить без порток, за эти деньги шедевра ему не рожу. Ребенок сквозь стиснутые зубы поносил капиталистический строй вообще и Датское Королевство в частности. С кровавым туманом в глазах я повернулась, чтобы уйти, и вдруг во мне что-то сломалось.

Боже мой, бедный ребенок, всю жизнь нелады с одеждой, приехал в скандинавскую страну с высоким уровнем жизни, обрадовался: оденется наконец как человек, а тут скучная серятина, ну как не разочароваться. Жалко мне его стало, ведь мой родной сын, еще, пожалуй, комплекс разовьется!

Я взяла себя в руки, отказалась от желания убить его на месте, повернулась к продавцу и посмотрела на него, наверное, страшным взглядом. Из словесной перебранки он не понял ни слова, но, разумеется, видел: того и гляди, в горло друг другу вцепимся, а ему возись с трупами. Смертельно перепуганный, он робко предложил сбегать на склад, лишь бы мы подождали, может, найдет что подходящее. Я согласилась. Он, видно, летел сломя голову, потому как вернулся через несколько минут с огромной кучей брюк, так что едва из-под нее виднелся. Огнедышащее дитятко примерило, и — о чудо! — брюки сидели идеально.

Из Magazin du Nord мы вышли в полном согласии, снабженные брюками, рубашками, пуловерами, кожаной курткой и купальным полотенцем, все в бежевых тонах, со вкусом подобранное. Ребенок расцвел, а я с удивлением обнаружила — все же кое-какие материнские чувства и мне не чужды: вместо того чтобы придушить на месте, купила ему множество вещей.

Второй раз мы поссорились из-за Копенгагена by night. Ребенок желал отправиться в город с дружком, а дружок тоже хорош. Кончил Рейтана, единственный сын, в вилле истерическая мамуся и любящая бабуля, папаша в Дании навсегда, семья богатая, милый мальчик из своей комнаты на втором этаже свирепым голосом орал вниз:

— Бабка!!! Чаю!!!

И бабуля свинячьей трусцой бежала с чайком для внучка.

Что такое безденежье, этот шалопай просто не понимал, учился только потому, что иначе не поехал бы к отцу. Приехал, проводил у отца каникулы, и с моим сыном столковались

моментально. Я ничего не имела против, чтобы мое чудом спасенное дитятко развлеклось вечером, ночной Копенгаген ни малейших опасений у меня не вызывал. Выделила на эти цели целых пятьдесят крон, тут-то и разразился скандал — ребенок ожидал пятьсот. Кореш богатый, а он, Ежи, опять в качестве бедного родственника, что можно сделать на пятьдесят крон, шуточки шутишь! Подлая скупердяйка, а не мать!..

— Здесь не Париж, — ответила я сухо. — У меня больше денег нет.

— Вообще тогда не пойду!!!

— Не ходи. Я не настаиваю.

Сдался, взял пятьдесят крон, отправились. Вернулся далеко за полночь с поджатым хвостом, деньги даже остались.

— Тоже мне, ночная жизнь называется… — промямлил недовольно.

— Я же тебе говорила! А признайся, так, между нами, сколько папаша твоему дружку отвалил?

— Тридцать, — слегка поколебавшись, признался ребенок, и мы взахлеб рассмеялись.

Вскоре после этого жутко проучил меня Амагер. Я подвела и обидела сына, боюсь, до конца жизни он мне этого не забудет. Поехали мы на бега, сунула ему датскую программу, дала крону и нетерпеливо объяснила: играй вифайф. Показала, как заполнить купон, и совершенно забыла насчет резервных лошадей, которых следовало вписать в соответствующую рубрику. Отнеслась я к делу наплевательски, и некое беговое божество тут же отомстило.

Ежи посидел над программой, почитал. Не знаю, каким оперировал языком, в принципе знал немецкий, а может, английского где-то поднабрался, во всяком случае, вифайф заполнил, выбрав по одной лошади, сомневался лишь в одном заезде. Могла бы выдать еще одну крону, не разорилась бы. Следовало рассказать и о резерве, играя одну лошадь, вторую мог вписать в резерв, так нет, ничего не сообразила, в то время аккурат имела на шее некую другую часть тела, отвязалась: решай, мол, сам. Ежи вписал девятку, оставив без внимания тройку.

И представьте, пришли все его лошади, девятку дисквалифицировали, выиграла тройка. Резерва не записал по моей вине. Наш личный норвежец совсем обезумел — при сем удобном случае сообщаю, что норвежец в *"Крокодиле из страны Шарлотты",* точнее, француз, живший в Норвегии, подлинный, и вся буза с Кивитоком правда, только он, норвежец, вифайф тогда не сорвал — подвела одна лошадь, угадал четырех. А в нашем случае с Ежи он бегал и пытался продать этот несчастный

вифайф: ведь вполне возможно, пять никто не угадал и заплатят за четыре. На этих четырех мы только и надеялись, собственный идиотизм чуть меня на тот свет не отправил, увы, лошади в заезде вовсе не оказались фуксами столетия и пять попаданий нашлось. Платили пять с половиной тысяч крон, как раз цена итальянского «фиата». Так что не удивляюсь ребенку — воспылал обидой, надулся, да я и сама не могла себе простить такой оплошности.

Чтобы уж покончить с норвежцем, извещаю, действует он и в *"Проклятом наследстве "* под своим настоящим именем и с подлинными чертами характера. Пятьсот крон, мною ему одолженных в приступе легкомыслия, и по сю пору не вернул.

Ежи уехал от меня через месяц и вышел из поезда в Варшаве юным лордом, раз в жизни, наконец, щегольски одетый, гордый, счастливый и довольный.

— Мы с матерью пустили по ветру целую машину, — небрежно бросил он, на что Войтека едва удар не хватил.

Через некоторое время ко мне приехали почти одновременно Аня и Янка. Аню ждала обещанная мной экскурсия в Париж…

Да, я еще не рассказала о моем долге Ане и причинах этой экскурсии. Аня отремонтировала квартиру, кое-что даже перестроила, вкалывала как вол, измоталась вконец, результатов добилась блестящих. Мы играли у нее в бридж впервые после ремонта, и, увы, Войтек, как всегда, вывел меня из терпения. Не швырнула в него стаканом, плеснула содержимым, у него прекрасная реакция, вовремя уклонился, и чаем вместе с заваркой я облила только что покрашенную и блистающую чистотой стену.

Аня личность действительно глубоко благородная.

— Ничего страшного, — сказала она со слезами в глазах. — Не переживай, пустяки…

— Аня, — взмолилась я, растроганная и сокрушенная. — За эту стену должна тебе экскурсию в любую европейскую страну!

— Ах, дорогая моя! — рассияла Аня. — За экскурсию можешь обливать все стены и потолок! Не дать ли тебе суп, у меня еще остался…

Порешили на экскурсии в Париж, которую я купила в моем любимом райзебюро. По срокам получилось так, что неделю она провела в Копенгагене. На этот раз приехала пунктуально, вышла из поезда и первым делом спросила:

— Ты случайно не знаешь, что значит «навести на фокус»?

— Понятия не имею, — удивилась я. — А зачем тебе фокус?

— Муж дал фотоаппарат и долго объяснял про фокус, резкость какую-то следует навести, а я ничего не поняла, и что теперь делать?

— Да ничего не делать, — посоветовала я. — Как получится, так и получится, на все воля Божия…

Через три дня приехала Янка и, не успев выйти из вагона, подавленно спросила:

— Ты случайно не знаешь, как это «навести на фокус»?

— Это Анина забота. Вы что, друг от друга заразились? И та и другая про фокус?

— Донат дал фотоаппарат и долго объяснял, я даже не слушала, все равно не пойму. Думала, вдруг ты в курсе…

Короче, в фокус я не вмешивалась, зато дала им разные поручения, так как сама сидела на работе. На этот раз коленца начала выкидывать Янка.

В *«Проклятом наследстве»* не милиционер прятался за киоском с сосисками, а она. Янку я отправила в райзебюро. По-немецки говорила сносно, датчане ее понимали. Конечно же, она забыла название райзебюро, адрес и номер автобуса, которым до него добраться. Остановилась на Ратушплощади и начала безнадежно изучать автобусное расписание — вдруг, увидев номер, вспомнит автобус. Датчане народ услужливый, какой-то тип тут же предложил помочь и почти силой потащил ее на другой конец площади в совсем другое райзебюро, вежливо сообщил — в Копенгагене бюро путешествий на каждом шагу. Янка не сумела объяснить, что речь об определенном конкретном райзебюро, а названия и адреса она не помнит, но вспомнила номер автобуса. Поблагодарила, подождала, пока тип отойдет, вернулась на остановку, а тип тоже там стоит. Только киоск с сосисками помог ей избежать визитов во все окрестные бюро путешествий.

Янкины похождения в Хельсингёре превзошли даже Анины. Начала на вокзале в Копенгагене.

Спросила какого-то прохожего, не этот ли перрон в Хельсингёр, прохожий подтвердил — да, этот. Удостоверившись, что не ошиблась, решила купить сигареты. Подошла к автомату, выбрала самые дешевые, бросила монеты, автомат выдал сигары. Янка с расстройства опять засомневалась, тот ли перрон ей нужен, и опять спросила. Только спросив, узнала человека, у которого уже спрашивала. Он терпеливо еще раз подтвердил. Пришел поезд, села и тут же осведомилась у бабы рядом, этот ли поезд в Хельсингёр. Не успела баба открыть рот, выяснилось, едет вместе с уже дважды спрошенным типом, тип в третий раз подтвердил, но посмотрел на нее с опасением.

Больше Янка спрашивать не стала, доехала до нужной станции и сразу же увидела Гамлетов замок — громада вздымалась на фоне неба. Вспомнила, как Аня бродила в поисках

замка, и пришла к выводу, что это нечто другое. Обошла весь город, ничего не обнаружила и примирилась с фактом: увиденный замок тот самый и есть. Осмотрела совсем немного — ног под собой не чуяла, к тому же все еще сомневалась, то ли осматривает, что полагается.

Аня вернулась из Парижа в восторге, и мы вместе занялись Янкой. Как-то договорились встретиться, мы вместе с Аней ждали Янку, увидели ее издали. Смотрели мы на нее долго, и одолело нас беспокойство.

Тащилась еле-еле, словно увечная, волоча ноги, полы расстегнутого пальто свисали чуть ли не до щиколоток, тупо глазела на витрины, а выглядела старше собственной матери.

— Ну нет, — решительно заявила Аня. — Так дело не пойдет. Ее необходимо встряхнуть.

— Почему не застегнешь пальто? — спросила я строго, когда она подошла. — Такой фасон нельзя нараспашку носить.

— Нельзя, — согласилась Янка. — Только у меня пуговиц нет, две оторвались и потерялись, а остальные я отпорола, хотела пришить новые, да что-то помешало.

— Покупаем пуговицы, и я тебе их пришью, — решила Аня.

— Зеленые туфли, — напомнила я. — Совсем раскисла, как тогда, помнишь?

Несколько лет назад Янка сникла, потеряла всякий интерес к жизни, сотворила из себя старую бабу и тоже едва волочила ноги. В витрине магазина мы случайно увидели зеленые туфли, тогда самые модные. Я заставила ее купить, а новые туфли на каблучках исключают шарканье. Янка с места начала двигаться иначе, а вслед за походкой и все остальное пришло в порядок. Сейчас, видно, опять у нее передряги.

— Я устала, и мне все безразлично, — сообщила она.

— А нам не все безразлично, — энергично запротестовала Аня.

Купили пуговицы, Аня их пришила, Янка застегнула пальто, эффект не заставил себя ждать. Пуговицы подействовали оздоровительно, как прежде туфли. Приобрела Янка еще какую-то модную тряпицу и совсем преобразилась.

Обе, как только приехали, показались мне малость странными. Смущались, все время беспокоились, то и дело извинялись за приезд, по-моему, дышать и то боялись, я долго не понимала, что случилось. Расстроилась и потребовала ясности. Они мямлили что-то невразумительное, меня кольнуло: без Войтека не обошлось.

Так и оказалось, по каким-то своим соображениям старался отговорить их от поездки. Намекал на мои денежные трудности:

от себя отрываю, чтобы принять в Дании подруг, а они, гиены этакие, пользуются моей глупостью и добротой. Он был столь убедителен, что обе поверили — ведут себя прямо-таки по-свински. Пытались отказаться и в письмах и по телефону, робко и неуверенно мололи какой-то вздор. Я не приняла нелепые их отговорки, а теперь и подоплеку поняла, а то все сомневалась, мало ли что могло случиться.

Прямо они так ничего и не сказали, но в подтексте выяснилось: я обеспечиваю Дьяволу финансовый тыл, великая любовь давно в прошлом, меня перевели на роль богатой тетушки из Америки. Кое-что подозревала и раньше, мои подозрения, увы, начали сбываться. Ситуация пиковая, по возвращении необходимо расстаться, разве только он опомнится.

Похоже, я впала бы в хандру, да времени не хватило и отвлекающих моментов хоть отбавляй. От матери получила письмо, начинавшееся так: «Не волнуйся, Роберт скоро уже выйдет из больницы…»

Я не волновалась, просто, когда собралась с силами прочитать дальше, уразумела: у младшего ребенка воспалилась гайморова полость, из носу пошла кровь, дома остановить не удалось. Слава Богу, случилось это у Люцины. Люцина мобилизовала все семейные черты предков по женской линии, собрала свои полотенца, запаковала Роберта в клеенку и первого же встречного водителя заставила отвезти их в больницу. Как она призналась позже, готова была в случае сопротивления вытащить владельца машины и ехать самой, водить, понятно, не умела, ну а Роберт на что — сказал бы, что делать. Ловить частную машину у нас приходилось не из экономии, просто такси в городе не было, в ту пору такси представляло собой недостижимую редкость. До рукоприкладства, к счастью, не дошло, при виде окровавленного ребенка водитель сам навязывался с помощью.

Роберту сделали прокол, и все прошло. Не обратив внимания на то, что все уже в прошлом, а в момент получения письма тем более, и Роберт давно дома, я одурела и выслала ребенку совершенно деморализующее послание. Общий тон оного сводился к следующему: «Лучше остаться неучем, чем болеть!»

Семейство мне такого не спустило, ибо Роберт отнесся к словам любящей мамуси серьезно и перестал учиться окончательно и бесповоротно. Эффекты моего поучения развились позже и расцветились всевозможными интересными нюансами.

Ну вот, как всегда у меня, Роберт неожиданно влез в приезд Янки и Ани, тем временем я проворонила еще и политическое событие. Обе мои приятельницы приехали во время еврейской

эмиграции.

Не собираюсь нарываться на пламенные тирады и ответные филиппики, тем более касательно еврейской эмиграции ссорилась с Алицией уже и раньше. Ярая противница всякого расизма, она поверила пропаганде и скандалила насчет дискриминации евреев в Польше.

— Еврейского ребенка не приняли в вуз! — четко рубила она.

— Идиотка!!! — орала я. — Одного еврейского ребенка!!!.. А посчитай, сколько католических детей не приняли в вузы!!! Демографический пик как раз кончает школы!!!

Янка ужасно переживала, в Дании собиралась навестить знакомого эмигранта. Еврейские эмигранты жили на «Скибете» — этот пароход стоял в канале, не помню, на какой улице. Мы пошли все втроем, знакомый уехал из Польши с семьей, и Янка привезла из Варшавы шоколад для бедного еврейского ребенка. Я пошла с ней на «Скибет» из любопытства, Аня осталась на улице.

Выглядело все ужасно, люди сидели на узлах, совсем как беженцы в военных фильмах, но работала нормальная гостиничная администрация, а в ней обворожительный молодой человек.

О молодом человеке много чего я узнала позже, ибо как раз на «Скибете» и именно в это время началась неслыханно романтическая история замужества Малгоси, племянницы Алиции. Малгося училась в Академии художеств и начала уже писать картины, приехала в гости к Алиции, по какому-то поводу побывала на «Скибете», возможно, навестила знакомых, увидела молодого человека из администрации, и гром среди ясного неба поразил ее. Влюбилась по гроб жизни.

Молодой человек реагировал позитивно — Малгося была хороша собой, амуры подействовали, и дело двинулось. Однако не без осложнений. Молодой человек, по имени Дидье (в администрации говорил по-датски на удивление хорошо), заключил пари с приятелями: на пять лет уехал из Франции, каждый год будет проводить в другой стране и везде выучит язык. Отказаться от пари не входило в планы. Данию уже отработал, собирался ехать дальше, в итоге Малгося очутилась в Японии, а Дидье овладел энным количеством языков. В совершенстве говорит по-французски, по-датски, по-шведски, по-польски, по-английски, кажется, знает японский, итальянский, испанский и, возможно, разные экзотические наречия. Сомневаюсь, владеет ли венгерским, но, если говорит по-фламандски, иностранных языков для него больше не существует. Не помню, где и когда они поженились, сдается, по пути куда-то, сейчас живут во Франции и имеют двоих детей.

Возвращаюсь к Янке; мы обе сошли с парохода, я более или менее нормальная, она — пылающая багровым румянцем, с безумным взглядом и трясущимися руками.

— Дура, — зашлась она от возмущения. — Кретинка… Я от всего сердца… Можете дать мне по морде… Из Польши везу шоколад для бедного ребенка!.. Дайте сигарету…

Во множественном числе она обратилась ко мне, так как Аня не курила. Бедный эмигрант, утопающий в швейцарских деликатесах и сластях, перед приездом в Данию три месяца отдыхал вместе с семьей в Милане. Переводчик с нескольких языков, он пока не работал, ибо, понимаете ли, невыгодно; размышлял, куда направить стопы и в какой стране лучше остаться — мир перед ним весь открыт. Так выглядела нищета угнетенной личности.

Из чувства справедливости расскажу еще одну историю. С эмигрантами я встречалась в изобилии, ибо Иоанна-Анита принимала их у себя гуртом, некто пан доктор-стоматолог искренне признался:

— Знай я, как тут надо вкалывать, ни за что бы не уехал!

В Польше имел четыре работы в качестве консультанта, специалиста высокого класса, работал часа два в день. А здесь вынужден был отрабатывать восемь часов в поликлинике изо дня в день — сущая каторга! К таким ужасным условиям не привык. Я в растерянности смотрела на тучного блондина с голубыми глазами и славянской физиономией — Боже помилуй, какой же он еврей?!.. Вскоре выяснилось, не еврей, а жлоб, христианин и католик от деда-прадеда, уехал с женой-еврейкой. Успели пожить в Испании.

— Барселона! — говорил он небрежно-презрительно. — Подумаешь, тоже мне, город! И чего орут, тот же Груец, только что с аркадами…

Зато жена, нейрохирург, блестящий профессионал, обаятельная, симпатичная женщина, много и самоотверженно работала в больнице, делала операцию за операцией и была в восторге от условий работы и заработка. Жлоб ничего не делал, только носом крутил, жаль такой женщины для этого скота. Как видите, мой антисемитизм подкачал…

После Ани и Янки, естественно, приехал Войтек, но ангельская уступчивость у меня уже испарилась безвозвратно, брюки я ему не купила. Зато позволила выиграть в кости пальто из верблюжьей шерсти, чего Алиция до сих пор не может мне простить и время от времени попрекает. Самые мои наихудшие подозрения подтверждались, и разум твердо диктовал, что следует делать. Чувства же протестовали, и не стоит требовать от

меня слишком много, хоть какие-нибудь женские черты должны же и во мне отозваться. Все женщины в этом отношении дуры, разве я попрекаю Алицию Янеком?..

Во время второго пребывания в Дании я побывала на двух выставках, весьма контрастных, но равно потрясающих. Первая — «Домики на одну семью для миллионеров», а вторая — «Порно-69». Домики сократили мне жизнь на несколько лет: становилось не по себе, давило под ложечкой, горечь и желчь прямо-таки клокотали во мне. Окна открывались произвольно — вертикально и горизонтально, одним пальчиком субтильная девица поднимала дверь в гараж, ванные в пастельных тонах, вода меняла цвет в зависимости от температуры, о мебели и не говорю. Сегодня все это довольно широко распространено, а тогда появилось впервые — верно, специально, чтобы меня доконать. Окна в моей квартире открывались не иначе как с помощью мощной отвертки и требовали при этом недюжинных сил, неосторожно задетая форточка вылетала во двор, а уж закрывать окна… на это требовался культурист в хорошей форме. Труба из газовой колонки регулярно вываливалась в ванну, а бачок постоянно подтекал.

Выставка «Порно-69» оставила впечатление противоположного свойства. К порнографии я привыкла и перестала ее замечать, ею набиты все магазины и киоски, но первый шок проходил быстро. Как-то, возвращаясь из нашего посольства, я стояла на остановке в Хеллерупе и ждала автобуса, рассматривая ближайшую витрину. Заинтересовали авторучки — разнообразные, яркие, довольно занятные, и только когда подошел автобус, опомнилась — все время глазела на экспозицию мужской порнографии, чего совсем не заметила!

Еще во время моего первого пребывания в Дании мы с Войтеком и с Мартином отправились как-то на стриптиз, довольно дешевый и низкосортный, на лучший пожалели денег. Очаровательно! Я сидела между панами, Войтек еще время от времени похохатывал, а Мартин все номера переждал с закрытыми глазами. От толстенной негритянки он просто застонал.

— Не ушла еще? — спрашивал он умирающим голосом.

— Нет, все еще тут, — сочувствовала я.

«Порно-69» оказалось еще хуже. Не говорю даже об увеличенных снимках, представлявших нечто, что поначалу никто не мог разобрать, — то ли фрагмент уха, то ли мозоль на пятке. Все остальное выглядело нагло, грубо, без малейшего обаяния. Заинтересовалась я одним эпизодом из фильма, сексом занималась группа из трех человек — две девицы и парень.

Парень работал с одной девицей, вторая сидела на корточках позади него и выглядела так, будто обдумывала — не укусить ли его за ягодицу. Я даже подождала — укусит или нет?.. Не укусила, не стоило и смотреть.

Затем я начала рассматривать публику, присутствовали преимущественно мужчины, и у всех до одного преобладало выражение обалделой гадливости. Один поляк, уходя с выставки и старательно глядя в другую сторону, сообщил, что с месяц не сможет взглянуть ни на одну женщину…

Порнографию в Скандинавии ввели и распространили из сугубо практических соображений. Резко упал естественный прирост населения, с помощью порнографии намеревались противостоять сексуальной холодности мужчин. Замысел не выдержал проверки, темперамент не возродился, а секс опротивел вконец. Дабы интенсифицировать потенцию, применили таблетки, таблетки якобы подействовали, но имели побочные свойства — продуцировали близнецов. Получив такую информацию, я внимательно понаблюдала за детьми, и — Господи помилуй! — действительно, на три коляски две с близнецами!..

В самом конце моей жизни в Дании я начала писать, уже весной, *«Что сказал покойник».* Это единственная книга, предварительно продуманная целиком, и все благодаря хождению пешком. Ежедневно пешком на работу и домой, а дважды в неделю ездила в Шарлоттенлунд, где до ипподрома приходилось совершать интенсивную пробежку через лес. Заняты были ноги, голова свободна, образы так и обгоняли один другой.

Разработала почти всю интригу, когда ни с того ни с сего в письме к Ане, сразу с первой страницы, без всяких объяснений и от первого лица перешла к тексту произведения. Письмо на шести густо исписанных страницах Аня получила, конверт был вскрыт и снабжен печатью «Без пошлины». Мне дело представилось так: обалдевшая цензура растерялась — как подобное квалифицировать… Под вторую страницу я уже подложила копирку, так единственный раз в жизни изготовила для издательства нечто вроде предварительного конспекта.

Пришло время возвращаться домой. В Дании прожила почти полтора года, конъюнктура явно ухудшилась, труднее приходилось с работой, а я снова соскучилась по жизни на родине. Деньги на очередную машину накопила, но с начала текущего года в Польше повысили таможенные налоги на привозные автомобили до астрономической тогда суммы — сто пятьдесят злотых за килограмм. Столько заплатить я не могла, отказалась от покупки машины и поехала поездом. Здесь-то и

разыгралась умопомрачительная кутерьма…

Уезжала я вечером, билет спальный. В день отъезда к фру Харребю приехала Алиция и помогла мне паковаться. В семнадцать часов пятнадцать минут мы обнаружили — моих чемоданов не хватает и на половину вещей.

Прямо напротив окон по другую сторону улицы находился магазин с чемоданами. Нет чтобы спохватиться на полчаса раньше!.. Теперь уже ничего не поделаешь. Фру Харребю, сжалившись, отдала мне два своих старых чемодана, которые собиралась выкинуть, и разрешила тару не возвращать, а выбросить на свалку в Польше. Алиция тоже привезла два чемодана, три принадлежали мне, из них один — священный.

Что-то давненько не было отступлений, так что имею право восполнить пробел. Долгие годы я разъезжала с единственным чемоданом, тем самым, из свиной кожи, с которым во время оккупации бежала по зимней, смерзшейся комьями пахоте. Красоты чемодан лишился уже век назад и даже без содержимого своей тяжестью чуть не отрывал руки. Впервые в жизни я позволила себе купить чемодан в Копенгагене, восхитительный, черный, прекрасной формы и вообще шикарный. Этот чемодан сделался для меня символом новой жизни, финансовых успехов и всяческой цивилизации.

В Варшаве Ежи однажды попросил одолжить чемодан на какую-то молодежную вылазку. После отказа услышала разговор моих сыновей.

— Ты, а безумие — это как? — спросил Роберт.

— Попроси мать одолжить тебе ее священный чемодан, тогда поймешь как, — мрачно откомментировал Ежи.

Так вот, священный чемодан я купила еще в первый раз, потом докупила остальные и сочла себя вполне обеспеченной дорожными принадлежностями. Ошиблась, совсем даже не вполне.

Багажа набралось девятнадцать мест. Семь чемоданов, постель в упаковке моей работы, одна большая пластиковая сумка, в которой носила стирать белье, девять больших хозяйственных сумок для магазинов и зонт. Перед отъездом я написала письмо Терезе. Само собой, забыла отправить. Письмо отличалось вольным духом, ибо в легкомысленных капиталистических странах занимаются другими делами, а не личной перепиской своих граждан, и потому собиралась отправить его из Дании.

— Дай мне письмо, я опущу в ящик, ведь забудешь, как пить дать, — предсказала Алиция.

— Да зачем, — беззаботно ответила я. — На вокзале у нас

прорва времени, успеем.

Конечно, Алиция оказалась права, про письмо на вокзале я снова забыла. С трудом разместилась в купе, возбудив некоторую сенсацию своей шляпой. Приобрела шляпу вместе с Аней и Янкой — черная, с большими полями, под Грету Гарбо, — мне очень шла и обращала внимание. Уехала.

В Берлин прибыли в половине восьмого утра. Поезд стоял неимоверно долго, я вспомнила про письмо.

— Сколько мы еще простоим? — спросила у проводника, выходя из вагона.

— Пять минут, не больше, — сообщил он.

Я и в самом деле не понимаю, почему в Европе тогда ходили русские поезда с русскими проводниками, но факт есть факт, ничего не могу поделать. Я слегка смутилась: хочу-де отправить письмо, а у меня нет немецких денег на марку. Проводник оказался с добрым сердцем, одолжил мне двадцать пфеннигов, я отправилась к киоску на перроне и пустилась в разговоры. Продавец в киоске говорил по-французски, марку мне продал, сообщил — до почтового ящика далеко, подземным переходом бежать через два перрона, могу оставить письмо ему, он отправит. Я поблагодарила, сразу сообщаю: письмо опустил, Тереса его получила; вышла я из-за киоска и увидела хвост моего уходящего поезда.

Припустила было спринтом, но поезд явно обгонял. Пришлось отказаться от спортивных состязаний и начать лихорадочно соображать.

Во-первых, все черт те как смешно. Во-вторых, вообразила сцены на границе, где обнаружат багаж без пассажира, который при подозрительных обстоятельствах остался в Берлине. В-третьих, живо ощутила утрату имущества, добытого полуторагодовой работой. В-четвертых, мелькнула здравая мысль насчет такси, но немецких марок не имела вообще, а самые мелкие купюры — датские сто крон и американские пятьдесят долларов. Единственное утешение и Божий промысел, что в восемь утра не вышла из вагона в халате и тапках, а оделась и взяла с собой сумочку.

На перроне встретила железнодорожника, говорящего по-польски. Он взволновался моим положением, побежал со мной к кассе обмена валюты, умолил бабу в окошке обменять так, чтобы хватило на такси до Франкфурта-на-Одере. сдачу дала мелкими долларами, железнодорожник остановил «Волгу» и объяснил проблему водителю. И мы рванули в погоню за поездом.

По пути я разговорилась по-немецки. «Schneller, schneller» [33] выговаривала вполне решительно и даже расширила диапазон:

— Sie sind Idiot [34], — оповестила я его.

— Ich? [35] — изумился водитель.

— Ой, нет, — спохватилась я по-польски и посчитала на пальцах. — Сейчас. Ich, du, er… Er ist Idiot! [36]

Несколько километров заняло выяснение проблемы, кто же все-таки идиот. Я имела в виду начальника станции, отправившего поезд без меня. По-видимому, я говорила еще кое-что, водитель с первой до последней минуты хохотал без умолку, но мчался будто на автогонках. Во Франкфурте мы были через пять минут после ухода поезда. Остановились на площади перед вокзалом, к нам бросились люди, спрашивая, не я ли diese Dame [37]. Я подтвердила: кто же еще мог быть diese Dame, кроме меня. Появился таможенник и объяснил — поезд ушел, но мой багаж остался. Другой таможенник, проверявший паспорта, находился как раз в последнем вагоне, собственными глазами видел мой спринтерский бег и догадался обо всем. Во Франкфурте велел девушке, ехавшей со мной, выйти из купе со всеми ее вещами, все остальное выгрузил с истинно немецкой дотошностью. Я вновь обрела все мое достояние вплоть до окурков из пепельницы и остатков минеральной воды в открытой бутылке. Все девятнадцать мест лежали кучей в запертой на ключ комнате таможенного контроля. Пирамиду венчала моя несколько помятая шикарная шляпа.

Первое, что я сделала, — сняла с вещей и нахлобучила на себя шляпу: голова показалась мне более подходящим местом для такого роскошного головного убора. Только после этого приступила к мыслительному процессу.

Ближайший поезд на Варшаву только вечером. Отпадает, семья о моем приезде извещена, явятся встречать, меня нет. Забеспокоятся, позвонят Алиции. Алиция поклянется — лично утрамбовала меня в прямой вагон Копенгаген — Варшава и я уехала на ее глазах. Что может случиться с человеком, едущим в вагоне без пересадок?..

Самое главное — моя мать, я ничуть не сомневалась, в чем она тут же будет уверена: утонула в море во время переправы паромом; упала из вагона, прямо из окна, и мои размазанные останки валяются на железнодорожным полотне в неопределенном месте; посажена в каземат на границе по неизвестным причинам. Придумает она все это и свалится с печенью, отравляя жизнь всем остальным членам семейства. Этого допустить нельзя, необходимо сейчас же позвонить в Польшу!

Из Франкфурта позвонить не удалось, опять не хватило денег, заплатила за такси, и осталось у меня десять марок

пятьдесят пфеннигов. Сколько стоит разговор, сколько придется ждать, никто поручиться не может. Выхода нет, надо ехать на родину. Отечественных злотых тоже не Бог весть сколько, всего двадцать три злотых пятьдесят грошей, но у себя деньги не проблема.

— Ich muss gehen nach Poland! [38] — энергично и, пожалуй, довольно неделикатно потребовала я.

Пожалуйста, «gehen» сколько угодно, виза транзитная, документы в порядке, никаких препятствий, идите в любую минуту, Польша рядом.

Я поспешно сменила мнение и начала выкрикивать:

— Ich muss fahren nach Poland! [39]

Ну а с «fahren» уже труднее. Замялись — чем ехать? Я потребовала такси. Таможенники глянули на багаж и выразили опасение — в такси, пожалуй, не влезет. Но ведь есть и пикапы, и я продолжала требовать «fahren nach Poland». Каким-то чудом заказали пикап, не знаю, кому удалось, но занимались мною абсолютно все служащие таможни.

Такси мы ожидали вместе с дружественным таможенником, я разгуливала по кошмарному франкфуртскому вокзалу в элегантном платье-костюме, в новых туфлях из змеиной кожи, в длинных перчатках и черной шляпе и возбуждала всеобщее любопытство. Оглядывались на нас все, советские солдаты даже шли задом наперед, лишь бы не потерять меня из виду, люди останавливались, вокзальные служащие бросали работу и глазели на непривычную картину. Таможенник никак не мог решить, не то гордиться моим обществом, не то сгореть от стыда, бормотал что-то невразумительное — меня, мол, здесь считают кинозвездой.

В конце концов он решил свою дилемму, попросту сбежав от меня. Правда, перед этим договорился с носильщиками насчет погрузки багажа. Такси прибыло, носильщики ждали, перетащили всю мою тяжелую амуницию, я дала им два доллара, вроде остались довольны, в свою очередь информировали водителя пикапа. Сообщение насчет меня передавалось эстафетой: ясное дело, едет дура, языка не знает.

Водитель пикапа ужасно шепелявил, но ехать в Польшу согласился.

При въезде на мост нас задержал солдат. Все осмотрел и заявил, я могу отправляться дальше, ко мне претензий нету, транзитная, ну а водитель останется тут. Границу не перейдет.

Взглянула я на мост и сразу представила себе весь наш пограничный пост, сбежавшийся поглазеть, как нечто тремя частями ползет по мосту, а как еще можно переволочь

девятнадцать мест? Картина показалась мне столь несимпатичной, что с разбегу я ощутила прилив нечеловеческих умственных резервов и заговорила по-немецки. Вымолила у пограничника разрешение проехать пикапу со всеми «местами», получение такого разрешения потребовало многочисленных звонков, писания всевозможных бумаг и, сдается мне, разрешение воспоследовало просто по необходимости выдворить из страны неудобоваримого гостя, во всяком случае, мы поехали.

Стоил мне этот пикап как раз десять марок пятьдесят пфеннигов, баба в обмене валюты оказалась просто-таки провидицей, в порыве эйфории я попыталась всучить водителю еще один доллар, он перепугался насмерть, так что едва не удрал пешком, бросив свою машину. Пришлось оставить его в покое, вылезла я на нашей стороне, счастливая — наконец-то у себя, лучезарная и радостная; таможенница передо мной проверяла чей-то автомобиль, я радостно бросилась к ней:

— У меня тут багаж. Добрый день, пани, я как раз въехала, что мне теперь делать?

Она подняла голову и посмотрела на меня. Возможно, мой энтузиазм — явление на границе редкостное.

— Вы едете машиной? — осведомилась она.

Я несколько сбилась.

— Нет, знаете ли, еду поездом…

Поскольку находилась я на автомобильном пункте таможенного контроля, сообщение прозвучало странновато, железнодорожная линия далеко.

— Не понимаю, что вы хотите сказать? — заколебалась таможенница.

— Ох, боюсь, я тоже не понимаю…

— Она разрешила проблему подобно немецкому таможеннику.

— Знаете, сперва пройдите паспортный контроль…

Я последовала ее совету. В это время водитель

пикапа выскочил и побежал к нашей погранчасти — ему ведь было велено сообщить обо мне. Весь взъерошенный из-за доллара, он пытался объяснить, в чем дело, — дама отстала от поезда в Берлине и потому так странно добралась до границы. От волнения он начал шепелявить сильно, и наши поняли так: везет он труп. То есть покойника. Дело житейское, всякое случается, спросили, запломбирован ли. Ответил — нет, какое там, много всего, к тому же мелкими частями.

Это уже показалось подозрительным. Обалделые таможенники начали лихорадочно соображать, где случилась ужасная катастрофа, почему им ничего не известно и кто эти

мелкие части покойника собирал, вылетели они из помещения на улицу и узрели меня в черной броской шляпе. Все подтверждалось: вдова везет тело покойника мужа, ладно, но почему все-таки частями?!!!..

Уже после всех выяснений и объяснений обещали на ближайшие двадцать лет запомнить меня и приглашали приезжать почаще — такого развлечения что-то не упомнят. Напоили меня кофе и купили колбасы. А таможенный досмотр совершенно растрогал меня: разнокалиберная кладь, сваленная у подъезда, походила на цыганский табор, таможенница к нему даже не подошла, выглядывала из окна и начинала хохотать, корректируя некоторые пункты таможенной декларации.

От одной пожилой особы для другой пожилой особы я везла луковицы и корневища растений, выкопанные в саду у Алиции. Вписала полтора килограмма.

— А вы взвешивали? — осведомилась таможенница.

— Да что вы, какое там, на глаз…

Попробовала мою ручку на клочке бумаги.

— Вы этим писали?

— Ага.

— Ну так замените единицу на ноль, разрешается до одного килограмма.

Затем без особого интереса осведомилась, есть ли новые вещи. Из-за всей этой кутерьмы вези я живого слона, и то забыла бы про него. Естественно, везла много новых вещей, а вспомнила про одну.

— Знаете, — посетовала я грустно, — все перезабыла, помню только про большой пластмассовый малинового цвета горшок для младенца. Не мой, гарантирую, совсем новый…

Отцу позвонила в кредит — двадцати трех злотых и пятидесяти грошей на разговор не хватило. Он один находился на службе, остальных где-то носило. К счастью, хоть его застала.

— Папа, я в Швецке…

— Где ты? — изумился отец.

— В Швецке.

— А почему в Швецке, где это?

— На границе.

— Ты же едешь поездом. Зачем вышла в Швецке?

— Так просто. Я вовсе не вышла.

— А почему там оказалась?

— Господи прости, все равно. Отстала от поезда в Берлине и еду другим путем.

— Ничего не понимаю…

— Неважно. Потом объясню, а теперь слушай и запоминай.

Правда, немного сложновато…

Мне наконец удалось упорядочить свои намерения и объяснить отцу, что приеду в Варшаву каким-нибудь поездом из Познани, не знаю каким, времени прибытия тоже не знаю, на какой вокзал, тоже не знаю, но все семейство пусть встречает, у меня пропасть вещей. Ошарашенный отец, так и не уразумев моих странных капризов, обещал все выполнить.

Затем мне взяли такси марки «Варшава», багаж поместился, и я доехала до Познани. В Познани варшавский поезд отходил вот-вот. Повезло — носильщики околачивались без дела, не только галопом перенесли мое достояние, успели по дороге извлечь меня из поезда на Рачибож, куда я настырно лезла единственно из тех соображений, что поезд очень близко стоял. Свалили они все бремя около уборной и повыскакивали на ходу, на ходу же поймав гонорар. Я всем платила только долларами, и, если учесть все расходы, это оказалась самая дорогая поездка в моей жизни.

На этом несусветная кутерьма не кончилась. Я поискала купе, не загроможденное вещами, и попросила помочь типа, сидевшего у дверей. Молодой человек выглядел симпатично, помог, перенес, часть засунул за полки, а часть пришлось оставить в коридоре — в купе не влезло, после чего пришел другой тип, сел напротив первого, посмотрел на мои «места», заявил:

— Прошу прощения… Я тут сидел и видел, вы тоже сидели, а когда поезд тронулся, вдруг вижу: вы идете и несете два чемодана… И опять несете два чемодана, а поезд идет. Господи Боже, думаю, и откуда у этого человека так много чемоданов, из других купе или как?.. Я собирался было вам помочь поначалу, да засомневался… Извините, пожалуйста…

Пришел проводник и долго не мог уразуметь, почему с международным билетом я еду внутрипольской трассой. Но билет оплачен, к тому же датскими кронами, высадить меня из поезда не удалось. Зато доплачивала за багаж: количество превышало все допустимые нормы на одно лицо. Долларов не взял, поехала в кредит.

Семейство поджидало меня, рассредоточившись по всем вокзалам, ибо поезда из Познани приходили в разное время и на разные вокзалы, и едва не оставили они меня со всем скарбом на волю Божию — вышла я в этой треклятой шляпе, и родная мать меня не узнала. Пошла уже с вокзала, убежденная, что дочь не приехала, я высмотрела ее издалека и чудом успела догнать.

А самое удивительное — все мои пожитки влезли в горбунка. А вот для пассажиров места не осталось.

Я ведь всегда подмечала: только поезда меня не любят…

* * *

Сразу же после моего возвращения начались сцены мерзкие и мучительные.

На вокзале — Войтек ждал на стоянке — я сказала:

— Рада тебя видеть.

— Да что ты говоришь? — ответил он.

Primo, сидел в машине, не вышел мне навстречу, и вовсе не потому, что был плохо воспитан. Secundo, я сказала правду. Tertio, с такими словами я могла обратиться ко многим людям, и «да что ты говоришь» могли мне ответить Аня, Петр, Алиция, Ежи, Эва, мой экс-хахаль, Люцина, Мартин и многие другие. И прозвучало бы это шутливо, доброжелательно, весело, растроганно, по-разному, но всегда позитивно. «Да что ты говоришь» в устах Войтека ядовито кусалось.

Возможно, такой ответ стал последней каплей, и я потеряла терпение, да и по всему видать, время приспело. До меня дошло — обманывал он меня во всех отношениях и во всех сферах безобразно, от подробностей не уклонюсь. Кадрил не только чужих баб, но и моих приятельниц, а уж это бестактность неприемлемая, и наконец-то я поняла, этот человек совсем меня не любит.

Ладно, не любит так не любит, где записано, что обязан любить, но в этом случае зачем мне сосед по квартире? Я понимала, легко мне от него не отделаться, и пустилась на подкуп. Потребовала серьезного разговора.

— Ты недооцениваешь Зосиной глупости, — объявила я вежливо и ядовито. — Она проговорилась, ты с ней спишь. Пожалуйста, спи с кем угодно, только подальше от меня, ибо я брезглива. Живи где-нибудь в другом месте. Наслышана, у тебя долги, я заплачу твои долги…

Я положила на стол сто долларов. Войтек надулся.

— Подумаешь, сто долларов, меня это не устраивает.

— Ну что ж, насильно мил не будешь, — я забрала деньги и завелась. — Устраивайся сам. Была бы честь приложена, а там как знаешь. Ты прекрасно осведомлен, машину купила я, черт с ней, отказываюсь от машины. Если выедешь завтра со всеми потрохами и инвентарем, забирай горбунка.

— Завтра не успею.

— Если не завтра, горбунка на получишь.

Подумал, поторговался и согласился на предложенный вариант. На следующий день удалился смертельно оскорбленный, явно ожидая: верну его с порога. Но даже моя дурость не

бесконечна. И я не поверила, что ему придется спать под мостом.

Через полчаса мне сообщили: новое местожительство давно предусмотрел, устроился у своей постоянной любовницы. Пассия его жила в том же доме, где мои знакомые, приезжал к ней, псякрев, машину беззаботно оставлял под окнами на всеобщее обозрение и делал из меня полную идиотку. Это уж слишком, я позвонила Ане.

— И ты отдала ему машину? — с ужасом осведомилась Аня. — Ошалела совсем? На каком основании?!..

Я вышла из ступора, умственное затмение прошло, глупенькое благородство улепетывало свинячьей трусцой, проливая слезы стыда. Признаюсь в этой глупости сама, дабы никто не мог шантажировать угрозой рассказать о моем позоре. На следующий день позвонила в прокуратуру и потребовала разговора. Войтек охотно согласился явно в надежде на мольбы о прощении.

Почему-то поехали в кафе в аэропорт Окенче, сейчас только догадываюсь: город был битком набит его обманутыми зазнобами и в ближайшем кафе боялся кого-нибудь встретить. К разговору я отлично подготовилась.

— Я передумала. — Сообщив это, я уселась за столик. — Оказывается, ты устроился в жизни великолепно и в моих услугах не нуждаешься. Я не требовала вернуть деньги за «шкоду», горбунка тоже купила на собственные деньги, к тому же заплатила половину пошлины. Ты пользовался машиной более двух лет. Теперь буду пользоваться я. Перерегистрируешь и доставишь машину завтра.

— Нет, — ответил Войтек.

Мегера во мне взвилась и с триумфом брызнула ядом.

— А у меня тут бумажка, — холодно и безжалостно сообщила я, предусмотрительно откопав документ в своих залежах. — В ней черным по белому написано, ты взял у меня взаймы тридцать тысяч злотых и не только не вернул мне, но и не декларировал займа в финансовом отделе. Я с удовольствием положу эту бумажку на стол судье.

Войтек побледнел.

— Это шантаж! — возмутился он.

— Шантаж, — охотно согласилась я. — Единственный способ справиться с тобой.

Выторговал вернуть машину в понедельник, через три дня, собрался отвезти вещи к семейству в Лодзь. Я уступила. В понедельник не объявился, я опять позвонила в прокуратуру, подъехала к суду, вышел, отдал одни ключи и регистрационное свидетельство.

— Вторые ключи, — потребовала я холодно.

— Вторые отдам после.

— Очень хорошо. Сейчас же еду на шестой этаж к твоему шефу и спрошу у него, кто из нас прав…

В том-то все и дело, что Войтек прокурор. Существовало правило: в случае займа с тридцати тысяч начинается приобретение имущественных прав и с заимствованной суммы следовало платить налог. Обычный человек мог и не знать, не доглядел, и все тут, в случае чего заплатил бы налог со штрафом и процентами, больше ничего не грозило. Иное дело прокурор. С грохотом вылетел бы со службы, а прокурору, выброшенному с работы, легкая жизнь в будущем уже не грозила — вынужден был бы отказаться от профессии. Войтеков шеф имел легкий бзик на пункте законности, и моя жалоба вызвала бы ужасные последствия. К тому же у Войтека и раньше случались мелкие неприятности: продавая «шкоду», он конфликтовал с покупателем — упрямым мельником, и сейчас одна пушинка могла бы переломить хребет верблюду. Глубоко убежденная, что поступаю по-свински, я тем не менее использовала все, и Войтек сдался.

Уехала я от прокуратуры, и меня начала донимать мысль о финансовом отделе. Вспомнила ту странную сцену, когда ко мне придирались насчет горбунка. Почему ко мне и откуда вообще я, когда официально машину привез Войтек? Что за бардак там у них?..

Меня одолели подозрения, решила выяснить дело, а при подходящем случае устроить скандал и разрядить обуревавшую меня ярость. К тому же узнаю, как перерегистрировать машину.

В финансовом отделе легко выяснилось, что таможенный контроль вовсе не на его, а на мое имя. Меня это потрясло. В таможенное управление я отправилась уже заряженная прямо-таки нуклеарной силой: со свечой — как раз отключили электричество — и в послерабочее время в архиве нашли мои документы, получила копии. С разгону и в состоянии все возрастающей ярости поехала в транспортный отдел, где случайно не было клиентов и чиновница скучала одна. Я выложила все бумаги.

— Вот купчая на машину из Гамбурга на мое имя, — начала я вежливо и холодно. — Вот таможенная декларация на мое имя. Здесь справка из финансового отдела. Хочу знать, на каком основании вы оформили регистрационное свидетельство на имя пана прокурора? Вам предъявили другую купчую или дарственную?

Баба взглянула и позеленела. Регистрационное свидетельство Войтека исчезло вдруг со стола, я полагаю, баба его просто

разжевала и проглотила. Прощения у меня просила дрожащим голосом и умоляла не идти с этим делом дальше — какое там дальше, не хочу дальше, хочу только машину!..

Руки у нее дрожали, когда выписывала новое свидетельство, я даже растерялась, потому как была настроена отвоевывать свои права. Ничего не понимала, и вдруг прозрение: Войтек козырнул доверенностью, которую я дала ему еще в Копенгагене на провоз в Польшу и пользование машиной, убедил бабу, так, мол, проще, меня нет, он ездит, ну и лучше писать на него. По-видимому, она сомневалась и боялась мошенничества, да ведь уговаривал-то ее прокурор! Использовал служебное положение!

Облегчение я испытала райское. До сих пор грызла себя — обижаю человека, отказываюсь от обещания, отбираю у него машину шантажом, выступаю этаким моральным подонком и полной свиньей и вообще преувеличиваю со своими безответственными претензиями! И вдруг выяснилось — вполне нормально и законно получаю свое имущество, защищаясь лишь от грубого обмана, и в кои-то веки поступаю разумно.

На следующий день позвонил Войтек и потребовал свой зонт. Оставил по ошибке. Я взаимно потребовала вернуть полотенце, то самое, бежевое, купленное для Ежи в Копенгагене, которое забрал, верно, тоже по ошибке. Договорились встретиться во вторник после полудня на Польной.

У меня как раз была Янка, и мы поехали вместе. Войтек подошел к машине, отдал полотенце, взял зонтик.

— Официально заявляю — не дам согласия на перерегистрацию машины на тебя.

— Поцелуй меня знаешь куда… — вежливо ответила я и уехала.

Янка сидела рядом, окаменев. Всю эту регистрационную историю я успела ей рассказать.

— Знаешь, — с ужасом сказала она, помолчав минуту-другую. — Только теперь впервые поняла, какой он бессовестный!

Я пожала плечами — что тут скажешь. Очаровательный прохвост. Не уверена только, сам одурел или меня считал безграничной идиоткой. Или в голову не пришло, что жульничество все равно когда-нибудь вскроется?..

Легко угадать, откуда взялся конец в книге *"Что сказал покойник"*. Войтек со мной не здоровается, а все остальное о *«Покойнике»* — в следующем томе…

notes

Примечания

1

Перевод с польского В.С. Селивановой.

2

От польского сокращения BZ (blankiet zarobkowy) — зарплатная ведомость. — *Здесь и далее примеч. перев.*

3

Перевод с польского И.Н. Колташевой.

4

Этот роман Яна Потоцкого (1761–1815) отличается многочисленными отступлениями и вставными новеллами, которые в целом создают причудливую композицию.

5

Владислав Ягелло (ок.1351–1434 г.) — великий князь литовский, с 1386 г. король польский.

6

Ядвига (ок. 1374–1399 г.) — королева Польши с 1384 г. Заключив династическую унию с Литвой, вышла замуж за Владислава Ягелло в 1386 г.

7

Времена *(лат)*.

8

Нравы *(лат*).

Через посредство, по доверенности *(дат.)*.

10

Выездная полицейская команда *(нем.)*.

11

Фактически *(лат.)*.

12

Кстати *(франц.)*.

13

— Это слишком много.
— Но это очень хороший!
— Но у меня нет денег *(нем.)*.

14

Что-нибудь холодное попить (*нем.*).

15

Я хочу с тобой спать! *(искаж франц.)*.

16

— Немка?
— Нет, не немка! Полька! *(итал.)*

17

В Польше вялый темперамент *(итал.)*.

18

Не хочу кататься на море! Не хочу Таормину ночью! Не хочу твоей любви! *(искаж. итал.)*

19

Невежливая *(итал.)*.

20

Польский темперамент — сицилийский темперамент! *(итал.)*

21

Синьора, пять дней, восемь дней… карабинеры *(итал.)*.

22

Италия очень красивая. Пожалуй, останусь еще немного *(итал.)*.

«Мама моя» и «мерзкая свинья» *(итал*).

Вы говорите по-английски? *(англ*).

25

Вы говорите по-французски? *(франц.)*

26

Вы говорите по-немецки? *(нем.)*

«Даблью си», «ноль-ноль» — обозначения уборной.

28

Теплая свинья, пожалуйста *(искаж. нем.)*.

29

Незаинтересованность, равнодушие *(франц.)*.

30

Конец XIX века *(франц.)*.

31

Польский народный танец.

32

Магазин Севера *(франц.)*.

33

Быстрее, быстрее *(нем.)*.

Вы идиот *(нем.)*.

Я? *(нем*)

Я, ты, он… Он идиот *(нем*).

37

Эта дама *(нем.)*.

Я должна идти в Польшу *(искаж. нем.)*.

39

Я должна ехать в Польшу *(искаж. нем*).